

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 32(470)
ББК 66.2(2Рос)
Т47

Тишков, Валерий

Т47 Национальная идея России / Валерий Тишков. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 416 с. — (Лучшие медиа-книги).

ISBN 978-5-17-137246-0

Валерий Александрович Тишков (1941 г. рожд.) — выдающийся ученый-историк и этнолог, заслуженный деятель науки Российской Федерации, дважды лауреат Государственной премии РФ в области науки, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, автор многочисленных научных трудов и самый цитируемый в России и в мире российский ученый-гуманитарий.

Есть давние вопросы, которые волнуют многих людей и на которые ищут ответы ученые и политики. Что есть нация, как она создается и какую играет роль в жизни людей и государств? Что есть Россия как страна и как народ: это государство-нация или цивилизация? Наконец, кто мы — россияне и какими мы представляем свою страну и ее желаемый облик? Вопросы строительства национальной государственности и сохранения уникального этнокультурного многообразия россиян определяют нашу внутреннюю и внешнюю политику. Гражданская солидарность, общие историко-культурные ценности, чувство сопричастности с Россией как своей Родиной и патриотизм — основы, которые делают нашу страну и ее народ суверенными и влиятельными в современном мире. Идея России как исторической и социально-политической общности, сложившейся в итоге общих прожитых драм, побед и выдающихся достижений культуры, обосновывается в книге академика Валерия Тишкова во всей ее полноте и сложности.

УДК 32(470)
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-17-137246-0

© Валерий Тишков, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ВВЕДЕНИЕ

О ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДАХ И ИДЕОЛОГИИ

Одна из центральных научных проблем, на решение которой направлены исследовательские усилия российских гуманитариев в сфере социокультурной антропологии, политологии и социологии, заключается в осмыслении динамики культурного и религиозного разнообразия российского общества с целью обеспечения его стабильности и развития. Точнее, исследовательская задача заключается в поиске ответа на конкретные вопросы: *сложный этнический и религиозный состав населения России — это слабость государства и фактор риска или же это обстоятельство не имеет прямого отношения к стабильности и благополучию Российской Федерации и даже, наоборот, составляет ресурс развития? В чем состоит нынешняя «идея России», а именно — каковы смысл и механизмы национального строительства в Российской Федерации?*

Моя книга рассматривает эту проблему в глобальном контексте и в контексте новейших течений общественно-политической жизни России с учетом внутренних и внешних вызовов. Это своего рода пространное эссе на основе поч-

ти 30-летних изысканий, личного и общественного опыта по части понимания России и других культурно-сложных государств. Научная карьера автора сложилась так, что из полвека академических занятий мне три десятилетия довелось совмещать исследовательскую работу с участием в общественно-политической жизни страны, включая уровень государственного управления.

С середины 1980-х гг. автор был заместителем, а затем директором головного академического института в области этнологии, а в 1992 г. некоторое время одновременно входил в состав Правительства Российской Федерации в качестве министра по делам национальностей. В последующем были многочисленные вхождения в состав министерских коллегий, общественных и научных советов ведомств, членство в Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, участие в общественных организациях, не говоря уже о научных разработках прикладного общественно-политического значения. Эти жизненные обстоятельства не только пополняли багаж книжного знания, но и влияли на выбор исследовательских тем, форму изложения текстов. Ныне уже покойные выдающиеся интеллектуалы Эрнест Геллнер и Чарлз Тилли оба говорили мне, что лучше писать небольшие книги, а не толстые фолианты, и что если ученый желает, чтобы его услышали и свершились предлагаемые им перемены, тогда нужно выстраивать отношения с теми, кто принимает решения (decision-makers).

Ситуация сложилась так, что я продолжал писать «толстые» книги, но сопровождавшая их публицистика и прикладная аналитика помогали транслировать идеи и предложения, многие из которых были реализованы. Конечно, не все и не в полной мере, но ученый должен понимать и принимать то обстоятельство, что между наукой и политикой всегда есть дистанция, и не все взгляды и предложения ученого могут и должны быть приняты, тем более в близкой перспективе. Но также нежелательны инертность и равнодушие исследователя к тому, как воспринимаются не только научными коллегами, но и об-

ществом новые идеи и полученные знания о происходящем. Ученый должен обладать пассионарностью в отстаивании своих позиций, но и уметь признавать другие мнения, вносить коррективы в собственные подходы. Важно не впадать в крайности как в выборе теории и метода, так и в практических рекомендациях. *Гибкость без приспособленчества и пассионарность без одержимости — лучшие ориентиры для позиции ученого-гуманитария.*

Мои научные занятия и общественная жизнь пришлось на интересный и драматический период в жизни страны. Это была эпоха крайностей, когда умеренные, непартийные позиции сохранять было непросто, а иногда именно они могли становиться предметом особого неприятия поборников радикальных взглядов и действий. Как однажды сказал мне шри-ланкийский ученый и адвокат Нилан Туричильван (позднее убитый тамильскими террористами): «Меня как умеренного ненавидят обе стороны за то, что я предлагаю примирить конфликтующих в моей стране». «All extremists hate moderates more than each other», — запомнились мне слова Нилана, сказанные им во время пребывания в Шри-Ланке с семинаром по урегулированию конфликтов.

Надо признаться, что и причиной моего добровольного ухода из правительства Б.Н. Ельцина в 1992 г. были похожие мотивы неприятия жесткой партийности, когда Г.Э. Бурбулис напутствовал меня на должность председателя Государственного комитета по национальной политике словами: «Твоя главная задача — искоренять там коммунистическое подполье», а вице-президент А.В. Руцкой предлагал «определиваться» в пользу нарождавшейся тогда антидемократической фронды действующему президенту и его команде. Так что это были не просто мои «стилистические разногласия» с Ельциным, как я это объяснил тогда, но и более существенное расхождение. Я и сейчас считаю, что жесткая партийность не на пользу управлению государством и обществом, а умеренность в политике не есть проявление ее слабости. Как, кстати, и одержимость единством, ибо *при-*

знанное разнообразие (культур, взглядов, программ и правовых норм) — это и есть единство.

Последние десятилетия XX в. были временем глубоких катаклизмов в жизни нашей страны. Это было время верхоушечных политических импровизаций, массовых низовых мобилизаций, смены фундаментальных основ социально-экономического строя и государственного устройства, демонтажа прежних идеологических и морально-нравственных основ жизни. Наконец, 1991 год ознаменовал распад Советского Союза и возникновение Российской Федерации. Конечно, многие российские гуманитарии переживали все эти пертурбации не просто как наблюдатели «замков из слоновой кости», а как непосредственные участники и даже архитекторы многих перемен.

Первые десятилетия XXI в. связаны с руководством страной В.В. Путиным и глубокими социально-культурными и геополитическими трансформациями, когда фактически родилась новая страна или, точнее, страна-Россия родилась заново с новыми экономикой и политическим режимом. В новой России элита и наука оказались заняты драматическим поиском идеи нации, сохранением исторической преемственности и утверждением новой российской идентичности в условиях этнического и религиозного многообразия. Прошло 30 лет жизни после образования Российской Федерации, но образ страны и идентичность народа так и не сложились в полной мере. Это примечательное «отставание», или, как я его называю, *кризис понимания России*, отметил в одном из своих выступлений председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин: «Процесс распада СССР для России стал очень болезненным. Поскольку новая страна, став правопреемницей прежней, настолько радикально изменила государственный, экономический и социальный строй, что она не сумела в полной мере унаследовать и устойчиво воспроизвести прежнюю российскую симфоническую идентичность. Это обстоятельство создает очень много проблем в сфере

Панорама Москвы (здесь и далее фото автора, если не указан иной источник)

государственного управления, в сфере правопорядка и защиты конституционных прав граждан»¹.

И все же в стране *произошел поразительный прорыв от советско-ностальгической идентичности к общероссийскому самосознанию и патриотизму*, явный поворот от межэтнических напряженностей и региональной разобщенности к общероссийской солидарности и гражданскому согласию. Действительно, путь нового нациестроительства далеко не пройден, он переживает паузы и даже моменты попятного движения. Но это не должно обескураживать сторонников российского национального проекта. В такой большой и сложной по составу населения стране, как Россия, всегда будут сохраняться социально-политические разногласия и риски, внутренние и внешние угрозы. Также будет продолжаться вековечный диалог между разными полюсами общественной и политической мысли, начиная с давних споров «западников» и «славянофилов», а сегодня — между консерваторами и либералами, между

¹ Выступление председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30-31.10.2013).

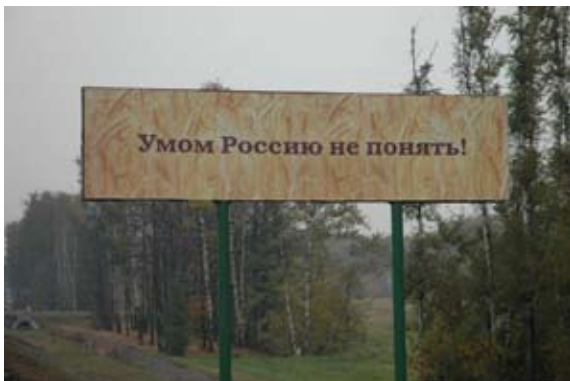
националистами разных мастей и сторонниками гражданского равенства и межкультурного диалога. И в оценке переломных моментов нашей истории, ее ведущих фигур будут сохраняться споры, меняться научные и учебные трактовки под влиянием нового знания о прошлом и современного запроса со стороны политического класса и общества в целом.

Ясно, что между наукой и политикой есть определенный зазор, и установка на «научное руководство обществом» далеко не всегда реализуется в полной мере, по поводу чего привыкли сокрушаться ученые. Но и без научной проработки принимаемых решений политика и управление будут неэффективными и иметь печальные последствия. Хотя, казалось бы, каждое новое поколение пишет свою историю в смысле отбора и интерпретации исторического материала и оценок, но все равно существует отобранное профессионалами достоверное знание, которое составляет основу национального нарратива (исторической версии) прошлого. Игнорировать и подвергать необоснованной ревизии научное знание о прошлом непозволительно как домашним, так и зарубежным интерпретаторам.

Данный подход уважения научных взглядов распространяется и на оценки современного состояния общества, на проектирование его будущего. Здесь также недопустимы спекулятивные крайности на основе псевдонаучного знания, философской схоластики, мифопоэтических и теологических конструкций. Последние ведут к затратным усилиям без позитивного результата. *В общественном дискурсе и в политической повестке могут и даже желательны мечтания, призывы и лозунги, волевые действия и эмоциональный настрой, но «большие проекты», к которым относятся нациестроительство, формирование образа страны и ее народа, на основе только поверхностной публицистики и идеологическом предписании осуществить невозможно.*

Доминирующая в современном обществознании теория *социального конструктивизма* как раз исходит из того, что на основе социальной реальности в результате целенаправленных усилий элит в лице экспертов и политиков пре-

«Умом Россию
не понять»
(фото
М.Б. Лейбова)

творяются в жизнь проекты созидания или разрушения, совершается сам по себе общественный процесс. Этот подход, а точнее — теория познания, о том, как люди формируют **социальные феномены**, включая сами представления о реальности. А реальность эта воспроизводится людьми в процессах ее осмысления и поддерживается за счет социальных взаимодействий. Во взаимодействии люди воспроизводят как своего рода «здоровый смысл» представления о жизненных реалиях, но которые на самом деле не есть что-то заданное изначально, а сконструировано самими людьми в разных ситуациях и в разных целях¹.

Исходя из этого подхода, научные и повседневные знания также являются продуктом договоренности людей. К этому относятся разные понятия и категории, включая те, о которых пойдет речь в книге, — это *нация* и *национальная идентичность*. В принципе, любые человеческие типологии и ценности,

¹ См. подр.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995; Якимова, Е. В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1999. О конструктивизме в политологии см.: Марта Финнемор. «Нам нужно было убедить коллег, что конструктивизм обладает объяснительной силой...» // Международные процессы. Том. 18, №2, апрель-июнь 2020. С. 110–121.

социальные образования, включая государства и институты, воспринимаются людьми как объективная реальность. Такими они и являются, но только эта реальность конструируется, как говорят ученые, *актерами*, т.е. действующими лицами исторического процесса.

Важно, что данный подход противостоит фатализму, историческому детерминизму (т.н. path dependency), политическим манипулированию и импровизациям без учета реальных условий и возможностей. Эта теория противостоит *эссенциализму* — представлению о том, что социальная реальность определяется внеисторическими и независящими от сознания человека сущностями. Однако надо учитывать, что социальные конструкты, лежащие в их основе идеи, порождены и принадлежат определенной культуре или сообществу, и они не всегда могут быть поняты и приняты другими культурами и сообществами. Но многие созданные людьми социальные феномены, как, например, государство и нация, будучи порожденными в одной культуре, обрели глобальное значение.

Социальный конструктивизм имеет определенные ограничения: он не есть безграничная фантазия и выдуманная реальность. Известный ученый Б. Андерсон называет нации *воображаемыми сообществами* (imagined communities)¹, что совсем не означает выдуманные сообщества! Когда речь идет о сфере самосознания, о мире убеждений и ценностей, то здесь условиями и пределами возможностей для социального творчества являются существующая социальная реальность, наследованный актерами ментальный багаж, сложившиеся поведенческие нормы и стереотипы восприятия действительности, инновационные и традиционалистские взгляды, исходящие от разного толка активистов и проповедников.

Противостоящий конструктивизму подход называют примордиальным типом мышления. Это — течение общественной мысли, для которого главными в жизни являются не

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

творчество, инновации и развитие, а опора на прошлую норму и вера в существование неких фундаментальных структур и предначертаний судьбы: от генов до божественных пророчеств. *Примордиализм* в чем-то схож с мессианизмом, будь это американская *Manifest of Destiny* (судьбоносное предначертание нести в мир демократию) или русская идея «третьего Рима» (мировое предназначение русского православия хранить основы христианства). В жизни конструктивизм и примордиализм как два взгляда на реальность и две философии познания пребывают зачастую в причудливых сочетаниях. Примечательно об идее и нациестроительстве высказались российские авторы в одной из книг по этой теме: «Прагматический проект нации апеллирует к примордиализму обыденного сознания масс, но реализует свой проект, следуя рецептам конструктивизма»¹.

С этим положением двойственности, (не)уживчивости двух подходов можно было бы и согласиться, если бы не одно существенное обстоятельство. На стороне примордиализма все чаще выступают не только поборники старых прописей по части «материалистического понимания реальности» и «законов всемирно-исторического развития», но и недавние обладатели купленных дипломов и научных степеней — продукты научно-образовательной атмосферы последних десятилетий. Именно от этой уже довольно многочисленной когорты псевдопрофессоров и самозванных академиков истекает мутный поток идей и заклинаний по поводу России, ее прошлого и будущего. От них исходят призывы выработать «собственные инструменты познания», осуществить «духовную репатриацию современного общества» и т.п.

Узкая компетенция и апломб глобальных суждений, неотойнбистская схоластика и махровая конспирология, изоляционистское мышление досаждают, как никогда, отечественному общественному знанию. Последнее направление можно

¹ *Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.* Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. С. 58.

охарактеризовать как *фундаментализм*, который пребывает на подъеме не только в России, но и в других регионах мира, и он связан прежде всего с религиозными верованиями. Известный религиозный философ Мартин Марти писал, что фундаментализм апеллирует к «людям, неспособным вынести “случайное”, лишенное твердых опор и понятных ориентиров существование, и потому объединяющимся вокруг тех, кто готов предложить им абсолютное, всеобъемлющее, не ведающих сомнений и не признающее исключений мировоззрение». Фундаментализм — это идеология реактивная, реакционная, и этой идеологии «совершенно необходима некая сила, тенденция, некий враг, который мог бы восприниматься как потенциальная или уже вполне реальная угроза, разъединяющая и разрушающая все самое дорогое для данного сообщества». Так называемые фундаментальные ценности «непременно восходят к более ранней, чаще всего — изначальной, чистой и неиспорченной... стадии священной истории соответствующей группы». Эти ценности используются для того, чтобы обозначить границы, привлечь и объединить «своих» и оттолкнуть «чужих»¹.

Фундаментализм сходен во многом национализму, но есть и различия. Как пишет крупнейший историк XX века Эрик Хобсбаум, если фундаментализм (в любой его религиозной форме) в какой-то мере все же «опирается на остатки подлинных традиций, обычаев, обрядов, воплощенных и закрепленных в религиозном культе, то национализм как таковой оказывается либо откровенно враждебным реальному, невыдуманному прошлому, либо возникает на его обломках». Но с другой стороны, у национализма есть другое преимущество перед фундаментализмом: «Сама его неопределенность, отсутствие в нем конкретной положительной

¹ *Martin E. Marty. Fundamentalism as a social phenomenon // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 42. November 1988. P. 15-29* (Цитир. по: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетейя, 1998. С. 276).

программы способны обеспечить национализму всеобщую поддержку в пределах данной группы»¹.

Попробуем разобраться в этом соотношении фундаментализма и национализма с точки зрения обсуждаемой нами идеи государства и нации. Поскольку именно от «православных религиоведов» (помимо зарубежных отрицателей) случился накат на российский национальный проект, приходится уже во введении книги высказать несогласие с нашими оппонентами и некоторыми высокопоставленными позициями. Речь идет о проявлениях антинационального фундаментализма, которые исходят во многом от околоцерковных публицистов, а затем могут отражаться в выступлениях лидеров церкви и в деятельности, например, такой влиятельной организации, как Всемирный русский народный собор (ВРНС).

В своих публикациях и в собственной телепрограмме один из ведущих идеологов ВРНС выступает противником концепции полиэтничной гражданской нации, выдавая ее за чуждый либерально-западный проект. Вот как он завершает главу своей книги, посвященную разбору одной из моих публикаций, а также принятой в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: «В общем, обнародованный проект „русской нации“ явно не схватывает существующие реалии, плохо вписывается в пространство носителей русского языка, культуры и русской формы православия (русский мир). „Российская нация“ имеет смысл только как синоним русской — но тогда, признаться, неясно, зачем без необходимости умножать термины. Да и мнение нации о себе самой кое-чего стоит. Ведь национальная принадлежность определяется не только „треугольником“ идентичности, но и внутренним ощущением общности... Способны ли русские, состоявшись как нация, еще и выполнить свою миссию — сохранить для мира ценности, лежавшие в основе

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетей, 1998. С. 279.

единой христианской цивилизации? Если они не станут жертвами безответственного «национально-гражданского конструирования» — думаю, да»¹.

Обращение к русской теме, к мировой миссии русской нации хранить основы христианской цивилизации безусловно обладают притягательностью, эмоциональным воздействием и к тому же резонируют с реальными озабоченностями русских людей в России по части их жизненного преуспевания, статуса в разных сферах общественной жизни: от доступа к ресурсам и положению в бизнесе до состояния среды обитания, здоровья и культуры. Однако аргументы религиозных философов при всей их, казалось бы, убедительности требуют критического разбора, который выявляет фундаментальную несостоятельность и нереализуемость высказываний, претендующих на понимание той самой якобы никем не конструируемой «реальности». А.В. Щипков обосновывает некое подобие новой идеологии под ее разными названиями: «социал-традиционализм», «левый консерватизм», «консервативный социализм» и т.п. Эта духовно-идеологическая тенденция, по его мнению, «будет противостоять набирающему силу ультраправому тренду, который является генетическим преемником неолиберализма». Он призывает решить проблему: «как защитить от разных идеологических конструкторов “простое”, “бытовое”, “родное”, традиционное, непосредственное, т.е. коллективный культурный опыт, воспринимаемый в его целостности, подлинности, исторической устойчивости. Как защитить от конструктивистской агрессии аутентичное, спонтанное, эссенциалистское восприятие культуры. Как объяснить на уровне идеологии, что ценности, идеалы и их преемственность обладают куда большим историческим ресурсом, нежели сборка-разборка бесконечных культурных проектов». Суть этой «духовной репатриации современного общества», по его мнению, в «трансляции от поколения к поколению ценностей и идеалов, культурно-исторического архива обще-

¹ Щипков А.В. Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018. С. 237-238.

Святейший Патриарх Кирилл на вручении Макарьевской премии в Президиуме РАН, 2018 г.

ства (например, православной этики и духа солидарности — для русской культуры)»¹.

Одним из центральных тезисов предлагаемой программы для России стал *цивилизационный подход*, который многократно обсуждался на соборных заседаниях ВРНС и отражался в его официальных документах. Примечательным было заседание 2013 года под названием «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа». На заседании в речи Святейшего Патриарха Кирилла были сформулированы задачи: осмыслить место России в судьбе человечества, предложить гармоничную форму общественного устройства и дать прогноз на завтра. Патриарх задал вопрос, является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю? По его мнению ответ может быть только утвердительным. «Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения... Одно перечисление выдающихся имен русских и зарубежных исследователей, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом, выглядит внушительно. В этом списке окажутся очень разные люди — такие, как Николай Данилевский, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер. А разве возникновение в начале XX века русской религиозной философии — яркого, самобытного направления в гуманитарной науке — не является доказательством самобытного творческого начала нашей цивилизации...?

¹ Щипков А.В. Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018. С. 237-238.

...Поэтому на вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. Да, Россия — это странацивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат»¹. Ранее, на соборном заседании 2012 г. Патриарх говорил о достижении суверенитета «пространства смыслов, духовных символов, социально-культурного развития» и о «создание собственных инструментов познания — социологических, политологических, культурологических», а Всемирный русский народный собор должен стать «интеллектуальным центром, собирающим вокруг себя людей, способных ставить и решать подобные задачи».

Не стоит преуменьшать возможное воздействие стремления РПЦ быть интеллектуальным центром для создания инструментов познания. Помимо духовного окормления верующих и социальной миссии от имени столь влиятельного института может формулироваться и более широкая повестка. Следует понимать, что «фундаментализм (в любой его религиозной форме) предлагает как индивиду, так и обществу подробную и конкретную программу, пусть даже она заимствуется из священных текстов и традиций, соответствие которых условиям XX века далеко не очевидно». В таком варианте «Коран, Библия или иной авторитетный компендиум вечных истин — в интерпретации тех, кто вправе его истолковывать, — станет единственным практическим и моральным руководством для всех и на все случаи жизни», — писал Хобсбаум².

Слову Патриарха на соборах обычно предшествует приветствие Президента Российской Федерации. В этих приветствиях можно прочитать похожие слова о цивилизационной уникаль-

¹ Слово Святейшего Патриарха Русской православной церкви Кирилла на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30-31.10.2013).

² Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 278.

ности России и о том же самом Данилевском. В приветствии ВРНС 2018 г. (тема собрания была «25 лет по пути общественного диалога и цивилизационного развития России») В.В. Путин, говоря о важной роли России в мире, сказал следующее: «Это предопределено и нашей традицией, и нашей внутренней духовной культурой, самосознанием и, наконец, самой историей нашей страны как самобытной цивилизации, уникальной, но не претендующей самоуверенно и хамовато на свою исключительность. Потому что невозможно представить историю человечества без таких же неповторимых цивилизаций, как Индия, Китай, Западная Европа, Америка и многих других. Это действительно многоликая сложность, каждая грань которой дополняет и обогащает друг друга. И здесь хочу напомнить слова выдающегося русского мыслителя XIX века Николая Данилевского: “Ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла высшую точку развития”»¹.

Эти слова Президента о необходимости смирения гордыни и самоуверенной исключительности, однако, не возымело действия на идеологов ВРНС. В одном из итоговых документов Собора 2013 г. вместо российской цивилизации участники «констатировали, что духовно-нравственные ценности русской цивилизации открываются для нас в православной этике, добролюбии, русской иконе, церковном зодчестве, трудолюбии, нестяжательстве, взаимопомощи и самоуправлении русской общины, то есть в той структуре бытия, где духовные мотивы жизни преобладали над материальными, где целью жизни была не вещь, не потребление, а совершенствование, преображение души. Эти духовные формы существования пронизывают всю историческую жизнь русского народа. Они определили его национальное самосознание. На основе этих ценностей сформировалось величайшее в мировой истории государство, объединившее

¹ Выступление Президента России Владимира Путина на XXII ВРНС «25 лет по пути общественного диалога и цивилизационного развития России» (2018 г.).

в гармоничной связи многие другие народы, развилась великая культура, искусство, литература, ставшие духовным богатством всего человечества»¹. В документе XXIII Собора 2019 г. была записана схожая констатация: «Исторически сложившееся государственное единство России обеспечивается развитием страны как государства-цивилизации, скрепленной русским языком, русской культурой, русским народом, который выполняет миссию государствообразующего народа»². Таким образом, идеологи ВРНС проводят две основные идеи: Россия — это не нация, а цивилизация, русский народ — создатель этой цивилизации. Вся аргументация здесь носит обращенный в прошлое характер как по составляющим цивилизацию характеристикам, так и по избранным для отсылки авторитетам. Особо интригуют ссылки-сравнения на Индию и Китай, с которыми может и должна равняться Россия как цивилизация. Данные отсылки побудили меня включить в книгу главы, разбирающие опыт национального развития этих похожих на Россию по своим величию и сложности наций-государств.

Надо признать, что усилия православных идеологов находят поддержку, будучи подпитаны аргументами таких союзников, как этнические националисты разного толка, которые не желают никаких других «наций», кроме собственных. Поспособствовали религиозно-консервативному повороту и общие тенденции мирового и отечественного политического климата с его кризисом идеологии либерализма и глобальной рыночной экономики. В смягченной форме в перечень поправок в Конституцию страны вошла поправка и о государствообразу-

¹ Резолюция секции «Духовно-нравственные основы российской цивилизации в семье и образовании: прошлое, настоящее и будущее» XVII ВРНС «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее русского народа» (30-31.10.2013).

² Стратегия народосбережения в Российской Федерации на период до 2050 года. XXIII ВРНС «Народосбережение – настоящее и будущее России».

ющем народе, и не прошли предложения сделать запись о российском народе как гражданской нации или хотя бы упомянуть категорию *российский народ*.

Отказ от национального государства, гражданского националстроительства вызывает озабоченность не только у сторонников утверждения российской идентичности из состава ученых и общественников, но и представителей правовой науки о государственности. На том же пленарном собрании ВРНС 2013 г. в выступлении председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина прозвучали диссонансом сказанные им слова. Этот видный ученый-юрист допускает, что судьбу своей страны можно воспринимать в сосредоточии на внутренних процессах и настаивать на их независимости от происходящего в мире. «Но рано или поздно этот подход демонстрирует свою недостаточность. Значит, мы возвращаемся к тому, что называется глобальным контекстом». В этой связи Зорькин высказал несогласие с мнением о крахе вестфальской системы национальных государств: «Именно Вестфальская система определила содержание понятия “национальное государство”, “национальный суверенитет” и т.п. Все те понятия, которые являются фундаментом современного права: и международного, и конституционно-го... Создавая конституцию, наполняя ее определенным содержанием, пытаюсь соотнести внутреннюю специфику страны с глобальным контекстом, мы все время исходим из ключевого понятия “нация”. **Недопустима даже мысль о демонтаже этого понятия** (подчеркнуто мною — В.Т.). ... Но суверенитет в его классическом понимании предполагает обязательное наличие нации и национального государства. ...Оказывается, что для организации здоровой структуры глобального мира пока ничего лучшего не придумано, кроме национальной идентичности, построенной на классическом единстве культуры, истории и образа жизни. Как не придуманы и какие-либо иные правовые конструкции, кроме национальной конституции, способные обеспечить надежное существование государства. Убежден, что построенную на

Вестфальских принципах мировую систему суверенных государств, объединенных ООН, рано сдавать в архив»¹.

Итак, выявляются два фундаментальных противопоставления, по которым необходимы разъяснения. Первое: *Россия — это нация или цивилизация?* Наш ответ однозначный: *Россия — и нация, и цивилизация, как те самые Китай и Индия.* И это будет объяснено в книге. Второе: *как называть нацию в России: русская или российская?* Ответ однозначный: *есть русская нация и есть российская нация как две разные и не включающие друг друга формы идентичности*, и автор этой книги, как и сто миллионов моих сограждан, считает себя и русским, и россиянином.

Если что-то непонятно в моих ответах, тогда надо читать мою книгу. В ней речь идет об очень важной вещи — о понимании страны и нас самих. Речь идет о таком большом проекте, как страна и нация. Ключевым моментом этого проекта являются не только материальные ресурсы в виде географических пространств и природных запасов, сильной экономики и оборонной системы, но и адекватное понимание и эффективное управление обществом. Последнее невозможно на основе нищей философии и конъюнктурной экспертизы. Оно возможно на основе качественной и ответственной науки и политики.

¹ Выступление председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30-31.10.2013).

ЧАСТЬ I
ГЛОБАЛЬНЫЙ
КОНТЕКСТ
И ТРИ ПРИМЕРА

ГЛАВА I

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Попытки некоторых ученых, а вслед за ними — поверхностных пропагандистов и слабо думающих политиков представить Россию как некую аномалию в концерте современных наций-государств или как уникальную цивилизацию «между империей и нацией» и утверждающих, что «Россия — это не nation state и не может им стать»¹, нам представляются ошибочными и саморазрушительными. К великому сожалению, доктрина и практика национального строительства в России застряли в инерции еще советского правоучения о «национально-государственном

¹ См. обсуждения этой темы: Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. С. 38; Полит.ру 06 июля 2020, 19:12. Алексей Миллер: Нация или могущество мифа. Схожие позиции авторов: Паин Э. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд-во, 2004; Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.

строительстве» и «национальном самоопределении» в их сугубо этнических смыслах. Или же они утопают в историософских дебатах, замешанных на паранаучных высказываниях о неких «цивилизационных кодах», «традиционных духовно-нравственных ценностях» и представляют собой больше эмоциональную терапию от угроз «враждебного мира», а не реальную экспертизу и политическую практику¹.

КРИТИКА ОТРИЦАТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Две темы овладели умами российских специалистов, пишущих о России как о стране и ее народе: это концепт *цивилизации* и концепт *идентичности*. Тема цивилизации совсем не нова для отечественного и мирового обществознания², но вдруг получила верхушечное предписание со стороны политического истеблишмента и Русской православной церкви заниматься изучением русской/российской цивилизации и руководствоваться этим подходом в образовательных, медийных и других общественных сферах³. Такая поверхностная индок-

¹ О смутно понимаемом нациестроительстве см.: Мнацаканян М.О. Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире // Социологические исследования. 1999, № 5; Национальная идея: страны, народы, социумы / отв. ред. Ю.С. Оганисян. М.: Наука, 2007; Картунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009; Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014.

² Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; Россия в многообразии цивилизаций / Под ред. Н.П. Шмелева. М.: Изд-во «Весь Мир», 2011.

³ Рекомендации по внедрению цивилизационного анализа в повестку академических исследований были даже разосланы в 2017 г. от имени Совета Федерации Федерального Собрания РФ, хотя исходили они изначально от малоквалифицированной группы авторов из Института культурного наследия при Министерстве культуры России.

тринадцатая по части уникальности страны, ее всемирного призвания, досаждающего своей враждебностью внешнего мира, долго длиться не может. Однако следует признать, что схожие характеристики нового изоляционизма и неоконсерватизма стали присущи и остальному миру национальных государств, международному научному и общественному дискурсу в целом. Если это так, то дело обстоит еще хуже. Это становится похоже на глобальный хаос, разрушение норм взаимных отношений и ответственности национальных государств, не говоря уже о международных праве и договоренностях.

В России в самое последнее время разговор на тему нации-цивилизации пошел в разные стороны, что было бы не так плохо, если бы за этим не следовала политическая стратегия высокого уровня. Напомним позицию активно пишущего историка А.И. Миллера: «На самом деле идея, что нация — это норма и что *nation state* — это норма, серьезными политологами уже давно оставлена. Есть масса различных форм государственных образований, которые в той или иной степени мимикрировали под национальное государство просто потому, что до недавнего времени Запад абсолютно доминировал в международных отношениях. Действительно, приходилось верить в, казалось бы, незыблемое, что демократия, нация и благосостояние — это такой пакет, причем благосостояние идет за демократией как ее результат. Но от этого мало что осталось сегодня»¹. Точно так же Миллер считает, что «миф все включающей нации, каковая якобы существует в западных странах, уже умер. Миф о том, что *nation state* — обязательно самая успешная форма, тоже умер, и что это непременно ведущая к демократии форма»².

Но тогда что же осталось как вариант для России и для остального мира? Россия — «это просто не национальное государство, — пишет Миллер. — Это государство, в котором су-

¹ Полит.ру. 06 июля 2020: 19.12. А.И. Миллер. Нация или могущество мифа.

² Там же.

ществует целый ряд политически мобилизованных групп, которые считают себя нациями. Если это случилось, то уже “фарш невозможно повернуть назад”. Значит, с этим надо как-то выстраивать какую-то конструкцию. Если мы только поймем, что национальное государство не является абсолютной нормой, если мы, кстати, поймем, что демократия никогда не была преобладающей по численности, по распространению, формой политической организации человеческих обществ, никогда, — то тогда мы поймем, что у нас есть довольно широкое поле для экспериментов. Лишь бы разумных. При строительстве государства и при использовании дискурса нации»¹. При этом Миллер в своих публикациях и публичных лекциях так и не смог сформулировать свое понимание столь важной категории, потому что «определить нацию как нечто стабильное очень трудно» и социальные науки только сейчас «постепенно начинают нащупывать» способы изучения ранее невиданных вещей.

В этих рассуждениях, пожалуй, только упоминания Запада как родоначальника концепта нации и национального государства является трудно оспоримым. А в остальном суждения уважаемого коллеги крайне спорны. Во-первых, никакой незыблемой веры в то, что «демократия, нация и благосостояние» есть некая неразрывная субстанция, среди специалистов и политиков не было и нет. В России эта увязка присутствовала только среди экспертов «Либеральной миссии» и нами уже неоднократно опровергалась². Напомним, что даже в Европе уже в XX веке существовали далекие от демократии режимы (франкистская Испания, Греция времен «черных полковников», Германия и Италия при фашистских режимах), при которых со-

¹ Полит.ру. 06 июля 2020: 19.12. А.И. Миллер. Нация или могущество мифа.

² Тишков В.А. Об идее нации // *Общественные науки*. 1990. № 4. С. 83–95; Он же. Российская нация и ее критики // *Национализм в мировой истории* / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 558–601; *Российская нация: становление и этнокультурное многообразие* / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011.

ответствующие европейские нации не упразднялись и даже переживали стадии консолидации, пусть и навязанной сверху и силой. Об остальном мире, от Турции до Китая, о данном обязательном «пакете» вообще не может быть и речи.

Что касается благосостояния, то эта сторона общественной жизни не имеет отношения к нациестроительству (к устраивающему меня выражению Миллера — «дискурсу о нации»). Низкий уровень благосостояния и даже проблемы бедности, социальные, религиозные, расово-этнические и другие разрывы внутри наций-государств — это почти константа их существования на протяжении всей известной истории, включая и сегодняшний день. Да, «отец нации» Сунь Ятсен на заре XX века в своей программе строительства китайской нации «Три народных принципа» называл как главные цели национализм, народовластие и народное благоденствие. Но это совсем не означает, что в XX веке не существовало китайской нации до тех пор, пока только в самые последние годы в Китае стало возможным говорить о благосостоянии народа. Не думаю, что бедняцкие фавелы бразильских городов или десятки миллионов живущих на улицах бездомных индийцев исключают существование бразильской или индийской наций.

В разной степени и в разные временные периоды — это обстоятельство касается всех стран мира. Даже если условно признать, что «обязательный пакет для нации» состоялся только в «демократической и благосостоятельной» Европе, тогда весь остальной мир и есть та самая, по словам Миллера, «масса различных форм государственных образований, которые в той или иной степени мимикрировали под национальное государство». Но это не так, и о глобальном контексте нациестроительства, о культурной сложности современных наций речь пойдет ниже.

Последнее замечание в моей критике Миллера — это вопрос, можно ли «провернуть фарш назад» в том смысле, что в России целый ряд «политически мобилизованных групп» уже считают себя нациями? Это слабый, хотя и воздействующий на обыденное сознание и на политико-правовое мышление аргу-

мент. Казалось бы, уже стало аксиомой и зафиксировано всеми справочно-энциклопедическими изданиями, что содержание понятия «нация» не только менялось по ходу истории, но и в современном мире существуют два отличающихся концепта нации, его бытования и политического использования: *гражданской/политической нации* и *этнической/культурной нации*. Элементы того и другого могут пронизывать друг друга, трансформироваться из одной формы в другую, но тем не менее это разные, хотя и сосуществующие концепты. Между ними есть в зависимости от конкретных форм проявления соперничество и даже, казалось бы, порою непреодолимый конфликт. Именно по этой причине мною еще в 1990-х гг. была предложена трактовка нации как политически и эмоционально нагруженной *метафоры коллективного самообозначения*, за исключительное обладание которой борются две формы социальных коалиций людей: сообщества по суверенному государству (согражданства) и сообщества по культурной схожести (этнические общности)¹.

Примеров существования наций внутри наций более чем достаточно, причем, это далеко не обязательно вариант борьбы подчиненной нации против господствующей нации за свое самоопределение, понимаемого как выход из общего социополитического пространства, за «свою государственность». Такие мобилизованные группы, а точнее, этнические общности или регионально-культурные сообщества существуют далеко не только в России, а фактически во всех современных крупных государствах, где есть свои «внутренние нации». Феномен «первых наций» мною изучался в Канаде еще в 1970-е гг., когда среди местных аборигенных сообществ, исключительно политически мобилизованных, возникло движение за создание на основе общеканадской организации «Братства индейцев Канады» новой организации Ассамблеи первых наций (Assembly

¹ Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17; Он же. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

of First Nations). Тогда же я посетил и вел полевые исследования среди гавайских общин, которые позиционировали себя как Гавайская нация (Hawaiian Nation). Позднее таких «политически мобилизованных групп», которые считают себя нациями, я встречал по миру в десятке других стран: от французских Корсики и Бретани до Шри-Ланки и Австралии. Везде в этих странах государство и общество обосновывали и утверждали концепцию полиэтничной нации, несмотря на проявления «национального нигилизма» и откровенных противников.

Как эти ситуации разрешаются, регулируются, управляются без «мясорубки и фарша», специалистам известно: пусть и не везде успешно и бесконфликтно, но в целом это делается в рамках общего государства-нации. В 1990–2000-е гг. нами в рамках проекта «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» (EAWARN) были проведены международные научные конференции и семинары в десятках стран, где есть те самые явления этнонационализма и сепаратизма, а также трудные проблемы нациестроительства. В принципе общие рецепты предотвращения/разрешения конфликтов, достижения согласия и основы современного нациестроительства в полиэтничных государствах нами и другими авторами уже неоднократно излагались¹.

¹ *Karl Deutsch, William Folt, eds, Nation Building in Comparative Contexts. New York, Atherton, 1966; Crawford Young. The Politics of Cultural Pluralism. Univ. of Wisconsin Press, 1979; Donald Horowitz. A Democratic South Africa?: Constitutional Engineering in a Divided Society. Univ. of California Press, 1991; Национальная политика в Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции. Липки, сентябрь 1992 г. Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1993; Этничность и власть в полиэтничных государствах: Сб. статей. Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994; Europe's New Nationalism. States and Minorities in Conflict. Ed. By Richard Caplan and John Feffer. Oxford Univ. Press, 1996; Ethnicity and Power in the Contemporary World. Ed. K. Rupesinghe, V. Tishkov. Tokyo: United Nations Univ. Press, 1996; Timothy D. Sisk. Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1996; Национализм в мировой исто-*

Главный смысл всех этих рецептов — это *инклюзивный подход к нациестроительству и понимание нации как культурно сложного (поликонфессионального и мультиэтничного) сообщества без запретов на автономию и даже «национальную самокатегоризацию» групп большинства и меньшинства в рамках одного государства*. Верховный суд Испании пытался наложить запрет на использование термина «нация» в тексте автономного статута провинции Каталония, но из этого ничего не вышло: жители этой провинции предпочли называть себя нацией, оставаясь в составе большой испанской нации. Ничего удивительного или несуразного в этой ситуации мы не видим, как ее не видят и те, кто иницирует и пребывает в такой ситуации. Здесь подходит предложенное мною выражение «нация наций» (*a nation of nations*), которое сейчас используется и в других странах.

Обратим наш анализ к «массе различных государственных образований», которые якобы только мимикрировали под национальные государства из-за навязанной им европейской модели, для которых концепт нации не подходит; и у них «широкое поле для экспериментов» и есть свои варианты, которые наши специалисты пока никак не могут выявить, а тем более предложить для России. Главное, как пишет Миллер, «лишь бы были разумными» варианты строительства государства. К «неразумным» ученый обоснованно относит пример Украины, но в этой связи делает категоричное и противоречащее его собственным позициям суждение: «попытка построить нацию и государство там, где она не строится, не получается ее построить, чревата обострением, потенциальными расколами... Попытки у нас реализовать такой же проект тоже приведут к неприятностям». Здесь какая-то явная путаница с пониманием двух совсем разных проектов нациестроительства. В Украине делается попытка

рии. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007; Этничность и религия в современных конфликтах. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2012; Культурная сложность современных наций. Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016; Andreas Wimmer. *Nation Building*. Princeton Univ. Press. 2018

построить нацию на исключительной этноукраинской основе, сведя все остальное население в категорию меньшинств, в нацию не входящих. Никаких попыток в этой сложной по этническому, религиозному и регионально-историческому составу населения стране построить нацию на полиэтнической основе с федерализмом и официальным двуязычием не делалось. Хотя только такой вариант и мог бы получиться, по крайней мере, он был возможен до стадии открытого вооруженного конфликта внутри страны после 2014 года. В России «такой проект» государственного строительства как нации русского народа, собственно говоря, никто серьезно и не пытается реализовывать, кроме поборников радикального русского национализма.

Таким образом, если концепт нации и сама реальность национального государства — это уходящая натура даже для прародительницы Европы и для России вариант совсем не подходящий, если остальная «масса государственных образований» только мимикрирует под национальную идею, а на самом деле представляет собой некие иные, неназываемые сущности, тогда что же остается как идея страны и как вариант государственного строительства для России?

Здесь у нас фундаментальные расхождения с могильщиками нации и национальных государств, а заодно и гражданско-го национализма как идеологии и практики государственного устройства и управления культурно сложными нациями современности. Наша позиция заключается в том, что *на нынешнем горизонте эволюции человеческих сообществ нет более значимой и всеохватной социальной коалиции людей, чем национальные государства*. Именно nation-states обеспечивают важнейшие экзистенциальные потребности и права современного человека: от территориально-ресурсного и организационно-хозяйственного жизнеобеспечения до устройства и поддержания социальных институтов, правовых норм общежития, воспитания, просвещения и окультуривания населения через поддерживаемыми государством системы. Государства обеспечивают гражданскую солидарность, предотвращают конфликты и насилие, защищают от внешних угроз и глобальных вызовов.

Более того, в условиях таких глобальных кризисов, как пандемия коронавируса, рассуждения о кризисе и сходе с арены наций-государств выглядят наивными. Как пишет британский антрополог Дэвид Геллнер, «события 2020 года стали мощной демонстрацией, что упадок наций-государств в век сверхглобализации или т.н. “потепления”, как и известие о смерти, по словам Марка Твена, было “очень сильным преувеличением”. По всему миру, с характерными местными отличиями в Северной Америке, Восточной Азии, Скандинавии и Южной Азии, в реальном времени происходит масштабный транснациональный эксперимент в области обществоведения и в реализации разных стратегий разными странами». По мнению ученого, мы проживаем момент радикального исторического поворота, когда перед лицом экзистенциальной угрозы «старые боги неолиберализма летят в печку». Пренебрегая законами рынка, который, как полагали, должен всем и всеми управлять, именно государства берут на себя главную ответственность. Как, например, в Великобритании, когда «одним росчерком пера было выделено 15 млрд фунтов стерлингов, чтобы решать вызванные ковидом-19 проблемы»¹. Нам нечего добавить к этому заключению, кроме сотен других подобных примеров, в том числе и о ключевой роли государства в период пандемии в России.

О возвращении национальных государств на мировую арену на фоне глобальных кризисов и кризисов межгосударственных и блоковых образований, о жестком отстаивании ими своих национальных интересов и суверенитета, о возвращении национализма в его гражданско-государственной форме писал недавно известный политолог Анатолий Ливен. Он выделил роль общественных мотиваций и мобилизации на основе идеи нации, которые лежат в основе легитимности и успешности современных государств. Как пишет этот специалист по проблемам национализма, «величайший источник

¹ *Gellner D.N. The nation-state, class, digital divides and social anthropology / Social anthropology. 2020. Vol. 28. N. 2. P. 270-271.*

и залог силы государства — не экономика и не размер вооруженных сил, а легитимность в глазах населения и всеобщее признание морального и юридического права государства на власть, на исполнение его законов и установлений, на способность призвать народ к жертвам, будь это налоги или, если понадобится, воинская повинность. Не имея легитимности, государство обречено на слабость и крах; или же ему придется прибегать к жестокости и устанавливать правление на основе страха. Фундаментальная слабость Европейского союза в сравнении с отдельными странами — членами ЕС состоит в том, что в глазах большинства европейцев он так и не добился настоящей легитимности, будучи псевдогосударственным образованием»¹.

Напомним, что в основе легитимности государств лежат разные факторы и обстоятельства. Среди них важен сам факт их длительного существования и преемственности т.н. исторической государственности, «создающее впечатление, будто данное государство есть неотъемлемая часть естественного порядка вещей»². Важны также успешность самого правления, которое население признает и поддерживает. Здесь особо значимы то, как как институты и правители справляются с задачами сохранения порядка и внутренней безопасности, а также с внешними угрозами. Уже после Второй мировой войны определенную легитимность государствам придавала демократия как власть большинства и законно избранных правителей. «Но как обнаружили для себя многие демократические и полудемократические государства в прошлом столетии, одна лишь демократия не может бесконечно сохранять государство, если в обществе есть глубокий раскол и власти не добиваются жизненно важных для населения целей. Для легитимности государства необходим более основательный источник легитимности,

¹ *Анатолий Ливен. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 25.*

² Там же. С.25

коренящийся в общем чувстве национальной принадлежности. В современном мире величайшим и наиболее долговечным источником этих чувств и легитимности государства является национализм»,¹ — пишет А. Ливен.

Несколько другими словами, но мы также неоднократно высказывали мысль, что государства делают не просто территории с охраняемыми границами, не только столицы с госучреждениями, конституции и символика, а *государства делают легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее общеразделяемым чувством национального самосознания*, когда каждое живущее в этом государстве поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству. Можно все это назвать страновым или гражданским национализмом, можно назвать патриотизмом, а можно назвать национальным самосознанием (идентичностью). Различия здесь несущественные, они скорее лежат в страновых традициях общественнознания и обыденного словоупотребления².

О НАЦИОНАЛИЗМЕ

Учитывая историю трактовки понятия «национализм» в нашей стране, необходимо сделать некоторые разъяснения, что есть национализм³. Под национализмом понимается *идеология и политическая практика, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей форме*

¹ Анатолий Ливен. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 26.

² См.: Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национально-го самосознания. М.: Наука, 2013.

³ См., напр., статью «Национализм» в Большой российской энциклопедии, а также коллективный труд: Национализм в мировой истории // под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.

общественного единства, ее первичности в государствообразующем процессе. Как политическое движение национализм стремится к созданию государства, которое охватывает территорию проживания нации и отстаивает ее интересы. В зависимости от понимания, что такое нация, национализм имеет две основные формы — гражданский, или государственный, и этнический. Гражданский национализм возник в эпоху становления современных государств, основанных на представлении о нации и о народе как согражданстве с общими самосознанием и историко-культурным наследием. Эта форма национализма направлена на обоснование легитимности государства, на консолидацию гражданской нации, но иногда содержит в себе установки на дискриминацию и ассимиляцию меньшинств, а также на государственную экспансию (мессианизм)¹ или, наоборот, на изоляционизм. Этот вид национализма широко используется государствами через официальную риторику, символику и идеологические институты (образование, социальные науки, СМИ и пр.) с целью утверждения общегражданской лояльности («служение и любовь к Родине», «уважение к стране и прошлому» и пр.), общих правовых норм и морально-культурных ценностей.

Национализм предполагает, что каждая страна должна управлять собой без вмешательства извне, что нация является основой для государственного устройства и что единственным законным источником политической власти является народ. Национализм выступает за утверждение национальной идентичности, основанной на общих социальных характеристиках, таких как историческая память, ценности и традиции, культура и язык, а во многих случаях также религия и политическая философия об идее нации. Именно последняя во многих трудных случаях нациестроительства из-за внутри общественных разломов обеспечивала солидарное единство на-

¹ Одна из книг А. Ливена посвящена анализу американского национализма как национализма гражданского типа с мессианистскими установками глобального лидерства американской нации.

ции, преодолевая противоположные интересы классов, региональных и этнических сообществ, расовых и кастовых групп. А. Ливен справедливо пишет: «За исключением коммунизма в течение его непродолжительного революционного периода, ничто в современной истории не может сравниться с национализмом в качестве источника коллективных действий, добровольных жертв и, конечно, государственного строительства. Другие элементы личной идентичности могут быть важны для каждого человека в отдельности, но они не создают крупных и долговечных институтов (за исключением мусульманского мира, где религия сохраняет сильные позиции)»¹.

Национализм в его проявлениях в экономике, политике, культуре и идеологии оказался и в новейшее время зачастую спасительной стратегией сохранения государственности, обеспечения солидарности народа в условиях кризисов и внутренних конфликтов. Большинство политических руководителей больших и малых стран («лидеров нации») являются по своим убеждениям и действиям в разной степени националистами, т.е. национальные интересы страны являются для них главными приоритетами, и они их отстаивают всеми доступными им средствами. Президент США Д. Трамп наиболее ярко демонстрировал это в сфере экономики и геополитических амбиций. Президент России В.В. Путин отстаивает интересы страны в сфере стратегической безопасности и обеспечения благополучия российской нации. Лидер коммунистического Китая Си Дзиньпин на первый план выдвигает достижение мирового лидерства китайской нации и обеспечение общекитайского единства. Поэтому когда В.В. Путин называет себя националистом, он имеет в виду не его узко этнический вариант, а именно российский национализм как политику отстаивания и защиты интересов России и российского народа.

Надо сказать, что именно этот вариант национализма и его сердцевина — общероссийский патриотизм оказались важнейшей опорой для преодоления кризисных и чреватых дезинте-

¹ Ливен А. Прогрессивный национализм. С. 26.

грацией явлений 1990-х гг. в нашей стране, удержали страну от нового раунда дезинтеграции. Невозможно игнорировать значение патриотической мобилизации народа всей страны и ее отдельных регионов (например, Дагестана) в ситуациях внешних вторжений международных террористов, олимпийских мероприятий, общероссийского консенсуса в отношении присоединения Крыма, почитания Дня Победы и павших в Великой Отечественной войне. Это по своей сути массовые проявления национализма гражданского толка, хотя мы предпочитаем называть это более привычно *патриотизмом*.

Многообещающей стратегия общенациональной мобилизации оказалась и в современном Китае. После того как Китай начал проводить новую государственную стратегию — своего рода авторитарный социально-ориентированный рыночный капитализм, именно обще китайский (не ханьский!) национализм пришел на смену коммунизму в качестве идеологии, придающей легитимность государству. Как считает А. Ливен, национализм «может сработать и для западных стран, поскольку либеральная демократия не решает главных задач увеличения благосостояния и безопасности для населения в целом. Подобно тому, как в Китае сохраняется коммунистическое государство, но с националистическим содержанием, так и на Западе демократия может сохраниться, если на смену либерализму придет национализм. По крайней мере, в 2020 г. этот процесс изменения парадигмы идет полным ходом в некоторых странах ЕС»¹.

В противоречие тезису Миллера, что nation-state уже отжившая норма, которую якобы давно оставили серьезные обществоведы, проблема нации и национализма остается одной из центральных в мировом идеологическом багаже и одной из основ организации суверенных сообществ-государств. Я убежден, что *в сегодняшнем мире и, возможно, еще очень длительное время единственной по-настоящему популярной силой, сохраняющей привлекательность и дающей возмож-*

¹ Ливен А. Прогрессивный национализм. С. 27.

ность перспективного мышления, остается идея нации и идеология национализма. Ислам с его идеей «уммы» как сообщества единоверцев мог бы сыграть схожую консолидирующую роль в мусульманском мире, но представители этой мировой религии не признают регионально-культурные различия, на основе которых существуют десятки стран с мусульманским населением, а также не вырабатывают свое отношение к современности как таковой. Как идеология государственности ислам можно условно назвать только применительно к Ирану, но здесь религия как основа правления сочетается и поддерживается сильной национальной идентичностью на основе традиций древней персидской государственности и культуры.

Так что это очень большой вопрос насчет смерти нации, национализма и nation-state как в старой и давно национализированной Европе, так и в остальном национализующемся мире. Последние страны многое бы отдали, чтобы иметь у себя больше национализма и более сплоченные национальные сообщества. Никто из них не снимает эти задачи с повестки дня государственного строительства. Поэтому, чтобы избежать упрощенных обвинений в адрес российского национального проекта и его сторонников под тем предлогом, что концепт гражданской нации для России никак не подходит, мы рассмотрим опыт нациестроительства в других крупных государствах мира, исходя из постулата, что при всем своеобразии нашей страны она во многом схожа по вопросам общественного устройства и государственного строительства с другими странами. Интеллектуальные изоляционизм и высокомерие здесь не в помощь. Полезны сравнения с опытом больших стран и наций, история и культура которых позволяют применять в отношении их полюбившееся многим в России в последнее время термин «цивилизация».

ГЛАВА 2

НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ И ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Сначала снова о терминах и истории словоупотребления. Отметим, что сам термин *национальное государство* или *nation-state* — это всего лишь синоним для любого суверенного государства с обозначенной и контролируемой территорией и с установленным фактом постоянного населения. Само это понятие стало использоваться после появления Вестфальской системы международных отношений, которая еще в середине XVII в. определила принципы суверенных государств, некоторые из которых действуют и поныне. К. Янг пишет: «В возникновении национального государства не было ничего естественного или предопределенного исторической судьбой. Это сравнительно новое явление в европейской истории — национальные государства стали складываться в момент Французской революции, и в их формировании большую роль сыграли интеллектуальные течения эпохи Просвещения. По мере того как складывалось современное гражданское общество, само понятие нации (национальности) стало сливаться с понятием гражданства и при-

надлежности к государству...Нации, подобно государствам, обусловлены обстоятельствами, а не всеобщей необходимостью, однако при этом считается, что они предназначены друг для друга и что одно без другого неполно и является трагедией»¹.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И ИХ РОЛЬ

Рассуждения о том, что есть национальное (или ненациональное) государство, является ли Россия национальным государством, каков должен быть состав населения, чтобы считаться национальным государством, — все эти разговоры из арсенала советских дебатов, когда под национальными государствами понимались этнически обозначенные государственно-административные образования в составе Советского Союза. Этот подход включает также утверждения о принадлежности к национальным государствам европейских стран по причине наличия там давно сложившихся наций и их, якобы, этнически гомогенного состава. Все это упрощенные заблуждения, ибо формирование европейских наций, несмотря на все различия, особенно между т.н. французской (якобинской) и германской моделями нации, между Западной и Восточной Европой, было схоже в двух ипостасях. Во-первых, во всех случаях это были верхушечные проекты, инициированные и осуществляемые элитой, но с опорой и использованием реально существовавших культурно отличительных сообществ, в разной степени осознающих свою общность на массовом, низовом уровне. С французской нацией, предписанной революционной элитой, а затем бонапартистским режимом, казалось бы, все ясно: это была конструкция, в основу которой были жестко положены культурный компонент и языковой вариант центрального района страны Иль-де-Франс. Но и в случае с германской нацией, где

¹ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994. С. 92–93.

присутствовало обращение к некому извечному «духу нации», ее природным корням, на самом же деле строительство германской нации осуществлялось бисмарковским «огнем и мечом». Схожая ситуация была и в других европейских вариантах. К. Нагенгаст пишет: «Многие “национальности” Восточной и Центральной Европы, в основании которых лежат предполагаемый общий язык, реальные или мифические предки и история, были в буквальном смысле созданы элитами, причем некоторые представители этих элит даже не могли говорить на языках изобретенных таким образом национальностей»¹.

В интеллектуальных кружках и в академических институтах имели место творческое «воображение наций», вырабатывался вариант замещающего диалекты единого литературного языка, создавались фольклорные эпосы и писалась «национальная история». Э. Кисс отмечает роль таких поборников национального строительства, которые «достигли совершенно разных политических результатов, что особенно наглядно проявилось в случаях с численно небольшими группами, не обладавшими на протяжении своей истории политической независимостью. Так, в 1809 г. некий филолог изобрел наименование “словенцы” и стал творцом словенского национального самосознания. Движение, началу которого он содействовал, привело в конечном счете к тому, что Словения приобрела республиканский статус в рамках Югославии, а в прошлом году стала независимым государством. Вместе с тем членам других диалектных групп, например сорбам [лужичанам], так и не удалось выработать единого коллективного самосознания, и их политическое и культурное присутствие в современной Европе никак поэтому не ощущается»².

¹ Нагенгаст К. Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука. 1994. С. 81.

² Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994. С. 148–149.

Второй общий момент в европейском и в любом ином националстроительстве заключается в том, что особой гомогенизации населения в его культурных характеристиках добиться не удалось на протяжении всей истории национального государства, включая стадию модернистской глобализации. Ответом на нивелирующее воздействие мирового капитализма и массовой культуры стали феномены «этнического возрождения», «поиска корней», «восстания меньшинств» и т.п. Как писал американский антрополог Джон Комарофф, публикации последнего времени на тему политики самосознания начинаются обычно с того, что отмечается, насколько удивительно ошибочной и банальной оказалась евро-американская теория национального государства в ее объяснениях этого феномена. «Взрывная живучесть этнического и национального сознания опрокинула все самонадеянные исторические предсказания, делавшиеся слева, справа и из центра, об отмирании культурного плюрализма в конце XX века. Нам говорили, что всем “исконным” культурным привязанностям придется окончательно исчезнуть под влиянием “современности”, возмужания национального государства и глобализации индустриального капитализма»¹.

Таким образом, европейские нации не были и не являются ныне некими культурно-гомогенными коллективными телами, некой сакральной, освященной историей и культурой сущностью. Возможно, классическая евро-атлантическая идея нации заключала в себе такую цель, но она не реализовалась. А вот что действительно удалось — так это утвердить среди населения *представления об единой нации* (французов, немцев, итальянцев и т.д.), сформировать чувства сопричастности и лояльности (национального самосознания-идентичности), дисциплинировать население по части исполнения долга перед нацией и обучить его общим для всех членов нации пра-

¹ *Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994. С. 35.

вам и обязанностям. Желаемая культурная гомогенность национальных сообществ по сути обрела обратную инерцию в последние десятилетия в связи с массовой миграцией населения, увеличившей культурную сложность и сверхразнообразие старых, казалось бы давно сложившихся наций. Однако перестали ли от этого существовать национальные государства и сами нации по причине утраты своей реально никогда не существовавшей этнической чистоты?

Если не брать историософскую публицистику, то все эти дебаты не имеют отношения к строгой науке о нации и национализме, а тем более к пониманию природы современных государств, в которых нации отличаются культурной сложностью в этническом, расовом и религиозном отношениях. Достаточно посмотреть, кто сегодня составляет французскую, немецкую, британскую нации, не говоря уже об американской и канадской, и ответ будет ясен даже на основе только одного визуального анализа. Так что *нынешние поиски ответа на давний вопрос «что есть нация?» с позиций установления онтологической сущности как культурно-гомогенного коллективного тела являются бесплодными*, что и доказывают ряд наших отечественных специалистов по данной теме, которые пишут книгу «О нации» без определения самого этого предмета, считая, что определить нацию как нечто стабильное очень трудно.

Итак, *все государства, независимо от состава населения и формы правления, но в которых присутствует в политике и в общественном сознании представление об общности по стране, лояльность и солидарность населения, патриотизм как чувство сопричастности со своей Родиной, имеют основания считать себя нациями*. Другое дело, что в ряде случаев сам этот термин, заимствованный из Европы, может заменяться другим схожим по смыслу понятием. Он может быть больше связан с религией (например, в мусульманских странах с понятием «уммы») или с идеологией т.н. национального вопроса (например, в Китае понятие «джонхуа миндзу» как «нация национальностей»). Наконец, в СССР «советский народ» был гражданско-политической нацией, но только сам этот термин

был отдан в пользование этническим общностям, а народ был объявлен «новым типом исторической общности людей».

Возврат наций и национального государства — это лишь некая метафора как ответ на неолиберализм и постмодерн с их отрицанием данной довольно строго организованной формы социальных коалиций людей в пользу свободы личности, мирового правления и частного интереса. На самом деле эти самые важные и значимые для людей коалиции в форме суверенных согражданств никогда и не сходили с исторической арены трех последних столетий. Нациестроительство на основе идеи нации и гражданского национализма (не без примеси этнонационализма) было всегда и остается сегодня основой успешного и безопасного существования той или иной страны. Всякие разговоры об отмирании наций-государств исходят от тех, которые уже имеют такую государственность в достатке и даже в избытке. Зато десятки стран мира страдают и переживают драмы из-за того, что в стране нет представления о нации, когда само государство не обладает всеми атрибутами национального государства (прежде всего суверенитетом). В итоге можно определенно сказать, что *nation-state остается нормой мира современных государств, и сама эта тема остается чрезвычайно актуальной для обществоведов и политиков.*

КРУПНЕЙШИЕ НАЦИИ МИРА И ИХ УСТРОЙСТВО

Вернемся на стезю практико-ориентированного анализа в той части, которая касается обозначенной нами темы идеи нации и существа современного нациестроительства. Поскольку Российская Федерация относится к разряду крупных государств со сложным этническим и религиозным составом населения, нас интересует опыт понимания и управления такого рода обществами в остальном мире. Культурная сложность (на привычном языке — «многонациональность») не является уникальной характеристикой нашей страны, ибо

в десятках самых крупных стран (Россия находится на десятом месте по численности населения) нет стран с гомогенным этническим, расовым и религиозным составом населения. Более того, добрая половина стран в первой десятке имеет значительно большее число этнических групп, которые могут называться по-разному: «народы», «нации», «национальности», «меньшинства», «племена», а иногда — вообще не иметь какого-либо категориального обозначения, кроме как «этнии» или «другие». Чаще всего это происходит по причине их официального непризнания со стороны государства. Тем не менее в науке и в международной практике существует традиция определения этнического состава населения государств мира. Особенно сильная традиция такого глобального подсчета существует в отечественной этнологии и статистике.

В 1960-е гг. Институт этнографии АН СССР издал многотомную серию «Народы мира», которая долгое время была наиболее авторитетным источником по данному вопросу и заслужила неофициального перевода на английский язык в США «для служебного пользования». С.И. Брук издал этнодемографический справочник о населении всех стран мира, и по каждой стране в нем содержались сведения об этноконфессиональном и расовом составе, хотя все это подвдилось под концепцию повсеместного существования этносов, а не каких-либо других форм культурно-отличительных сообществ. В 1998 г. вышла в свет под моей редакцией энциклопедия «Народы и религии мира», в которой было 1250 статей о народах и 450 статей о религиях¹. Своего рода реестр этнической номенклатуры мира ведет международная организация «Этнолог», а также свой список этнических групп мира ведет ЦРУ США. Приведем сведения по устройству и составу населения самых крупных стран мира (Таблица 1).

¹ Народы и религии мира. Энциклопедия. Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Изд-во Большая российская энциклопедия, 1998.

Таблица 1

Государственное устройство и этнический состав крупных стран мира (на 2020 г.)

№	Страна	Население	Устройство	Число этнических групп
1	Китай	1 400 970 200	Унитарное с системой автономий: помимо 24 провинций, 5 авт. районов, 30 авт. округов, 117 авт. уездов, 1085 нац. волостей.	Официально признаны 56 национальностей: хань 91,6%, другие 55 (джуан, хуэй-дунгане, маньчжуры, уйгуры, сибомяо, наси, лаху, тибетцы, монголы, донг, дзинпо, буи, корейцы, хани, ли, казахи, тай и др. национальности) 7,1%
2	Индия	1 357 580 350	Федерация, парламентская республика, 29 штатов по языковому принципу, 7 союзных территорий	Несколько сот наций, народностей и племен; крупнейшие из них: хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, тамилы, гуджаратцы, каннара, пенджабцы и др.
3	США	329 210 630	Федерация, президентская республика, 50 штатов, система резерватов для индейцев	Этно-расовые группы: белые 72,4%, черные 12,6%, азиаты 4,8%, индейцы 0,9%, островные аборигены 0,2%, другие 6,2%, расово-смешанные 2,9%. Испаноамериканцы разной этнической принадлежности 16,3%. Среди белых преобладают выходцы из стран Европы

Табл. 1 (продолжение)

№	Страна	Население	Устройство	Число этнических групп
4	Индонезия	265 015 300	Унитарная парламентская республика	Около 300 этнических групп: яванцы 40,1%, сунданцы 15,5%, малайцы 3,7%, батаки 3,6%, мадурцы 3%, бетави 2,9%, минангкабау 2,7%, бугисы 2,7%, китайцы 1,2%, папуасы и др. 15%
5	Пакистан	212 742 631	Федерация смешанного типа с этнотерриториальными автономиями	Около 100 этнических групп: панджаби 44,7%, пушту 15,4%, синдхи 14,1%, сирайки 8,4%, урду 7,6%, белуджи 3,6%, другие 6,3%
6	Бразилия	211 014 564	Федеративная, президентская республика, 26 штатов	Этничность не учитывается: белые 47,7%, мулаты 43,1%, черные 7,6%, азиаты 1,1%, индейцы 0,4%
7	Нигерия	188 500 000	Федерация, 36 штатов с учетом этнорелигиозного состава	Более 250 народов и племен. Наиболее крупные народности: хауса 22% (42 млн), йоруба 21% (40 млн), игбо (ибо) и иджо 18% (34 млн), фулани 10% (19 млн), ибибио 5% (9 млн), канури 4% (8 млн)
8	Бангладеш	167 961 222	Унитарная парламентская республика	Основное население бенгальцы 98%, 27 малых этнических групп 1,1%, по др. источникам 75 групп

Табл. 1 (окончание)

№	Страна	Население	Устройство	Число этнических групп
9	Россия	146 877 088	Федерация с автономиями (22 республики, авт. область, 5 авт. округов)	193 этнические группы: русские 79%, татары 3,7%, украинцы 1,4%, башкиры 1,1%, чувашы 1%, чеченцы 1%, другие 10,2%, без указания национальности 3,9%
10	Мексика	126 577 691	Федерация без автономий, 31 штат	Метисы (испано-индейские) 62%, индейцы 28%, другие 10% (гл. обр. европейцы). Перепись не собирает данные по этничности
—	Мир в целом	7 759 546 000	202 страны (193 члены ООН), из них 27 федеративных	Около 5–6 тысяч этнических групп и около 7 тысяч языков

Как устроены эти страны, какие идеи и доктрины лежат в основе их государственного строительства и что составляет компоненты национального самосознания (идентичности) таких культурно-сложных обществ? Наше исследование показывает, что крупные страны с этнокультурным и регионально-историческим разнообразием чаще выбирают федеративный тип государственно-административного устройства с делегированием «субъектам федерации» разную степень полномочий. Это Индия, Индонезия, Нигерия, Бразилия, США и Канада. Россия в этом числе, и этот вариант для нашей страны апробирован историей Российского государства, опытом СССР и уже новой России. Среди крупных стран есть также страны с унитарным устройством, но с внутренними автономиями разного уровня (Китай, Индонезия).

Здание ООН в Нью-Йорке

Крупные страны по-разному отражают в административно-государственном устройстве регионально-культурные особенности населения. Наиболее распространенный вариант — это смешанный тип, когда внутри федерации или унитарного образования существуют автономные территории (провинции, округа, районы и т.п.), которые имеют этнонациональный профиль и статус, равный или отличный от составляющих федерацию образований. Так устроены Китай с его национальными округами, автономными районами Тибет и Синьцзян, автономными уездами и национальными волостями. Похожим образом устроены другие полиэтничные страны, за исключением европейских стран, где предпочтение отдается экстерриториальной культурной автономии, и мусульманских государств, где концепт единой *уммы* не позволяет признавать меньшинства (Турция и Иран).

Некоторые страны на уровне субъектов федерации не придают последним особого этнически обозначенного статуса, но

тем не менее их границы организованы с учетом этноязыковых характеристик населения, как, например, в Индии после реорганизации штатов в 1956 г. с учетом этноязыкового состава населения. Однако в Индии имеются особые районы и целые штаты, которые де-факто являются автономиями на этнической основе (например, штат Нагаленд с населением, состоящим из племен *нага*) и даже неконтролируемые центральным правительством районы, как Джамму и Кашмир, где националистическое, сепаратистское движение фактически переродилось в джихадистское подполье. Последний пример имеет особый смысл с точки зрения оценки исторических попыток реализовать «теорию двух наций» на религиозно-этнической (коммуналистской) основе в противовес секулярному и кросс-этническому варианту нациестроительства¹.

Чтобы не исключать из сравнительно-исторического анализа Европу, приведем пример Испании с точки зрения ее устройства. Испания — полиэтническая страна, где кроме *кастильцев* живут *каталонцы*, *галисийцы*, *баски*, *окситанцы*, *астурийцы*, *арагонцы*, говорящие на своих языках, имеющие отличительные культурные традиции и сильное коллективное самосознание, основанное к тому же на исторической памяти существования отдельных государственных образований. По своей форме Испания — это конституционная монархия, но идея испанской нации как основы государства утвердилась в XX в., и испанская культура и кастильский (испанский) язык имеют выдающиеся заслуги перед мировой культурой.

Пережив режим Франко, когда некастильское население, их культура и языки подвергались насильственной ассимиляции, Испания вышла на государственное устройство, основанное на федерации 17 автономий с высоким уровнем самоуправления. Автономные сообщества имеют собственные конституции (статуты), такие культурно мощные и экономически развитые реги-

¹ См. подр.: Шаумян Т.Л. Проблема Джамму и Кашмира // Национализм в мировой истории / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука. 2012. С. 522–573.

оны, как Каталония и Страна Басков, в своих статутах записали понятия каталонской и баскской наций, и добрая половина населения и политического класса занимают сепаратистские позиции в пользу создания собственных государств. В таком случае закономерен вопрос, а есть ли нация в Испании и кто в нее входит? Естественно, что такой же вопрос тем более закономерен для стран первой десятки по численности населения.

Если, как считают отрицатели российской нации, в Татарстане не принимают российскую нацию, то уж тем более не принимают китайскую нацию в Тибете и Синьцзяне, индийскую — в Нагаленде и в Джамму и Кашмире, испанскую — в Каталонии и Стране Басков, французскую — на Корсике, британскую — в Ольстере и Шотландии, канадскую — в Квебеке. И так по всему списку государств с сепаратистскими регионами и общественно-политическими силами. Так что *тезис о наличии разного рода диссидентов внутри той или иной гражданской нации никак не может служить аргументом в пользу отрицания ее существования*. Точно так же как нельзя связывать наличие нации в том или ином государстве с характером ее правления, а точнее — с наличием или отсутствием демократии.

Важно рассмотреть конкретно, как разные страны и их правители и в разные времена, особенно сегодня, «работают с категорией нация» (выражение А. Миллера). Прежде всего нет сомнений, что все крупные полиэтничные страны выбрали в качестве доктринальной основы своей легитимности и обеспечения согласия идею гражданской нации и идеологию национализма как идеологию сопричастности с Родиной, верности и служения Отечеству, т.е. патриотизма.

Идея нации как согражданства с общей судьбой, ценностями и ответственностью служит основой фактически всех современных государств, но для крупных стран со сложным составом населения и большими региональными различиями эта идея исторически утверждалась с большим трудом, конкурируя с этническим национализмом, трайбализмом и региональным сепаратизмом. В ряде случаев идею общей нации на полиэтничной основе отвергали представители этнического большин-

ства, как, например, национализм хиндиязычного большинства в Индии или ханьский шовинизм в Китае. Пожалуй, наиболее серьезными противниками российской нации в России также выступают радикальные представители т.н. русского национализма, а не только нерусские этнонационалисты. В Канаде концепт канадской нации конкурирует с идеей франкофонов о квебекской нации, а также с «первыми нациями» в лице индейцев и инуитов, имеющими внутреннюю автономную территорию и резервационные общины.

Имеются трудные варианты, когда в стране могут конкурировать две или три равнозначные по своим демографическому и культурному потенциалу национальные идеи. Это так называемые двухобщинные или равнообщинные государства, как, например, Бельгия в Европе или Малайзия в Южной Азии. Но и в этих случаях обнаруживаются рецепты для преодоления такого цугцванга и вырабатываются проекты национального строительства.

Еще один распространенный вариант осложненного утверждения концепта гражданской нации среди населения одного государства — это когда на территории одной страны существуют регионы или анклавов с населением, этнический состав которых совпадает с преобладающим этническим сообществом соседнего государства, составляющего основу или значительную часть населения уже другой нации. Наиболее разительные примеры — это Нагорный Карабах в Азербайджане, Северная Ирландия (Ольстер) в Соединенном Королевстве, тамилы в Шри-Ланке в соседстве с тамильским регионом Индии и другие. Но и в этих взрывоопасных ситуациях чаще побеждают общенациональная идентичность и политическая лояльность по стране гражданства, если только за историей взаимоотношений стран и населения не стоит опыт кровавых разборок, а среди политиков-правителей не доминируют воинствующие экстремисты.

Разные страны имеют разный опыт государственной политики и экспертного обеспечения в области этнонациональной, языковой и конфессиональной политики. Почти во всех крупных странах имеются в разной степени напряженности конфликты и даже гражданские войны, в основе которых лежат именно

культурные или регионально-исторические различия. Индия на протяжении своего суверенного существования живет с двумя-тремя внутренними вооруженными конфликтами, но тем не менее не снимает со своей повестки концепт индийской нации и тем самым сохраняя свою легитимность и даже территориальную целостность. Сложная ситуация с автономными регионами (Тибет и Синьцзян) в Китае, когда этническая, религиозная, языковая отличительность представляет существенную преграду общекайтайскому нациестроительству на ханьской основе.

Эти две крупные страны, во многом сравнимые с Россией, осуществляют разные стратегии этнонациональной политики в связи с разными государственно-политическими системами, но их опыт представляет интерес для политики гражданского нациестроительства в России. Обзор в целом о современном мироустройстве свидетельствует, что гражданский (государственный) национализм в разных его ипостасях продолжает играть ключевую роль в системе современных наций-государств, и, видимо, не меньшую, чем в периоды становления Вестфальской системы первых суверенных государств Европы, распада мировой колониальной системы после Второй мировой войны, а также геополитического катаклизма, вызванного распадом СССР. Ключевая роль национальных государств обнаруживается не только в разрешении внутренних и трансграничных вооруженных конфликтов конца XX и начала XXI веков, но и в такой неожиданно глобальной проблеме, как пандемия коронавируса в 2019-2021 годах. Именно власти суверенных государств с их способностью обеспечить масштабные защитные меры, включая карантинные ограничения, гражданскую солидарность и готовность подчинения национальному правительству, помогают справляться с распространением болезни.

Как работают современные нации? Здесь многие компоненты и механизмы изменились, но некоторые остаются неизменными. Среди последних это разработка, выдвижение и борьба за саму идею нации. Этот акт «рождения нации» связывают зачастую с какими-то политиками, отцами-основателями типа Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона в США или

с борцами-харизматиками типа Махатмы Ганди в Индии, Сунь Ятсена в Китае, Нельсона Манделы в ЮАР, или с влиятельными философами-гуманитариями, как Руссо во Франции и Гейне в Германии. «Отцами нации» могут быть и успешные правители-военачальники, как, например, Кемаль Ататюрк в Турции, несмотря на нынешний реванш исламизма, или Гамаль Насер в Египте, несмотря на провалы его политики панарабизма.

Рождение наций или переосмысление идеи нации происходит и в современную эпоху, особенно в связи с геополитическими катаклизмами распада и рождения суверенных государств. Там, где этот процесс успешен, там обязательно есть претендент на титул «отца нации», как, например, Нурсултан Назарбаев в Казахстане, Ислам Каримов в Узбекистане, Гейдар Алиев в Азербайджане. Есть все основания на подобное и у нынешнего Президента Российской Федерации, если бы он смог к тому же еще и поговорить с Махатмой Ганди, но который, к сожалению, скончался до рождения В.В. Путина.

Как выглядят такие идеи и сопровождающие их программы? Не будем пережевывать известные истории с американскими «мечтой» и «предначертанием судьбы», с французской «свободой, равенством и братством» или с итальянским объединением и «деланием итальянцев». Однако напомним, как рождались и как работают ныне идеи нации в таких странах-цивилизациях, как Индия и Китай, а также о некоторых других случаях.

ГЛАВА 3

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ИНДИИ

Концепция индийской нации сложилась в политической борьбе с британским колониальным владычеством. Ее обоснование было выработано в среде индийских интеллигентов-националистов, которые, в отличие от господствующей имперской традиции британской короны, а во многом и от индийских правителей по-новому переосмыслили прошлое субконтинента. Еще в 1885 г. была создана партия Индийский национальный конгресс (ИНК). Уже в самом названии партии появилось название как производное от категории «нация», что означало цель партии — добиваться для Индии статуса суверенной нации. Это была нерелигиозная политическая организация индийских националистов умеренного толка без формулировки задачи достижения полной независимости от британской короны. Идеологи ИНК, прежде всего Мохандас Карамчанд Ганди, были выпускниками британских университетов и ориентировались на британских либеральных политиков. Сильное влияние на Ганди оказала философия русского писателя Льва Толстого. Махатма Ганди разработал учение о *сатьяграха* («стояние в истине», «упорство

в истине») как средство борьбы с колониализмом и достижения независимости. Он же стал и одним из первых авторов индийской конституции, написав ее проект уже на смертном одре. В Индии Махатму по праву считают «отцом нации», хотя в утверждении идеи и в ее практическом осуществлении ведущую роль сыграли более молодые соратники Ганди — Мотилал Неру, а затем его сын Джавахарлал.

Мотилал Неру был выпускником британского Кембриджа и после этого работал преуспевающим адвокатом. В 1910-е гг. он проникся идеями Махатмы Ганди и перешел на национально-патриотические позиции. В 1919-м он был избран президентом ИНК. Его ближайшим сподвижником стал сын Джавахарлал, который был более радикальным общественным деятелем, выступал за установление в Индии республики и за левую социально-экономическую программу. Однако как выпускник того же Кембриджского университета Неру был тесно связан с системой британского колониализма и предпочитал политику мирных соглашений и уступок под давлением Лондона. Под его руководством ИНК к концу 1930-х годов стал массовой политической организацией, которая продвигала идею превращения Индии в британский доминион — фактически независимое государство. После окончания Второй мировой войны Великобритания начала терять контроль над Индией. Военные, принимавшие активное участие во Второй мировой войне, стали поднимать мятежи, требуя отпустить их из армии домой. Руководство Великобритании понимало, что не удержит Индию, но сопровождало предоставление независимости этой «жемчужине британской короны» болезненным процессом раскола субконтинента. В целом процесс получения независимости прошел мирно, если не считать 20 миллионов беженцев и десятки тысяч погибших. Сама архитектура индийского национального проекта выстраивалась уже после провозглашения независимости в 1947 г., когда Дж. Неру возглавил правительство нового государства. Он вместе с Валлабхаи Пателем и другими деятелями ИНК предложил программу создания единой на основе общеиндийской иден-

тичности индийской нации, которая объединяла бы граждан страны независимо от их этнической (языковой), религиозной, кастовой принадлежности.

Если на Ганди в свое время оказали влияние идеи Л.Н. Толстого, то Джавахарлал Неру позитивно относился к советской национальной политике, особенно к концепту равноправия и дружбы народов. Важным моментом нациестроительства в Индии стала книга Дж. Неру под названием «Открытие Индии», которую он написал во время тюремного заключения. Вот одно из его замечаний как революционера-социалиста и одновременно индийского националиста: «Мне часто не нравились и были непонятны некоторые явления в СССР, и мне казалось, что слишком много внимания уделяется приспособлению к требованиям момента и политики великой державы. Но, несмотря на все эти явления и, возможно, на некоторый отход от первоначального страстного стремления к совершенствованию человека, я не сомневался, что советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир»¹.

Уже тогда, накануне провозглашения независимости, Неру размышлял об идее нации: «Трудно дать определение понятию нация. Возможно, что основная характерная черта национального сознания заключается в чувстве принадлежности к одному целому и противопоставление этого целого остальному человечеству. Можно спорить о том, насколько сильно это чувство в Индии в целом. Можно даже утверждать, что в прошлом Индия развивалась как многонациональное государство и что постепенно возникало национальное сознание. Но все это — теоретические абстракции, которые мало интересуют нас. В настоящее время самые мощные державы являются многонациональными государствами, и в то же время там развивается национальное сознание, как, например, в США или в СССР... По-

¹ Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. Книга первая. С. 6.

зация Конгресса была так тесно связана с делом освобождения Индии как единой нации, что все остальное отступало на задний план, а это вело к непрерывным конфликтам и трениям с английскими властями. В лице Конгресса индийский национализм противостоял английскому империализму»¹.

Огромное значение имели выработка и принятие в 1949 г. Конституции Индии. В подготовке документа приняли участие ведущие индийские интеллектуалы и политические деятели разных слоев и расово-этнической принадлежности, а конституционную комиссию возглавлял выходец из касты неприкасаемых, выдающийся юрист Бхимрао Рамджи Амbedkar. Последний представлял себе формирование индийской нации на условии равенства и ликвидации кастовой системы, а также защиты религиозных меньшинств². Преамбула конституции гласит: «Мы, народ Индии, торжественно решив учредить Индию как Суверенную Социалистическую Светскую Демократическую Республику и обеспечить всем ее гражданам: Справедливость, социальную, экономическую и политическую; Свободу мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, культов; Равенство положения и возможностей, а также содействовать распространению среди всех них Братства, обеспечивающего достоинство личности и единство и целостность Нации»³.

Правительство Дж. Неру осуществило меры по присоединению к Индии нескольких сот в прошлом независимых княжеств, а также французские и португальские колонии, тем самым территориально оформив пространственное очертание индийской нации. В январе 1950 г. по инициативе Неру Индия была провозглашена светской и демократической республикой. Консти-

¹ Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. Книга первая. С.181–182.

² Kunal Debnath. Ambedkar's ideas of nation-building in India // *Studies in People's History*, 2018. Vol 5 (1), P. 104–110.

³ Цитир. по: Конституции зарубежных государств: Уч. пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. — 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2003.

туция Индии содержала гарантии демократических свобод и запрет дискриминации по признакам религии, национальности или касты. Система правления была президентско-парламентской, но основная власть принадлежала премьер-министру, избираемому парламентом. Парламент стал двухпалатным, состоявшим из народной палаты и совета штатов. 28 штатов с разной степенью самоуправления (Джамму и Кашмир имели особый статус с принятой только в 1956 г. Конституцией, которая была ликвидирована в 2019 г.) получили внутреннюю автономию, право на собственное законодательство и полицию, регулирование экономической деятельности. В дальнейшем число штатов возросло, так как было создано несколько новых штатов по этноязыковому признаку. В ноябре 1956 г. было создано 14 новых штатов и 6 союзных территорий.

Говоря о нациестроительстве в Индии, невозможно обойти фундаментальный фактор раскола этого общества по этнорелигиозному признаку, своего рода конфликт между доминирующим большинством и остальным населением страны. Этот конфликт двух подходов в понимании сущности нации и государственности чем-то схож с российской ситуацией и по этой причине особенно ценен для сравнительного анализа. В Индии идея нации на основе гражданского (инклюзивного) общеиндийского национализма столкнулась с давним и растущим в последние десятилетия этнорелигиозным индуистским национализмом. Напомним, что общеиндийский национализм Ганди и Неру стоял за единство политической нации независимо от религиозной и этнической принадлежности, а индуистский национализм требует привилегий индуистам как «государствообразующему народу» под лозунгом «Индия для индуистов». Последний активно использует религиозный фактор, отождествляя «истинных индийцев» с приверженцами индуизма, которые якобы подвергаются дискриминации в своем государстве, хотя и составляют его историческую основу и демографически больше других групп населения (мусульман, христиан, будистов, сикхов и т.д.). По разным оценкам, индуисты составляют 80%, а мусульмане 16% населения страны.

Как пишет В.А. Шнирельман, «с самого начала индийский национализм содержал в себе определенные религиозные компоненты, и перед лидерами освободительного движения постоянно стоял вопрос о том, как строить нацию в условиях поликонфессиональности и можно ли это сделать вообще». Здесь главным оппонентом была идеология *хиндута*, «индуистского» культурного национализма», которая содержала в себе обращение к генетическому наследию и общей крови, к некоему изначальному индуизму эпохи вед и упанишад, представляя собой гегемонистский проект североиндийского брахманизма. Этот дискурс включает в себя «цивилизационную» компоненту («индуистская / индийская цивилизация»), а сам индуизм представляется не столько религией, сколько образом жизни и набором универсальных норм поведения, которые стоят выше всех других религиозных традиций. Хотя индуизм объявлял себя толерантной идеологией, вбирающей в себя все верования под общей концепцией «индуизма», это «однако не мешало ему подчас мириться с фундаменталистскими, мистико-окультистскими взглядами и даже своего рода «монокультурным неорасизмом». Под последним имеются в виду расовые «арийские» идеи, отвергающие «чужаков-иноверцев»¹. Кстати, «отцы нации» — Ганди и Неру не скрывали своих симпатий к индуизму, а Ганди-то был просто весьма верующим человеком, укорененным в обычаях своей касты банья и вишнуитским культам, хотя делом своей жизни считал объединение мусульман и всяких разных индуистов, которые отличаются подчас больше друг от друга, чем от мусульман и христиан. Неру хотя и был кашмирским брахманом, но очень светским человеком, далеким от религии. Но Джавахарлал Неру считал, что в такой стране, как Индия, где существует много религий, невозможен никакой иной национализм, кроме секулярного.

Не менее сложная ситуация сложилась вокруг языковой проблемы и федеративного строительства. Хиндиязычное

¹ Шнирельман В.А. Религия, национализм и межконфессиональный конфликт в Индии // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012. С. 58–59

политическое лобби настаивало на придании своему языку статус национального (государственного) языка. Их лидеры в Ассамблее выступали за очищение языка от заимствований из языков урду и английского, использование языка хинди как основного в тексте Конституции. В напряженной атмосфере Неру и его сторонникам удалось найти компромиссное решение, а именно — наряду с английским как государственным хинди получил статус официального языка с возможностью предоставления такого статуса и другим региональным языкам. Тогдашним властям удалось сдержать языковой национализм со стороны наиболее значительной части населения и утвердить политику многоязычия, использования разных языков на разных уровнях и в разных сферах. Индийская идентичность не была сведена к единственной, пусть даже мажоритарной, культурной норме. «Индийскость была определена не как единственная и исчерпывающая идентичность, но как идентичность, которая включает в себе по меньшей мере два других аспекта. Гражданами Индии также считаются и члены языковых и культурных сообществ: ория или тамилы, кашмирцы или маратхи. Федеральная система Индии должна воплощать в себе эту многоуровневую индийскость и разрастающиеся идентичности»¹.

Первоначально Неру хотел, чтобы индийские штаты оставались полиэтничными и многоязычными административными образованиями, как во времена британского правления, но со временем штаты были реорганизованы с учетом этноязыкового фактора. А с приходом к власти БДП и в результате расширения хиндиязычной культуры и политического индуизма язык хинди стал основным государственным языком Индии. Английский язык, который широко используется в бизнесе и администрации, получил статус «вспомогательного официального языка»; он также играет большую роль в образовании, в особенности в среднем и высшем. В Конституции Индии определен 21 (сейчас уже 22 официальных

¹ *Sunil Khilnani. The Idea of India. L.: Penguin Books, 1997. P. 175.*

Символы индийской нации: Красный форт и гробница второго императора из династии Великих Моголов, Хумаюна, Дели (фото Рыжаковой С.И.)

языка), на которых говорит значительная часть населения или которые имеют классический статус (например, санскрит).

В годы премьерства Индиры Ганди и Раджива Ганди власти стали активнее использовать индуистскую символику, поступаясь принципами светскости. Рост напряженности между индуистами и мусульманами вызвал череду конфликтов и погромов, самым из известных из них был конфликт вокруг храма в Айодхье в 1992 году. В этой ситуации роль политического индуизма в последние десятилетия стала возрастать. «В руках фундаменталистов религия превратилась из веры в идеологию, основанную на выраженном этноцентризме»¹. Действия властей в поддержку меньшинств воспринимаются индуистскими фундаменталистами как покушение на их собственные права и, следовательно, «ослабление нации». Факторы конфликтности и «раздела» были «созданы британскими колониальными статистиками, проводившими перепись населения по конфессиональному и кастовому признакам, тем самым объективируя религиозную идентичность. Именно в таком контексте религиозная общность стала отождествляться с «нацией». Отсюда и берет начало тот самый «коммунализм», который создает постоянную внутреннюю угрозу безопасности Индии»².

Вызовом для гражданского нациестроительства стал подъем, а затем и приход к власти политической партии «Бхаратия джаната парти» (БДП), олицетворявшей индуистский «культурный национализм». БДП настаивала на смене государственной символики (заменить трехцветный флаг на шафрановый, а сочиненный Рабиндранатом Тагором гимн ведийскими песнопениями и т.д.). Они ставили цель создания «индуистского государства», включение в Конституцию страны тезиса о религии как главной идентичности Индии. Присущее этой части индийской элиты приверженность «самобытности» сказывалась на подо-

¹ Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 62.

² Ванина Е.Ю. Прошлое во имя будущего. Индийский национализм и история (середина XIX – середина XX века) // Национализм в мировой истории. С. 507–510.

зрительном отношении к модернизации, которая, по мнению фундаменталистов, ведет страну к цивилизационному кризису¹.

Этот новый не общеиндийский, а *индуистский* национальный проект внедрялся в стране с помощью всевозможных механизмов воздействия на массовое сознание. Образы индуистских богов и эпических героев стали занимать огромное место в культуре и в повседневной жизни большинства современных индийцев. Именно почвенические настроения, обращение к корням, традиционным ценностям охватили общественный климат в стране после того, как в начале 2000-х к власти пришла БДП с ее идеологией *хиндутвы*. Началась «индуизация» населения Индии через разные каналы, в том числе экранизацию знаменитых эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна». Как пишет Шнирельман, «встречу с телевизионным образом Бога многие воспринимали как благословение, и некоторые даже приветствовали его с помощью ритуального жеста. Аналитики сходятся в том, что демонстрация эпосов по национальному телевидению унифицировала их фольклорные версии и сделала североиндийскую традицию общенациональным достоянием». Это было шагом к созданию «национального индуизма» фактически через «электронную религиозность», ибо посещение храмов стало сокращаться. В итоге длительных усилий к началу 2000-х гг. лидеры БДП и последователи индуизма завоевали симпатии большинства населения. Наступил момент, когда для многих в стране «Родина, индийская идентичность и индуизм представлялись единым нерасчленимым целым»². В стране даже стали перевозносить, устанавливать статуи и проводить це-

¹ О современном индуизме см.: Ключев Б.И. Политический индуизм // Древо индуизма. Под ред. И.П. Глушковой. М.: 1999; Мезенцева О.В. Роль индуизма в идеологической борьбе современной Индии. М., 1985.

² Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 69-71. См. также: Ключев Б.И. Религия и конфликт в Индии. М.: 2002; Глушкова И.П. Боги здесь и сейчас: индусская мифология как инструмент создания североиндийской идентичности // Южная Азия: конфликты и компромиссы // Ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков. М.: 2004.

ремонии в честь индуистского экстремиста, убившего Махатму Ганди за примирительную позицию в отношении мусульман.

Интересно развивается ситуация в Индии в последние годы, когда у власти находятся БДП и ее лидер Нарендра Модди. Несмотря на внутренние конфликты, сепаратистские регионы, религиозный фанатизм части населения, все же *существующий в Индии демократический строй пока не позволяет индуистскому фундаментализму стать доминирующей силой в обществе и похоронить идею гражданской нации*. Здесь подходы обретают формы, больше ориентированные на технологический прогресс, культурное развитие и просвещение нации, преодоление бедности и социальных расколов.

Особо следует сказать, что на современном этапе нациестроительства в Индии на первый план вышли задачи выхода страны на передовые позиции в мире в области науки и технологий, а вслед за этим — общее развитие и улучшение условий жизни индийского народа. Еще в 1946 г. Джавахарлал Неру озвучил тезис о «научном подходе (характере)» индийской нации (это положение даже записано в Конституции), в основе которого должны лежать «рациональность и истина», и это одна из задач граждан Индии в преодолении предрассудков и религиозных заблуждений, которые сдерживают развитие нации¹.

Понятие научного подхода выдвинуло перед Индией как нацией задачу преодоления внутренних разделов и отсталости населения. Можно назвать несколько примеров, которые подтверждают ключевую роль науки и технологий в современном нациестроительстве. Это прежде всего государственные фонды по развитию исследований в области нанотехнологий. Это установка на обеспечение индийских приоритетов и передовых позиций в развитии науки при активном международном сотрудничестве. Это соединение научного прогресса и развития нации как современной общно-

¹ Beumer K. Nation-Building and the Governance of Emerging Technologies: the Case of Nanotechnology in India // NanoEthics. 2019. Vol. 13, pp. 5–19.

сти людей с осознанием своей «индийскости» (Indianness) и с чувством мировой конкурентоспособности. *Эту традицию технологической рациональности современные индийцы возводят к образу Махатмы Ганди, для которого обычная прялка стала символом независимости и была изображена на государственном флаге страны.*

Какие можно сделать заключения из опыта нациестроительства в Индии? Прежде всего мы имеем дело с симбиозом условных Запада и Востока с точки зрения влияний и переплетений идей и практик. Автор одной из самых известных научно-публицистических книг на эту тему Сунил Кхилнани пишет: «Идеи государства, нации, революции, демократии, равенства, расовой чистоты, экономического роста и многие другие определили не только основы жизни Запада: они преобразовали и остальной мир с его многочисленными местными вариациями... В XX в. индийцы добровольно приняли многие из этих идей и охотно пользовались возможностями регулярных контактов с внешним миром. Они путешествовали повсюду в поисках источников жизни и идей, открывали себя через получаемые вдалеке знания и умения, опыт и зарабатываемые средства. Образ родины, из которой они уехали, зачастую представлялся им смутным и воображаемым. Но тогда где находится этот мир, называемый — Индия?»¹

С. Кхилнани задает этот вопрос совсем не случайно, ибо Индия как географическая локация и как мифообраз — это довольно разные вещи. Ведь однажды уже Колумб совершил ошибку, открыв Индию совсем в другом месте. Тем более что уже есть традиция рассматривать Индию именно как концепцию и даже своего рода мечту, а не только как физическое пространство. Как писал знаменитый бенгальский поэт и мыслитель Рабиндранат Тагор, «страна — это не территориальная, а идейная субстанция... Индия это состояние ума»². При всех величии и загадочности Индии как страны и как цивилизации

¹ Sunil Khilnani. The Idea of India. L.: Penguin Books, 1997. P. 198.

² Цитир. по: Sunil Khilnani. Op.cit. P. 198

с 1947 года существует суверенное государство под этим названием и в его нынешней пространственной и политической конфигурации. Что держит субконтинентальную нацию Республики Индия с огромными проблемами, противоречиями, сохраняющимся разнообразием и выдающимися достижениями вместе как единое и целостное образование в системе современных государств? С конца XVIII в. все попытки сделать государство менее персонализированным воплотились в идее нации: форме солидарности, определяемой в понятиях общих религии, языка, культуры, расы или истории. И вот что пишет по этому поводу С. Кхилнани: «Не требуется много усилий по части исторической аргументации, чтобы показать фиктивную, спиритуалистскую природу всех наций. И все же нет другой современной идеи, которой удалось бы собрать и сделать сильными даже очень разные чувства идентификационной связи с, казалось бы, чуждым аппаратом государства». Сам по себе проект государства на основе модели конституционной демократии, положенный в основу индийского государства, возможно, не является идеальным, но он наиболее эффективный среди всех других. Лояльность и идентичность в современном мире в своей основе имеют политическую природу. «Религия, язык, культура, экономическая связанность: все это помогает укреплять чувство принадлежности. Но в конечном итоге **идентификация по государству и лояльность к государству должны поддерживаться и укрепляться через постоянное воспроизводство согласия** (выделено мною — В.Т.)»¹.

Известно, что среди целей государства должны быть не просто физическая и материальная защита его членов, но также и их идентичностей. Общественный дискурс Индии полон противоречивых подходов и аргументов по части смысла «культурного национализма» и размышлений, каким должен быть культурный смысл индийской нации. Однако «нет нужды впадать в экзальтированную и замкнутую исключительность. Прошлое Индии заключает в себе наследованный от предков, чрезвычайно раз-

¹ Sunil Khilani. Op. cit. P. 203–204.

нообразный и гибкий репертуар, из которого можно создать богатый культурный национализм», — пишет Кхилнани. Не столько культура и экономические успехи, а именно стабильность государства и демократия обеспечили существование и развитие индийской нации. Что же касается демократии, то она в Индии покоится на «способности поддерживать внутреннее разнообразие, избегать для отдельных групп внутри согражданства питать надежды на обретение своих собственных национальных государств... Не существует идеологических или культурных гарантий для сохранения целостности нации. Это все зависит от человеческих умений. Вот почему политика как сфера жизни, на которой выдвигаются разные проекты и принимаются решения "за" и "против", всегда остается самой важной для индийцев».

Для России все эти выводы и замечания имеют огромное значение в силу схожести двух крупнейших стран мира с богатой и разнообразной историей и культурой и с не всегда высоким уровнем профессиональных компетенций по части экспертных обеспечений decision-making и политического менеджмента в целом. Президент В.В. Путин однажды высказал сожаление, что по вопросам большой стратегии «после смерти Махатмы Ганди и поговорить не с кем». И это было более чем адресное сожаление, ибо именно Махатма Ганди, а после него Джавахарлал Неру и Индира Ганди положили в основу строительства государственности в полиэтничной и полной регионально-религиозных конфликтов стране объединяющую идею индийской нации, и эта *«идея Индии» именно как форма самосознания (идентичности), а не как некая формируемая культурно-гомогенная целостность, сохраняет эту страну уже много десятилетий и способствует ее динамичному развитию*. Этому рецепту следуют все крупные страны с культурно-сложным населением, получив в подкрепление недавнее подтверждение, что именно «нации-государства», а не некие мировые правительства, континентальные союзы или цивилизации остаются главными формами социальных коалиций людей, способных преодолевать разного рода кризисы (от пандемий до экологии и экономики).

ГЛАВА 4

КИТАЙСКАЯ НАЦИЯ ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

В самом начале XX века в Китае также группа интеллигентов-республиканцев выработала и стала осуществлять проект создания современной нации. Наиболее заметной фигурой среди них был Сунь Ятсен, который обладал образным языком, большой политической волей и другими талантами¹. Именно он сравнивал население Китая с «кучей песка», который неспособны скрепить чуждая китайцам правящая маньчжурская династия Цин и колониальные державы, высасывающие из Китая его ресурсы. Задача состояла в том, чтобы соединить китайцев в «государственную семью». К. Янг так пишет об этом проекте: «Поколение Сунь Ятсена наделило Срединное Царство совершенно новым самосознанием китайского национализма, реинтерпретировав представления ханьского Китая о себе и о варварах — “других” — так, что, даже не обеспечив строительства устойчивого политического сообщества в бли-

¹ О нем см.: Тихвинский С.Л. Завещание китайского революционера: Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов. М.: Политиздат, 1986.

жайшей перспективе, это позволило избежать судьбы, уготованной Китаю алчными колонизаторами. По мнению последних, находившийся в конце XIX века в упадке Китай уже можно было “разрезать, как арбуз” ...В Китае государство, история которого насчитывает уже три тысячелетия, создало мощную культурную идеологию: уникальным образом процесс конструирования китайского народа из различных по происхождению групп несет на себе отпечаток “Срединного Царства”»¹.

Программным для начального этапа нациестроительства в этой древней стране стал труд Сунь Ятсена «Три народных принципа», которые означали: *национализм*, *народовластие* и *народное благоденствие*. Принцип национализма подразумевал освобождение Китая от господства империалистических держав. Чтобы достигнуть этой цели, Сунь Ятсен считал необходимым развивать именно гражданский национализм (в противоположность этноцентризму и сепаратизму) и объединить различные народности Китая, прежде всего пять основных народностей: *ханьцев*, *монголов*, *тибетцев*, *маньчжуров* и мусульман (в частности, *уйгуров*). Единство пяти народностей символизировал пятицветный флаг Китайской Республики, которая существовала в 1911–1928 годах. Сформулированная Сунь Ятсеном идея государства-нации Китая заключала в себе не только конфуцианскую традицию единой семьи и общей судьбы, но привносила в традиционный ценностный арсенал категории и понятия западного модерна (сам Сунь Ятсен был протестантом по вероисповеданию). К учению «о трех народных принципах» до сих пор сохраняется апелляция в преамбуле Конституции КНР. Три народных принципа: национализм (в китайском переводе это звучит как «народизм» или «народность», а не как этническая общность), народовластие и народное благосостояние — соотносятся, соответственно, с факторами национальной суверенно-

¹ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994. С. 95, 122–123.

сти, идущего снизу государственно-политического управления и основанного на социалистической эгалитарности развития.

Большим испытанием для китайского народа были Вторая мировая война и понесенные в ее ходе огромные жертвы, но именно эти жертвы и совместная борьба против японских милитаристов стали одной из опор будущей общенациональной консолидации. Период существования Китайской Народной Республики после 1949 г. был временем утверждения авторитарного коммунистического режима с задачей построения социализма, сначала по советским лекалам, а затем — «с опорой на собственные силы». Но это было и время интеграции разнородного ханьского населения, а вместе с этим выработки оптимальной для условий Китая национальной политики в отношении меньшинств. Именно при коммунистическом режиме были заложены основы государственно-го устройства и политики общенациональной консолидации.

Необходимость модернизации страны и сохранения ее целостности выдвинули перед Китаем задачу обновить старую революционную идею «государственной семьи», сформулировать концепт «государственной нации». Следует учесть, что никогда в истории не существовало единой общности *хань*, а сам этот термин обозначал население империи династии Хань в первые века нашей эры, когда под одним политическим правлением среди местных племен появляются некоторые общие черты культуры и самосознания. Однако на протяжении всей истории среди ханьцев существовали различия, в том числе и в языке, которые были сильнее, чем, например, между восточнославянскими группами, составлявшими население Древней Руси, а затем — три народа: русских, украинцев и белорусов.

Одним из инструментов национальной консолидации была политика утверждения версии официального языка — *путунхуа*. Именно консолидация хань была основой проекта формирования единой китайской нации. Вместе с этим не менее важной была задача объединения обширной этнической периферии страны вокруг основного населения. Эта этническая периферия была совсем немаленькой, и ее формализация была сделана через установление официального перечня 55 эт-

нических групп меньшинств (некоторые исчисляются в десятки миллионов человек), которые получили название *миндзу* (народности). А для обозначения всех китайцев как национальной общности стало использоваться понятие *чжунхуа миньцзу* или «нация Китая», а точнее было бы перевести «нация народностей», ибо ханьское большинство также считается одним из миндзу, делая тем самым общее число «народов Китая» — 56 групп. С 1990-х гг. национальная политика страны направлена на создание «полиэтнического национализма», «национализма всей китайской нации»¹.

В коллективном труде о китайской цивилизации встречается по этому поводу заключение, которое требует критического комментария: «В первой половине XX в. был выдвинут целый ряд концепций китайской нации как единого народа на единой территории, связанного общей культурой и общей исторической судьбой. Доктрина единой китайской нации порождена западным влиянием, но имеет и традиционные “имперские” корни в древних представлениях о Поднебесной как части земного пространства, населенного особым народом, которому покровительствует Небо. Сегодня призыв осуществить “великое возрождение китайской нации” направлен не только на экономический подъем, но и на преодоление явлений сепаратизма, сохранение государственной целостности... Вместе с тем процесс образования единой китайской нации нельзя считать закончившимся. Велики различия не только между северянами и южанами, но по существу между жителями всех других исконно китайских провинций, которые ведут свое происхождение от когда-то самостоятельных царств. Особенности исторических традиций, производственных навыков и уклада жизни населения, значительные языковые расхождения и даже отличия антропологических признаков — все это дает основание рассматривать коренных жителей той или иной провинции как

¹ Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 70, 103.

особые этнические образования в пределах ханьской нации-суперэтнос-цивилизации, своего рода субнации»¹.

Данные рассуждения — пример понимания нации как переплавленной в гомогенное единство культурной целостности. Это образец мышления в парадигме этнос-цивилизация — этих двух недоказанных и неясных ипостасей по признанию самих же авторов цитируемого труда. Последние пишут: «Как нет сомнения в том, что существует такое понятие, как цивилизация, так же точно существует понятие этнос. Однако четкому определению эти понятия поддаются с огромным трудом. В самом деле, определений того, что такое цивилизация, как утверждают историки-«цивилизационисты», насчитывается якобы порядка 240. Определений этноса, очевидно, значительно меньше... Как бы то ни было, можно насчитать несколько и даже десятки определений того, что такое этнос. Таким образом, следует констатировать неопределенность в вопросе о самом понятии этнос, так же как в понятии «цивилизация». Проблема этноса, по всей видимости, менее сложна, чем проблема цивилизации, хотя тесно с ней увязана: без этносов нет цивилизации, что является очевидным»². Я уже писал о «метастазах теории этноса» в ряде отечественной медиевистики, психологии, философии³. Теперь можно к этому добавить и российское востоковедение.

Итак, изначально в рамках национальной идеи присутствует точка зрения о культурной самодостаточности и сосредоточенности Китая не просто как нации, но цивилизации, хотя в самом Китае это понятие никогда не используется. По заветам Конфу-

¹ Кондрашова Л.И. Институциональная матрица китайской цивилизации // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2-х тт. / Отв. ред. В.Г. Хорос. Том 1. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 54.

² Лычагин А.И. Китайская цивилизация как лестница цивилизаций // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире... Том 1. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 71.

³ Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.

ция Китай продолжает считать себя Поднебесной или Срединной империей. Таковым, кстати, довольно часто считают его и внешние акторы, включая российские СМИ. Посредством своей самопрезентации китайская нация утверждает мысль о национальном превосходстве и одновременно о преодолении исторической травмы, когда Китай был полуколонией западных государств. Для национального самосознания китайцев большое значение имеет память о прошлых несправедливостях: об «опиумных войнах», о «боксерском восстании», о разрушенной европейцами резиденции цинских императоров, которую власти сознательно не восстанавливали, сохраняя как свидетельство культурной ксенофобии Запада. По мнению известного китаиста В. Гельбраса, стратегия развития Китая подспудно мотивируется идеей «отмщения за почти 100-летнее унижение со стороны империалистических государств, в том числе России»¹.

Национальная идея Китая сочетает в себе компоненты самодостаточности и превосходства с компонентами внешней экспансии. При Мао Цзэдуне этот компонент был представлен в концепте «бумажного тигра», который КНР одолеет, будучи державой с численно людским превосходством над противниками «Бумажных тигров» представлялись США и СССР, чья ядерная мощь, по мнению китайского руководства, преувеличивалась. Эта идеологема обладала мобилизующим воздействием, вселяла в сознание китайцев чувство уверенности в способности противостоять любому сопернику. В современном Китае идея внешней экспансии представлена больше в виде экономического наступления, «нового великого похода» для завоевания КНР ведущего положения в мировой экономике.

В современном Китае принята доктрина социализма с национальной китайской спецификой. Идея специфичности социалистической модели получила обоснование еще в трудах Мао Цзэдуна, но маоистская «культурная революция» была разрывом

¹ Гельбрас В.Г. Китайская Народная Республика: возрождение национальной идеи // Национальная идея: история, идеология, миф. М., 2004. С. 256.

с национальными традициями страны. Конфуцианские и даосские культурные традиции подлежали искоренению, многие памятники разрушались. Сегодня в КНР главный лозунг — не построение коммунистического общества, а «великое возрождение нации Китая». В марте 2013 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин еще раз обратился к идее «великой китайской мечты» и изложил видение этого, перечислив три главных компонента: сильное и богатое государство (*гоцзя фуцян*), национальное возрождение (*миньцзу чжэнсин*), народное счастье (*жэньминь синфу*). Он объяснил обращение к «китайской мечте» желанием «всколыхнуть дух всей нации», «собрать воедино силы всей страны». Как писал этот руководитель: «Цель нашей предстоящей борьбы такова: к 2020 г. ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения должны удвоиться на основе показателя 2010 г.; должно быть всесторонне построено средне зажиточное общество. К середине нынешнего века мы должны превратить страну в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное социалистическое государство и осуществить китайскую мечту о великом возрождении китайской нации»¹.

Главным в этом было сделать открытую модель экономики в рамках социализма с китайской спецификой. По мере проведения экономической модернизации в Китае утверждались политические и культурные характеристики обновленной национальной идентичности. Эта новизна заключалась в том, что представления об исключительности и превосходстве китайской нации отныне опирались не только на духовную культуру, но и на лидерство в технологиях и экономике в целом. «Великое возрождение китайской нации» предполагало сплочение общества с опорой на развитие «китайского духа» в сочетании с широкой исторической трактовкой «китайского пути». Это предполагало унаследование традиционной культуры, китайской системы ценностных воззрений. Многие китайские эксперты трактуют «мечту» как концентрированное выражение духа китайской культуры и наследия традиционной мысли. Стремление отыскать корни «ки-

¹ Си Цзиньпин о «китайской мечте» // «Китай». 2013. №7. .С.16.

Символы китайской нации: Великая Китайская стена и Шанхай

тайской мечты» в традиции стимулирует попытки рассмотрения и древних китайских мифологем (гармония, забота о народе, моральное совершенствование и т.д.).

Свои акценты в трактовке культурного наследия и специфики Китая Си Цзиньпин обозначил в четырех тезисах. Во-первых, у каждой страны и у каждой нации разные исторические традиции, культурное наследие, базовая национальная специфика, поэтому путь развития обязательно обладает спецификой. Во-вторых, китайская культура вобрала в себя глубокие духовные поиски китайской нации — это неустанное порождение жизни (*шэн шэн бу си*) китайской нации, развитие ее широкого добросердечия (*фэнхоу цышань*). В-третьих, китайская традиционная культура является выдающимся преимуществом китайской нации, самой основательной «мягкой силой». В-четвертых, социализм с китайской спецификой укоренен в плодородной почве китайской культуры, отражает желания китайского народа, соответствует требованиям Китая и эпохи развития и прогресса, обладает глубокими историческими истоками и реальной основой¹. Таким образом, *традиционная китайская культура более не является антитезой современного пути страны — напротив, она выступает источником его исторической легитимности.*

Что можно сказать по поводу изложенного материала и мнений ученых коллег? Как понимать и трактовать современный Китай: как нацию-государство или как цивилизацию? Последний, в основе своей натурфилософский, подход т.н. «цивилизационистов», написавших целый том по этому поводу, вдруг обнаруживает диссидентов в их собственных рядах. Один из авторов, призывая «быть проще и точнее», пишет: «Нужно ли нам слово "цивилизация" для объяснения причин китайского подъема? Не уверены. Как мы попытались показать, подъем этого мегагосударства базировался на универсальных и в том числе ме-

¹ Си Цзиньпин: Иши синтай гунцзо ши дан дэ и ся цзи дуань чжунь-яо дэ гунцзо [Си Цзиньпин: Идеологическая работа — это чрезвычайно важная работа партии]. Синьхуа, 20 авг. 2013. <http://politics.people.com.cn/n/2013/0820/c1024-22634056.html>

тодических основаниях, хорошо известных всякому человеку, родившемуся в СССР или КНР. Это исторический материализм, дополненный практическим ленинизмом Дэн Сяопина. Разумеется, не помешало и многое действительно полезное, наработанное на Западе и Востоке. Добавим, что измерения "цивилизационного" в основном производятся различными обществоведами за рубежами Китая. Во многом эти интеллектуальные искания направлены на выявление некой особой идеальной субстанции — "китайского предпринимательского (трудолюбивого) духа" — наподобие "протестантской этики"¹.

Заметим, что автора этих строк смущает деление мира на отдельные «цивилизации», занявшее многие умы в XXI веке. Как справедливо пишет А.И. Салицкий, «раньше как-то неплохо обходились "мировой цивилизацией" и национальными культурами. Как реакция на практические неудачи в модернизации и глобализации отдельных стран "цивилизационный дискурс" вполне объясним, равно как и желание защититься от культурной и информационной экспансии Запада. Но это — реакция оборонительная, консервативная, что неплохо, но грозящая фундаментализмом и отступлением от научного подхода. Хорошие абстракции и четкие научные определения имеют свойство облегчать существование человечества. Но из этого не следует, что введение категории "цивилизации" (во множественном числе), ставшее особенно популярной после работы С. Хантингтона, является необходимым для анализа социально-экономического развития и особенно — международных отношений. Работа с "цивилизациями" в означенной сфере таит не только теоретические опасности, вытекающие из принципа экономии мышления. Есть политическая опасность избыточного применения цивилизационного подхода. Представляя мир в качестве совокупности "цивилизаций" — китайской, индийской, западноевропейской, американской, российской, — мы

¹ Салицкий А.И. Истоки подъема Китая и цивилизационный дискурс // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире... Том I. — М.: ИМЭМО РАН, 2014.С. 150.

рискуем. Можно не заметить в этой совокупности отдельные страны — из-за неопределенности их "цивилизационного" положения, небольшого размера, смешанности существующих в них культур, этносов и т.п. Во-вторых, вводя в политический оборот термин "цивилизации", мы, помимо прочего, сами ставим под сомнение основы деятельности ООН, в основных документах которой этого термина, к счастью, пока нет. В какой-то мере С.Хантингтон нас «купил», заставив копаться в этнокультурном, а также "духовном и возвышенном"».

Я согласен, что без слова «цивилизация» можно прекрасно обойтись при строгом анализе явлений окружающего нас мира. «Не думаю, — пишет А.И. Салицкий, — что дядюшка Сэм Хантингтон специально совершил интеллектуальную диверсию. Но то, что вы, господа российские гуманитарии, were taken in "цивилизационным дискурсом", не подлежит никакому сомнению»¹. В противовес отечественным «цивилизационистам», одержимым неотойнбизмом-хантингтонизмом, в Китае не дали себя запутать модной фразеологической шелухой. Китайские мыслители и политики справились с решением этой задачи, маневрируя и используя, в том числе, «цивилизационную» риторику, но предпочитая простые и практичные формулировки задач самоопределения и развития и для корректировки идеи нации. Кстати, и термин *джунхуа миндзу* был введен недавно.

Нужна ли Китаю «национальная идея»? — спрашивает А.И. Салицкий. Вопрос необыкновенно интересный, ибо «уже, казалось бы, можно повсеместно ставить памятники Дэн Сяопину и возвести китайский здравый эмпиризм в ранг мировой идеологии будущего. Но что это: новый лидер Китая Си Цзиньпин объявляет о китайской мечте. Очередная утопия? Думаем, что все сложнее. Поднебесная, внимательно наблюдая за внешним миром, все более укрепляется в ощущении собственной полноценности и уже готова внести конкретный идейный и,

¹ Салицкий А.И. Истоки подъема Китая и цивилизационный дискурс // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире... Том I. — М.: ИМЭМО РАН, 2014.С. 150.

что важно, практический вклад в развитие мировой цивилизации, заплутавшей в последние десятилетия в дебрях неолиберализма, постмодернизма, монетаризма и т.п... Заземленный на практику «коммунистический Китай» (о чем ныне угрожающий Пекину Запад быстренько позабыл) выглядит теперь гораздо менее индоктринированным обществом, чем «свободный Запад» с его остатками глобальных претензий»¹.

Так что Китай — это nation-state, а китайская нация — самая многочисленная и мощная в современном мире. Этот пример «работы с идеей нации» и нациестроительства заслуживает внимания в работе над идеей России. Здесь особо следует сказать о китайской национальной политике применительно к этническому и религиозному факторам. Как считает А.А. Закурдаев, эта политика «практична и явно демонстрирует высокое место в ряду задач государственной важности». В КНР этнокультурная специфика выступает в качестве особого объекта внимания национальной политики. Помимо поддержки этнических меньшинств внимание уделяется конструированию общенациональной идентичности. Это, в частности, обеспечивается через механизм подготовки управленческих кадров. «Как и раньше, когда представители знатных слоев «варварских» народов приезжали в столицу Поднебесной получать считавшееся исключительным конфуцианское образование, так и сейчас представители малочисленных народов, населяющие свыше 60% территории современного Китая, обучаются соответствующим специальностям, чтобы быть сопричастными к управлению многонациональной страной»².

Китайское научное сообщество пытается осмысливать варианты концепта о нации и национальном вопросе, используя

¹ Салицкий А.И. Истоки подъема Китая и цивилизационный дискурс // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире... Том I. — М.: ИМЭМО РАН, 2014.С. 151–152.

² Закурдаев А.А. Национальная идентичность как продукт управляемых этнических процессов в КНР // Культурная сложность современных наций / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016. С. 314.

зарубежный опыт, в том числе и российский¹. Этнолог Юань Э, обобщившая исследовательские позиции, пишет, что «цель дискуссий заключается в содействии стабильному развитию общества, усилении конструирования национальной идентичности, воплощении практической пользы науки на благо общества. Хотя подходы и варианты решения национального вопроса отличаются, тем не менее они так или иначе направлены на развитие национального сознания китайца, связаны с представлением о государстве и нации как едином целом»².

Выдающийся китайский этнолог Фэй Сяотун считал, что, несмотря на очевидную структурную сложность национальной идентичности, ее разные этнические составляющие не обязательно приведут к развитию антагонизмов и конфликтов. «Китайская нация — это одно целое, которое составляют 56 народов. Китайская нация — это высший уровень организации, а каждый из 56 народов — базовый уровень. Идентичность высшего порядка вовсе не заменяет или исключает идентичности базового звена. Идентичности разных уровней могут сосуществовать и без противоборства. Более того, в основе идентичностей разного порядка лежит оригинальная специфика этнического саморазвития, что формирует многоязыковую и поликультурную национальную целостность»³.

В КНР принято придавать проблеме этнокультурной специфики и проблеме неравномерного социально-экономического развития народов долгосрочный характер, относиться к ним с высоким уровнем толерантности. Известный в китайской теории национального вопроса концепт «Смерть этноса» — «это решение национального вопроса внутри Китая, это трансформация сознания подданного страны, его полноценный переход

¹ Три мои книги по проблемам этничности и нациестроительства были переведены и изданы в Китае.

² Юань Э. Обзор исследований по государственной и национальной идентичностям // Этно-национальные исследования. Пекин, 2011. № 5. С. 99.

³ Фэй Сяотун. Рассуждения об антропологии и культурном самосознании. Пекин, 2004. С. 163.

в надэтническую форму организации материальной и духовной составляющих жизни. Поэтому понятны единство и акцент китайских этнологов и политиков на необходимых процессах слияния и аккультурации как оптимальных для строительства национального государства»¹. Означает ли концепт «смерти этноса» и «слияния» установку на ассимиляцию неханьских народов Китая? Например, известный историк, автор трудов по истории китайской нации Лю Чжэньюй придавал этническому слиянию первостепенное значение и противопоставлял его ассимиляции как проявлению политики насилия. Он считал, что народы, продолжительное время проживающие на территории одного государства, не могут угнетать друг друга, наоборот, в таких условиях они сближаются, взаимодействуют на культурном и экономическом уровне. Взаимовлияние и взаимопроникновение приводят к постепенному исчезновению этнокультурной специфики, что отражает суть естественного процесса слияния².

Другую точку зрения выразил один из основоположников китайского марксизма Цзянь Боцзань, который отстаивал положение, согласно которому в истории Китая имел место процесс ассимиляции. Он был убежден, что такой большой по численности народ, как ханьцы, подобно снежному кому по мере скатывания с горы, будет иметь тенденцию роста, а малочисленный народ обречен на исчезновение. Высокий уровень производительных сил, несомненно, позволит ассимилировать народ с менее развитой экономической культурой. Другими словами, он называл этот процесс *оцивилизыванием*. Что касается этнического слияния, то оно возможно в случае, если отсутствует подавление одного народа другим, достигнуто политическое и экономическое равноправие, осуществляется равномерное развитие. Подобную точку зрения поддерживает известный китайский социолог и этнолог, председатель Китайского исследовательского общества теории нации Чжан Лу.

¹ Закурдаев А.А. Цит. соч. С. 317

² Ван Дунпин, Гун Шудо, Ли Вэйхай. Дискуссия о происхождении китайской цивилизации и национальный вопрос. Наньчан, 2004. С. 287.

Сказать в итоге, что китайский опыт нациестроительства целиком успешен, было бы преувеличением. После образования КНР в стране был установлен жесткий коммунистический режим, который сопровождался идеологическим прессингом и репрессиями, в том числе против меньшинств и сепаратистских регионов. Особенно это проявилось в отношении двух больших регионов: буддийского Тибета и мусульманского Синьцзяна. В 1950 г. Тибет силовым путем был присоединен к Китайской Народной Республике и получил статус автономного района. Духовный лидер буддистов Далай-лама XIV оставался главой района до 1959 г., когда произошло вооруженное восстание местных жителей, которое было подавлено китайской армией. Китайское правительство начало проводить жесткую политику интеграции тибетцев, закрывать и разрушать религиозные центры, которыми являлись мужские и женские монастыри и храмы. Далай-лама XIV эмигрировал в Индию, где появилось тибетское правительство в изгнании. С тех пор ситуация в Тибете оставалась долгие годы напряженной, а в мире возникло движение солидарности в поддержку самоопределения Тибета и с осуждением действий Китая как культурного геноцида. Власти КНР, в свою очередь, обвинили лидера тибетских буддистов в организации беспорядков. Следует отметить, что Далай-лама выступает не за независимость Тибета, а за широкую автономию в рамках КНР. Его политика «срединого» пути и ненасильственного решения проблемы предполагает нахождение компромиссного варианта решения тибетского вопроса. Похоже, что в последние годы экономические успехи и политика общекаитайской интеграции дают свои результаты.

ГЛАВА 5

БРИТАНСКОСТЬ И АНГЛИЙСКОСТЬ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ

Причиной выбора Великобритании как еще одного сравнительного примера стали следующие соображения автора. Первое — это наличие явных параллелей между двумя нашими странами по части вариантов национализма и идеи нации. Важное обстоятельство заключается в имперском прошлом двух стран — Великобритании и России, переживших в XX веке распад и глубокие трансформации с образованием диаспоральных сообществ и миграционных движений. Второе соображение — это выполненные в последние годы российскими учеными исследования на эту тему, которые были опубликованы в том числе и в коллективных трудах под моей редакцией¹. Было бы грех не использовать мате-

¹ Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 122–142; Мамедова Л.К. Современный британский мультикультурализм как политический вы-

риал и аргументы научных соратников, хотя это не означает единомыслие в оценках.

Соединенное Королевство Англии, Шотландии и Северной Ирландии (Великобритания) — одно из старейших государств мира и крупнейшая европейская нация-государство с очень сложным составом населения и своеобразным государственно-политическим устройством. Еще более сложными представляются процессы в этнокультурной сфере, идентификационные характеристики жителей этой страны. Эти стороны общественной жизни настолько динамичны, что порою даже трудно проследить за их динамикой. Естественно, многое зависит от элитных предписаний, предпочтений и действий элит, геополитического контекста. Но в рассматриваемом случае есть многое и от исторической предопределенности, традиций и ценностей, в которых отражается многовековой опыт этой некогда «великой морской державы», крупнейшей в мире колониальной империи, стране — первичном носителе языка, на котором говорит больше всего в мире людей. Даже после выхода страны из Европейского Союза парламент и бюрократия ЕС продолжают говорить на английском языке. Оказали на ситуацию в постимперской Великобритании конца XX в. и начала XXI в. миграционные процессы и политика мультикультурализма, которым в ответ обозначился консервативный поворот в пользу культур большинства и т.н. традиционных ценностей и образа жизни.

В центре всего этого оказались дебаты о национальной идентичности, поиски нового образа гражданской нации и отношения бывшей «титульной нации» англичан и других локальных наций страны к общebritанскому национальному

зов // Культурная сложность современных наций / под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 78–96; Караваева Д.Н. 3D–Englishness, или Современный дискурс идентичности англичан // Там же. С. 96–117 (см. также монографию этого автора: Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург: Издательство УрО РАН, 2016).

проекту. Вот как характеризует эту историческую ситуацию М.А. Липкин: «Начиная с 1990 г. во многих культурных исследованиях на Британских островах произошел всплеск интереса к изучению британской культуры с акцентом на изучение исторической эволюции термина *британский* (*British*) и его идеологический подтекст. В общественно-политической лексике страны вместо термина *инглишнес* (*Englishness*) в последнее время все чаще вводится понятие *бритишнес* (*Britishness*)... Очевидно, что в условиях роста сепаратистских тенденций не только в Северной Ирландии, но также в Шотландии и Уэльсе употребление понятия *Англия* и *англичане* стало сужать географические рамки страны до нескольких десятков графств в центральной и юго-восточной части острова Великобритания. Между тем, подобно возрождению термина *россияне* в современной России (граждане многонациональной страны, не обязательно русские), употребление терминов *Британия* и *британцы* (по крайней мере в политической риторике) означало обращение к Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии в целом и ко всем его гражданам, независимо от их этнической принадлежности... На официальном уровне в последнее десятилетие слова *Англия*, *английский* заменяются на *Британия* и *британский*, а употребление старых терминов считается дурным тоном»¹. Эти слова историка относятся к 2007 г., но последние полтора десятка лет добавили драматизма и усложнили ситуацию.

БРИТАНСКОСТЬ ПРОТИВ АНГЛИЙСКОСТИ?

Сначала рассмотрим, как обстоит дело в Великобритании, где британская нация или британцы, казалось бы, являются доминирующими концептами гражданской нации. Известно, что страна делится на ряд регионов с собственной давней историей и явными культурными различиями. За последние деся-

¹ Липкин М.А. Указ. соч. С. 122–123.

тилетия в стране очень выросло население иммигрантского происхождения, т.е. это — британцы или их родители, которые родились за пределами Великобритании. Как и во многих государствах мира, включая Россию, регионально-этническая идентичность здесь конкурирует со страновой, общегражданской идентичностью. Причем не только среди исторических меньшинств и групп иммигрантского происхождения, но и среди «ядерного» большинства, т.е. среди собственно англичан. Английскость издавна, а в последние годы особенно, больше всего конкурирует с британскостью, ибо культурно-историческая дистанция здесь незначительна, и оба понятия воспринимаются и используются как синонимы.

Здесь такая же ситуация множественной и не взаимоисключающей идентичности, которая характерна прежде всего для регионов Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса. Так, например, Шотландская социологическая служба в 1979 г. установила, что 95% жителей Шотландии считают себя «шотландцами» в разной степени значимости этой идентификации (первичная, вторичная или второстепенная по сравнению с другими) и 80% считают себя также «британцами» в разной степени. Если же вопрос ставится как единичный выбор между шотландскостью и британскостью, то 57% идентифицировали себя как шотландцы и 39% — как британцы. С тех пор британскость среди жителей этой части страны пошла на убыль: в 2000 г. при единичном варианте выбора уже 80% назвали себя «только шотландцами» и 13% — «только британцами», но все равно 60% продолжали считать себя также и британцами в разных сочетаниях с другими идентичностями. Но спустя полтора десятилетия опрос 2014 г. показал, что при единичном выборе уже 31–36% показали себя «прежде всего британцами» и 58–62% — «прежде всего шотландцами»¹.

¹ Здесь и далее данные соцопросов по: Park, A., Bryson, C., Clery, E., Curtice, J. and Phillips, M. (eds.). British Social Attitudes: the 30th Report. London: NatCen Social Research, 2013 (www.bsa-30.natcen.ac.uk).

Причиной снижения уровня британской идентичности в Шотландии в 1980-1990-е гг. было правление консерваторов во главе с М. Тэтчер и Д. Мэйджором, которые проводили непопулярную политику в отношении преимущественно лейбористской Шотландии. Но после учреждения собственного Шотландского парламента в 1999 г. и уже на референдуме 2014 года по поводу независимости Шотландии общebritанская лояльность все же не позволила осуществить сецессию. Брекзит снова поменял ситуацию в пользу отделения, и перспектива сецессии выглядит на сей раз вполне реальной. В таком случае *концепт шотландской нации, который существует издавна преимущественно как культурное понятие, может обрести гражданско-политический смысл, ибо возникнет новое суверенное государство-нация*. Ничего невероятного в данном исходе судьбы нынешней британской нации и опыта нациестроительства из отколовшейся от нее части нет. Это очень распространенный случай в истории наций и государств, который неправильно трактовать как якобы отсутствие существования британской нации как народа и самосознания. Также ошибочно трактовать распад СССР как подтверждение якобы фейкового существования советского народа и советского самосознания.

Большой интерес в сравнении с российским опытом представляет собой ситуация с сердцевинной культурой (core culture) Великобритании — а именно феномен английскости, т.е. англичане как общность и как форма самосознания. При вопросе сделать единственный выбор в наборе идентичностей 43% жителей Англии назвали себя британцами по сравнению с 65% в 1992 году. Этот спад был вызван разными обстоятельствами, среди которых реакция на сепаратизмы регионов Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса, а также недовольство растущими численностью и влиянием британцев иммигрантского происхождения, размывающими культуру и традиции «старой, доброй Англии».

Самая большая оппозиция ЕС и евроскептицизм характерны именно для Англии и Уэльса, что и подтвердил референдум. Позицию за выход из ЕС поддерживали прежде всего те, кто

считал себя в большей степени англичанином, чем британцем. Эта бифуркация в национальном самосознании назад от британскости к английскому национализму происходила довольно быстро среди части населения страны. Еще в первой половине 2000-х гг. те, кто определял себя как англичане, были не большими евроскептиками, чем остальные. Их больше волновало положение «коренного населения» внутри страны. Явный рост английского национализма в британской политике произошел с середины 2000-х гг., особенно после публичного высказывания премьер-министра Д. Кэмерона, что «должны быть услышаны миллионы английских голосов...». В ходе референдума и в процессе выхода из ЕС главным лозунгом правящих кругов уже был лозунг «вернуть страну», обращенный прежде всего к английскому избирателю. Тогдашний лидер Партии независимости Соединенного Королевства Найджел Фарадж (с 2019 г. он возглавляет Партию Брекзита) вообще выступал за возрождение Англии на основе фабрично-заводской промышленности, без этнокультурного разнообразия.

Английский национализм стал реакцией на деиндустриализацию страны, на наступление современных транснациональных технологических связей и коммуникаций, размывающих старый уклад жизни и классический английский патриотизм, замешанный еще на имперском величии, святости короны и Великой хартии вольностей. К этому добавились недовольство жителей бедных районов Англии, культурные озабоченности перед воздействием иммиграции и последователей исламской веры и традиции. Таким образом в Великобритании обозначился конфликт между поборниками гражданской, неэтнической британской идентичности, которую политики типа Г. Брауна представляли как антидот шотландскому национализму и радикальному исламу, и политиками, которые выступали против либеральной глобализации, за укрепление английской идентичности с ее корнями в народной культуре и локальных сообществах.

Этот тип конфликтности в сфере идей и политики идентичности обозначился и в других странах Европы с неясным ис-

Тауэрский мост в Лондоне (фото Д.Н. Караваевой)

ходом, ибо мультикультурализм и последствия иммиграции во многом уже неустранимы. Но на данном этапе мы имеем пример того, как не рациональные расчет, а эмоциональная составляющая политики и общественных настроений в пользу национальной идентичности в ее классическом страновом и культурном смыслах взяла верх, по крайней мере, в Великобритании. Другими факторами объяснить явление Брекзита и проигрыш глобалистского проекта британскости в пользу английскости довольно сложно. Это еще одно подтверждение, что национализм не сходит с арены и он противостоит глобализму, разрушающему суверенность национальных государств.

Однако подъем английскости выявляет ее неоднородное и сложное содержание. Среди вариантов английского национализма есть поборники как многокультурности, так и т.н. младоанглийскости, но, пожалуй, *самым перспективным и единственно реализуемым вариантом утверждения Англии и английскости при сохранении целостности государства является вариант отстаивания и укрепления этого доминирую-*

щего компонента государственности и культуры в составе культурно-сложной гражданской нации британцев. Другого варианта без распада страны не существует. Как, кстати, его и не существует и для России, о чем и пойдет речь в последующих главах книги.

БРИТАНСКИЙ НАРОД КАК НАЦИЯ

Нет сомнений, что *британскость* как форма идентичности как бы заново появилась в самом конце XX века, но специалисты по этой проблеме, включая таких известных авторов, как Линда Коллей и Кришан Кумар, проследили корни британского самосознания с XVIII в. и даже раньше¹. С момента возникновения государства «Королевство Великобритании» в 1707 г. начинается вполне определенное формирование страновой британской идентичности, которая изначально носила сложный характер, включая в себя шотландскую, английскую и уэльскую идентичности. С эпохи Наполеоновских войн и с ростом морского могущества империи понятие британскости обретает более значимый характер, тесно связанный с англиканской церковью и политической традицией парламентской монархии, несмотря на культурные различия между жителями разных частей одной страны. Именно Британская империя породила и сделала сердцевиной идею британскости, которую принимали как англичане, так и шотландцы, участвовавшие в имперской экспансии и пользовавшиеся дивидендами колониальной державы. Для англичан британскость представлялась всего лишь синонимом английскости, ибо английская политическая история, право, язык и культура лежали в основе имперского контекста. Британскость принималась охотно и уэльсцами, которые считали себя потомками древних бритов.

¹ Colley L. Britons. Forging the Nation. 1707–1837. L., 1992; Kumar K. The Making of English National Identity. Cambridge Univ. Press. 2003.

С эпохи королевы Виктории протестантизм уступил место имперскости как ключевому компоненту британской национальной идентичности. Британская корона с ее ритуалами и символами вошла в репертуар национальной идентичности, проповедуя могущество нации, уникальность ее достижений и культуры. Национальной традицией стали празднования Дня Империи, юбилеев королевы Виктории, а также всего, что было связано в Британском парламентом — старейшим в мире представительным учреждением. Децентралистские тенденции существовали всегда со стороны основных четырех частей Соединенного Королевства, но только с 1970-х гг. начинается процесс *деволюции* — создания отдельных правительств для Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса. Затем последовали открытые конфликты с подпольем и террористическими актами в Ольстере, референдумы в Шотландии, национализм в Уэльсе и многое другое, что поколебало британскость и вынудило искать для нее новые обоснования и новое наполнение.

Сегодняшние британцы, или «народ Британии», — это полиэтническое, многоконфессиональное и многоязычное общество с региональными различиями и идентичностями. Состав этого общества сильно изменился после распада Британской империи и иммиграции в страну миллионов бывших подданных и их потомков, которые составляют значительную часть нынешних 66 миллионов жителей страны. Причудливость современных идентификационных диспозиций в стране отражается в том, что в собственно Англии автохтонные «белые» жители воспринимают себя прежде всего как англичане и уже потом как британцы, а большинство людей из этнических меньшинств воспринимают себя как британцев и никак как англичан, ибо последнее ассоциируется с «белыми». Наоборот, в Шотландии и Уэльсе как «белые» британцы, так и этнические меньшинства больше ассоциируют себя с Шотландией и Уэльсом соответственно, чем с Британией. В Шотландии и Уэльсе британскость зачастую воспринимается как форма культурного империализма, которую правящие элиты Англии навязывают населению страны.

Отметим, что в Великобритании иное понимание и отношение к этничности и к использованию категории «нация» и «национальное». Здесь встречается понятие «этническая группа», но это главным образом применительно к меньшинствам иностранного происхождения. Как и в России, этничность и национальность зачастую используются синонимично, но вмещают в себя страновую принадлежность и расовые характеристики. К тому же переписями населения фиксируется смешанная этническая (национальная) принадлежность. Что касается понятия «нация», то оно используется применительно к совокупности граждан Великобритании как *британская нация* (британский народ), но также используются такие самообозначения, как *английская* и *шотландская* нации.

Самый фундаментальный вопрос для страны — это соотношение *британскости* и *английскости* (Britishness versus Englishness), точно так же как это имеет место в России между российским и русским. При этом под британцами понимаются граждане Соединенного Королевства Англии, Шотландии и Северной Ирландии, а под британскостью — чувства принадлежности к общему государству, к его доминирующей культуре и историко-культурному наследию, общим ценностям и символам. Что касается англичан и английскости, то речь идет в большей мере об этнокультурной идентичности англичан и в их среде о локальных группах, но также и об английской сердцевинной (референтной) культуре в рамках общebritанской культуры.

Проблема «английскость versus британскость» сложна и динамична. Как много среди британцев считают себя также англичанами или как много англичан считают себя также британцами? Эти две категории издавна и часто используются взаимозаменяемым образом. Точно так же, как русский и россиянин зачастую неразличимые понятия, особенно для внешнего мира. Один из исследователей английской идентичности К. Кумар приводит распространенный пример языкового выражения «Англичанин/английский, я имею в виду британец/британский». Эта оговорка делается обычно только самими

англичанами. В период моей работы в Международном институте мира в Осло (PRIO) в середине 1990-х гг. я однажды спросил его директора Дэна Смита: «К какой нации он сам себя относит?» «К английской», — сказал он. «Может быть к британской?» — сказал я. «Да, конечно, к британской нации», — был его уточняющий ответ. В этой словесной неопределенности на самом деле косвенно отражается доминирующая позиция Англии и англичан в стране, и это также говорит о трудностях для английской идентичности смешивать или расширять ее до британскости. Англичане как бы отделяют себя от остальных жителей Британских островов. Опять же сходная ситуация с русскими в России в их неудобстве считать себя также и россиянами. «Мы — русские, а остальные — это россияне», — заявлял В.В. Жириновский.

Как считает Д.Н. Караваева, «соотношение английскости и британскости целесообразно рассматривать как форму оппозиции и взаимодействия «Britishness versus Englishness» (как имперскость versus самобытность, мультикультурализм versus культурное единство, магистральность versus локальность), наиболее точно отражающую содержание неотделимых друг от друга британской и английской идентичности. «Englishness» в исследуемый период условно означает совокупность английских культурно-исторических ценностей и ориентаций, «Britishness» — концепт зонтичной гражданской (имперской и постимперской) британской идентичности (подобно понятию «россияне» в постсоветской России (граждане многоэтнической страны, не только русские)». Британскость обладает особой культурной сложностью, вмещает в себя расовые, религиозные и культурные различия, но она «по-прежнему основана на установках англичан, и сердцем Великобритании остается Англия»¹.

Отметим, что при проведении переписей населения Великобритании сравнительно недавно стали выяснять этничность/национальность постоянных жителей страны. Но де-

¹ Караваева Д.Н. Указ. соч. С. 99.

лается это через закрытый список предполагаемых ответов, когда переписываемый должен отметить себя в перечне обобщенных расово-этнических конструкций. Например, самая многочисленная подгруппа «британцы» в группе «белые» включает в себя следующий обобщенный перечень: «English, Welsh, Scottish, Northern Irish or British». В принципе это расовая трактовка этничности, при которой этнические группы вообще невозможно выделить, а только разные варианты самосознания по предлагаемой шкале. С 2001 г. британская перепись регистрирует также религиозную принадлежность верующих жителей страны, поскольку Англиканская Церковь уже не является единственной и даже перестала быть официальной религией государства. С ростом иммигрантских сообществ в стране увеличивается количество мусульман: за период с 2001 по 2011 г. с 1,5 млн чел. до 2,7 млн человек (4,8% населения). За последние 10 лет численность мусульман и их доля в составе населения страны выросли еще больше. Подавляющее большинство новожиителей выбирают территорию Англии и Уэльса, прежде всего Лондон и другие города Юго-Востока страны. В 2001 г. численность меньшинств в Англии и Уэльсе по сравнению с 1991 г. увеличилась до 8 млн чел. (14%) по сравнению с прежними 3 млн чел. (7%). Самой быстро растущей категорией являются выходцы из африканского региона (990 тыс. чел.). Прирост индийцев в 2011 г. по сравнению с 2001 г. составил 34%, и эта группа самая большая среди меньшинств Англии и Уэльса — 1 млн 400 тыс. человек¹.

Столичный мегаполис существенно отличается от остальной Англии. Сегодня это конгломерат людей самого разного происхождения, расы, этничности и религиозной принадлежности. Здесь особо чувствуется растущее влияние предста-

¹ Данные по демографии и идентичности: Park, A., Bryson, C., Clery, E., Curtice, J. and Phillips, M. (eds.). *Devolution Identities and constitutional preferences across the UK. British Social Attitudes: the 30th Report*. London: NatCen Social Research, 2013 (www.bsa-30.natcen.ac.uk).

Биг-Бен и лондонское метро (фото Д.Н. Караваевой)

вителей этнических меньшинств, которые занимают руководящие должности вплоть до мэра Лондона. Иммигранты второго или третьего поколений отличаются социальной мобильностью и высоким уровнем образования, который выше среднего по стране. Лондон как место притяжения представителей молодого поколения и иммигрантов имеет уровень рождаемости, который в два раза превосходит средний по стране. Большинство населения столицы идентифицируют себя как «белые британцы» или же как «британцы азиатского и африканского происхождения». Представители этнических меньшинств отличаются достаточным уровнем социальной включенности, но в британском обществе достаточно проявлений дискриминации в отношении «небелого» населения страны.

Изменения в составе британского населения становятся причиной перемен в содержании британской идентичности. В опросный лист переписи 2011 г. впервые был введен

пункт о «национальной идентичности», и в ответе на него решалось сделать выбор в пользу смешанной идентичности. Авторы пошли на это, принимая во внимание то обстоятельство, что в современной Великобритании респондент часто не может однозначно себя идентифицировать. Отметим, что под «национальной идентичностью» понимается не британская — гражданская идентичность, а принадлежность к одной из «внутренних наций»: Шотландии, Северной Ирландии, Англии или Уэльсу¹.

У британских граждан в зависимости от их этнического происхождения формируются разные идентичности. Основная разделительная линия проходит между «белым большинством» и «небелым меньшинством». Внутри указанных групп распространены разные варианты сложных идентификаций. Так, количество белых жителей Англии и Уэльса, которые назвали себя «только британцами», составило 14%. В то же время этот показатель среди представителей этнических меньшинств приблизительно в три раза больше. Но в целом количество граждан, которые выбрали британскость как свою единственную идентичность или в комбинации с другими (шотландская, уэльская, английская или североирландская), достигло 29,1% (16,3 млн чел.). А 60% белых респондентов Англии и Уэльса предпочитают называть себя «только англичанами».

Более этнически гомогенной и мобилизованной выглядит ситуация в Шотландии: в 2011 г. только 4% отнесли себя к тому или иному меньшинству, а 62% жителей Шотландии выбрали для себя шотландскую идентичность как единственно возможную, и только 8% назвали себя британцами без всяких оговорок. Причем это представители более старших возрастов. Как показал референдум 2014 г. в Шотландии, современная британская молодежь, среди которой есть иммигранты второго и третьего поколений, готова поставить под угрозу территориальную целостность

¹ Мамедова Л.К. Указ.соч. С. 80-83.

и перспективы британской идентичности ради региональной самостоятельности. В Шотландии явно идет процесс этнонациональной консолидации на основе концепта «белой» шотландской нации. В его основе как глубокие исторические обоснования, так и культурная отличительность. Не последнюю роль играют экономические соображения и опасения остаться без общеевропейских регуляторов «лицом к лицу» с английским большинством и растущим «цветным» меньшинством после выхода страны из ЕС. Сколько ныне остается людей с британской идентичностью в этой части Соединенного Королевства, сказать сложно. И все же нельзя сбрасывать со счетов общеимперский контекст и теснейшие взаимосвязи двух частей единого государства на протяжении более трех столетий. Наконец, Вестминстер и британская корона имеют и свои рычаги воздействия, в том числе по определению времени и формата возможного референдума о независимости Шотландии.

Британская идентичность не теряет своей актуальности в Англии и Уэльсе. Здесь не только старшее поколение, но и люди трудоспособного возраста, а также молодежь выбирают именно ее при ответе на вопрос о национальности. Пожалуй, только для Уэльса характерна тенденция, при которой нынешние подростки и молодежь реже, чем их родители, называют себя британцами. В этом может сказываться введение курса валлийского языка в школьные программы, а также движения английских футбольных фанатов. И все же в Англии британскость выражена сильнее прежде всего по причине демографической ситуации. Здесь сосредоточена большая доля граждан иммигрантского происхождения. Именно они преимущественно отождествляют себя с британской идентичностью.

Концепция британскости переживает то подъем, то падение интереса к ней со стороны политиков и рядовых граждан. В январе 2006 г. Г. Браун, который тогда занимал должность министра финансов Великобритании, выступил с докладом на конференции Фабианского общества под названием «Кем

мы хотим быть? Будущее британскости». Стержнем концепции Брауна была опора на идентичность на основе общих ценностей, уходящих глубоко в историю страны. Браун также предложил новые элементы для актуализации британскости. В частности, это введение тематических государственных праздников для укрепления связей поколений и национального единства. Под общими ценностями понимались ответственность и свобода как приверженность гражданскому обществу и социальной справедливости¹. В свое время еще правительство Т. Блэра объявило курс на создание «единой нации», в которой любой цвет кожи заслуживает уважения, а расизм — неприемлем. Большое внимание было уделено гражданству как инструменту обеспечения равенства и выработке дополнений к процедуре получения гражданства. Ставший премьер-министром Г. Браун, шотландец по происхождению, возродил идею британскости. Как он считал, что «лучше справиться с глобальными переменами удастся тем странам... чьи народы сумеют объединиться и сформировать... единый и общий взгляд на цель, ради которой они готовы приносить жертвы, и на главные составляющие национального успеха»².

За последние двадцать лет существенно выросло количество британцев, которые отождествляют себя со «смешанной категорией». Например, за период с 2001 по 2011 г. эта группа в Англии и Уэльсе увеличилась с 672 тыс. человек до 1 млн 224 тысяч. Как правило, этот выбор делают родившиеся в семье, где один из родителей принадлежит к этническому меньшинству. Именно представители этой группы чаще называют себя британцами. Высказывается точка зрения, что «этническое меньшинство не теряет своей культурной идентичности, а в психологически комфортных условиях, пред-

¹ Мамедова Л.К. Указ. соч. С. 85.

² Brown G. Speech to the Fabian New Year Conference, London 2006 / Gordon Brown (Labour) // British Political Speech: website. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=316>

ложенных большинством, его члены предпочитают называть себя британцами. По сути, такой подход оправдывает британский мультикультурализм, поскольку способствует укреплению чувств национального единства у граждан с недавним иммигрантским прошлым»¹.

В свою очередь противники мультикультурализма высказывают недовольство тем, что в результате роста групп «цветных» меньшинств в Лондоне происходит отток «белых» британцев из столицы. Уже сотни тысяч англичан переехали из мегаполиса в более однородные по этническому составу места. Обсуждается также падение уровня жизни «коренного населения», особенно англичан. Если еще в недавнем прошлом англичане находились в более привилегированных условиях по уровням образования и заработной платы, то сейчас малоимущие англичане не всегда могут рассчитывать на поддержку социальных служб, подобную той, которая оказывается иммигрантам.

ВАРИАНТЫ АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Процесс деволюции не затронул собственно Англию, и эта часть островного государства формально не имеет своего правительства по сравнению с Шотландией, Северной Ирландией и Уэльсом. Среди англичан на фоне требований собственных парламентов и других автономных преференций возникают настроения, которые во многом напоминают настроения этнических русских в СССР, а сейчас и в России: «у всех есть своя государственность, а у нас ее нет». Обострение чувства английскости вызвали также последствия масштабной иммиграции после распада Британской империи. Укореняющиеся на территории Англии иммигранты развивали в себе исключительно британскую идентичность по сравнению с основным населением, для которого была больше характерна двойная

¹ Мамедова Л.К. Указ. Соч. С. 86.

или смешанная форма идентификации, а для большинства, как и в старые добрые времена, английскость и британскость были просто синонимами.

В 2004 г. Департаментом национальной статистики было выполнено обследование по оценке этнических идентичностей среди британцев, восприятию ими национальной идентичности. Было выявлено, что если среди белого населения Англии 58% указали свою национальную принадлежность как «англичанин», то подавляющее большинство небелого населения назвали себя «британцами». Перепись населения 2011 г. в Англии и Уэльсе показала, что 37,6 млн (из 56 млн) идентифицировали себя с английской идентичностью как единственной или в сочетании с другими идентичностями, составив тем самым 57,7% и 67,1% соответственно от всего населения Англии и Уэльса. Социологические опросы показывают рост числа людей в Англии, указывающих свою английскую национальную идентичность и сокращение тех, кто считает себя британцами. Последние представлены главным образом небелыми и этническими меньшинствами. Однако и среди этой части жителей Англии есть кто выступает за создание отдельного парламента Англии. Среди этой части жителей формируется английская идентичность, но уже в гражданском и полиэтническом ее понимании.

Обозреватели отмечают, что на тех же футбольных матчах все чаще болельщики демонстрируют английский флаг, а не британский Юнион Джек. Подъем английского самосознания связан с процессом деволюции, т.е. с передачей части власти и привилегий властям Шотландии и Уэльса, где стали действовать собственные законодательные органы (шотландский парламент и национальная ассамблея Уэльса). Таким образом Британский парламент фактически стал издавать законы, действующие только на территории Англии, а представительство в нем было от всего Соединенного Королевства. Английские националисты (при поддержке националистов в Шотландии и Уэльсе) стали выступать за создание парламента Англии. В 2000-х гг. от 30 до 60% опрошиваемых в Англии выступали

за создание отдельного парламента, а еще больше — за то, чтобы в Вестминстере за касающиеся Англии законы голосовали только депутаты от самой Англии.

Специалисты считают, что английский национализм имел место и до 1990-х гг., но он обычно не был направлен против политического единства трех частей страны и многие из его последователей обладали двойной, можно сказать, *англо-британской* идентичностью¹. В целом, большинство англичан устраивает нынешний порядок, и националисты не получают такой поддержки, как в других частях страны. *Английский национализм имеет главным образом культурное содержание, но он в свою очередь имеет и регионально-исторические различия*, своего рода модели идентичности, одна из которых отсылает к образу «классической Англии». Как пишет Д.Н. Караваева, это «концепция локальной и гибридной идентичности, ориентированная на прошлое и отсылающая к прошлому. В качестве ориентира — Англия до Британии или вне Британии (древняя и средневековая Англия, Англия раннего нового и новейшего времени) с чертами, которые расцениваются в качестве «истинно английских» (символически, чувственно, логически). Поклонники этой концепции обращаются к понятию «настоящей Англии» — как некой исконной, самостоятельной внебританской политической и культурной субстанции; в основе этой идентичности лежат «ценности, проверенные временем». Основными символическими категориями являются концепты «старой Англии» (old England, early England) и «Англии, страны зеленой и приятной» (England is the green and pleasant land). Это «земля обетованная», воспе-

¹ Липкин М.А. Указ. соч.; Kenny, M. The politics of English Nationhood. Oxford Univ. Press. 2014. pp.192–193; Kumar K. Negotiating English identity: Englishness, Britishness and the future of the United Kingdom / Nations and Nationalism. 2010. Vol. 16 (3). Pp. 469–487; Condor, S.; Gibson, S.; Abell, J. "English identity and ethnic diversity in the context of UK constitutional change / Ethnicities. 2006. Vol. 6(2): 123–158; Young, R.J.C. "The Idea of English Ethnicity. Blackwell Publishers.2008.

тая писателями и поэтами. Земля, по вине империи, евроинтеграции, мультикультурализма исчезающая — в географическом, эмоциональном, чувственном смысле»¹.

Только в самые последние годы английский национализм обрел более резкие формы, включая расистские и ксенофобские проявления. Он всячески поощрял процесс Брекзита после референдума о выходе из ЕС. Его основной опорой были и остаются английский рабочий класс промышленных районов и обустроенный вековым укладом житель глубинки. Как отмечает Д.Н. Караваева, английский национализм имеет свои отличия: у него нет программы или политической партии, нет публичных лидеров-интеллектуалов, нет и каких-либо социальных институтов и общественных структур. Это своего рода скрытые, не манифестируемые настроения. Неслучайно можно слышать жалобы: «теперь даже непозволительно и называться англичанином». Эти настроения распространены среди той трети населения Англии, которая считает себя «я больше англичанин, чем британец». При этом большинство относят себя к категории «я в равной мере британец и англичанин».

Английский национализм носит зачастую ностальгический характер. Причем не столько по империи, сколько по временам, когда англичане были в центре национальной жизни страны. Сейчас власть у тех, кто окончил университет, кто в корпоративном бизнесе, в медиа и в академии. Влиятельные позиции в стране у того меньшинства, кто считает «я — британец, а не англичанин», а не у того, кто считает «я — англичанин, а не британец». Таким образом, конфликт имеет место между истеблишментом (великобританские юнионисты типа Бориса Джонсона) и интересами собственно Англии, жители которой желают иметь больше власти и представительства, а также равенства по части разных квот, социальных служб, налоговых и социальных преференций. Недовольство вызывает наплыв иммигрантов,

¹ Караваева Д.Н. Указ. соч. С. 101.

размывающих основанную на местных традициях английскость. Отсюда рождаются расистские установки: за последние годы число считающих, что англичанином может быть только белый, выросло до 10% населения Англии.

Большинство аналитиков обеспокоены, что английский национализм может трансформироваться в движение за самостоятельность маленькой нации («малой Англии») в пределах многонационального государства, что приведет к формированию еще одного политически оформленного региона. Предпочтительнее выглядит форма английскости, которая соотносится с гражданской концепцией британскости без отказа от создания отдельного парламента. Тем самым будет правомерно по отношению к каждому британскому региону — Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия и Англия — употреблять термин «нация» на основании наличия там исторически сложившихся общностей, единой территории, языка и политических институтов. Как пишет Д.Н. Караваева, «все это не означает, что дискуссии о британскости не имеют смысла», ибо отмежевание от Британии проблематично для большей части белых англичан, для которых Англия и Британия привычно являются одним и тем же. Это также представляет проблему для британцев африканского и азиатского происхождения, которые стали ассоциировать себя с Британией полноценно как раз в то время, когда валлийцы и шотландцы перестали это делать, и теперь им будет сложно перестать себя считать британцами и идентифицировать себя только с Англией — регионом, в котором они проживают. Также на территории Англии живет большое количество потомков смешанных браков ирландцев, шотландцев, англичан, которым также трудно себя ощущать кем-либо, кроме британцев. Отмежевание от британскости невозможно и для ирландских юнионистов, даже если они себя ассоциируют с той Британией, которой больше нет»¹. К этому же выводу пришли участники проекта Британского совета в 2006–2007 гг., посвященного исследованию того, как

¹ Караваева Д.Н. Указ. соч. С. 100.

понимается концепт британскости населением: «Страна, однажды создавшая империю, сегодня отчаянно пытается найти себе роль в новом и одновременно старом глобальном порядке... Нечто, называемое Britishness, — возможный ответ на многие из проблем»¹.

Весь этот дискурс носит ностальгический характер, ибо «истинная английскость» почилла в имперских временах. «Казалось бы, империя сошла со сцены, однако она оказалась одной из важнейших инстанций, через призму которой ныне оцениваются проекты идентичности, особенно английские — ведущей нации, по-прежнему исповедующей, по мнению сообщества, «имперский», «миссионерский» (imperial, missionary) национализм. Дискурс строится на попытках проследить историю формирования английскости». Именно по причине глубокой привязки к бывшему величию Британской империи английский национализм не может сегодня воплотиться в реальные политические проекты. Но как считает один из британских авторов, нет никакой потребности и интереса в создании отдельного английского государства, когда англичане и без того являются основой Британской империи и Соединенного Королевства, а сама Великобритания выступает защитником интересов и свобод Англии². Отсюда вполне объяснимо, почему большинство англичан поддерживают *англобританскую* конструкцию идентичности: развитие британской культуры никогда не ущемляло интересов Англии, а правительство страны всегда учитывало интересы Англии. Таким образом, очень многие англичане, как и русские в России, считают себя и воспринимаются другими как «имперская» нация (в России ныне в отношении русских используется также термин «государствообразующая» нация).

¹ Ware V. Who Cares about Britishness? A Global View of the National Identity Debate. L., 2007. P. 1–2.

² Wellings B. Empire-nation: National and Imperial Discourses in England // Nations and Nationalism. 2002. Vol. 8, No.1. P. 95–109.

Естественно, что все другие культуры, особенно иммигрантского происхождения, должны как бы соотноситься с сердцевинной культурой, а именно — английской. Но при всем при этом ни имперский вариант англо-британскости, ни вариант «малой Англии» не имеют шансов стать доминирующим политическим проектом современного нациестроительства. Именно *космополитичная идентичность — наиболее комфортная идентичность для сегодняшнего многоликого сообщества Англии*. Англичане никогда более не будут традиционалистами и закрытыми островитянами, классическая Англия уже не существует, а существует многообразная и полиэтническая Англия¹. Однако Д.Н. Караваева считает, что «концепция космополитичной Англии является в той же мере утопией, как и все остальные, в первую очередь из-за того, что она может аккумулировать больше различий, чем способна усвоить, и больше сообществ, чем умений жить вместе. Наряду с открытостью по отношению к другим данная концепция невнимательна к собственно английскому населению и его культурным ценностям и традициям (поэтому существуют обширные группы «этнических» англичан, выступающих против такого рода культурной «косилки»)². При таком расхождении мнений по поводу случая Великобритании мне только остается занять позицию наблюдателя в этом причудливом соперничестве разных вариантов идеи нации и ее составляющих.

¹ Kumar K. The Making of English. P. 273.

² Караваева Д.Н. Указ. соч. С. 109.

ЧАСТЬ II
ИСТОРИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ РОССИИ

ГЛАВА 6

РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА: И РУССКИЙ, И РОССИЙСКИЙ

Российская Федерация в своем административном устройстве имеет в статусе субъектов федерации 22 республики, четыре автономных округа и автономную область. Следуя советской понятийной инерции, в обыденном и даже в научном языке республики и округа часто называют *национальными*, хотя правовая норма не содержит такого определения. С некоторыми условностями эти образования можно назвать *этнотерриториальными автономиями*, но обе части этого определения нуждаются в уточнениях. Действительно, данные территориально-административные образования исторически возникли на основе преимущественного расселения большинства представителей той или иной российской национальности или такая национальность была сконструирована из разнородной племенной массы в рамках советского «национально-государственного строительства»¹. Это была

¹ См.: Якубовская С.И. Строительство союзного советского социалистического государства в 1922–1925. М., 1960; История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978. М., 1979; Куличенко

своего рода форма внутреннего «национального самоопределения», которую зафиксировали и советские конституции. Такое понимание вошло в жизнь и составляет часть символического, политического капитала определенной этнической общности наряду с очерченной административными границами территорией и ее ресурсами.

В Российской Федерации всероссийской переписью населения 2010 года зафиксировано 193 этнические общности, называемыми «народами» или «нациями», что отражает и начальная строка Конституции: «Мы — многонациональный народ Российской Федерации...»

В разных странах эта начальная строка формулируется по-разному¹.

Конституция Королевства Испания: «Испанская нация, желая установить справедливость, свободу и безопасность, а также обеспечить благополучие всех, кто ее составляет, используя свое суверенное право, заявляет о своем стремлении...» Далее ст. 2 гласит: «Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, общем и неделимом Отечестве всех испанцев; она признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними». Статья 3 устанавливает, что «Из языков Испании кастильский является официальным государственным языком. Все испанцы обязаны его знать и имеют право пользоваться им».

В Преамбуле Конституции Индии записано: «Мы, народ Индии, торжественно решив учредить Индию как (Суверенную Социалистическую Светскую Демократическую Республику)

М.И. Образование и развитие Союза ССР. Ереван, 1982; Ненароков А.П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения народов. 1917–1924. М., 1991; Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М., 1995; Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М.: Издательство НОРМА, 2001.

¹ Цитир. по: Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. — 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2003.

и обеспечить всем ее гражданам: Справедливость, социальную, экономическую и политическую; Свободу мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, культов; Равенство положения и возможностей, а также содействовать распространению среди всех них Братства, обеспечивающего достоинство личности и единство и целостность Нации, на нашем учредительном собрании сегодня, двадцать шестого дня ноября месяца 1949 года, настоящим принимаем, устанавливаем и даем сами себе настоящую Конституцию».

Введение Конституции КНР идеологически созвучно российской Конституции и, в частности, гласит: «Китайская Народная Республика — единое многонациональное государство, созданное общими усилиями народов различных национальностей всей страны. Уже установились и будут укрепляться впредь социалистические национальные отношения равенства, сплоченности и взаимопомощи. В борьбе за сохранение национальной сплоченности следует выступать как против национализма великой нации, прежде всего великоханьского шовинизма, так и против местного национализма. Государство прилагает все усилия к тому, чтобы способствовать общему процветанию всех национальностей страны».

При всех различиях формулировок Россия во многом похожа на другие крупные страны мира по своему устройству, но заметно отличается по тому, какой смысл придается культурному разнообразию, какая политика выстраивается в этой сфере, как воспринимается сама страна как идея-образ. Здесь важную роль играет исторический аспект, ибо от самых истоков своей государственности Россия представляет собой полиэтничное и поликонфессиональное общество¹. Основное ее население составляют представители т.н. коренных национальностей, по происхождению, исторически или в результате давней адаптации связанных с Россией как своей единствен-

¹ См.: Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М.: Новый хронограф, 2012.

ной или основной Родиной. Это не только многомиллионный русский народ, составляющий 80% всего населения, но и более ста больших и малых этнических общностей, которые принято называть «народами России», нациями, национальностями. При этом численность не имеет особого значения. Значение имеет автохтонность и самосознание себя как целостности в среде многонационального российского народа. Разные официальные источники, политики и эксперты цитируют расхожую фразу об уникальной «многонациональности» России, якобы радикально отличающей ее от других стран мира, по крайней мере, от остальных стран Европы. Однако анализ т.н. списка «народов России» мало кто делает и чаще всего в него даже и не заглядывает. Попробуем сделать этот анализ на предмет его «подлинности», возможного упорядочивания и устранения некоторых несуразностей.

Как известно, одна из последних поправок в тексте Конституции гласит, что государственным языком в России является «русский язык как язык государствообразующего народа». Что стоит за этой фразой, которая воодушевила многих в стране, кто был особо озабочен статусом этнических русских, составляющих демографическое большинство и исторически игравших главную роль в истории Отечества. Во многих аспектах ситуация с русскими в России схожа с ситуацией ханьцев в Китае, индусов в Индии, кастильцев в Испании, англичан в Великобритании и т.д. То есть *речь идет о положении и озабоченностях большинства населения той или иной страны, своего рода «ядра нации», язык и культура которого является референтной культурой (core culture).*

Национализм от имени большинства имеет свои особенности. Прежде всего в нем меньше этнического содержания и больше страновой, государственнической и патриотической составляющей. Это тот вариант национализма, когда грань или дистанция между этногрупповым смыслом и общегосударственным мала или же совсем не прослеживается. Русский культурный национализм не исключает носителей русскоязычной культуры и «всех, кто считает себя русскими», из

членства в русской нации¹. «Мы — все русские, независимо от национальности» — можно встретить такое утверждение. «Для всего остального мира мы все — русские» — еще один утверждающий аргумент в пользу широкой трактовки русскости, и отсюда идет понимание «большой русской нации» — концепт, который был популярен еще в дореволюционной России, но так и не смог в полной мере реализоваться по причине косности самодержавия и революции 1917 года.

Еще одна специфика носит сугубо лингвистический характер, который заключается в употреблении, а также в переводе на другие языки (включая и обратный перевод на русский язык) таких фундаментальных категорий, как *русский* и *российский*, обозначающих страну и ее жителей. Казалось бы, дилемма «русский — российский» — это вопрос внутрисословных пониманий, ибо для остального мира мы все — жители страны под названием Российская Федерация (Россия), что в переводе на наиболее распространенный английский язык звучит как Russian Federation (Russia). Это означает, что, называя нас Russians, внешний мир имеет в виду не только этнических русских, а всех жителей страны, т.е. россиян. Следовательно, так и должно переводиться на русский язык обозначение жителей страны, как «россияне». Если Russian Federation — это не Русская, а Российская Федерация, то и слово Russians в данном случае означает «Россияне».

Грамотные (информированные) люди в России и за рубежом, если хотят выделить русских как этническую общность или же как личностную этническую принадлежность, уже давно используют понятие «этнические русские» (ethnic Russians) или Great Russians (великороссы). Так что *давний и устойчивый миф, что для «внешнего мира мы все — русские», следует скорректировать и более правильно сказать, что для внешнего мира мы все — россияне*. Однако многообразие значений слов «русское» и «российское» включает в себе не только

¹ См., напр.: Тесля А. Русские беседы: соперник «Большой русской нации». М.: «РИПОЛ» классик, 2018.

историческую динамику заключенных в них смыслов, но и синонимичность двух важнейших для нашего языка категорий. Если брать исторический срез, то нужно сказать, что русский язык долгое время назывался российским языком или великорусским наречием русского языка. Ломоносовская «Грамматика российского языка» и труд В.И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка» — тому свидетельства.

Само слово «русский» расширило (в чем-то и заузило!) свои значения только в XX веке, когда вместо трех ветвей одного народа русских и трех его *наречий* (великороссы, малороссы, белорусы) были конституированы уже в советской этнической номенклатуре три отдельных народа-нации: русские, украинцы, белорусы. У моего покойного тестя 1918 г. рождения в паспорте в графе национальность стояло «великоросс». Противникам российского стоило бы также напомнить, что и отечественная Православная Церковь до Великой Отечественной войны носила официальные названия «Православная Церковь Российской империи» и «Православная российская Церковь»¹. Нынешнее ее название Русская Православная Церковь было принято лишь осенью 1943 года. Отчасти это было отражением общего процесса демонтажа «российскости», которое имело место после создания на месте России государства под названием СССР.

Даже применительно к словесности такие понятия, как «русская литература» и «русский писатель/поэт», тоже представляют собой сравнительно недавние новации. В знаменитой энциклопедии Брокгауза и Эфрона можно прочесть в статье об А.С. Пушкине следующую дефиницию: «великий российский поэт». Так что *после распада СССР вопрос языкового выбора в фундаментальных вопросах обозначения страны и идентификации ее жителей встал вполне определенно и требовал своего обновленческого выбора*. В принципе после ухода категории «советский» суть этого выбора оказалась

¹ См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. М.: Изд. Соборного Совета, 1918.

между двумя понятиями: русский и российский. Как обозначить народ и саму нацию?

Используя прием, подсказанный А. Миллером, можно задать вопрос татарам в Татарстане или чеченцам в Чечне, готовы ли они назвать себя русскими и принадлежащими к русской нации независимо от этнической принадлежности (национальности), или для них будет более предпочтителен вариант считать себя россиянами и принадлежать к российской нации-государству? Почти наверняка предпочтение будет отдано второму варианту, хотя найдутся и такие, кто может не захотеть обозначать свою принадлежность к двум нациям одновременно: этнической и политической (гражданской). Но таких этнических эксклюзивистов («антироссиян») будет явное меньшинство. И наверняка меньше, чем «антииспанцев» среди каталонцев и басков в Испании и «антибританцев» среди шотландцев и ирландцев в Великобритании.

В таком случае почему бы не последовать, надеюсь, не случайному рассуждению А. Миллера по поводу этого фундаментального выбора: «...при наложении «российскости» и «русскости» как культурной идентификации мы получаем работающую конструкцию, дающую возможность прагматического подхода к нашим проблемам строительства нации. «Русскость» как открытая категория предлагает всем желающим стратегию ассимиляции. В то же время «русскость» не может быть всеобъемлющей, потому что миллионы граждан России ассимилироваться и идентифицировать себя как русских не хотят. Равенство их гражданских прав с русскими и комфортное сосуществование в одном с ними государстве обеспечивает концепция российской нации»¹.

В свое время удачное решение о соотношении русского и российского как форм идентификации предложил русский философ Г.П. Федотов. Речь идет о типе расширения по принципу русской матрешки: одно входит в другое без отрицания

¹ Миллер А.И. Нация, или могущество мифа. СПб: Изд-во Европейского ун-та, 2016. С. 142.

своей сущности. Вот его мудрые размышления: «Россия — не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. Если русские будут игнорировать их голоса, то и останемся в одной Великороссии, т.е. России существовать не будет». Как считал Федотов, наше национальное сознание должно быть достаточно сложным и гибким, чтобы учитывать многонациональную специфику государства. Для народов великоросской ветви «это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским». В том случае, когда речь идет о малороссах, формула приобретает такой вид: малорусское, русское, российское. Учет единокровного сопутствует в этих формулах расширению национального сознания и его тяготению к заботе об общем для всех нас доме. Задача каждого русского состоит в том, «чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его «русскости») в сознание российское. Это значит воскресить в нем в какой-то мере духовный облик всех народов России»¹. Вот это самое «наложение» русского и российского или «расширение» русского до российского труднее всего дается хранителям старых прописей, хотя, казалось бы, для просвещенного ума здесь нет никаких особых премудростей. Попробуем еще раз кое-что напомнить из истории отечественного дискурса о народе и нации.

¹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб; София. 1991. Т. 2. С. 179–181.

ГЛАВА 7

НАЧАЛА РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

НАЦИЯ ДО НАЦИОНАЛИЗМА

«Повесть временных лет», созданная в Киеве на рубеже XI–XII вв., считается начальной страницей отечественной истории. Она содержит рассказ о дани, которую собирали скандинавы-варяги со *словен, кривичей, чуди и мери*. Первые два племени были славянскими, вторые два — финно-угорскими, проживавшими вместе со славянами. Прогнав варягов за море, в 862 г. из-за внутренних распрей эти же данники обращаются к варягам, призывая их на правление: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Интерпретации дальнейшей фактической истории Руси, в том числе ее противоречивого начала — «сначала изгнали, потом позвали», — одна из проблем как для отечественных историков, так и для историков нескольких стран, где давнее общее прошлое составляет уже часть собственных национальных историй. Согласия между учеными не было и в давние времена, нет его и сегодня.

Утверждающаяся в настоящее время среди историков точка зрения довольно радикально разводит историю Киевской

Руси и историю Новгородской земли, считая год призвания варягов началом российской государственности. Эта трактовка имеет серьезные основания, за исключением того обстоятельства, что для ранней истории теперь уже независимой украинской государственности как бы не остается места. И видимо, правильное было бы говорить о начале древнерусской государственности. Не менее основательно разводят начало общей истории националистически настроенные украинские историки, а попытка написать общую версию истории двух стран (своего рода общий учебник)¹ была предпринята совсем недавно и также вызвала критику со стороны тех, кто придерживается как радикально-националистических взглядов, так и более традиционных подходов, которые сейчас уничижительно называют «официальной советской историографией».

В трактовке прошлого следует различать два миропонимания. Одна позиция — позитивистско-социологическая, опирающаяся на такие артефакты, как схожесть/несхожесть материальной культуры, свидетельства общей власти и веры, данные о языке и письменных памятниках. Именно на различиях строятся опрокинутые в прошлое наши сегодняшние представления об этнических общностях — народах-племенах или народностях. Отсюда появляется «этническая история Древней Руси», и этнический компонент становится одним из доминирующих в групповых и политических классификациях. Другая субстанция — интерпретивно-конструктивистская, которая исходит из того, что прошлые представления людей и природа их коллективных связей серьезно отличались от современных. Социальные коалиции или коллективы, включая протогосударственные образования, основывались не столько на культурной общности, сколько на сеньориальной зависимости/принадлежности, на династической солидарности и лояльности подданных, на некоторых единых правовых нормах, на одной религиозной вере и, наконец, на соотно-

¹ См.: Россия и Украина на перекрестках истории: пособие для учителей истории / под ред. А. А. Удоды, А. О. Чубарьяна. М., 2012.

шении военно-политической силы завоевателей и данников. И уже на этой, а совсем не на этнокультурной схожести рождались и существовали представления об общей земле и осознании себя как один народ.

Фундаментальный вопрос о том, «откуда пошла Русская земля», встает в смысле общего самосознания. Какова историческая динамика чувства коллективной идентичности, которая в те времена (как и в последующие эпохи) не могла быть одинаково выраженной, повсеместной и непрерывной? Еще в советской историографии послевоенного периода в рамках разработки теории этнических общностей ставился вопрос о национальном самосознании, но это почти всегда был вопрос об этнической идентичности как одном из важных маркеров существования отличительной этнической группы (или национальности). Эта линия идет от работ П. И. Кушнера, С. А. Токарева в 1940–1950-е гг. к работам Н. Н. Чебоксарова, Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова и др. в 1960–1980-е гг.¹ Однако никто из отечественных ученых, занимавшихся теорией и историей национального самосознания, не уходил в глубь веков, хотя о национальном самосознании как характеристике древнерусского общества писал Д. С. Лихачев, посвятив этому вопросу монографическое исследование вскоре после окончания Великой Отечественной войны². Собственно говоря, это была работа об исторической памяти, запечатленной в древнем былинном цикле. По замечанию Д. С. Лихачева, эпос был «той великой неписаной историей Русской земли, которая

¹ Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. XV. М., 1951; Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11; Чебоксаров Н. Н. Проблемы происхождения древних и современных народов. М., 1964; Козлов В. И. О понятии этнической общности // Советская этнография. М., 1967; К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации // Вопросы истории. 1970. № 4.

² Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1949.

Древние корни российской нации (рис. П.П. Толочко)

предшествовала летописанию... не случайно русский писатель XII в. Кирилл Туровский различал два типа хранителей исторической памяти: летописцев и песнотворцев»¹. В дальнейшем хранителями былинного эпоса выступили народные сказители.

Анализ древних источников позволяет выявить как компоненты воображаемого, так и более поздний характер элитных представлений о древнерусской общности (или о ее отсутствии!)². Но в моем социально-конструктивистском методологическом арсенале воображаемое есть также реальное.

¹ Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 26, 34.

² См.: Петрухин В. Я. Древняя Русь: Этнический аспект становления и развития государственности // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российской государственности / под ред. Т. Ю. Красовицкой, В. А. Тишкова. М., 2012. С. 9–49.

Тем более что многие высказывания (безусловно, представителей элит) хотя и могут относиться к более поздним временам, но все равно это та же самая эпоха русского Средневековья. Несмотря на радикальные и разнонаправленные ревизии начальных этапов истории в современной украинской и российской историографии, сама идея государственного и национального единства Руси имеет достаточно древние корни, и здесь мои научные симпатии больше на стороне академика (российского и украинского одновременно!) П. П. Толочко, который отстаивает концепцию существования древнерусской народности как реальной, а не вымышленной. Толочко завершает свою книгу «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» важным для нас сюжетом о национальном (народном) самосознании в Древней Руси. Ученый ставит те же самые вопросы современных интерпретаторов: не используем ли мы понятие, которое применимо больше к современности, и что оно могло означать для древних времен, в чем оно выражалось и «на кого мы должны ориентироваться при ответе на поставленные вопросы, в целом на народ или же на его интеллектуальную элиту»?¹

Некоторые исследователи высказывают сомнения в том, что представления летописца Нестора или автора «Слова о полку Игореве» можно воспринимать как выражение того самого самосознания, ибо представления смерда из глухого русского погоста и образованных летописцев были различными. Но и сегодня в сплошь грамотном российском, да и в любом сообществе понимание того, что есть народ, страна и кто есть «мы», разнится в не меньшей степени. Как и в наши дни, в древнерусском прошлом выразителем коллективного сознания была элита, хотя уже в Древней Руси существовали фольклорно-былинные сказания. Но этот источник был созвучен патристическому пафосу летописей и литературных произведений, и между ними не было того разрыва, который позволял бы считать один источник

¹ Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. Киев, 2011. С. 280.

политическим официозом, а другие — «историей, рассказанной самим народом» (слова академика Б.Д. Грекова).

Как пишет П.П. Толочко, «вопрос не в том, кто был автором письменных произведений, содержащих патриотические идеи, а в том, выражали ли они мысли и чаяния широких народных масс. Есть достаточно оснований утверждать, что, безусловно, выражали. По существу любое произведение исторической письменности, литературы или эпической поэзии являлось ответом на социальный заказ времени и было выражением народного исторического самосознания». Ключевым компонентом этого самосознания было представление о родине. И такое чувство общности среди восточных славян присутствовало на довольно ранней стадии их политической консолидации, ибо «Повесть временных лет» отличала говорящих на славянских языках полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей и других от «тех суть иные языки». И общее родовое название «Русь», по мнению летописца, употреблялось уже в 60-е гг. IX в. А самым важным стал акт крещения Руси, который имел всеобщий характер и осознавался как момент появления на Русской земле нового народа, которого возлюбил Христос¹. В постордынскую эпоху (XV в.) русская народность была доказанной реальностью.

Здесь для нас интересна история самих названий «Россия», «российский», «россиянин». Хотя это больше имеет значение для источниковедческих изысканий, тем не менее именование страны и народа, хотя часто с причудливой историей, напрямую относится к вопросу о национальном самосознании. О происхождении названия «Россия» давно существуют разные точки зрения, но доминирующей остается высказанная академиком М.Н. Тихомировым еще в 1953 г. позиция, что термин «Россия» (или «Росия») упоминается с конца XV в. и, постепенно распространяясь, утверждается в качестве «природно-русского понятия». Эта точка зрения утвердилась в историографии, хотя столь же давно было высказано мнение о греко-византийском происхождении и употреблении слова «Росия».

¹ Повесть временных лет. Ч. 1. М., 1950. С. 13, 17, 82.

Российский историк Б.М. Клосс установил, что это название внедрялось в массовое сознание достаточно рано, ибо присутствовало в богослужебном уставе 1435 г. Он же проследил в официальных документах того времени эволюцию термина «Великая Русь» с начала XVI в. в название «Великая Россия» и то, как уже в XVII в. бытовало разное написание названия «Россия» (с одним и с двумя «с»). Как пишет исследователь, «мы увидели в этом не проявление какого-то хаоса, а определенную закономерность: в государственном делопроизводстве и в титулах царя и патриарха Россия пишется по греческому образцу с одним «с», а Московский печатный двор начиная с апреля 1654 г. последовательно придерживается написания Россия с двумя «с»... Подобное лингвистическое «раздвоение» в написании слова «Россия» продолжалось в течение всей второй половины XVII столетия и начала XVIII в. И лишь с 1721 г., после принятия Петром I титула императора Всероссийского, написание слова «Россия» с двумя «с» стало господствующим»¹.

Что касается слова «россиянин», то оно также утверждается в языке в XVIII в., и связано это с именами Феофана Прокоповича, В.Н. Татищева, Г.Р. Державина и др. Его самое широкое употребление приходится на время Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина. Обращение к ранним и очень ценным сведениям о дихотомии русский — российский позволяет поставить вопрос о рождении национализма в России фактически до появления самого термина «нация». Данное рассмотрение исторического феномена национализма известно в науке как «нации до национализма»².

Если речь идет о нации как прежде всего об элитном дискурсе особого типа, то дебаты среди государственной и научной элиты России, а позднее среди националистически настроенной русской интеллигенции и политических активистов из нерусских народов восходят к более раннему времени, чем вошло в оборот само слово «нация» и возникло представление о национальном государстве. Содержание этого особого типа

¹ Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 135.

² Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.

идей и дебатов сводится к трактовке народа как суверенного субъекта, а не как «черни» или плебса, к наличию у народа общих черт и, самое главное, собственного Отечества или Родины, а также связей народ — правитель и народ — государство. Генератором такого рода идей и представлений издавна была и остается элита, прежде всего политики и ученые. Но где и когда в таком случае нужно искать истоки национальной идентичности в России?

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И РОССИЙСКИЙ НАРОД

Идеи и дебаты, имеющие отношение к раннему российскому («донациональному») национализму, появились еще в XVIII столетии. Они нашли отражение в баталиях, развернувшихся в Российской академии наук по вопросу о происхождении российского народа. Мы вспомним о них, чтобы показать, какое место в нашей интеллектуальной традиции занимал вопрос о происхождении российского народа и его государственности, особенно в свете долгого противостояния отечественных интеллектуалов по поводу роли норманнов в российской истории. Дебаты по этому вопросу восходят ко времени М.В. Ломоносова, когда в Российской академии наук утверждались понятия «российский народ» и «россияне» и когда одновременно складывалась версия о решающем немецком или скандинавском (норманнском) влиянии на данный процесс.

Одним из сторонников норманнской родословной Руси был историк и этнограф, академик Г.Ф. Миллер. С критикой текста его диссертационной речи на собрании академии в 1749 г. выступил М.В. Ломоносов: «Господин Миллер говорит: «Прадеды ваши от славных дел назывались славянами», но по сему во всей диссертации противное показать старается, ибо на всякой почти странице русских быют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют; гунны Кия берут с собой на войну в неволю. Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить жи-

вым штилем, то бы он Россию сделал столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»¹.

Споры о происхождении народа и государства побудили Ломоносова обратиться к изучению исторических источников и сочинений, в том числе древнерусских летописей, греческих и латинских хроник, трудов византийских историков. Потребность в написании «Российской истории» осознавала и императрица Елизавета, от которой и исходило предложение создать такой труд. В 1758 г. Ломоносов подготовил рукопись первого тома «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года». Труд был издан только в 1766 г., после смерти автора. Еще раньше было опубликовано сочинение Ломоносова «Краткий российский летописец с родословием». Свою задачу ученый видел в том, чтобы «смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа», выявить «общее подобие в порядке деяний российских с римскими» и «несходство» с Древним Римом, который «гражданским владением возвысился», а Россия «самодержавством как сначала усилилась, так и после с несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась»².

В работе «О сохранении и размножении Российского народа» Ломоносов с позиций своего времени изложил взгляды на то, как следует устраивать жизнь «природных россиян». Предлагаемые им меры для увеличения численности народонаселения были направлены на борьбу с «дурными обычаями» и «вредными явлениями», касались изменений в узаконениях браков, в распространении просвещения и т. д. Российская тема проходит и в работах ученого о русском (российском!) языке. Ломоносовская реформа языка во многом определила пути развития русской речи. «...Российский (!!! — В.Т.) наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому,

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 21.

² Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 170–171.

**Памятник
М.В. Ломоносову
в Москве**

латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может», — отмечал Ломоносов. Что касается актуального до сих пор вопроса об устройстве академических дел, то Ломоносов писал: «Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сыновьями не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний». При этом желательно, чтобы академиками и адъюнктами были «природные россияне».

Ломоносов, один из немногих русских в тогдашней Российской академии наук, обладал обостренным чувством патриотизма. Он считал, что «российский народ был за многое время до Рурика»: «варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили из древних роксолан или россов и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною». Кан-

целярия академии поддержала Ломоносова. Среди академиков состоялась большая дискуссия по диссертации Миллера. Как пишет Ломоносов, «каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в собрании палкою и бил ею по столу конференцкому». Миллера лишили звания профессора. Академия издала указ об уничтожении диссертации, «так как она предосудительная России».

Таким образом, если относить корни национализма к историческим периодам, когда появляются первые представления о коллективной общности как общности судьбы и о ее членах как существах, схожих между собой по облику, языку, достоинствам или недостаткам, то можно считать временем зарождения национализма в России первую половину и середину XVIII в. Связано это явление с Российской академией наук и персонально с М.В. Ломоносовым. Такой же точки зрения придерживается американская исследовательница Л. Гринфельд, описавшая пять разных вариантов становления национализма в таких странах, как Англия, Франция, Германия, Россия, США. Она обращает особое внимание на решающий вклад Петра I, а затем и Екатерины II в утверждение понятий «отечество», «Отчизна», которые стали все чаще употребляться вместе со словом «народ», как наиболее близким синонимом слова «нация». Тогда же вместе с этими словами появляются такие категории, как слава, гордость, служение народу и Отчизне.

Важной иллюстрацией утверждения новых понятий в общественном сознании является акт 1721 г., пожаловавший Петру I титул императора Всероссийского. Члены Сената и Священного Синода просили государя возложить на себя титул Отца Отечества, поскольку он многое сделал для него во время своего «государствования», когда государство всех россиян и российский народ стали сильными и уважаемыми. Сам по себе термин «отечество» представлял новацию, которая могла и не утвердиться в российском политическом языке. Но этот термин остался как аналог понятия *patrie*, от которого образовалось и пришло в русский язык слово «патриотизм» без его родовой основы «па-

триа». Место патриии заняло слово «отечество», а «отечествизм» не получился и утвердился «патриотизм». Титул «Отец Отечества» — эквивалент латинского *pater patriae* — устанавливал новое значение роли царя как духовного отца своего народа.

Как пишет Гринфельд, «в смысле дискурса это было если еще не сознание всех, кого побуждали употреблять это слово, но все же продвижение под руководством Петра к идее нации. Это изменение словаря было очень значимым, и новые концепты должны были медленно проникать в умы отдельных людей, которым до этого постоянно напоминали, что они были чьими-то презренными рабами». Вот что пишет исследовательница о самом императоре: «Хотя Петр имел представление о существовании политий, которые были нациями, и даже имел прямой опыт нахождения среди них, он не мыслил Россию как нацию. Он не делал каких-либо различий между собой и своим государством. И это было потому, что государство для него было продолжением его собственной персоны. Не будучи сам националистом, он пытался сделать националистами своих подданных, но только до такой степени, каковая будет увеличивать эффективность и преданность тех, кто ему служил. Возможно, по причине недостаточного энтузиазма и решимости, требуемых для выполнения этой задачи, успех его был достаточно скромным. Действительно, было что-то патетическое в несоответствии между настоящим Петра, чтобы его подданные служили государству, свободными и, значит, преданными гражданами которого они должны быть, и его твердым убеждением, что они должны были служить только ему, их милосердному отцу, верховному правителю, царю и защитнику. Несмотря на то что Петр I не дал своим подданным чувство личного достоинства (фундаментальный элемент гражданского национализма), он дал им гордость быть подданными такого сильного и знаменитого правителя и быть членами — даже если и крепостными рабами — огромной и мощной империи. Он дал им повод для национальной гордости, которая будет использована последующими поколениями и составит основу для наиболее

страстных форм национализма»¹. Это был «донациональный» национализм гражданского типа, ибо он обосновывал существование русского народа и утверждал категорию «россияне», обозначающую граждан единого отечества.

Успехи деяний Петра как преобразователя России были гораздо более весомыми, чем их оценивает Л. Гринфельд, а до нее и после нее — многие критики Петра Великого из поборников патриархальной замкнутости и из числа противников модернизации страны. Полный титул русского государя включал в себя понятия «император» и «царь» одновременно, так как Петр был царем (ханом) для «татарских земель» — Казанского и Астраханского ханств. Петр жестоко эксплуатировал своих подданных. В то же самое время он ушел от московских пыточных казематов, перенес столицу в новый торговый и космополитичный город. Он ввел новые принципы управления государством на основе определенных правил и закона. Он запрещал подданным падать перед ним на колени и снимать зимой шапки. Поощряя инициативу и возвращая полные имена вместо кличек, он стремился тем самым вызвать у них чувство собственного достоинства. И он преуспел в этом покорении безличностной стихии.

Российский исследователь В.К. Кантор отмечает: «Русские самодержцы воспринимали себя как прямых заместителей Бога, чувствовали себя земными богами. У Петра видна постоянная опора на христианского Бога во всех делах, в том числе в утверждении европейской ценности личности. Если раньше иноземцы замечали, что москвиты потому не христиане, что почитают своего царя наравне с Богом, то Петр решительно меняет эту варварскую установку сознания. Вместо неразличимого хаоса безличностей он строит новую структуру общества»². И совсем не случайно при погребении императора

¹ *Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, MA, 1992* (Русский перевод см.: Гринфельд Л. Национализм: Пять путей к современности. М., 2009. С. 197).

² *Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против русского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008. С. 101.*

прозвучали слова Феофана Прокоповича, обращенные к соотечественникам: «До чего мы дожили, о Россиане? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем... Не весма же, Россиане, изнемогаим от печали и жалости»¹.

Исследования российского историка Е.Н. Марасиновой подтверждают наши заключения. По ее мнению, с первой четверти XVIII в. начинается собственно «имперский» период развития российской государственности: к 1721 г. была решена проблема выхода России к незамерзающей Балтике и появилось основание заявить о себе как о европейской державе. Марасинова отмечает: «В царствование Петра I модернизация русского общества, то есть усвоение определенных элементов европейской культуры, приобретает особую динамику. Крепнущее Российское государство вынуждено было проводить стремительную мобилизацию внутренних ресурсов для создания пространственно-географических условий развития, обеспечить «форсированную», а порой и «насильственную» европеизацию и взять на себя инициативу глубоких преобразований. После Полтавской победы Петру и его сподвижникам стало совершенно ясно, что страна имеет теперь все основания войти в европейский мир могущественной державой, и логично, что имя этой державы будет Российская империя»².

Как писал С.М. Соловьев, в начале XVIII в. речь шла не о возрождении поверженного Царьграда, не о «третьем Риме», а о величии России и достоинстве «императора всероссийского» среди «регулярных политизированных народов»³. Это понятие политизированных народов, или общества политических народов, означало именно европейские народы, которые в глазах

¹ Прокопович Феофан. Соч. М.; Л., 1961. С. 126, 128.

² Марасинова Е. Н. Государственная идея в России первой четверти XVIII в. (К истории формирования понятий и терминов) // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. М., 2004. С. 129–149. С. 6; Она же. Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века. М., 2008.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. С. 321–322.

россиян считались нациями, т. е. политическими объединениями граждан. Хотя на самом деле большинство европейских государств того времени были монархическими и гетерогенными образованиями с колониальными владениями и с собственными бесправными аграриями. Тем не менее в оценках современников и историков той эпохи и вплоть до современности можно довольно часто встретить употребление термина «нация» применительно к странам и народам средневековой Европы. Но крайне редко отечественный общественно-политический дискурс и академический язык включают в себя эту категорию применительно к истории России, как будто бы кто-то наложил табу.

Отметим, что не только Л. Гринфельд, но и другие зарубежные авторы используют термин «нация» в трудах о России времен Петра Великого. Например, американский исследователь Р. Уортман по поводу восхваления Петра в стихах, речах, спектаклях с помощью аллегорий и художественных изображений, считая его героизм и достижения реальными, пишет: «...прославление государя в данном случае было не персонафицированным в нем прославлением государства и нации, а восхвалением личных сверхчеловеческих подвигов самого Петра, совершенных для блага нации»¹.

Особенность России заключалась не только в «политической регулярности», т. е. в степени укорененности правовых основ организации общества и власти, но также и в смыслах словоупотребления в отношении самого государственного образования и существующих в нем титулов. «На протяжении всего имперского периода монарх, официально именуемый «Его (Ваше) Императорское Величество», в повседневной речи подданных очень часто будет оставаться государем, Российская империя — Россией, если говорить о стране, и отечеством, если за эту страну нужно проливать кровь»².

¹ Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I: Материалы и исследования. М., 2002. С. 77.

² Марасинова Е. Н. Государственная идея. С. 12.

Исследователь реформ в России в XVIII столетии А.Б. Каменский, не поднимая тему нации и национализма, тем не менее оценивает итоги правления Екатерины II как время, когда уже можно было говорить о существовании новой русской национальной литературы, национальной школы живописи, архитектуры, музыки и т.д. К концу XVIII в. в основном завершился процесс складывания русского литературного языка, который чаще всего назывался российским языком. «Именно в это время происходят важные изменения в историческом сознании, вновь возникает интерес к допетровскому прошлому России, появляются первые образцы рефлексии по поводу выбора исторического пути, места и роли России в мире. Именно во второй половине XVIII в. на русской исторической сцене появляется такой особый социально-культурный феномен, каким была русская интеллигенция со свойственным ей чувством вины перед народом. Именно тогда наступает новый этап в формировании русского национального самосознания с характерным для него чувством национальной гордости и патриотизма»¹.

Для Екатерины Великой тема русского патриотизма была связана с ориентацией на Запад, которую она зафиксировала в своем «Наказе», данном Уложенной комиссии: «Россия есть европейская держава... Перемены, которые в России принял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились с климатом и привнесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, введя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал»². Екатерина проводила свои реформы, стремясь решить задачу укрепления государственной власти на принципах самодержавия, централизма и унитаризма, пытаясь одновременно для живущих в России народов «сшить каждому приличное платье». Как писала Вольте-

¹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 463.

² Цит. по: Каменский А. Б. Указ. соч. С. 358.

ру императрица, путешествуя по Волге и наблюдая «здесь 20 различных народов, один на другого не похожих», «легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять».

Во многом успешной была этнонациональная политика Екатерины Великой, т.е. политика создания, сплочения и охраны «особого мира» из многих и разных народов. Манифестом 1763 г. была начата масштабная кампания переселения колонистов в Россию. В этом документе нашли отражение европейские нормы о свободе передвижения как одного из прав человека и внедрявшиеся тогда нормы регулирования миграционной политики. Только за первые два года в Россию пришло около 30 тыс. немецких переселенцев, осевших в основном в окрестностях Саратова. В чем-то эта политика отражала популярные в то время теории о связи процветания государства с ростом народонаселения. Их в свое время изложил М.В. Ломоносов в сочинении «О сохранении и размножении Российского народа». Английский историк Р. Бартлетт посвятил переселенческой политике Екатерины II специальное исследование и такой вывод: «Ни одна другая коронованная особа современности не делала проблему народонаселения столь важной заботой правительства»¹.

Одним из важных достижений XVIII в. было появление наряду с категориями «раб» или «подданный» понятия «гражданин» не только в смысле «горожанин», а также выражения «сын Отечества», вслед за которыми следует представление об ответственном гражданине. В 1789 г. в журнале «Беседующий гражданин» была напечатана статья «Беседа о том, что есть сын Отечества» (специалисты считают, что ее автором был А.Н. Радищев), в которой обосновывался нравственный смысл понятия. По мнению автора, человек потребен для ношения имени сына Отечества, если он чужд зависти, гордости, любопытства, не предастся лени и пьянству и обладает такими до-

¹ *Bartlett R. P. Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia. 1762–1804. Cambridge, 1979. P. 31.*

бродетелями, как честолюбие, благонравие и благородство¹. Российский парадокс заключался в том, что можно было одновременно быть «слугой царя» и «сыном Отечества». Это означало (означает и по сегодняшний день!), что не существует дилеммы: нация — это обязательно свободные граждане, а без этого нет нации. Нация могла и может быть и в условиях не-свободы в ее европейском представлении. В современной Турции или в Китае свобод не больше, чем в России, но наличие турецкой и китайской наций никто не оспаривает. Причем об этих нациях оказывается позволительным говорить даже применительно ко времени, когда Турция была Османской империей, а Китай — империей и колониальным владением одновременно до начала XX в. Но тогда почему в имперской России не может быть нации, т.е. представления о едином народе страны? Это происходит по причине ментальной инерции, когда феномен сложного самосознания смешивается с социально-культурной однородностью населения страны как своего рода нормативной установкой, которую на самом деле не удалось реализовать ни в одной стране.

Н. М. КАРАМЗИН И А. С. ПУШКИН О РОССИЯНАХ

В истории формирования российской национальной идентичности XIX век стал важной вехой. Он был наполнен острыми спорами по поводу того, что есть Россия и ее народ. Здесь прежде всего следует назвать имя историка и писателя Н.М. Карамзина. В его эпоху благодаря сочинениям самого ученого прочно утвердилось представление о самостоятельном субъекте, который назывался российским народом или россиянами, — своего рода прототипе гражданской нации.

В 1811 г. Карамзин в предназначенной для императора Александра I «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» писал: «Россия основалась побе-

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. I. С. 215–223.

**Памятник
Н.М. Карамзину
в Ульяновске**

дами и единоначалием, гибла от разногласия, а спаслась мудрым самодержавием. Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременной связью с монголами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами... Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность»¹.

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 22–23.

Н.М. Карамзин использовал близкие по смыслу слова «русский» и «российский», но первое было ближе к пониманию обычая и культуры, а второе — к понятию гражданского общества. Вот как историк описывал правление Лжедмитрия: «...Дмитрий явно презирал русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился; забавлял свою невесту пляскою скомохов в монастыре Вознесенском; хотел угощать бояр яствами, гнусными для их суеверия; окружил себя не только иноземною стражею, но шайкою иезуитов, говорил о соединении церквей и хвалил латинскую. Россияне перестали уважать его, наконец, возненавидели и, согласясь, что истинный сын Иоаннов не мог бы попирать ногами святыню своих предков, возложили руку на самозванца»¹. В этом же сочинении Карамзина мы встречаем замечания по поводу институтов и отличительных черт культуры, которые еще раз подтверждают взгляд ученого на соотношение российский — русский как на соотношение понятий близких, но не тождественных: «Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению россиян с Европою как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве... Мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранное, государь России унижал россиян в собственном их сердце... Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной ступени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях».

Н.М. Карамзина можно считать одним из столпов российского национального самосознания (идентичности). Быть россиянином означало для него прежде всего чувствовать глу-

¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 31–33.

бокую связь с Отечеством (не только с государем!) и быть «совершеннейшим гражданином». Корни гражданства он возводил к «древним россиянам»: «Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что действительно порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оного!»

Н.М. Карамзин признавал роль исторической мифологии в утверждении самосознания российского гражданина и его любви к Отечеству. Российский народ становится у Карамзина главным вершителем своих судеб и даже высшим сувереном (по словам историка, «глас народа — глас Божий»). «Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной Европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами — Екатерина приучила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их — заблуждение славное для сей великой монархии!» Выступая с позиций консерватора и противника внешних заимствований, Н.М. Карамзин отмечал, что «добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей» и «одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основы империй и коих благодарность остается доселе сомнительной». Под этими нелюбимыми народом преобразованиями Карамзин видел желание монархов внедрить в России законы революционной Франции, где появля-

ется «национализм с нацией». «Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применимы к нашему гражданскому состоянию?» Карамзин верил в категорию гражданского состояния, но страшился революционного богоборчества французов во имя уже объявленной *насьон франсэз*.

А.С. Пушкин назвал «Записку о древней и новой России...» Н. М. Карамзина не только воспеванием прелести кнута, но и подвигом честного человека. Можно сказать, что Пушкин завершил идеологический прорыв, сделанный историографом в утверждении категории «российский народ», хотя поэт пользовался словом «русский», возможно, даже чаще и в самых разных вариациях. При этом он не делал особых различий между двумя категориями. Здесь важно напомнить нынешним отрицателям российскости, кому на самом деле в отечественной истории принадлежат приоритеты на слово «россияне», чтобы современные недоучки не трактовали это понятие как эвфемизм ельцинской эпохи.

Вспомним несколько фрагментов из произведений Пушкина, где говорится о российском народе и россиянах. «*Узнай, народ российский, Что знает целый мир: И прусский и австрийский Я сшил себе мундир*» (Сказки. Noel). «*Богиня пещен и рассказа... Расскажет повесть дальних стран, Мстислава древний поединок, Измены, гибель россиян На лоне мстительных грузинок*» (Кавказский пленник). «*Не смелый подвиг россиян, Не слава, дар Екатерине, Не задунайский великан, Меня воспламеняют ныне*» (Элегия).

Поэму «Борис Годунов» предваряют слова: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновленный, с благоговением и с благодарностью посвящает Александр Пушкин». Значение Пушкина для становления национальной идентичности далеко не ограничивается использованием терминов, ибо и слово «русский» было для него не менее, а даже более воспеваемым, но воспеваемым в широком значении как «всяк сущий в ней язык». Можно сказать, что и этническое русское (великорусское) са-

мосознание также берет свои многие начала в пушкинской поэзии и прозе. Пушкин действительно «наше все», если пользоваться определением А. А. Григорьева. Но самое важное, что Пушкин, как он сказал о себе, ударил по наковальне русского языка и тот зазвучал. «Но заставить «звучать язык» это и означает конституировать национальное сознание», — делает заключение В.К. Кантор¹.

О неотделимости Пушкина от России, его насыщенности Россией, о том, что поэт утвердил «наше национальное бытие», писал философ И. А. Ильин. Утверждая русскость Пушкина как главное его качество, Ильин отмечал, что историческое призвание поэта состояло в том, «чтобы принять душу русского человека во всей ее глубине, во всем ее объеме и оформить, прекрасно оформить ее, а вместе с ней — Россию»². Пушкинская открытость и ясность по поводу истории России со всеми в ней «сущими языками» была позднее востребована многими российскими мыслителями. Как представляется, главной в пушкинской идеологии государства была формула-триада, которую можно сформулировать как «свобода, просвещение, монархия». В отличие от будущих славянофилов, не принимавших петровские реформы, Пушкин, по словам философа С.Л. Франка, «ощущал национальный характер дела Петра Великого»³ и связывал предназначение России с европейским Просвещением.

В пушкинской поэтической картине мира можно выделить основные моменты, которые определяют его особый вклад в национальное самосознание. Это темы происхождения и легитимности власти, места России среди других народов, свобо-

¹ Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историческо-философские очерки. М., 1997. С. 92.

² Ильин И. А. Одинокий художник: Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. С. 49.

³ Франк С. Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике. М.; СПб., 1999. С. 492. См. также: Сурат И. Пушкин о назначении России // Новый мир. 2005. № 6.

Памятник А.С. Пушкину
в Москве

ды личности. В отличие от историка Карамзина его привлекала не скрупулезная «правда истории», а точный художественный образ отечественной истории. Письмо Пушкина к Гнедичу от 23 февраля 1825 г. содержит формулу: «История народа принадлежит поэту», которая обозначила его позицию о происхождении национального самосознания. Она отличалась как от взгляда Карамзина — «История народа принадлежит царю», так и от альтернативного высказывания Н. Тургенева и Н. Муравьева — «История народа принадлежит народу». Как отмечает Л.Г. Березовая, пушкинское замечание подразумевало, что создание исторического мифа, который и составляет собственно национальное историческое сознание, не может обойтись без поэтизации истории и закрепления ее в культурных образах. «Это формирует у нации именно чувство истории, а не ее доскональное знание, которое есть удел профессионалов»¹.

¹ Пушкин А.С. Избранное. Т. 1 / сост., автор вступит. статьи и комментариев Л. Г. Березовая. М., 2010. С. 29.

«Высвеченные гением Пушкина «вечные» темы российской истории, созданные им образы исторических героев приобрели статус национальных мифов, что делает их незаменимыми в национальном сознании. Ведь каждый народ обретает историческое сознание путем формирования собственных исторических мифов, адаптируя их в культуре и идеологии».

В записке 1826 г. «О народном воспитании» напуганный или смятенный декабристским бунтом А.С. Пушкин написал следующее о роли воспитания на примерах истории: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требуют особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить Отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

В вопросе о месте России во всемирной истории у Пушкина был также особый взгляд, который расходился с позицией, скажем, его друга П. Чаадаева. Как известно, Чаадаев сформулировал историософский приговор России: «...мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим... ни к Западу, ни к Востоку и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось»¹. Источник сделанного Чаадаевым вывода крылся, однако, в его оценке не прошлого, а настоящего России. «Для Чаадаева мысль о принципиальном и роковом отличии России от Европы — конечный вывод. Для Пушкина — лишь промежуточный тезис, — пишет Л.Г. Березовая. — В его картине мира самым парадоксальным образом совместились две противо-

¹ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 1. М., 1994. С. 323.

положные, казалось бы, ценности, названия которых он нередко писал с большой буквы: Империя и Свобода. Великие идеалы империи воплотились для Пушкина в истории России, в величественном образе Петра, в идеалах Отечества. Но они соразмерны столь же основополагающим принципам индивидуальной человеческой свободы, реализуемой в согласии с историей своего Отечества».

Существование представлений о едином народе, его правах и интересах есть свидетельство и даже суть раннего национализма. Обратимся к написанному в 1797 г. письму будущего императора Александра I своему воспитателю и другу Лагарпу. «Мне думалось, — отмечал Александр, — что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала существовать, как только конституция была бы закончена и *нация* (курсив мой — В.Т.) избрала бы своих представителей»¹. О какой нации вел речь наследник престола? Конечно же речь шла о российской, или о русской, нации, под которой понимались все граждане страны.

ПЛАНЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА

Свои юношеские мечтания о государственном переустройстве Александру I реализовать не удалось. Но идея нации и понятие российского народа как общности, которая заслуживает своего представительства, нашли отражение в проектах соратников императора, и прежде всего М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева. Как известно, Александр I после восхождения на престол делал попытки преобразований в Рос-

¹ Цит. по: Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 159–160.

сийской империи. Задуманные и частично осуществленные им реформы восходили к идеям Просвещения о справедливом государственном устройстве. Они предполагали расширение прав и свобод подданных и ограничение самодержавной власти. План нового конституционного проекта было поручено подготовить М.М. Сперанскому, человеку выдающихся способностей, которого иногда называют «Пушкиным в бюрократии». В конце карьеры он был избран действительным членом Российской академии наук и получил титул графа. В 1809 г. им был подготовлен «План государственных преобразований» — самый последовательный реформаторский документ раннего российского либерализма.

Сперанский ставил своей целью найти формы государственного устройства, которые, как ему казалось, свойственны национальному пути развития. Он хотел усовершенствовать исторически сложившиеся в России основы правления, разрушенные, по его мнению, в ходе преобразований Петра I и его последователей. Важное преимущество России перед Европой Сперанский видел в том, что правительство может сразу дать народу полную версию конституции, не дожидаясь, пока народ сам начнет отвоёвывать свои права: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»¹. Новое уложение, за составление которого готов был взяться Сперанский, по его мнению, «должно быть основано на существующих правах народа или по крайней мере должно предполагать их существующими», и «мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила конституции». Отсюда им формулируется одно из условий принятия «коренного закона государства», а именно в составлении уложения должно участвовать все государство. Он поясняет: «Во всех правильных монархических системах

¹ Сперанский М. М. Избранное. М., 2010. С. 313.

все коренные законы должны быть творением народа, ибо ни в одном из них без противоречия предположить невозможно, чтоб народ доверил тому самому лицу определять пределы власти, для коего они полагаются».

Важно отметить, что в политической философии Сперанского категория «народа» формулируется как самостоятельная субстанция, как «деятельная сила», которая составляет одну из основ государства. Это уже есть зачаточное представление о народе-суверене, о народе-нации. Положение о том, что «всякое правительство должно быть основано на общей воле народа», имело для тогдашней России фундаментальное значение. «Но когда государи перестали быть отцами их народов, когда народы познали, что они отделяют свои пользы от их благосостояния и силы, им вверенные, не только обращают не для него, но часто и против его, они нашли нужным к общим условиям, на коих воля народа установила правительства и коих неопределительность подвергла их самовластию, присоединить частные правила и точнее означить, чего именно народ желает. Сии правила названы коренными государства законами, и собрание их есть общее государственное положение, или конституция. Правительство, на сем основании учрежденное, есть или ограниченная монархия, или умеренная аристократия».

Что есть народ для Сперанского и какими словами он его обозначает? Относя к российскому (или русскому) народу всех граждан империи и даже используя такую категорию, как «сограждане», он скептически относился к непросвещенному народу, каковыми были для него тогдашние россияне, а также к разного рода вершечным экспериментам над народом и к навязыванию несвойственных его природе черт и нравов. В «Размышлениях о государственном устройстве империи» (1802) он писал: «Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предержащая будет ему повелит. Воссядет на престол дух сильный и предприимчивый, один из сих духов, что небо посылает на землю для преобращения судьбы царств, он по-

желает народ грубый и упрямый одним махом передвинуть и поставить на той точке совершенства, к коей смежные государства веками доходили — и царство сие покроется всем блеском заимственного просвещения. Успехи войны и наружное сходство внутреннего устройства заставят возмечтать народ, что он все сделал, нарядившись в чужое платье и переменяв внешний свой вид. С сего времени подражание войдет в свойство народа, и природная гордость северных обитателей обратится в тщеславие и напыщенную уверенность. Все займется украшением поверхностей и, введя иностранные названия в образ правления, будут думать, что переменили самое существо его — **позлатят цепи свои и нарекут себя свободными** (выделено мною — В.Т.)».

В подтверждение того, что обозначения *русский* и *российский* были для Сперанского синонимичны, приведем фрагмент из записки «О коренных законах государства» (1802): «Итак, вместо всех пышных разделений свободного *народа русско-го* на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и помещичьи... При таковом разделении народа в отношении к престолу каким образом можно думать о каком-нибудь образе правления, каких-либо коренных законах — какие пределы можно положить между двумя сторонами, из коих одна имеет все роды сил, а другая не имеет ничего?.. И после сего мы думаем о грамотах *российскому народу*»¹.

Развитие представлений о государственном устройстве у Сперанского претерпело существенные трансформации сначала в сторону либерального и, скорее, европейского (прежде всего английского) варианта ограниченной монархии, а затем, уже при Николае I, — в сторону охранительства. Николай I, как и его предшественник, начал с реформ, но их главная цель заключалась в наведении порядка во всех сферах государственного управления. Законность он понимал не как систематизированное однообразие, а как юридическую кате-

¹ Сперанский М. М. Указ. соч. С. 208–209, 217.

горию, регламентирующую права и обязанности. Российские императоры и правящая элита той эпохи не хотели никакого участия общества или «народа» в управлении государством, рассматривая реформы только как верхушечные инициативы. В этой ситуации М.М. Сперанский стал одной из символических фигур российского реформаторства, когда либеральные проекты просвещенных умов и деятелей империи сталкивались с консервативными силами и, как правило, терпели историческое поражение. Главная причина заключалась в незрелости общества, в его неготовности принять реформы.

И все же идеями и делами М.М. Сперанского была продолжена линия «национализации» Российского государства как по части утверждения представлений о суверенном и целостном народе, так и по части систематизации и распространения кодифицированных правовых норм и централизованного государственного управления. Это дает основание сделать вывод относительно исторического периода от Петра I до Александра I, когда начался переход от иерархического (сословного) видения общества к понятию народа как нации. Как пишет Л. Гринфельд, «с момента «открытия народа» закончился период зарождения российского национального сознания. Когда XVIII век подошел к концу, матрица, на которой все будущие россияне строили свою идентичность, была создана и чувство национальности родилось на свет. Это был трудный ребенок, но муки его рождения закончились, и ребенка уже нельзя было вернуть в материнское чрево. Отныне это обстоятельство будет определять ход российской истории»¹.

Заслуживает упоминания еще одна примечательная фигура российской истории первой половины XIX в. Речь идет о графе Сергее Семеновиче Уварове. Как и Карамзин, он может быть отнесен к «просвещенным консерваторам». Однако российский историк А.И. Миллер вносит резонную поправку в эту оценку, считая более адекватным определение этого идеологического направления как «реформистский консер-

¹ Гринфельд Л. Указ. соч. С. 260.

ватизм», т. е. «не исключаящий изменений и реформ, но планирующий их, опираясь на иные принципы, нежели уходящий корнями в Просвещение либерализм»¹. С.С. Уваров ввел известную триаду «самодержавие, православие, народность», в которой именно народность представляет для нас особый интерес.

На Уварова сильное влияние оказали труды историка Н.Г. Устрялова. Устрялов, как и Уваров, не был увлечен идеями славянской общности и был более сосредоточен на русской нации и ее национальной территории. В понимании Устрялова успехи России «приготавливают русское царство к занятию почетного места в системе Европейских держав»². Сам Уваров понимал, что правящая династия всегда будет сопротивляться «национализации» и в этом отношении «народность» ей не к лицу, ибо Романовы всегда подчеркивали свою «иностранность»³. «Для абсолютной монархии удобнее утверждать свою легитимность через идею о «божьем помазании», нежели через национализм», — справедливо пишет А.И. Миллер⁴. Поскольку идея нации изначально была связана с принципом народного представительства, то она была чужда абсолютной монархии (в отличие от английского варианта ограниченного монархизма).

Уже в первой половине XIX в. конфликт этих принципов вполне осознавался, различались лишь представления о том, как и какими методами следовало этот конфликт разрешать. «Национализация» династии, постепенная консолидация на-

¹ Миллер А. И. «Триада» графа С. С. Уварова и национализм // Исторические записки Т. 11(129). М., 2008. С. 194. По этой проблеме см. также: Султыгов А.-Х. К вопросу о формировании российской нации в первой половине XIX века // Вестник Российской нации. 2009. № 1(3), 2(4).

² Устрялов Н. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. С. 74.

³ См.: Уортман Р. С. Сценарии власти.

⁴ Миллер А. И. «Триада» графа С. С. Уварова и национализм // Исторические записки Т. 11(129). М., 2008. С. 183.

ции в ядре империи, тот или иной способ разрешения возникающего при этом конфликта между принципом самодержавия и представительным принципом — все это элементы общего процесса модернизации империй. Уваров понимал необходимость изменения механизма функционирования имперской власти и модели отношений центра и окраин. «Введя «народность» в формулу «триады» и оставив широкое поле для толкований, Уваров создавал (насколько это было возможно в николаевской России) пространство для общественной дискуссии об этом понятии... Национализм Уварова так же утилитарен, как религия и самодержавие. Он должен обеспечивать целостность и стабильность империи, которая была для Уварова самым важным, хотя и не заявленным элементом его формулы. Пожалуй, самое верное — определить Уварова в качестве имперского идеолога и бюрократа, осознавшего важность русского национализма для будущего империи». Он ратовал за решение вопроса об утверждении России как зрелого европейского государства, чтобы «зрелость России» проявилась в ее праве на избирательность заимствований и самостоятельный выбор стратегии развития. В своей деятельности министр народного просвещения и президент Российской академии наук (1818–1855 гг.) встречал противодействие как со стороны либералов, так и со стороны антиевропейски настроенных ультрапатриотов. Но он располагал выдающимися союзниками в лице Устрялова и Грановского. Он был связан с Пушкиным и Погодиным и принадлежит к числу наиболее интересных идеологов русского национализма.

Рассматривая эволюцию российского национализма, а также историю «партикулярных» (этнических и региональных) национализмов в дореволюционной России, заметим, что вместе с реформами Петра и творчеством Карамзина возникла дихотомия *русский* — *российский*. Отрицательное отношение к возвеличиванию Карамзиным именно государства Российского как основы истории и к созданию им образа «европейского русского» как идеала развития выразили сторонники славянофильско-почвеннической традиции, которые были кри-

тиками реформ Петра и европейской ориентации. Видный славянофил К.С. Аксаков в 1848 г. отмечал: «Литература наша, конечно, толковала и о России, но о России другой. Русские люди для нее не существовали: речь идет только о Россах; и этого бедного Росса, без всякого, конечно, сочувствия, которое невозможно, хвалят до невероятности... Состоит интерес в том, как Русская душа, попавшая в эту холодную область отвлеченной лжи и обезьянства, смутно сознает и ищет Русской земли, Русского народа, Русской жизни; как, наконец, от Росского и Российского переходит она к Русскому»¹. И далее: «Да. Карамзин именно писал историю Государства Российского; он не заметил безделицы в Русской истории — Земли, народа. Заслуга его истории та, что она пробудила поневоле сочувствие публики к судьбам родной земли, сочувствие, неверно высказывавшееся, но тем не менее уже пробужденное; ибо темное Русское чувство лежит в нас, лежит возможность возникнуть в нас Русскому человеку, отказаться от публики и перейти к народу, — а без того какой бы смысл имела для нас жизнь?». Этот великий спор-диалог двух взглядов на национальную Россию продолжился и в последующие периоды отечественной истории. Можно сказать, вплоть до сегодняшнего дня.

¹ Карамзин Н. М. Pro et Contra. Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология / сост. Л. А. Сапченко. СПб., 2006. С. 645.

ГЛАВА 8

НАЦИОНАЛИЗМ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Антизападный, своего рода этнографический вариант национализма как альтернатива карамзинскому российскому проходил через всю историю отечественных интеллектуальных дебатов. При этом диалог шел не только вокруг *русского* и *российского*. Этнонационализм прямо оспаривал само понятие национального применительно к стране и ее народу, ибо для этого течения отечественной мысли национальной является почва, а не государство. Это был тоже национализм, а точнее — дискурс национализма в его постоянно конкурирующем, но не всегда противостоящем варианте. По мнению В.К. Кантора, петровско-петербургская империя, упорядоченная екатерининскими реформами, пробудила к жизни гражданское сознание и вместе с ним собственных врагов: от Радищева и декабристов до Чернышевского. И найти контакт с разбуженными ею же началами гражданского общества она не смогла. «Она стала искать иное решение вопроса бытия России — стала искать национального царства вместо

петербургской Российской Империи. Славянофильский пафос Александра III и Николая II очевиден»¹.

Более или менее единодушное восприятие Карамзина как живого явления современности обозначилось, пожалуй, только в момент празднования его столетия в 1866 г. В выступлениях ряда выдающихся умов мы находим концепт «национального» в смысле российского. Эта линия восприятия сохранилась и стала более отчетливой в пореформенной России, включая употребление термина «нация», которым сам Карамзин не пользовался. Лингвист Ф.И. Буслаев писал: «Если русская литература, со времен Петра Великого, довершая дело преобразования, имела своею задачей внести к нам плоды западного просвещения, то Карамзин блистательно исполнил свое назначение. Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным основанием, явить в себе русского патриота». Буслаев считал, что для Карамзина «достоинство нации — в ее способности стать на путь цивилизации»². Развитие промышленности, торговли, культурных взаимосвязей — вот, по Карамзину, средства прогресса, способы сближения народов. Созданный Карамзиным образ путешественника, русского европейца, — это образ русского человека, но в идеале, в развитии.

Филолог академик Я.К. Грот в очерке о деятельности и личности Карамзина отмечал: «Что в жизни народов, в истории их образования может быть отраднее и многозначительнее появления подобных деятелей? Они составляют венец просвещения. Нация, могущая указать в своих летописях на такие лица, имеет право не отчаиваться в своем будущем».

Крымская война, Великие реформы Александра II и Польское восстание 1863 г. ознаменовали решающую стадию в становлении российского национализма. Это был пе-

¹ Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008. С. 167.

² Карамзин Н. М. Pro et Contra. Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология / сост. Л. А. Сапченко. СПб., 2006. С. 660.

риод распространения образования, расцвета отечественной прессы и более интенсивных связей между разными общественными группами. Это был период, когда, по мнению историка Б.Н. Миронова, в России общность (в смысле — общинность) становилась обществом и когда обществу к февралю 1917 г. удалось установить контроль над государством¹. Именно тогда *российская многоэтническая элита в постоянных дебатах и конкурирующих проектах сконструировала представление о нации как об интегрированной по государству общности*.

В частности, такое представление развивал издатель М.Н. Катков на страницах редактируемой им влиятельной газеты «Московские ведомости». Используя категорию «русская народность», он требовал признания ее исторических заслуг и придания ей статуса «политической национальности», которая автоматически должна быть обязательной для всех граждан государства. Катков высказывался не за этническое, а за национальное государство с единой системой права, образования и управления и с ограничением сословных прав. При этом Катков и другие авторы газеты не выступали с пропагандой русификации других народов, ибо считали, что политическая национальность должна иметь полиэтнический и поликонфессиональный характер. Это была концепция интеграции всех частей государства на основе правовой и гражданской унификации, и для «Московских ведомостей» категория нации имела прежде всего политико-географическое содержание. «Катков сместил акценты лояльности внутри имперского патриотизма не с помощью замены его этническим императивом, но добавлением к понятию нации триады из династии, государственных сословий и монархии. Это предъявляло неслыханные доселе требования к политическим и интеграционным силам отсталого и гетерогенного царского государства. В итоге обе действенные силы, общество и «на-

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII — начало XX века): В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 522–528.

родность», слились неразрывно в понятии нации», — отмечает немецкий историк А. Реннер¹.

В России вызвали интерес идеи экономического национализма, которые разрабатывал теоретик «промышленного воспитания нации», немецкий ученый Фридрих Лист. В 1841 г. был издан его труд «Национальная система политической экономии» (русский перевод вышел в свет в 1891 г.). Лист противостоял идеям фритредерства и так называемой классической политэкономии Адама Смита². Рассмотрим, что немецкий экономист понимал под нацией, так как именно это понимание было воспринято частью правящей элиты России. Лист отвергал «беспочвенный космополитизм, который не признает сущности национализма и не принимает в расчет национальных интересов», а также «разрушительные партикуляризм и индивидуализм, которые... рассматривают в сущности лишь частную промышленность в том виде, в каком она развивалась бы при свободе отношений в обществе, т.е. во всем человечестве, если бы оно не было расчленено на отдельные нации». В некотором смысле закладывая идеологию будущего объединения и внешней экспансии Германии, Лист писал: «Но между отдельным человеком и человечеством стоит нация с ее особенным языком и литературой, с ее собственным происхождением и историей, с ее особенными нравами и обычаями, законами и учреждениями, с ее правами на существование, на независимость, прогресс, вечную устойчивость и с ее обособленной территорией; образовавшись в ассоциацию посредством солидарности умственных и материальных интересов, составляя одно самостоятельное целое, которое признает авторитет закона, но в то же время как целое, владея еще есте-

¹ Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 460–461.

² Одно из первых исследований о Ф. Листе было выполнено американским политологом украинского происхождения Р. Шпорлюком: *Szporluk R. Communism and Nationalism: Karl Marx and Friedrich List*. Oxford, 1988.

ственной свободой по отношению к другим подобного рода ассоциациям, нация при существующем мировом порядке не может обеспечить свою самостоятельность и независимость иначе, как собственными силами и своими частными средствами... Значительная населенность и обширная, снабженная естественными богатствами территория — вот необходимые признаки нормальной национальности; они составляют основное условие умственного развития, равно как материального преуспеяния и политического могущества»¹.

В понимании Листа нация — это страна, а национализм — это политика обеспечения экономических и других интересов страны и ее народа. Не сомневаясь в том, что Россия — это нация, т.е. национальное государство, ученый отмечал: «Всякая нация, как и всякий человек, не имеет более дорогих интересов, как свои собственные. России нечего заботиться о благосостоянии Германии. Пусть Германия занимается Германией, а Россия — Россией. Вместо того чтобы жаловаться, надеяться и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитические системы в огонь и поучиться на примере России».

Лист во многом оказался прав: благодаря таможенному протекционизму, ликвидации разноречивых денежных систем, железнодорожному строительству и другим преобразованиям экономика объединенной Германии процветала. Национализм утверждался в этом имперском образовании, становясь, наоборот, примером для России. Одним из видных российских националистов, последователем идей Листа был С.Ю. Витте. В 1889 г. он опубликовал книгу о системе Листа, а в 1912 г. она была переиздана под примечательным названием «По поводу национализма». В предисловии к этому изданию Витте писал: «Преклоняясь перед многими мыслями Листа, который был как бы предтечей Бисмарка, я считаю этих двух деятелей истинными националистами. Однако новейшие течения показывают, что

¹ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 152–153.

национализм может получать разнообразные формы и объем применения в зависимости от места, времени и степени культуры. Так, например, Бисмарк, объединив Германию и создав империю с резким выражением национализма и с министерством, зависящим лишь от императора, не считал препятствием к созданию «национального» государства: конституционную поместную автономию, веротерпимость по отношению подданных негосподствующего вероисповедания, даже нехристиан, равноправность всех граждан вне зависимости от вероисповедания и происхождения, установление отношений правительства ко всем гражданам и их между собою на основании незыблемых и одинаковых для всех законов и проч. Между тем многие из указанных явлений жизни Германской империи считаются иногда несовместимыми с национальными основами»¹.

Данная цитата важна по ряду обстоятельств. Во-первых, Витте использует термины «национализм» и «национальное государство», хотя берет в кавычки слово «национальный», поскольку это была для того времени терминологическая новация: так условно начинали называть государства, проводившие политику нациестроительства (этот термин также еще широко не использовался). Во-вторых, Витте скрыто полемизирует с точкой зрения, согласно которой национальные государства должны иметь один центр без какой-либо автономии регионов, одну религию и сословную иерархию. Германия к тому времени была одновременно империей и утверждавшимся национальным государством. Именно такой хотел видеть Россию С.Ю. Витте.

Свою веру в национализм он выразил так: «Мне полагается, что есть национализм здоровый, убежденный, сильный, а потому непугливый, стремящийся к охране плодов исторической жизни государства, добытых кровью и потом народа, и достигающий этой цели; и есть национализм болезненный, эгоистичный, стремящийся, по-видимому, к той же цели, но

¹ Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // Лист Ф. Указ. соч. С. 3.

как подчиняющийся более страстям, нежели разуму, нередко приводящий к результатам противоположным. Первый национализм есть высшее проявление любви и преданности к государству, составляющему отечество данного народа; второй составляет также проявление тех же чувств, но обуреваемых местью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах, диких для XX века». Далее Витте прямо пишет, что националистом первого рода был Бисмарк и что этот тип «более желателен для нашего отечества»¹.

Здесь мы обращаем внимание на важное положение о возможности *рассматривать империю и нацию не как два исторических антипода, а как две сосуществующие субстанции в сфере общественно-политического дискурса, а значит — как две сосуществующие реальности*. Именно этот взгляд может вывести длительные дебаты о форме и сущности отечественной государственности из методологического тупика. Однако сначала заметим, что пропасть между западниками и славянофилами далеко не столь глубока, как она иногда представляется современным интерпретаторам. Сторонники обоих течений общественной жизни были людьми европейскими и в то же самое время государственниками-националистами. Отметим высказывания П.Б. Струве об И.С. Аксакове: «В публицистике Ивана Аксакова был свой лад и строй. Эта духовная музыка была гармонично проникнута двумя основными мотивами-идеями: идеей свободной личности и идеей себя сознающего и утверждающего народа, т. е. идеей нации, в которую не может не быть погружена даже самая свободная личность... Все, в чем выражалась сила и величие нации — ее исторические достижения, духовные и государственные, ее историческое призвание, — находило себе красноречивого истолкователя в Иване Аксакове»².

¹ Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // Лист Ф. Указ. соч. С. 259.

² Струве П.Б. Аксаковы и Аксаков // Славянофильство: Pro et Contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2006. С. 820.

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕРУССКОЙ НАЦИИ

Вызревание «национального ядра», или утверждение концепции общерусской нации применительно к российскому народу, переживало своего рода взлеты и падения. Своеобразным откатом и наступлением на проявления леволиберальных взглядов на устройство империи, включая не только гражданское, но и этноконфессиональное равноправие, было время после Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. С одной стороны, в России появился представительный законодательный орган — Государственная дума, а вместе с ней — свобода собраний и ассоциаций, послабления в ограничениях прав нерусских национальностей. Без этого общенациональное строительство в стране было бы немыслимо. Но с другой стороны, ответом на оживление этнической периферии и революционных тенденций в центре России, особенно в Москве и Петербурге, стала та самая реакция и ставка на жесткую силу, которые привели к кризису и краху монархического строя.

Именно при императоре Николае II, т.е. в последние два десятилетия Российской империи, в стране остро столкнулись две тенденции в развитии общества и два подхода в осознании, что есть Россия и ее народ и как должна управляться империя. Что касается самой реальности, т.е. демографической, социально-экономической, этноконфессиональной ситуации, а также сферы самосознания россиян, то здесь грандиозное по своим размерам государство переживало трудные, кризисные времена. В экономике имелись определенные успехи, особенно в развитии промышленных центров, торговли, коммуникаций (вступившая в строй Транссибирская железная дорога связала страну с Дальним Востоком). Однако основой хозяйства оставалась аграрная экономика с господством патриархальной крестьянской общины и крупных землевладельцев, которые стояли преградой на пути частной земельной собственности и развития хозяйств фермерского типа. Хотя Витте под влиянием Ф. Листа писал о националь-

ной системе российской экономики и в ряде сфер общенациональный российский рынок действительно существовал, тем не менее разрывы между регионами в экономическом развитии были грандиозными, а хозяйственные уклады варьировали от первобытности (аборигенные сообщества Сибири) и средневекового феодализма (Средняя Азия) до вполне развитых промышленных регионов европейского типа (Прибалтика, Польша, Финляндия). О связующей экономической основе нации на рубеже XIX–XX вв. говорить было трудно. Что касается демографии и этноконфессионального состава населения, то, как показала Всероссийская перепись населения 1897 г., в России проживало 150 млн человек разных национальностей и вероисповеданий.

Главной или «первенствующей церковью» была Православная Церковь. Именно по вероисповеданию государство делило население на категории «по самосознанию», помимо тех сословных различий, которые существовали в империи издавна и были главными для определения положения, прав и возможностей россиянина. Однако та же перепись через вопрос о родном языке косвенно выявила и этнический состав населения России. Всего специалисты выделили около 190 этнических групп, которые были в составе российского народа. Но «господствующей нацией» были русские, к которым власти относили, кроме великорусов, малороссов и белорусов. Один из соратников Столыпина, С. Е. Крыжановский, писал в 1905 г.: «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66% общего количества населения, а чуждые народности достигают 34%... Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одном держатся и сила государственной власти, и самый престол Российских государей, безусловно господствовал в законосовещательных учреждениях». Сам же император Николай II требовал обеспечить «право каждого русского чувствовать себя дома на всем протяжении им-

перии», а при разработке реформ государственного строя выделить «истоки русского национального ядра»¹.

Эта линия на обеспечение интересов сторонников русского национализма проявилась вокруг создания и деятельности общеимперского представительного органа — Государственной думы, которую пришлось несколько раз распускать, чтобы сделать ее «русской по духу», сократить возможность влияния представителей нерусского населения и таких регионов, как западные окраины империи, Польша, Прибалтика, Финляндия. Уже в III Думе ведущее место заняла партия октябристов, которые были против всякой автономии для инородцев. Ключевой фигурой в политике укрепления самодержавного государства стал Петр Аркадьевич Столыпин, который возглавлял правительство с 1906 по 1911 г. Оценить эту крупную фигуру довольно трудно, ибо его взгляды и деятельность отражали всю противоречивость российской жизни того времени. Во-первых, Столыпин был решительным противником европейских революционных веяний и считал Россию не готовой для внедрения в ней западных политических порядков. Выступая в Государственной думе в 1907 г., он говорил, что в отличие от Западной Европы в России нет сложившегося мелкого землевладения, нет влияющих на выборы консервативных общественных сил и влиятельного духовенства, которые обеспечивают в этих странах солидарную и контролируемую систему государственного управления. «При таких данных в России открывается широкий простор проявлению социальных стремлений, не встречающих того отпора, какой дает им прочно сложившийся общественный строй Запада, и не без оснований представители международного социализма рассматривают Россию как страну, совмещающую наиболее благоприятные условия для проведения в умы и жизнь их учений». Поэтому, по его мнению, «историческая Само-

¹ Цит. по: Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М.: Новый хронограф, 2012. С. 140.

державная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности...»¹.

Во-вторых, Столыпин был против децентрализации, а тем более федерализации Российской империи, как того требовали наиболее продвинутые в политическом развитии части империи. Так, в ответ на жалобы поляков, что они граждане второго разряда и у них нет полных прав, он говорил: «Децентрализация может идти только от избытка сил... если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать, и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет! Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права».

В-третьих, Столыпин был сторонником именно «русского государства», имперского по своей форме, и он разделял идею господствующей нации в лице тех, кто «должны быть русскими если не по происхождению, то по убеждениям». «Ведь Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой ее силу и цельность, и если быть России, то лишь при усилении всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада... Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок».

Не ставя своей целью русификацию проживающих в пределах государства народностей, Столыпин и его правительство стремилось проводить линию на утверждение привилеги-

¹ Петр Аркадьевич Столыпин. Избранные речи. Записки. Письма / сост. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1994. С. 81, 148.

рованного положения именно русских или, по крайней мере, отказывало представителям нерусского населения иметь какие-либо особые права, в том числе и на территориях их преимущественного проживания. В письме барону А.Н. Меллер-Закомельскому от 16 марта 1908 г. он писал, что при присоединении к Российскому государству новых земель российские монархи никогда не стремились к денационализации местного населения и сохраняли привычный им строй жизни. Однако «правительство имеет полное право дать этим землям то назначение, которое оно признает наиболее целесообразным и полезным. Но, конечно, при разрешении сего вопроса оно никогда не станет на ту точку зрения, которой держатся местные инородцы, и никогда не позволит себе считать сих последних полными и единственными хозяевами тех местностей, в коих они проживают, так как местности эти составляют неразрывную часть Русского государства и наряду с прочими его частями подчинены единому державному вождю русской земли — Императору Всероссийскому... В этом смысле русские действительно должны являться хозяевами на всем пространстве Российской империи».

Что представляется важным в идеях и в политике российского правительства и самого Столыпина, так это четкое представление, что у России и ее народа есть национальные интересы и задачи. В своей речи в III Государственной думе 5 мая 1908 г. он сказал знаменитые слова: «Да, господа, народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы».

Мы не затрагиваем политику Столыпина в аграрном вопросе и жестокие меры, которые он обратил против разного рода «бунтовщиков» и революционеров. Для нас важно, что именно в этот период сложилась политика опоры российского самодержавия на русский национализм центристского и правого толка, чтобы поставить под контроль периферийные национализмы с позиции силы. Уже после гибели Столыпина IV Государственная Дума, действовавшая с 1912 г. до

февраля 1917 г., стала в политическом плане верноподданнической, а ее состав почти моноэтническим. Открывая работу этой Думы, глава правительства В.Н. Коковцов объявил государственными принципами «единство и нераздельность империи, первенство в ней русской народности и веры православной» и что «под сенью русского двуглавого орла достаточно простора для спокойной жизни всех народностей». Как оказалось, это спокойствие продлилось всего пять лет и было похоронено событиями, которые вошли в историю как Великая российская революция 1917 года.

Но прежде чем перейти к анализу следующей эпохи российской истории, зададим вопрос: можно ли было сохранить империю или трансформировать ее без радикальной революции? И как оценивать с позиции сегодняшнего дня опыт нескольких веков существования многонациональной империи? Сегодняшние исследователи находят много общего в историческом опыте Британской и Российской империй. Но еще раньше барон Б.Э. Нольде отмечал, что причиной длительной стабильности России было умение использовать различные формы управления частями империи, отсутствие шаблона и готовность идти на соглашения, компромиссы и реформы. Первичные этапы колонизации, в том числе военные завоевания, со временем почти всегда сопровождались политикой встраивания периферии империи в общее российской социальное пространство. Поэтому «если периферия была полностью интегрирована в метрополию, как произошло с различными средневековыми русскими княжествами в ходе их вхождения в Московию, и к ней применялась такая же политика, как и к провинциям метрополии, подобные отношения нельзя назвать имперскими». Как мы уже писали, характер Российской империи был ближе к национальному государству, которое «предполагает одинаковое обращение со всеми составляющими нации», чем к классическим империям. Уже в XVII в. общие правовые нормы распространялись на все территории и этнические группы огромного государства: «Колониальные подданные, после того как они вошли в империю, становились во многих отношениях полноправны-

ми членами сообщества, со всеми обременениями и ограничениями, правами и средствами защиты, которые из этого следовали... Права колонизованных, в той мере, в которой он у них были, не слишком отличались от прав большей части колонизаторов». Совсем не случайно многие исследователи не могут определить, где же в Российской империи была расположена метрополия, ибо колониальный характер Российского государства больше затрагивал экономическую сферу, а не людей.

И.В. Кучумов в своей вводной статье к русскому изданию книги Б.Э.Нольде так резюмировал вклад этого труда в понимание сути империи: «Автор “Истории формирования Российской империи” показал, что статус инородческих окраин в составе России по большинству параметров не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами, а установленные налоговые повинности не имели каких-либо различий по признакам этнической принадлежности. Наоборот, налоговые льготы инонациональным сообществам, которым могло позавидовать русское население Центрального региона, являлись важной мерой сохранения территориальной целостности России». Со временем российские власти выработали достаточно толерантную политику в религиозной и культурной сферах. Крепостное право фактически не распространялось на нерусское население. А само вхождение в состав России вывело большинство обществ из многовековой изоляции, оградило от междоусобных войн и внешних врагов, дало импульс модернизации их экономики и социальных порядков. Более того, именно в составе Российской империи появляется образованная этноэлита, в среде которой рождаются идеи национал-строительства, что способствовало разным формам самоопределения уже после краха империи.

ГЛАВА 9

КОНЕЦ ИМПЕРИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Время падения самодержавия в феврале 1917 г. и деятельность Временного правительства в области так называемого национального вопроса были важной страницей отечественной истории¹. 20 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление, которым отменялись ограничения по принципу вероисповедания и этнической принадлежности на права проживания и передвижения, владения собственностью на движимое и недвижимое имущество, занятия торговлей и промышленностью, поступление в учебные заведения. Употребление нерусских языков было разрешено в делопроизводстве частных учреждений и в частных школах. Окончательное решение вопросов, затрагивающих интересы многоэтничного населения России, откладывалось до Учредительного собрания. Последняя Государственная Дума (точнее — ее Временный комитет) и ведущие политические партии были вовлечены в обсуждение будущего Российского го-

¹ См. по этому периоду: *Красовицкая Т.Ю.* Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля – октября 1917 г. Стратегия, структуры, персонажи. М.: Новый Хронограф, 2015.

сударства после конца монархического правления, и национальный вопрос был далеко не на последнем месте. Какой должно быть устройство новой России? — вопрос волновал также ведущих российских ученых-специалистов в области государственного устройства и права. Так, например, в июле 1917 г. на IX съезде Партии народной свободы (т.н. кадеты) известный юрист барон Б.Э. Нольде сделал доклад «Национальный вопрос в России». Вот как он формулировал основную проблему: «Политический опыт разноплеменных западных государств и наш собственный, если не столь богатый, но для нас особенно поучительный, свидетельствует, что национальная проблема может быть разрешаема в двух формах: более простой и менее совершенной форме — территориальной и менее простой, но более совершенной — личной (персональной). Государство может поступить прежде всего следующим образом. Во имя интересов отдельной национальности оно может отмежевать ей известную часть своей территории, и на этой территории признать за этой национальностью некоторую гегемонию, некоторые преимущественные права, пределы коих могут быть различными. Продолжая оставаться в рамках общего государства, территория приобретает в то же время самобытную национальную окраску. Таково территориальное решение вопроса. Не отвергая возможности руководствоваться принципом национального большинства при определении границ русских губерний, не отрицая, что, согласные с решениями нашей партии по вопросу об автономии, соединения автономных высших союзов России, могут слагаться также под влиянием национального признака, — партия уже признала принцип украинской автономии, — я все же **не могу считать раздел России по национальностям единственно правильным и единственно возможным решением русского национального вопроса** (выделено мною — В.Т.)»¹.

¹ Нольде Б.Э. Национальный вопрос в России. Петроград, 1917. С. 2. См. также переводное издание его фундаментального труда: История формирования Российской империи / Отв. ред. Тишков В.А. / Пер. с франц. Сахибгареевой Л.Ф. под ред. Кучумова И.В. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.

По его мнению, под этим нет достаточной исторической основы, ибо многие «русские национальности» (термин «русские» Нольде использует в понимании как российские) не знали «самобытного политического существования» в прошлом, и российские губернии образовывались как административно-территориальные единицы. Кроме этого, экономические факторы также противодействуют «национальному разделу России» и не позволяют «дробить русскую территорию по этнографическим граням». Нольде считал, что такой раздел опасен с общегосударственной точки зрения, ибо может порождать «национальные империализмы». «Под власть одной народности, за которой на данной территории будет признано господствующее положение, силою вещей были бы отданы национальные меньшинства, живущие на той же территории. Территориально господствующая национальность неизбежно будет стремиться к самоутверждению на счет более слабых численно национальностей... Мы не воздвигнем в России прочной политической постройки при помощи попыток построить иерархию российских национальностей. Русское государство должно обеспечить за всеми своими гражданами возможность свободного культурного развития на началах политического и гражданского равенства». Этот принцип равноправия должен быть в основе разрешения национальной проблемы: «В новой России не должно быть ни централизованного, ни децентрализованного национального угнетения». При этом право национальностей не должно быть обеспечено, ибо, по выражению Нольде, «национальность есть дорогая населению культурная ценность», и «обеспечение национальных интересов есть прямая обязанность государственной власти, но это обеспечение должно совершаться по возможности так, чтобы все национальности получали равное благоприствование».

Но если, как считал Нольде и партия кадетов, территориальная система не представляла собой универсальное средство достижения цели национального обустройства

России, тогда что можно было предложить наряду с этим принципом? Фактически тогда в общественно-политическом дискурсе революционной России прозвучало обоснование *принципа национально-культурной (или персонально-национальной) автономии*. Вот как Нольде изложил пути «правильного обеспечения развития и равновесия национальностей в России». Это обеспечение равномерной доли участия всех национальностей в делах общего и местного государственного управления и самоуправления, и кадеты были готовы поддерживать систему пропорциональных выборов для Учредительного Собрания и для земских и городских выборов. На второе место следует поставить языковые требования — «высшего символа и выражения национальности». Но как обеспечить равноправие языков при таком разнообразии и степени культурного развития? Реализовать требование о введении употребления в делах управления и в школах всех российских языков было чистой утопией, и поэтому: «Русский язык должен остаться языком центральных государственных учреждений, армии и флота, он должен сверх того, как единственно возможный в России межнациональный язык, сохранить наряду с другими языками права гражданства во всех тех государственных установлениях и публичных союзах, которые не предназначены служить исключительно целям какой-либо одной национальности. Но не должно чинить препятствия к удовлетворению стремления национальностей пользоваться родным языком в государственных учреждениях и публичных союзах всех тех многочисленных местностей России, где живет смешанное в национальном смысле население».

Еще одно важное направление в разрешении национального вопроса «на личностном, а не на местническом началах» должно быть в сфере культурного национального строительства. Национальная школа и Церковь представляются главным проявлением этих стремлений. «Поэтому национальные требования должны быть осуществлены, прежде всего, путем предоставления определенных прав

самоопределения личным, нетерриториальным, народным союзам... За любыми группами, сознающими свою национальность, государством должно быть признано право составлять единые национальные союзы для осуществления задач культурного управления, притом на началах публичных, а не частных»¹.

За формулой «национальный союз» скрывалась не более чем именно экстерриториальная национально-культурная автономия. Ее основы были сформулированы Нольде вполне корректно и реалистично, хотя и содержали ссылку на необходимость определенного времени для претворения этой формы общественной организации в жизнь: «Большие национальные союзы должны иметь публичный характер и представлять одно из колес общей государственной машины России, ибо на них возлагается часть той работы культурного характера, которую обязано осуществлять государство, раз такая работа не носит «нейтрального», с точки зрения национальной, характера и тесно связана с национальным бытом. Соответственно этому государство само должно определить компетенцию больших национальных союзов, должно предоставить их представителям долю влияния на управление соответствующих их компетенции делами в центре и на местах и должно обеспечить им финансовые средства, как предоставлением пособий из средств государственного казначейства, так и прав обложения участников союзов»².

Нольде считал, что государство должно определять и условия принадлежности к таким союзам, хотя эта принадлежность «есть результат порождаемого культурой сознания свободной принадлежности к той или иной народности». Вся эта работа по созданию «национальных публичных союзов» сложная и длительная, будет идти разными темпами, «но когда эта работа будет осуществлена в России, сохраняющей

¹ Нольде Б.Э. Национальный вопрос в России. Петроград, 1917. С. 2–3.

² Там же. С. 7.

свое государственное единство, будет обеспечен мир и дружное сожителство народностей, на благо Русского государства и русской культуры»¹.

Последующий ход событий похоронил на многие десятилетия вполне разумные предложения по национальному устройству России. Только в начале 1990-х гг., уже после распада СССР, автором книги, пребывая в должности министра по делам национальностей, был поставлен вопрос о необходимости введения в стране института национально-культурной автономии. Об этом шла речь в проекте концепции национальной политики, которая была представлена на заседании правительства в июне 1992 г. и которая тогда не была принята Б.Н. Ельциным из-за противодействия Г.В. Старовойтовой и Р.Г. Абдулатипова. Однако в 1996 г. все же был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии в Российской Федерации». А тогда в революционной России очередь до Учредительного собрания так и не дошла. Барон Нольде оставался в стране до 1919 г., затем эмигрировал и провел оставшуюся жизнь за границей.

Со своим пониманием нации в России выступили и социалисты-революционеры (эсеры). На одном из съездов партии в мае-июне 1917 г. был сделан доклад Н.В. Брюлловой-Шаскольской по национальному вопросу. В нем содержалось определение нации, которое частично повторяло азы восточно-европейской социал-демократии. Вот как определяла нацию эта известная кадетка: «Тот или иной человек причисляет себя к определенному коллективу с определенными общими задачами, и это коллектив мы именуем нацией... Нация — группа людей, объединенных общей исторической судьбой, совокупностью ценностей, вместе, в поколениях предков созданных и ныне вместе создаваемых, ценностей прошлого, вылившихся в культуре и создавших культурную среду, как почву для новых возможностей и нового творчества, творчества политического,

¹ Нольде Б.Э. Национальный вопрос в России. С. 8.

социального и чисто культурного, научного, литературного, художественного. Большею частью эта группа продолжает жить вместе, связанная общей историей и общими задачами, теми днями, когда... «всем хорошо» или «всем плохо»... «Мы категорически отмежевываемся от буржуазного понятия государства и нации (имеется в виду якобинское понимание нации как согражданства — В.Т.)... С точки зрения социализма понятие нации есть понятие ее трудовых народных масс... Нашей целью является не старый, несколько наивный космополитизм, который растворял личность в мировой идее, не считаясь с национальным языком, но монополитизм, т.е. союз мировой, союз всех обособленных в нации трудовых слоев человечества»¹.

Что предлагали эсеры для России? Это — «интернационализм как равноправный союз федерации национальностей» с его главными носителями «трудовыми народными массами»: «Поднимая знамя развития своей национальности, социалист поднимает и знамя интернациональной солидарности».

Тем временем после свержения самодержавия повсеместно стали создаваться органы самоуправления. Как правило, это были комитеты и советы. Их формирование происходило по социальному и по этническому принципу. Лидирующую роль в них играла местная элита, для которой эти меры воспринимались как переходные к установлению «национальной» (читай — этнической) государственности. Эти комитеты рассматривались как прообразы будущего политического самоопределения на этнонациональной основе. Вообще ситуация в России в тот момент была критической. Вот как ее описывал весной 1917 г. Питирим Сорокин, секретарь при главе Временного правительства А. Керенском: «Распад России начинается, и не на шутку. Финляндия, Украина и Кавказ провозгласили свою независимость.

¹ Цитируется по: Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс..., С.22. См. источник: Брюллова-Шаскольская Н.В. Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос.

Независимыми объявили себя также Кронштадт, Шлиссельбург и многие другие районы в разных концах России. Даже группа анархистов, забаррикадировавшаяся на даче Дурново, и большевики в особняке Кшесинской имеют наглость называть себя независимыми государствами. Моя бедная страна разваливается на части. Вчера ко мне пришли несколько зырян (одно из названий народа коми — В.Т.), жителей Севера России, попросивших, чтобы наша газета провозгласила независимость Зырянской республики, и предложивших мне стать президентом новой республики! Безумие овладевает умами всех»¹.

Вообще П. Сорокин довольно глубоко анализировал ситуацию и программы разных групп и партий, которые получили хождение в это «безумное время». В 1917 г. он издал брошюры «Автономия национальностей и единство государства», а также «Проблемы социального равенства», в которых разобрал категории нации и национального. Этот его взгляд заслуживает изложения как еще один вариант понимания «национального вопроса» (этот термин уже был в ходу с подачи европейской социал-демократии) в России.

«В ряду вопросов, горячо и страстно обсуждаемых теперь, чуть ли не первое место принадлежит национальному вопросу и проблемам, связанным с ним. Такой факт неудивителен, но удивительно то, что спорящие нередко едва ли и сами знают, из-за чего они ломают копыя... *«Что такое национальность? Каковы ее элементы? В чем ее отличительные признаки?»*, — задавал вопрос приват-доцент Сорокин. По его мнению, публицисты, ученые и теоретики вполне правильно видят в нации или в национальности не метафизический принцип, не какую-то таинственную «вне и сверхразумную сущность», а группу или союз людей, обладающих теми или иными признаками, иначе говоря, объединенных той или иной связью. Одним из таких признаков, по мнению

¹ Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост. В.В. Сапов. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. С. 85.

многих лиц, является «*единство крови*», или, иначе, *единство расы*. Уже в те годы, т.е. столетие тому назад, П. Сорокин пишет: «В наше время нет надобности подробно критиковать это мнение. Оно давно уже опровергнуто. Достаточно сказать, что теория чистых рас оказалась мифом; их нет, как нет, например, и специально немецкой или английской крови... **В мире же людей указываемый признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен** (выделено мною — В.Т.)»¹.

Многие исследователи, отмечает П. Сорокин, видят отличительный признак национальности в *единстве языка*. Люди, говорящие на одном языке, принадлежат к одной национальности, таково основное положение этого течения. Данная теория национальности едва ли не самая популярная и самая распространенная. Однако от этого она не становится еще истинной. И после ряда примеров он делает вывод, что «на почве одного языка нельзя построить здание национальности». По его мнению, таким признаком не может быть и *религия*, ибо люди, относящие себя к одной национальности, сплошь и рядом исповедуют различную религию, и наоборот, люди, принадлежащие к одной религии, сплошь и рядом являются представителями различных наций. Не является искомым признаком и *общность экономических интересов*, так почти всегда экономические интересы русского рабочего меньше противоречат экономическим интересам немецкого пролетария, чем русского капиталиста. Не могут быть искомыми признаками нации и *единство правящей династии* или, как указывают многие, «*единство исторических судеб*». «Но, может быть, искомым критерием служит *единство морали, права и нравов!* Увы! Нет! Кому же не известно, что разница между русским крестьянином и русским баринном в этом отношении гораздо большая, чем между русским баринном и немецким аграрием». Не может

¹ Здесь и далее цитируется по: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 245–252.

быть основой национальности и *единство мировоззрения, единство философии*, ибо «мировоззрение русских социал-демократов и немецких социалистов или немецких философов и русских философов нередко сходно, а по национальности они относят себя к различным центрам и теперь стоят во враждебных нациях». Таким образом, культура не есть основа нации, национальности (у Сорокина нет различий в употреблении данных слов).

Есть еще попытка установить понятие и сущность национальности путем подчеркивания психологической природы этого явления, — отмечает Сорокин, т.е. национальность — это «*осознание своей принадлежности к определенному политическому телу*», вызываемое различными причинами — религиозными, экономическими, правовыми, единством языка, исторической традицией и т.д. В отдельности ни одна из этих связей не есть национальная связь, а вместе взятые, они противоречат одна другой. Теория не дает определения, а потому и ее приходится отвергнуть. И таким образом, «в процессе анализа национальность, казавшаяся нам чем-то цельным, какой-то могучей силой, каким-то отчеканенным социальным слитком, эта «*национальность*» *распалась на элементы и исчезла*. Вывод гласит: национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи». При всем тотальном негативизме Сорокин все-таки оказывается прозорливым, делая вывод, что в подходе к определению нации самое главное и, возможно, единственное — это личностная самоидентификация.

Сущность национального вопроса Сорокин сводит к проблеме социального неравенства, разновидностью которого является неравенство национальное по отношению той или иной нации в целом или ее отдельных представителей. И если устранить из «национальных причин причины религиозные, сословные, имущественные, профессиональные, бытовые», то из национальных ограничений не останется ничего. В духе современного социального конструктивизма П. Сорокин пишет: «Перефразируя слова Архимеда, можно сказать: «Дайте

мне эти факторы, и я различным их сочетанием создам вам самые различные нации, начиная от бесправных судр и кончая полноправными браминами». И наоборот: «Отнимите эти факторы, и без них вы не создадите никакой национальности». Вывод из сказанного тот, что национальность представляет сложное и разнородное социальное тело, подобное «бутерброду» в химии, которое распадается на ряд социальных элементов и вызвано их совокупным действием».

Таким образом, на сто лет раньше автора этой книги, написавшего статью «Забыть о нации»¹ и предлагавшего демонтировать термин из арсенала научной аналитики, этот выдающийся социолог пришел к выводу, что поскольку термин «национальность» описывает разнородные по своему составу, сборные из разных компонентов группы, то его следует удалить из терминологии социальных наук! Но тогда что предлагал этот ученый по части российского проекта? По его мнению, спасение России было «не в национальном принципе, а в *федерации государств*, в сверхгосударственной организации всей Европы, на *почве равенства прав всех входящих в нее личностей*, а поскольку они образуют сходную группу, то и народов. *Каждый*, «без различия национальности», имеет право говорить, учить, проповедовать, исполнять гражданские обязанности на том языке, на каком хочет, веровать, как ему угодно, читать, писать и печатать на родном языке и вообще пользоваться всей полнотой прав равноправного гражданина. Было бы наивно думать, что эта федерация теперь же осуществится, но столь же несомненно, что история идет в этом направлении, в направлении расширения социально замиренных кругов, начавшегося от групп в 40–100 членов и приведшего уже теперь к соединениям в 150–160 миллионов. Распылить снова эти соединения на множество частей по национальному принципу — значит поворачивать колесо истории назад, а не вперед».

¹ Тишков В.А. Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма / Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

Это очередная утопия? — спросит нынешний читатель. Да, конечно, федерации государств даже в Европе никак не получается, не говоря уже о других регионах мира. Но от признания борьбы национальностей или «борьбы за национальность» уйти было невозможно, и потому, как считал Сорокин, «пока национальный принцип совпадает и не противоречит лозунгу социального равенства — мы от души приветствуем национальные движения. Так как в России до сих пор движения украинцев, евреев, поляков, латышей и т.д. имели этот уравнилительный характер, то ясно, что мы можем только поддерживать его. Но как только национальный принцип становится средством угнетения одной группой других групп, мы поворачиваемся к нему спиной, памятуя, что высшая ценность — «равноправная человеческая личность». Вся полнота прав должна быть предоставлена каждой личности, без различия «эллина и иудея, раба и свободного».

Помимо таких выдающихся умов из числа кадетов (Нольде) и эсеров (Сорокин), в «этнокультурный дискурс» включилось большое число разных активистов и теоретиков из числа меньшинств, представлявших периферию империи или мусульманскую часть населения. Таковых, по замечанию Т.Ю. Красовицкой, к весне 1917 года в столице обосновалось немало, и многие стремились обосновать и получить право на формирование региональных структур на этнонациональной основе: «Депутаты Думы, издатели газет, руководители культурных и религиозных обществ, работники разных ведомств, студенты образовали общественные организации, пытались установить контакт с новой властью»¹. Одним из заметных стало движение от имени российских мусульман, в среде которых оказались довольно известные политики и ученые. У них было свое видение России.

В марте 1917 г. в Петрограде мусульманские депутаты IV Государственной думы решили организовать Временное центральное бюро российских мусульман для созыва Все-

¹ Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс. С. 148.

российского мусульманского съезда, который прошел в мае и на нем был создан Всероссийский мусульманский совет (ВМС). Он претендовал быть высшим политическим органом самоуправления мусульманских народов Российской империи / Российской республики. В его исполком (Икомус) вошли известные деятели от всех основных регионов проживания мусульман: от Крыма до Туркестана и Дальнего Востока (Г. Исхаки, Ф. Каримов, С. Максуди, Ш. Мухамедьяров, А. Цаликов, А.-З. Валиди, Дж. Сейдамет, Дж. Досмухамедов и другие). Но главное место среди российских мусульман занимали татары, претендовавшие на роль лидеров. Они отличались почти поголовным знанием родного языка, имели влиятельный слой образованной интеллигенции и духовенства. Играли роль большая численность татар и наличие такого известного городского центра, как Казань с ее университетом. Крымский татарин Дж. Сейдамет, который учился в Парижском университете, слушал Ж. Жореса, имел звание бакалавра прав, оставил такое свидетельство о том времени: «... мы даже не думали в то время о полном развале России. Мы желали нашей Родине благоденствия, а нашему народу развития цивилизации, поэтому прежде всего считали своим долгом ускорить революцию в России... Мы думали только о народе Крыма и о спасении его от деспотизма и тирании... Я говорил о реформации власти, об усилении просветительских и идеологических течений, об уничтожении царизма во имя осуществления революции»¹. Надо сказать, что советская историография не желала отмечать общероссийскую ориентацию многих национальных движений и их лидеров. На самом деле этот, по словам А.И. Солженицына, «энергичный разлив национальной активности» происходил на фоне «общероссийской государственной, хозяйственной и культурной растерянности». И проснувшаяся этническая периферия тоже искала пути, как обустроить страну: демократическими институтами или же националистическими разделами. Так, на-

¹ Цитир. по: Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс. С. 177.

пример, разработанная башкиром А.-З. Валидовым модель государства предусматривала создание в России многонационального федеративного светского государства и демократических институтов управления, включая многопартийность, разделение властей, отделение государства от церкви, местное самоуправление и т.д. С. Максуди на мартовском съезде кадетов выступил с речью с выражением от имени российских мусульман верности и послушания и обещал отговорить турков Туркестана от движения за автономию.

Со своей позицией выступали представители Северного Кавказа. На заседании Всероссийского мусульманского совета председатель Ингушского национального совета В.-Г. Джабагиев (он учился в Дерптском университете и в Сельскохозяйственном институте в Йене, в Германии) заявил: «Мы, горцы Северного Кавказа, признаем только чистых националистов. Основное стремление наше — федеративная республика. Нас больше интересуют вопросы национальные, вопросы же социальные мы решим сами, когда получим федерацию». В своей статье «Что нужно Кавказу?» он писал: «Против нашей хронической болезни... имеется только одно средство — это дарование Кавказу автономного самоуправления. Конечно, последнее должно быть построено на таких началах, чтобы не повредить принципу целостности и единства нашего великого отечества. Кавказ не хочет окончательно разрывать с Россией, которая дала ему уже начатки культуры и промышленного прогресса, да он и не способен к отдельному политическому существованию. Тысячи причин заставляют да и заставят его в будущем держаться за метрополию»¹.

В северокавказскую политическую элиту в лице временного ЦК (горского правительства) вместе с Джабагиевым входили известные деятели: чеченец Тапа Чермоев, балкарец Басят Шаханов, кабардинец Пшемахо Коцев, кумыкский князь Рашидхан Капланов, дагестанцы Башир и Абдусалам Далгаты. Все они, кроме влиятельного религиозного деятеля Нажмутди-

¹ Цитир. по: Красовицкая Т.Ю. Указ. соч. С. 194–195.

на Гоцинского, в качестве объединительной платформы всех народов Северного Кавказа и Дагестана поддерживали не ислам, а своего рода *межэтнический общекавказский интегрзм*, политико-экономические интересы и устремления кавказских народов и общность их исторических судеб и традиций.

Не менее активными были движения от имени еврейско-го, бурятского, калмыцкого населения, малых народов Поволжья (марийцы, коми). Но особо продвинутыми в обосновании программ преобразования России после падения самодержавия были украинское движение во главе с настоящим «фанатиком украинского движения» (по оценке П. Милюкова) известным историком и политиком М. Грушевским, а также три этнонациональных движений Закавказья, в том числе и с откровенно сепаратистскими проектами. Но в целом это была довольно пестрая и разнозненная общественная сила, с внутренними противоречиями и соперничеством лидеров между собой. Как резюмирует исследовавшая содержание интеллектуально-политического климата 1917 г. в России Т.Ю. Красовицкая, «во многих этнических элитах сформировалось разделение, напрямую зависящее, во-первых, от политического самосознания поколений элит. По убеждениям большинство были автономистами-федералистами, сторонниками автономии в составе России. Гораздо меньшей частью были самостийники — сторонники немедленного провозглашения независимости»¹.

Таким образом, *лидеры российских народностей, имея разный опыт политической жизни и разную степень культурно-языкового обрусения, в большинстве своем добивались федерализации страны и обеспечения культурной или территориальной автономии в рамках единой России. Именно это же стремление к территориальным и культурно-национальным автономиям составляло также суть взаимоотношений областных организаций и партий с центральной властью и опре-*

¹ Красовицкая Т.Ю. Указ. соч. С. 196.

деляло содержание межэтнических отношений в таком огромном регионе, как Сибирь и Дальний Восток¹.

Развитие событий в стране после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. подстегивало амбиции периферийных этнонационалистов. Переменчивость военно-политической обстановки и отсутствие сильного центра использовались ими для укрепления собственной власти. Этнополитические структуры пытались установить отношения с возникшими антибольшевистскими центрами и оговорить гарантии самоуправления. Возникали разные варианты федеративного устройства отдельных регионов России, например, федерации из объединения таких разнородных территорий, как автономная Сибирь, казахская автономия Алаш, Башкирия и Туркестан².

Этапным стало установление военной диктатуры во главе с адмиралом А.В. Колчаком в Сибири в ноябре 1918 г. В обращении к населению Верховный правитель утверждал: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и порядка... Все, без различия религий и национальностей, получают защиту государства и закона». Колчак отрицательно относился к особому представительству национальностей в органах власти. Доктрина «целокупной России» носила великодержавный характер, и проблема статуса народов Сибири и других регионов России не рассматривалась как приоритетная. Патриотизм и русское национальное чувство, опиравшиеся на идею великого государства, были стержнем идеологии белого движения. Денационализация средств производства, налоговый гнет, принудительная мобилизация в армию, насилие и террор не могли обеспечить белым армиям поддержку широких масс. Восстановление прежней си-

¹ См. подробнее: *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе 1917–1922 гг. Томск: Изд-во Томского университета, 2009.

² *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия: История движения Алаш. М., 1994; Она же. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М.: Ин-т российской истории РАН, 2019.

стемы управления на местах у коренных народов вызывали недоверие к власти, межэтническую напряженность и конфликты.

Большинство националов рассматривали как путь решения проблем самоопределения на местах именно земства, избранные на основе пропорционального представительства народностей. В рамках единого государства, без предоставления автономии, через земства инородцы вовлекались в непосредственное участие в социально-политической жизни, решение хозяйственных задач и социально-культурных вопросов. В целом решение этнонациональных проблем, в том числе вопрос о государственном статусе российских национальностей, подчинялось общей цели борьбы за власть без политического самоопределения народов. *Для антибольшевистских сил были характерны неспособность поддерживать порядок и безопасность, гарантировать гражданские и политические свободы, провести экономические и социальные реформы.*

В борьбе за власть и за народные массы выиграли большевики, в частности, потому, что более решительно принимали меры, отвечавшие требованиям демократизации взаимоотношений центра с окраинами и этническим национализмом. Они, как правило, более чутко реагировали на настроения масс, сумели склонить к признанию советской власти лидеров этнонациональных движений и партий. *Осторожное отношение к пределам политического самоопределения этнических сообществ было характерно для российской власти независимо от того, в чьих руках она находилась.* Лозунг самоопределения наций, обеспечивший большевикам победу в полиэтнической России, реализовать оказалось непросто. Однако он быстро распространялся на те народы, которые имели сколько-нибудь развитую культуру, свои организации и проявили стремление к самоуправлению, даже если это не вполне соответствовало уровню их коллективного самосознания и было вызвано больше общеполитической ситуацией и революционным процессом.

ГЛАВА 10

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

Трудность анализа смыслов и категорий применительно к эпохе революции 1917 года и советскому периоду заключается в том, что в эти годы утвердилось понимание национального, в том числе и национального (само)сознания исключительно в его этническом варианте. Многие из того, о чем я пишу сейчас, тогда в науке и в обществе называлось другими словами. Однако сам феномен советской идентичности как чувство принадлежности к народу страны под названием СССР безусловно существовал на протяжении длительного исторического времени, хотя родился и утвердился не сразу.

Эпоху после 1917 г. желательно начать с разбора истории употребления разных категорий анализа и общественных практик, чтобы понять сложные маршруты восприятия и конструирования реальности в советскую эпоху. Когда речь заходит об этом периоде отечественной истории, то здесь расхождения в оценках, что есть *национальное самосознание*, становятся еще более резкими, а ситуация с понятиями *народ—нация—государство* еще более смутной. Термин *идентичность* в советском общественно-политическом дискурсе, включая научное обществознание, отсутствовал вообще. В советской этнографии использовался термин *этническое самосознание*,

которое к тому же еще и различалось от *этнического (национального) сознания*¹. Один из выпусков так и не реализованного в конечном виде «Свода этнографических понятий и терминов» трактует эту категорию как «чувство принадлежности к определенному этносу, важный признак этноса, являющийся отражением в сознании людей реально существующих этнических связей и внешне проявляющийся в форме самоназвания. Этническое самосознание связано с этническим самоопределением людей и отличается от этнического (национального) сознания, связанного со многими сторонами духовной и материальной жизни этноса (нации)»².

Эта «тонкость» в различении сознания и самосознания так и осталась для меня загадкой в арсенале советских теоретиков, хотя цитируемая публикация вышла в свет уже в постсоветский период и при моем директорстве в институте. В этом же «Своде» мы находим еще ряд дефиниций, связанных с нашим анализом. Вот, например, как определялась категория *советский народ*, которая, по мнению Ю.В. Бромлея, вошла в советскую литературу в 1970-х гг. для обозначения общности всех граждан СССР, независимо от их национальности: «Считалось, что советский народ обладает территориально-политическим единством, общностью экономики, однотипной (социалистической) социально-классовой структурой, культурно-идеологической общностью, общим самосознанием. Однако советский народ не представляет собой нации в том основном значении данного слова, которое принято в советской научной литературе, т.е. этносоциального организма. Специфические особенности духовной жизни советского народа значительно менее гомогенны (из-за его многонациональности), чем специфические черты в ходящих в его

¹ См.: Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография, 1974, № 2.

² Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциальные категории. Вып. 6. Отв. ред. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 114–115.

состав наций и других национальных общностей. Вместе с тем наличие у советского народа общих характерных черт духовной жизни, отличающих ее в целом от культуры других стран (в том числе и социалистических), а также появление устойчивого общесоветского самосознания позволили поставить это образование в один ряд с метаэтническими общностями, отличающиеся от прошлых своих аналогов в первую очередь качественно иными (социалистическими) параметрами и сходной с другими метаэтническими общностями (напр. югославского народа, вьетнамского народа)».

Что же имела в виду советская этнография под категорией метаэтническая общность применительно к советскому народу? Здесь свою лепту внес еще один теоретик этноса, С.И. Брук, по мнению которого, речь в данном случае идет об обозначении «группы этносов, обладающих (хотя бы в неразвитой, зачаточной или остаточной форме) элементами общесоветского самосознания, основанными на этногенетической близости или на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, а в классовом обществе — и на политических связях, причем эти этносы находятся в состоянии перехода, изменения их бытия или состояния». Сходный смысл имеют также употребляемые термины «суперэтнические», «межэтнические» и «надэтнические» и другие общности. Первичная идея о «суперэтносах» приписывалась Л.Н. Гумилеву, а разработка номенклатуры этнических категорий и введение в оборот метаэтнической общности отдавались Ю.В. Бромлею. Последний предлагал выделять «макроэтнические» (суперэтносы) и «микроэтнические общности» (субэтносы)¹.

В контексте нынешнего российского дискурса интересно напомнить, что советские гуманитарии понимали и под категорией *цивилизация*. В «Своде» за авторством В.И. Козлова даются два основных значения. Первое — это «обозначение уровня общественного прогресса, определяемого развитием производства, материальной и духовной культуры, достиг-

¹ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. С. 125–153.

нутаго тем или иным крупным этносом, группой родственных этносов или государством». Второе — это «обозначение локальных форм развития человечества, относительно независимых друг от друга», т.е. это концепция Н.Я. Данилевского с его культурно-историческими типами (областями), которые он и называл цивилизациями и которые затем в разных вариантах предлагали О. Шпенглер и А. Тойнби. Кстати, у Шпенглера в перечне цивилизаций, которые он сравнивал с биологическими организмами, значились византийско-православная и русско-православная. В советской обществоведческой литературе эти концепции подвергались критике и не принимались, хотя, как пишет В.И. Козлов, «для этнологов (этнографов) концепция локальных цивилизаций представляет существенный интерес при анализе локальных особенностей развития этносов, формирования систем этнокультурных ценностей и т.п.»¹.

Таким был теоретический арсенал советского обществознания, в котором стал доминировать концепт этноса. Без этого концепта невозможна была трактовка ни нации, ни государства и даже цивилизации и культуры. Однако начало советского проекта совсем не было обременено столь глубоким теоретизированием. *Суть его заключалась больше в эксперименте, каким образом можно было реализовать власть и сохранить государственность в стране, населенной многими этническими и региональными сообществами, отличными по вере, культуре, языку, системам хозяйствования и образу жизни.* Одновременно с этим надо было как-то отвечать и за те обещания национального самоопределения и равенства всех национальностей, которые пришедшие к власти большевики обнародовали до 1917 г. и в годы Гражданской войны.

Начальным вариантом была политика, когда с помощью академических этнографов и географов и в торге с местными элитами эти самые национальные идеи и политические проекты

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциальные категории. Вып. 6. Отв. ред. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 141–142.

стали переводиться в этнотерриториальные проекты с попытками для каждой большой и малой культурно-отличительной общности создать «свою» государственность или административную единицу вплоть до «национальных сельских советов» в рамках общего Советского государства, не случайно изначально названного «союзом»¹. Формулу уже более зрелого советского проекта выразил профессор Гарвардского университета Терри Мартин, написавший книгу о сталинской национальной политике, проводившейся в СССР в 1923–1939 гг. По его мнению, Советский Союз не был ни федерацией, ни моноэтническим государством. Оригинальность советской политики заключалась в том, что она поддерживала внешние формы существования национальных меньшинств — культуру, язык, элиты, территории в гораздо большей степени, чем национального большинства — русских. Таким образом, большевики пытались объединить требования националистов с требованиями социалистов, ставивших своей целью создание экономически и политически единого государства, для характеристики которого автор вводит новый термин — империя «положительной деятельности»². Точнее было бы перевести это понятие уже принятой в русском языке калькой империя «аффирмативной политики». Рассмотрим этот период с учетом новейших исследований российских и зарубежных историков.

«СОВЕТСКИЙ» ВМЕСТО «РОССИЙСКИЙ»

Принятая в первые дни Октябрьского переворота Декларация прав народов России уже своим названием и содержанием утверждала ставшую живучей категорию «народы

¹ Hirsch Fr. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornet Univ. Press, 2005; Кадио Ж. *Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940*. М.: НЛО. 2010.

² Мартин Т. *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. М.: РОССПЭН, 2011.

России». Именно эти субъекты истории должны были быть «освобождены и раскрепощены» «решительно и бесповоротно». Все четыре пункта декларации заключали в себе новаторские формулировки и революционное содержание: равенство и суверенность народов, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена национальных и национально-религиозных ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп России. До этого ни одна высшая власть не отваживалась так решительно сдавать полномочия центра и отказываться от представления о целостности страны не только как территории, но и как сообщества людей по государству.

Сам термин «народ» применительно к стране стал как-то затушевываться, кроме выражений типа: «трудящийся народ», «низы» и даже «наинизшие низы», которые В.И. Ленин считал необходимым «поднять к историческому творчеству»¹. Понятие «нации» в Декларации прав народов России не использовалось, но провозглашалось самоопределение народов для создания «национальных государств» (читай — этнических), этническая дискриминация называлась «национальными ограничениями», а термин «национальные меньшинства» применительно к этническим сообществам вообще был для того времени новаторским. В официальном языке он использовался только в документах международной социал-демократии и в 14 пунктах президента США В. Вильсона после окончания Первой мировой войны.

С самого начала в советской этнической политике наметились две тенденции. Первой из них было стремление учесть сложную этническую структуру населения, интересы этногрупп и их элит, определить подходы к федерализации государства, второй — поиск механизмов концентрации в центре функций контроля и унификации культурной сферы для стратегических целей новой власти. В конечном итоге все решали основанная на грубой силе и пропаганде политическая импро-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 189.

визация и соотношение сил участников политической и вооруженной борьбы. Известно, что изначально В.И. Ленин не был сторонником федерализма. Но к весне 1919 г. противоборство в Гражданской войне достигло такого накала, что вопрос о том, на чью сторону встанут политически организованные представители нерусских народов, их элиты, стал важнейшим для сохранения власти большевиков в целом. Именно в этот исторический момент Ленин увидел в федерации автономных национальных республик реальный шанс спасения режима. Ее же можно было противопоставить бюрократическому централизму. Ленин выступил против защитников централизаторской линии. Он обратил внимание на башкир, получивших весной 1919 г. автономию в обмен на помощь в борьбе с Колчаком, подчеркнув необходимость дать автономию и другим народам. Ленин сумел добиться того, что программа РКП(б) закрепила признание федерации как типа советского государства. Своеобразным федеративным договором стал декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. о военно-хозяйственном союзе РСФСР, Украины, Литвы, Латвии и Белоруссии. В решениях VIII Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1919 г. было записано о праве наций на самоопределение. Ленин доказывал, что образование национальных государств не противоречит принципу федерализации страны. Но во главе угла должен был сохраняться приоритет классовых интересов над национальными (имелись в виду, конечно, этнические интересы).

Следует знать, что Великая российская революция уничтожила историческую Россию не только в смысле строя, ее элиты, пространственной конфигурации, религиозных основ и культурных ценностей, но даже само название страны ушло из обихода. Многие десятилетия оно сохранялось только как слово в обозначении одной, пусть и самой большой, части исторического Российского государства — РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика). В ходе революционных перемен последовало разрушение российскости во многих ее ипостасях и уже на ее развалинах началось конструирование этнографической советскости. Если не брать идентичность

русской эмиграции, где сохранялись дореволюционные лояльности, вплоть до стойкой приверженности России и российской короне и, конечно, русскому православию, то после переворота в 1917 году в головах людей произошел колоссальный сдвиг. Не сразу и не у всех, но он произошел и был, пожалуй, самым радикальным за всю нашу отечественную историю.

Многие авторы из числа философов и историков склонны видеть в большевистской диктатуре и в тирании сталинизма радикальный разрыв с некогда существовавшей петровско-пушкинской европейской имперскостью, а тем более с предреволюционной Россией, где реакция сосуществовала с либеральным национализмом. Как считают некоторые авторы, эту российскую европейскость уже почти разрушила николаевская реакция, а окончательно ее добились большевики. Так, например, В.К. Кантор пишет: «Петровско-пушкинская цивилизация была снесена волной стихии, антиевропейской и антихристианской по своей глубинной сути. Парадокс заключался в том, что разбудившая и будоражившая эту стихию интеллигенция не понимала исторического смысла своих усилий: полагая обогнать Запад, большевики обрушили Россию и еще не закрывшуюся черную дыру первого сбоя России на пути к цивилизации в бездну бесправной жизни, восстановив принципы монгольской тирании. Не случайно в первые же годы большевизма родилось евразийство, утверждавшее, что России заказан европейский тип жизни и цивилизации, что ее судьба — пространство, а не история»¹.

С точки зрения этнографического метода и науки социально-культурной антропологии такие большие категории, как цивилизация, исторический смысл, стихия, бездна или судьба, не являются категориями научного анализа. Мне представляется, что полезнее взглянуть на Россию пусть не сугубо фактологически, но все же более рационалистично. Действительно, не только страна с ее территорией и политическим строем, но и ситуация с периферийными национализмами и с

¹ Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историософские очерки. М., 1997. С. 8.

общенациональной идентичностью существенно поменялись после Октября 1917 года. Война, новая власть и ее идеология, внутригражданские коллизии, дезинтеграция и экономическая разруха стояли у истоков нового государственного образования, появившегося на теле старой России. Это государство хотя и сохранило (точнее — отстояло в вооруженной борьбе) почти всю прежнюю территорию под своим контролем, но оно обрело новое название, новую столицу, новую топонимику, символику и календарь, новую идеологию.

Последнее особенно важно для анализа меняющегося содержания категорий *народ* и *нация*, а тем более для изучения российской идентичности. С последним случилась настоящая драма, ибо высказывания тогдашних противников большевиков о гибели России не были пустым звуком: речь шла не просто о разрушении старого властного порядка и об изменении общественных устоев, но об исчезновении обозначения самой страны и ее народа. Длительно существовавшие и достойнейшие категории «русский народ» и «русские» ушли из политического лексикона после 1917 г. по той причине, что из названия государства ушли слова «Россия» и «Русская».

Эту великую утрату в самообозначении почувствовали далеко не все, но были и те, кто уже в первое десятилетие нового строя искренне сокрушался по этому поводу. В изданном эпистолярном наследии русского ученого Густава Шпета есть датированное 1926 г. письмо Е.Н. Коншиной (1882–1973), литератора, сотрудницы отдела рукописей Российской государственной библиотеки, ученицы и друга Г.Г. Шпета. В этом письме есть важные рассуждения в связи со смертью Сергея Есенина: «Если не нужны в нашей стране ни Есенин, ни его поэзия, то ведь, пожалуй, потому, что самая страна перестает быть Россией, она становится действительно Союзом ССР. Что же тут страшного? Для меня — все. Я готова уважать этот Союз, я готова признать целый ряд его преимуществ, но я любила и люблю Россию, с ее нелепостями объединения народностей, с ее нелепостями психологическими. Я не знаю, может быть, Вам неясна моя мысль и мои чувства, может быть, все это химерично, но все равно, ми-

лый мой шеф, я прихожу к заключению, что **переименование повлекло за собою перерождение** (выделено мною — В.Т.), что уже теперь не пустая случайность отсутствие слова “Россия”. Это переименование неравносильно “Симбирск” — “Ульяновск” или еще какому-нибудь, т.е. простому изменению названия без затрагивания сущности. В замене “России” — “Союзом ССР” громадное историческое явление. Пока оно только свершается. Когда-нибудь свершится».

Сравнивая исчезновение из истории «Рима» и приход на его место «Италии», Е.Н. Коншина пишет: «Я не умею быть только гражданкой СССР и только великоросской. Я как-то привыкла и Волгу, и Днепр любить. Кстати сказать, как называемся теперь мы — прежняя средняя часть России? Велико-россия? Такого официального слова нет, в противовес Украине или Белоруссии или Татреспублике. Кто же мы? И вот, видите ли, смерть Есенина показалась мне точкой в констатировании исторического исчезновения России»¹. Это было написано в 1926 г. и звучит как искреннее переживание, созвучное сегодняшнему дню.

Спустя шесть десятилетий мы встречаем схожие и не менее естественные чувства, но уже по поводу исчезновения советскости. Я вспоминаю эмоциональное выступление украинского писателя Б.И. Олейника в Кремлевском дворце съездов на XIX Всесоюзной конференции КПСС 1 июля 1988 г.: «Но я хочу сказать, что в последнее время, справедливо побивая культ, мы, в своем не всегда благородном гневе, бросаем камни на весь народ, подвергая сомнению чуть ли не все содеянное им. Перед моим внутренним взором еще с детских военных лет — бескрайнее поле с глубоко вывороченными серыми глыбами. Присмотритесь: да ведь это же не глыбы, а серые фуфайки на плечах наших женщин, матерей, сестер, жен, любимых, согбенных в тяжком труде, да не за Сталина, а за своих мужей, сражавшихся с фашизмом, во имя победы от-

¹ Письмо Е.Н. Коншиной к Г.Г. Шпету от 1–2 января 1926 г. // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 374–375.

давали они и красоту свою, безвременно угасшую, и последние силы. Во имя родной страны, по поводу которой кое-кто начал сомневаться: а была ли и есть ли эта страна? Не знаю, как у кого, а у меня и пославших меня на конференцию есть Родина — Советская Украина. И есть страна — Союз Советских Социалистических Республик. И я испытываю естественную гордость за свое социалистическое Отечество»¹.

Между двумя обозначенными чувствами — «историческим исчезновением России» и «естественной гордостью за социалистическое Отечество» вместились вся советская эпоха существования большой страны и ее народа. Казалось бы, многое нам известно, но история коллективных ментальностей пока остается не до конца понятой и объясненной. Спустя три десятилетия после этих слов наступила новая эпоха, и среди моих студентов те, кто родился и вырос уже после 1991 года. Советская идентичность сохранилась только среди старших, а также среди небольшой части молодежи в форме некой игры в историческую реконструкцию. В интервью «МК» под названием «Театр одного коммуниста» Николай Губенко по случаю 20-летней годовщины августовского путча сказал что-то такое, что напоминает сказанное выше Коншиной по отношению к ушедшей в прошлое России: «Я родился в Советском Союзе, мой отец погиб в СССР, моя мать погибла в СССР, они были преданы идее ВКП(б). Я впитал с кровью эту веру в человеческое братство, взаимопомощь. Меня поставило на ноги государство, у которого в 45-м году было 19 миллионов осиротевших детей. И оно напоило их, накормило, дало образование, профессию, сделало меня качественным профессионалом. И что, вы хотите, чтобы я плюнул в могилу своего отца и своей матери? Никогда до конца моей жизни этого не будет!»²

¹ XIX Всероссийская конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года: Стенографический отчет: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 29-30.

² Московский комсомолец. 2011. 17 авг. С. 6.

Первые два десятилетия до образования СССР в 1936 г. — это сложные для понимания годы по причине сумбурности радикальных перемен, чрезвычайно высокой роли политических и идеологических начал и доминирования идеологических проектов коллективной человеческой деятельности, которые были предписаны кучкой узурпаторов-правителей. Такого «котлована» насилия и страданий, идей и страстей, убеждений и лозунгов, творческих порывов и жертвенного служения отечественная история, пожалуй, до этого не знала. Оставим в стороне проблемы экономики, социальной и военной политики и посмотрим, как обстоит ситуация с так называемым национальным вопросом. Тем более что по этой теме изданы серьезные исследования российских и зарубежных историков, а также документальные публикации. Среди последних отмечу вышедшие в серии «Документы советской истории» в двух книгах партийные документы по вопросам национальной политики¹, а также целую библиотеку книг по истории сталинизма, опубликованных издательством «РОССПЭН», и другие монографии².

ТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ

Приход к власти поставил большевиков перед необходимостью реализовать обещания по устранению дискриминации и неравноправия, развитию культуры и образования для

¹ ЦК РКП(б) и национальный вопрос: В 2 кн. 1918–1945 / Сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелев, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М., 2005, 2009.

² Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011; Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011; Аманжолова Д.А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М.: Ин-т российской истории РАН, 2019; Аманжолова Д.А, Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практика управления, 1917–1941 гг. М.: Новый Хронограф, 2020.

«ранее отсталых» и «ранее угнетаемых» наций и народностей. Не менее актуальными задачами были сохранение целостности страны, ее управляемости, обеспечение жизнедеятельности населения, правопорядка и безопасности граждан. Этнический состав населения был крайне сложным. Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г. в стране насчитывалось более сотни этнических групп. При этом само понятие «народы» или «национальности» как категория учета населения в Российской империи отсутствовало. Жителей страны во время переписи спрашивали о родном языке и о религиозной принадлежности. Именно по ним уже позднейшие интерпретаторы определяли этнический состав, т.е. перечень и численность народов. Эта методика изначально имела изъяны. Один из них заключается в том, что перешедшие на русский язык представители нерусских национальностей могли оказаться зачисленными в категорию русских (великороссов). Так, например, случилось с частью московских татар — старожильческим населением города, которое в большинстве своем перешло на русский язык. Русскоязычными по факту знания и пользования были многочисленные представители восточнославянских (украинцы и белорусы) и финно-угорских народов.

В начале XX в. россияне разной этнической принадлежности, особенно деловые и служилые люди, интеллигенция, имели общероссийские интересы, были связаны общностью исторических судеб в рамках Российской империи и имели общее российское самосознание. К этому времени уже масштабным явлением была языковая русификация, когда русский язык был в том самом статусе, о котором когда-то мечтал Н.А. Некрасов: в почти неграмотной стране народ в большинстве своем мог говорить по-русски, хотя собственно великороссы составляли около половины населения страны. В то же самое время россияне принадлежали к разным религиозным, языковым и регионально-территориальным сообществам (точнее — культурам и традициям). Далеко не одинаков был уровень общественного развития, степень

модернизации (например, у европеизированных горожан, полукочевников калмыцких и казахских степей, горцев Кавказа и кочевых сообществ сибирских аборигенов), а также принадлежность населения к большим религиозным системам (христианско-православной, мусульманской, буддийской).

По всем этим параметрам страна представляла собой мозаику культур и религиозных традиций. Дореволюционная Россия была одной из самых полиэтничных стран того времени, но этничность не была институализирована, т.е. она не признавалась как основа для определения группового статуса, а само государство не было организовано по этнотерриториальному принципу. *Страна была национализирующейся империей при всей обширности ее территории и этноконфессиональном многообразии населения.* Этничность была на заднем плане, и жители страны до 1920-х годов даже и не знали, что означает само слово «национальность».

Что касается личной и групповой самоидентификации (кем себя считали и как себя называли жители страны), то в этой сфере существовал конгломерат подвижных названий и самоназваний, включавший религиозные, языковые, этнические, регионально-местнические и даже династические отсылки. Конечно, не все из арсенала этнических категорий и понятий было сконструировано в советское время. Местные самоназвания, в том числе и названия аборигенных групп населения, еще в дореволюционной России могли служить основой не только для топонимики, но и для названий российских регионов и губерний. Многие ныне известные нам этнические категории представляются давними и неизменными, но на самом деле это не так. Например, в дореволюционные времена к *грузинам* не относили *мингрелов* и *сванов*, а в основном *картлийцев* (собственно грузин, если так можно выразиться). *Татарами* в России называли всех представителей тюркских народов, включая *азербайджанцев* и *ногайцев*. *Казахов* называли *киргизами*, а киргизов — *кара-киргизами* (черными киргизами). Были туркменские племена, включая самое многочисленное — *йому-дов*, но не существовало общего понятия *туркмены* как народа.

Жители
Средней Азии
и русское
население
Центральной
России на-
чала XX века
(Фотоархив
ИЗА РАН)

То же относится к *узбекам* и *таджикам*, как их стали называть в итоге «социалистического национально-государственного строительства», а тем более — как их понимают сейчас в новых национальных государствах. Зато были *туркестанцы*, *сар-ты*, *ташкентцы*, *ферганцы* и многие другие. Сартами часто называли любое оседлое население Средней Азии.

Грандиозная задача выявить и классифицировать «племенной состав населения» была поставлена властью еще до большевистского переворота. С инициативой осмыслить и представить этнический фактор в политико-государственном измерении выступила Российская академия наук. Для этой цели была создана Комиссия по изучению племенного состава населения (КИПС) с решающей в ней ролью этнографов и географов¹. В 1916–1917 гг. научная общественность была обеспокоена организацией немцами этнографических исследований западных территорий (прежде называвшихся «Западно-Русским краем»): Литвы, Галиции, Буковины, Бессарабии, Польши. По этому поводу было обращение Академии наук в государственные органы с предложением начать изучение этнического состава приграничных частей Европейской и Азиатской России.

На Общем собрании Академии наук 14 февраля 1917 г. была учреждена Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России. В комиссию под председательством С.Ф. Ольденбурга вошли академики А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, В.Н. Перетц и Е.Ф. Карский. Непременный секретарь Академии С.Ф. Ольденбург обратился к министру иностранных дел с запиской, в которой писал: «...вопрос о необходимости выяснить с возможной точностью племенной состав областей, прилегающих к обеим сторонам границы России... имеет в настоящее время исключительное значение, так как мировая война ведется в значительной мере в связи с национальным вопросом.

¹ См.: Псянчин А.В. Деятельность комиссии по изучению племенного состава населения России в области этнической картографии (1917–1930). Уфа, 2005.

Выяснение основательности притязаний той или другой национальности на ту или другую территорию, где она является преобладающей, будет особенно важно в момент приближения мирных переговоров, так как если новые границы и будут проводиться в соответствии с определенными стратегическими и политическими соображениями, национальный фактор будет все же играть по отношению к ним значительную роль. Можно несомненно утверждать, что от правильного учета этого фактора будет постоянно в каждом отдельном случае зависеть успех той или другой спорящей стороны»¹.

В апреле 1917 г. Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России была преобразована в Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС). Комиссия поставила перед собой задачи: «определение и картографирование районов распространения народностей, населяющих Российское государство, главным образом на основании данных языка и отчасти религии, бытовых особенностей и объективного самосознания или самоопределения отдельных народностей, а также особенностей их физического типа (данных антропологических)»². С октября 1917 г. комиссия приступила к осуществлению своей программы. На основе разработок КИПС был выполнен ряд этнических карт на отдельные области государства. В итоге работы КИПС были выделены «племенные группы, объединенные общим племенным названием». Согласно инструкции по составлению этнографических карт «надлежало установить, какие племена могут рассматриваться как самостоятельные народности и какие являются только составной частью одной народности». Эта система этнического картографирования позже использовалась в Институте этнографии АН СССР практически на протяжении всего XX столетия.

¹ Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран // Известия КИПС. 1917. № 1. С. 7–8.

² Золотарев Д. Десятилетие Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран Академии наук СССР (КИПС) (1917–1927) // Человек. 1928. № 1. С. 73–74.

В 1925 г. в связи с предстоящей переписью населения СССР в КИПС была образована подкомиссия по подготовке к всеобщей переписи. Эта подкомиссия начала заниматься проблемами проведения демографической, сельскохозяйственной, промысловой переписей. Был разработан вопрос об учете племенного состава населения СССР и составлен список народностей СССР. В 1930 г. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР была преобразована в Институт по изучению народов СССР (ИПИН). Как пишет А.В. Псянчин, «деятельность Комиссии по изучению племенного состава населения России (а затем — СССР) как ведущего академического центра в системе Академии наук сыграла важнейшую роль в развитии советской этнографии, а также этнической картографии (как тематического вида картографии) в первой половине XX века. Работа КИПС в области составления этнических карт поистине явилась беспрецедентным событием не только в истории отечественной, но и мировой науки»¹. К первой советской переписи населения 1926 г. эта задача была во многом решена, и именно тогда страна обрела наиболее полную номенклатуру народов России общим числом примерно 126 народов и народностей. Именно тогда появился списочный состав этнических идентичностей как «список народов», который живет и поныне.

Я много думал над противоречивыми последствиями советского этнического проекта, включая его академическую составляющую. Фундаментальный вопрос заключается в том, в какой мере сама полиэтничность огромного государства обусловила его развитие «мимо» идеи национального государства, или же политика и наука возвели этнический фактор на уровень «национального вопроса» и тем самым стали препятствием своего рода нормативному подходу к государственностроительству. Изложив историю КИПС, можно сделать вывод, что наука и прежде всего академическая этнология с первых лет советской власти оказались вовлеченными в большой идеологический проект «решения национального вопроса» на основе нацио-

¹ Псянчин А.В. Указ. соч. С. 34.

нального (читай — этнического) самоопределения и дружбы народов и во многом создали эмпирическую и теоретическую базу для «социалистического нацистроительства» не на гражданской, а на этнической основе. Как мы видим, образованная еще во время Первой мировой войны для выяснения границ расселения различных этнических общностей в Латвии, Польше, Галиции, Буковине и в пограничной части Азиатской России и составления этнических карт этих регионов, КИПС осуществила важнейшее не только для науки, но и для государства и его устройства «интеллектуальное предприятие», а именно — она положила на карту сложную этническую мозаику населения Российского государства, а затем СССР.

Отныне этническая картография стала одним из любимых занятий советских этнографов и оставалась таковой на протяжении почти всего XX в. У этого академического проекта были как реально-историческая подоплека, так и политико-идеологические последствия. Теория и методика привязывания этничности к территории, казалось бы, представляла и до сих пор представляется более чем интересным и вполне нейтральным занятием. Однако сколько по этому поводу в истории нашей страны осуществлено не только полезных, но и бессмысленных и разрушительных для государства практических дел, идеологических кампаний, не говоря об общественных дебатах и открытых конфликтах.

ДРУЖБА НАРОДОВ И РЕПРЕССИИ

В первые два десятилетия советское государственное строительство и этническая политика носили эклектичный характер. Исторически существовавшие разнородные религиозные и этнокультурные системы, опиравшиеся на традицию и повседневность, столкнулись с модернистскими абстрактными доктринами самоопределения и мировой революции. В эти годы содержание этнополитики во многом зависело от соотношения основных действующих лиц и сил в данной сфере,

от идеологических установок и от реализующих эту политику организационно-правовых механизмов. Центром столкновения стали два ведомства — Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) и Наркомпрос. Первый в большей степени представлял программы этнонационалистов, которые предполагали наделение государственным статусом своих народов. Но политика самоопределения народов не получила отклик в массовом сознании.

Этнические элиты прежде всего хотели упрочить собственную власть на территории преимущественного проживания соплеменников, и они поддерживали ту или иную сторону с учетом собственных интересов и почти никогда не были едины. Проблема осложнялась неустойчивым положением центра, дискуссиями по основам государственного устройства. Большевики, изначально противники федерализации России, теоретически признавали право наций на самоопределение, но увязывали его с идеологией интернационализма, развертыванием мировой революции на Западе. В целом они признали целесообразность федеративного устройства Российской Советской Республики.

III Всероссийский съезд Советов в январе 1918 г. принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Классовая доктрина доминировала в определении формы правления «свободного союза свободных наций как федерации советских национальных республик». Привлекательный лозунг права наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельного государства расширял социальную базу большевиков. Другое дело, что этот же самый лозунг обладал не только мобилизующей, но и потенциально разрушительной для Российского государства силой, поощряя сепаратистские взгляды и проекты. До весны 1919 г. шла острая борьба центробежных и центростремительных сил. Она отразилась на содержании этнической политики и на ее организационно-правовых основах. Отсутствие единого мнения, нестабильность государственных границ, низкая политическая культура, диктаторские методы руководства дополнялись и умножались соперничеством и изоляционизмом центральных ведомств.

На периферийных территориях в Прибалтике, Закавказье, на Северном Кавказе, Украине, в Белоруссии, Средней Азии, Сибири были созданы государственные образования с собственными структурами управления, в том числе в культурной сфере. К августу 1918 г. насчитывалось до 20 «центральных» и областных антибольшевистских правительств. Но все самопровозглашенные этнотерриториальные структуры не имели реальной власти, эти образования не были устойчивы. Большевики добивались раскола этнических элит, их лидеры, примыкая к побеждающей стороне, стремились вырвать уступки. В конечном итоге большевики ставили условием признания этнонациональных автономий лояльность своей власти, и эта тактика принесла им успех.

Внимание В.И. Ленина как председателя СНК и И.В. Сталина как наркома по делам национальностей сосредоточилось на территориях, на которых развивались сепаратистские процессы. Этим объясняется создание в Наркомнаце первых национальных комиссариатов для «западных» народов: поляков, литовцев, армян, белорусов, евреев, латышей, немцев. Это было сделано для народов с развитыми культурными ресурсами (школой, прессой). В феврале 1918 г. открылся мусульманский комиссариат как орган политического сотрудничества с мусульманскими массами, который возглавил М.Х. Султан-Галиев. К лету 1918 г. работали отдел горцев Кавказа, чувашский, удмуртский, мари и другие национальные отделы. К осени 1918 г. их было 185.

В структурах национальных комиссариатов и отделов большое значение имели отделы культуры и просвещения, которые состояли из внешкольного, театрального, изобразительных искусств, литературно-художественного, библиотечного и других подотделов и секций. Ими руководили образованные люди и даже яркие личности. В белорусском комиссариате школьным отделом руководил Б. Тарашкевич, ученик академика А. Шахматова, в армянском — выпускник Лазаревского института, публицист и литературный критик П.М. Макинцян, в калмыцком — выпускник восточного фа-

культета Петербургского университета Н. Очиров, занимавшийся работой над калмыцким эпосом «Джангар». В мордовском культурно-просветительном отделе работал известный этнограф М.Е. Евсеев. Руководящие должности в Наркомнаце занимали представители около полусотни национальностей. Впечатляет число людей с высшим образованием, полученным в Московском, Петербургском, Казанском, Киевском, Томском, Донском (Варшавском) университетах, а также в заграничных — Берлинском, Женевском, Венском, Цюрихском, Сорбоннском, Бейрутском, Каирском университетах. Работали 78 выпускников других вузов. 104 человека были с педагогическим образованием или с опытом учительства, 31 журналист, 21 юрист, 20 специалистов в историко-филологической области, 5 профессоров Петербургского и Казанского университетов, 4 специалиста-этнографа. На владение двумя языками указали 126 человек, тремя — 92, четырьмя — 78, пятью — 38, шестью — 19 работников¹.

Национальные комиссариаты начали формировать свои структуры, ориентируясь на культурный уровень населения, наличие интеллектуальных и кадровых ресурсов. Географически отдел культуры и просвещения мусульманского комиссариата, например, охватывал территории проживания татар, башкир, горцев Кавказа, крымских татар, туркестанцев, казахов. В Казани отдел сотрудничал с местной научной коллегией. Она состояла из отделов по составлению программ и учебников для школы, по организации народного университета, музея и библиотек, отделов литературы, языка, истории театра, музыки, искусства и печати. Таким образом, в Наркомнаце тенденция развивалась в сторону создания органов управления типа национально-культурной автономии на федеральном уровне.

Складывание проавтономистских структур в Наркомнаце выбивалось из общей политики Наркомпроса во главе с А.В. Луначарским по централизации всех отраслей культу-

¹ Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917–1924. М., 2006. С. 406.

ры и просвещения (школы, высшей школы, театров, музеев, архивов, научных учреждений, библиотек и др.). Замнаркома просвещения историк М.Н. Покровский жестко заявлял: «Создание национальной культуры на средства центра — фактор культурного раздробления России». Он был известен нигилистическим отношением не только к нерусским, но и к русской исторической традициям. Именно он предлагал убирать слово «русский» даже из названий музеев. Таким образом, *с начального периода в советской России национальный вопрос был возведен в ранг большой теории и фундаментальной политики. Ни одно национальное обществоведение в своей научной номенклатуре не отвело так называемой теории нации и национального вопроса того особого места, которое она заняла в советском обществоведении.*

В партийных отчетных докладах и программах этот раздел всегда присутствовал. Советская теория официально отвергала национализм как «идеологию порабощения и превосходства одной нации над другой». Национализм мог быть только буржуазным и только со знаком минус. Его нужно было искоренять, что и делалось начиная с 1920-х годов. Борьба с буржуазными националистами служила аргументом для репрессий в республиках и в отношении как русского казачества, так и этнических меньшинств страны.

По мере упрочения власти И.В. Сталина в стране стал нарастать государственный террор, который достиг своего апогея в 1937–1938 гг. В конце 1920-х гг. было проведено несколько судебных процессов против «вредителей», на которых сталинское руководство перекладывало вину за провалы в экономике и резкое снижение уровня жизни народа. Антикрестьянский террор в эпоху коллективизации конца 1920-х начала 1930-х гг. стал прологом массового террора 1937–1938 гг., охватившего все слои общества, включая партийную, военную, научную и хозяйственную элиту. «Большой террор» был направлен главным образом против простого населения, аполитичных и послушных граждан. Только за эти два года были арестованы органами внутренних дел (НКВД)

более 1,5 млн. человек, из них 85% осуждены и 682 тысячи расстреляны. Согласно указу наркома внутренних дел Н. Ежова от 15 августа 1937 г. к 1938 г. в стране было репрессировано 27 114 жен и 36 795 детей «врагов народа». Массовый политический террор вызвал к жизни такие внесудебные карательные органы, как Особое совещание и «тройки», возникла практика расстрелов «списками». Юридическим основанием для применения смертной казни за политические преступления служила 58-я статья Уголовного кодекса РСФСР. Репрессии коснулись и командного состава Красной армии, погибло большинство высшего командного состава на уровне маршалов и командующих армиями. Все это отрицательно сказалось на готовности страны отразить предстоящее нападение на СССР фашистской Германии.

ГЛАВА 11

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Я родился на Урале в ноябре 1941 г. — в самые тяжелые дни Великой Отечественной войны, когда мой отец — младший лейтенант Александр Иванович Тишков сгинул в Уманском котле под Белой Церковью в самом начале войны и провел три с половиной года в немецком плену, а моя мама — Тишкова Раиса Александровна проработала всю войну учителем начальных классов и узнала, что ее муж жив, только летом 1945 г. К моменту возвращения отца с войны относятся и мои первые детские воспоминания, особенно его гимнастерка (без орденов!), широкий ремень с портупеей и жестяная коробка трофейных немецких леденцов. Память о войне и Великой Победе, а также нынешние острые дебаты о новой России и российском патриотизме заслуживают особого места в очерке о национальном российском проекте.

Начну цитатой из текста «Истоки народного подвига», который ныне покойный академик Ю.А. Поляков подготовил для многотомного труда по истории Великой Отечественной войны. Ю.А. Поляков спрашивает: «Что защищали

советские люди?» и дает такой ответ: «Победу СССР в Великой Отечественной войне обусловила группа взаимосвязанных факторов... Бесспорно, существенную роль сыграли пространства страны, ее огромные материальные и людские ресурсы, помощь союзников, просчеты противника. Но главная заслуга принадлежит советскому народу. Именно он сплотился перед общей бедой, забыв или отодвинув в тень свои обиды и невзгоды. На борьбу с германским нашествием поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР». Чем же был вызван патриотизм советских людей? Как считает этот историк и свидетель советской эпохи, «прежние, ставшие стереотипами постулаты о том, что народы СССР защищали “советскую социалистическую Родину”, “идеалы социализма”, в результате распада республик утратили во многом прежнюю убедительность, а новых, достаточно вразумительных ответов пока не дано»¹. За последнее время этот вопрос стал еще более острым, несмотря на появление многих документальных публикаций и монографических исследований о войне. Антропологи эту тему обходили своим вниманием, за исключением, возможно, таких сюжетов, как плен, депортации, военный фольклор, «окопные» темы. Некоторые социально-антропологические вопросы войны: мобилизация, участие и неучастие, патриотизм и жертвенность, цена жизни и духовные ценности, страдания и сострадание, эмоции и вера — все эти вопросы остаются главным образом доменом художественных осмыслений в литературе и в кино. Повседневность войны только недавно стала предметом междисциплинарного подхода. Психологи и социологи не числят эту тему в своем основном репертуаре. Едва ли кто будет отрицать, что одним из очевидных про-

¹ Поляков Ю.А. Истоки народного подвига // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / Сост. В.Б. Жиромская; отв. ред. В.А. Тишков, Ю.А. Петров. М.: Ин-т российской истории РАН, 2014. С. 58.

явлений национального самосознания советского (российского) народа был гражданский патриотизм в годы Великой Отечественной войны¹.

ОСНОВЫ ПАТРИОТИЗМА И НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Под *гражданским патриотизмом* мы понимаем чувство сопричастности со страной гражданства, которая обычно и называется Родиной. Причем эта сопричастность, в отличие от более широкой категории национального самосознания, имеет однозначно позитивные чувства и привязанности, называемые часто «любовью к Родине». Национальное самосознание может охватывать более широкий спектр чувств и установок, включая критическое отношение и даже «любовь через ненависть» (В.Г. Белинский: «Ненавижу Россию, потому что люблю ее»). Патриотизм же имеет исключительно позитивный спектр сопричастности, хотя не исключает как критического отношения, так и безоговорочного оправдания типа «Родина всегда права». Последнее особенно свойственно так называемым ультрапатриотам или урапатриотизму. Патриотизм — это сложный комплекс чувств и эмоций. Он — результат как примордиальных ощущений, связанных с местом рождения и ранней социализацией

¹ Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М.: ИРИ РАН, 1995; Аманжолова Д.А. Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941–1945 гг.: Общее и особенное // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Голден Би, 2010; Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю. Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е годы) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012; Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. / Отв. ред. Н.В. Михайлов, Я. Плампер. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014.

личности, так и с целевой индоктринацией через воспитательный процесс, пропаганду и разнообразные социально-политические воздействия, включая воздействие во взрослом возрасте. Но в любом случае *патриотизм — это важный компонент национальной идентичности, и сам процесс нациестроительства (в его гражданско-политическом смысле) есть утверждение общего представления о собственном народе как нации и связи с ней на личностном и коллективном уровнях.* В случае войны речь идет не просто о патриотизме, а о массовом героизме как коллективном жертвенном поведении во имя потребностей фронта и во имя военных побед. Здесь мы исходим из постулата, что чувство сохранения жизни является первичным по отношению к другим экзистенциальным ситуациям, а сама жертвенность вызвана особым, критическим сочетанием факторов, включая психоэмоциональное состояние личности.

Война является именно таким сочетанием факторов, при которых явление коллективной и индивидуальной жертвенности становится почти нормой. Однако не каждая война и не каждая коллективность (в данном случае речь идет о народе) вызывают к жертвенности и вызывают ее проявления. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. была чрезвычайной ситуацией внешнего вторжения агрессора на территорию страны, имевшего целью разрушение государства, низведение славянского и другого населения на низшие позиции, физическое уничтожение представителей некоторых национальностей (евреев, цыган). И хотя в военное время в СССР еще более ужесточился тоталитарный режим партии большевиков во главе с И.В. Сталиным, хотя существовала безграничная власть одной личности и спецслужб, все же есть основания говорить о свободном проявлении лояльности и любви к Родине, чувстве советской общности среди граждан СССР.

Мы берем период войны как время, выпадающее из нормы существования той или иной нации, когда сама нация подвергается особому испытанию. Известно, что оккупация гитлеровской Германией некоторых европейских стран, напри-

мер, Австрии и Норвегии, фактически привела к разрушению самих институтов государственности и к кризису национальной идентичности граждан этих образований. Послевоенное воспевание австрийского патриотизма через голливудский фильм «Звуки музыки» был в большей степени послевоенным искуплением, чем отражением реального австрийского патриотизма в период войны. Норвегия также могла похвалиться только стойкостью представителей королевской короны, сохранившей власть в эмиграции, но особых проявлений национальной солидарности неизвестно, да и сама норвежская нация консолидировалась только в послевоенное время. Эти примеры подтверждают, что *процесс складывания нации и ее консолидации имеет к этническому составу населения страны далеко не самое прямое отношение*. Население довоенной Норвегии было этнически гомогенным (если не считать саамское меньшинство), но общее чувство норвежскости было в нем развито слабо. И другие, уже, казалось бы, сложившиеся европейские нации выбрали (или им уготовили условия войны) разные варианты коллективного поведения перед внешней угрозой. Некоторые, вполне консолидированные и даже примерные гражданские нации (например, французы), предпочли конформизм и официальное сотрудничество с врагом, а власть и население совсем не пребывали в согласии. Другие, менее гомогенные нации (например, британцы) и даже не до конца сложившиеся нации (например, в большинстве своем югославы), наоборот, выбрали жесткое сопротивление и проявили солидарность.

Советский «многонациональный народ» в Отечественной войне — явление во многих отношениях уникальное и, возможно, не до конца еще понятое и объясненное в силу его сложного и меняющегося состава, особой эмоциональной окрашенности темы и ее актуальной политичности. В Советском Союзе патриотизм, как и идея защиты Отечества, имели исторические корни. Они были наследованы от дореволюционного времени и в своих разных временных и идеологических ипостасях нашли отражение в науч-

ном, публицистическом и художественном творчестве. Но коммунистическая идеология наполнила патриотизм новыми концептами. Большевики отринули прошлое страны как «тюрьмы народов» и как «мир насилия». Они отвергли и разрушили многие культурные и религиозные основы российскости, уничтожив само слово «Россия» в названии страны. Но им удалось в ходе радикальной революции и построения новой советской страны представить ее как «авангард человечества», как «надежду мира». Что касается этнонационального фактора, то к новым идеологическим концептам добавились формулы «союза народов», а уже в годы войны рождается и утверждается концепт «советского народа». И все же отправным моментом при формировании гражданского самосознания служил исторический опыт контактов в целом толерантных по отношению друг к другу представителей российских национальностей, а также последователей разных мировых религий, которым импонировали коммунистическая идея равенства граждан и народов, установление справедливого порядка, а также усилия большевистской власти сохранить историческую Россию.

После образования СССР появляются новые компоненты советской идеологии: это «интернационализм», понимаемый как солидарность трудящихся в стране и во всем мире, а также «дружба народов» как взаимоуважение и сотрудничество представителей разных национальностей. Эти идеологические скрепы были задействованы быстро и эффективно. Уже в довоенный период существенными для формирования солидарности и патриотизма жителей страны становились повседневные социальные и культурные практики. Совместные труд и творчество, обмен хозяйственным и культурным опытом, семейно-родственные связи и привязанности, увлечения и досуг, художественная литература и изобразительное искусство, этика коллективизма — все это создавало основу для чувства принадлежности к «советской Родине». Однако в какой мере все это было уже укоренено в обществе, чтобы проявиться в годы войны? Ведь слишком мало времени прошло с момента

ухода с исторической сцены старой России, и слишком много страданий и травм уже успел нанести гражданам, целым этническим и социальным группам советский режим, чтобы можно было рассчитывать на отсутствие антисоветских и антибольшевистских настроений, на искоренение идеологии национализма и межэтнических проблем.

Отторжение советской власти и идеологии большевизма частью населения имели разную окраску (в том числе этническую и религиозную). Наиболее критические и сепаратистские настроения были среди жителей присоединенных накануне войны территорий, а также среди мусульманской части населения и тех социальных и этнических групп, которые подверглись сталинским репрессиям в 1920–1930-е гг., а также в ходе самой войны. Духовная жизнь в предвоенные годы представляла собой сложное и противоречивое явление. «С одной стороны, за годы советской власти компартии удалось воспитать у советских людей политическую сознательность и преданность идеалам социализма. Советский народ был готов самоотверженно и стойко защищать свое социалистическое Отечество. С другой стороны, говоря о духовной сплоченности советских людей в предвоенные годы, следует помнить, что на морально-политической атмосфере негативно сказывались ускоренная индустриализация, принудительная коллективизация, а также духовное принуждение людей. Произвол и беззаконие, всевластие Сталина породили обстановку подозрительности и недоверия, которая мрачной тенью ложилась на общественное сознание»¹.

Этот вывод созвучен размышлениям Ю.А. Полякова, который, отметив суть гитлеровского плана физического уничтожения самой страны и части ее населения, писал: «Советские люди поняли это уже в самом начале войны. И тогда стало ясно, что большая, единая Родина — не только сумма “малых терри-

¹ Мельников С.А. и др. Советское общество. 1920–1941 гг. Цивилизационный феномен: Исследования. Документы. М.: Гриф и К, 2014. С. 273.

торий". Осознание этого объединило в общей ненависти к врагу и общем порыве людей разного социального происхождения и положения, все нации и народности Советского Союза — русских и казахов, украинцев и грузин, белорусов и узбеков. Одна из главных причин всенародного подъема, готовности к борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социальной справедливости... В Советском Союзе доминанта общественного настроения, общественного мнения, общественного сознания военных лет представляется несомненной — война против оккупантов справедлива, поэтому необходимо приложить силы для достижения победы». Большинство народа осознавало необходимость сосредоточения сил для разгрома врага, и об этом свидетельствовало само поведение людей, в котором и проявлялось то самое массовое сознание. «Безусловно, в нем преобладал государственный патриотизм, ибо система ценностей советского строя, как уникального тогда в мире жизнеустройства, разделялась большинством населения»¹.

О том, что тяготы обычной жизни и жестокости властей вызывали среди части населения, не говоря уже о жителях присоединенных территорий, далеко не всегда патристические чувства, писали еще в советское время некоторые авторы, главным образом не историки, а писатели. Как писал К. Симонов, «тогда одновременно существовало словно не одно, а два соседних и разных времени. Одно явное и понятное, с полетами через полюс, с революционной помощью Испании, с ненавистью к фашизму, с пятилетками, с работой до седьмого пота, с радостной верой, что выше и выше поднимаем страну, с любовью и дружбой, с нормальными людскими отношениями; и тут же рядом — только ступи шаг в сторону — другое время, страшное и с каждым днем все более необъяснимое»².

¹ Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 60–61.

² Симонов К. Глазами человека моего поколения. М.: Изд-во АПН, 1988. С. 288–289.

Сегодня нам известны многочисленные проявления недовольства и сопротивления власти, особенно на этнической периферии (в Поволжье, на Северном Кавказе, в Средней Азии), а после 1940 г. — на территориях Прибалтики, Украины и Молдавии)¹. И все же население страны в целом принимало основы существовавшего строя. Провозглашаемые идеи, прививаемые населению ценности, действующие правовые нормы, а также формулируемые руководством цели развития страны и задача защиты Отечества были понятны советским людям и одобрялись ими. Можно говорить, что *в основе поддержки народом советского строя были социальные и идейно-ценностные основания, а не просто страх и принуждение*. Этот вывод поддерживают и некоторые западные историки, несмотря на доминирование среди этой части специалистов по советской истории так называемой концепции сопротивления, то есть всеобщего неприятия населением коммунистического режима. Как считает американский историк Р. Серстон, к началу войны подавляющее большинство советских людей поддерживало режим: «Террор и страх — ядро любого исследования, которое основано на использовании концепции тоталитаризма. Возможно, что значительная часть как немцев, так и русских испытывала страх перед государством. Но он не был определяющим. Действительно, было множество ограничений свободы слова, многие возможности были закрыты для народа, степень принуждения и контроля со стороны правительства и правящей партии была значительной. Но были и такие, кто не боялся государства, было огромное количество тех, кто поддерживал режим в Германии и в СССР». Этот историк пришел к выводу, что без лояльного отношения советских людей к власти «трудно объяснить готовность народа добровольно вступать в армию в 1941 г., уровень советской военной экономики, достигнутый в экстремальных условиях, саму победу в целом»².

¹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост. Гатагова Л.С. и др. М.: РОССПЭН, 2009.

² Thurston R. W. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996. P. XX, 198.

Надо признать, что тезис «школы сопротивления» о том, что советский народ в своем большинстве не разделял ценностей коммунизма, в какой-то степени опирался на документальные публикации 1990-х гг. из советских архивов, ибо их составители и комментаторы сосредоточивались на проявлениях недовольства и протеста среди населения, особенно среди интеллигенции. Как отмечается в одном из сборников статей в серии «История сталинизма», отчасти данная тенденция была связана с естественным стремлением российских и сотрудничавших с ними зарубежных авторов скорректировать советскую традицию об отношении власти и народа, несколько преувеличивая ту часть, которая отражала «героические проявления сопротивления режиму», а также подчеркивала чуждость сталинизма народу, насильственный характер советского режима¹. Однако в последние годы среди обществоведов феномен советскости стал заслуживать более конструктивного отношения, без пренебрежительности к некой «совковости». Дальневосточный историк В.А. Тураев так писал о формировании советской идентичности в годы войны: «В кризисные периоды, а таким периодом была Великая Отечественная война, социальная память вынесла на поверхность и сделала очевидной ценностью чувство “советскости”. В условиях военного лихолетья период довоенной социальной неустроенности стал представляться как лучшее время жизни... Миллионы на фронте и в тылу остро почувствовали себя не столько русскими, украинцами, татарами и т.п., сколько советскими людьми»². Напомним, что в начале 1942 г. в действующей армии, большинство состава которой действительно состав-

¹ Крумм Р., Ломагин Н.А., Ханов Д. (сост.). Образ Другого — страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 13.

² Тураев В.А. Великая Отечественная война как фактор формирования советской идентичности // Неоконченная война — незаживающие раны; сб. научных статей. Владивосток: Ревя, 2016. С. 131.

Надпись на доме
на Невском
проспекте
времен блокады
Ленинграда

ляли восточные славяне и представители народов Поволжья, также находились более 1 млн азербайджанцев, армян, грузин, казахов, киргизов и узбеков, то есть представителей наций союзных республик¹.

С точки зрения социальной антропологии, которая обращает особое внимание на роль процесса индоктринации и настроений-

¹ Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. Гл. ред. П.С. Грачев и др. М.: Воениздат, 1994. С. 399.

эмоций среди людей и коллективов, отмечу одну примечательную черту советского общества 1930–1940-х гг., а именно: потребовалось всего два десятилетия, чтобы в сознании советских людей через систему образования, общественные организации, средства информации (печать и радио) утвердились главные постулаты марксистско-ленинской идеологии, что социализм должен победить во всем мире, что СССР — это оплот трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров, что миссия страны — защищать угнетенные народы и нести в мир идею равенства и братства людей труда. Знаменитый Джордж Оруэлл в одном из своих очерков, помеченных 1941 годом, писал следующее: «А отчего русские с такой яростью сопротивляются немецкому вторжению? Отчасти, видимо, их воодушевляет еще не конца забытый идеал социалистической утопии, но прежде всего — необходимость защищать Святую Русь (“священную землю отечества” и т.п.), о которой теперь вспомнил и говорит почти этими словами Сталин. Энергия, действительно делающая мир тем, что он есть, порождается чувствами — национальной гордости, преклонением перед вождем, религиозной верой, воинственным пылом, словом, эмоциями, от которых либерально настроенные интеллигенты отмахиваются бездумно, как от пережитка, искоренив этот пережиток в самих себе настолько, что ими утрачена всякая способность к действию»¹.

Далеко не последнюю роль сыграла и идеологическая работа в армии и в обществе в ходе самой войны, которую осуществляли разные институты власти, пропаганды, культуры, информации. В воинских частях имелись штатные должности комиссаров, действовали идеологические работники и другие институты и меры воздействия². Правительственные установки с самого начала войны переводились в ясные формулы

¹ Оруэлл Дж. Мысли в пути: Эссе. Пер. с англ. М.: изд-во АСТ, 2003. С. 63.

² См.: *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа // Труды Института российской истории РАН. Вып. 10 / отв. ред. Ю.А. Петров, Е.Н. Рудая. М., 2012. С. 155–176.

и лозунги, которые обычно формулировались И.В. Сталиным и доводились до сведения каждого бойца, а в тылу — до каждого гражданина. «Наше дело правое. Победа будет за нами!» — убеждало народ в справедливом характере войны со стороны СССР и внушало уверенность в неизбежности Победы. «Все силы народа — на разгром врага!», «Все для фронта, все для Победы» — было смыслом мобилизации народа в советском тылу. «Смерть немецким оккупантам» — было установкой для бойцов Красной Армии. «Огромную роль играло радио, пресса, кинофильмы, с разной степенью оперативности и разными средствами доносившие пропагандистские установки до населения. Всемерно “пестовался” и оберегался авторитет руководителя государства — И.В. Сталина, не часто “являвшего себя народу”, но каждое такое “проявление” было весомым и символическим. Он сам превратился в символ мудрого вождя народа, противостоящего грозному врагу. Его авторитет укреплялся не только с каждой победой, но и с поведением в ситуациях опасности. Например, когда Сталин не уехал из Москвы, несмотря на реальную угрозу взятия столицы противником»¹.

В ходе войны происходила быстрая смена классовых лозунгов на патриотические. После тяжелых поражений начала войны Сталин обратился к ранее попиравшимся идеологическими догматами национальным чувствам русского народа, ибо духовные силы были призваны спасти положение там, где оказались недостаточными силы материальные. В речи Верховного Главнокомандующего на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. соединились старые русские и советские традиции и символы: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих пред-

¹ *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа // Труды Института российской истории РАН. Вып. 10 / отв. ред. Ю.А. Петров, Е.Н. Рудая. М., 2012. С. 161.

ков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»¹.

Все эти моменты идеологического воздействия и быстрой индоктринации населения огромной страны, а также исключительно важной роли чувства гордости, веры и эмоций представляются, конечно, не единичным явлением в истории, но поучительными параллелями для других времен, особенно для современного мира принципиально новых и чрезвычайно эффективных методов воздействия на массовое сознание и представления людей.

Война существенно изменила демографический облик и этнический состав советского народа. Именно людские потери как очевидное свидетельство цены победы стали наиболее значимым моментом в памяти людей. Эта значимость и вызвала сначала особый контроль со стороны власти за цифрой потерь, не позволяя историкам свободно заниматься этим вопросом. Эта политизация и особая эмоциональная значимость сохраняются и поныне. Акция «Бессмертный полк», начатая в 2012 г. в Томске, в год 70-летия Великой Победы, вовлекла по всей России миллионы участников, в семьях которых хранятся фотографии погибших во время войны или умерших после нее участников. Портреты родных несли и самые молодые граждане страны, и это стало одним из «мест памяти» в национальной идентичности россиян. Ясно, что трагический факт грандиозных утрат заслуживает этой памяти, и задача ученых сохранять эту тему в исследовательской повестке.

Таким образом, все народы СССР, все слои населения страны воспринимали войну против Третьего рейха как войну справедливую, священную, Отечественную. Их сплочение было обусловлено пониманием смертельной опасности, на-

¹ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 40.

висшей над страной, над каждым ее гражданином, а образ врага был проникнут ненавистью и «яростью благородной», которая «вскипала, как волна». *Это сплочение как одно из мощных проявлений национального самосознания обеспечило победу СССР.*

СОВЕТСКИЙ НАРОД: ПОИСК СМЫСЛОВ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Послевоенный период в истории советского народа заслуживает своего анализа и с точки зрения процессов в сфере общественного сознания. Мы имеем в виду в данном случае верхушечную идеологию, которая в тоталитарном обществе того времени была важна для формирования устремлений и настроения людей, их ценностных ориентиров. Следует отметить, что в послевоенные годы режим не претерпел принципиальных изменений, и культ личности Сталина обрел труднообразимые масштабы, но что-то существенное изменилось в советском обществе. Среди части населения сохранялась и переживалась огромная коллективная травма, связанная с насильственными переселениями больших масс людей, включая целые этнические общности. Напомним, что к концу войны на спецпоселении находилось более 1 млн российских немцев (1,5 млн немецких военнопленных был совсем другой контингент, также требовавший особого режима и охраны), около 600 тыс. представителей народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы), 91 тыс. калмыков, 183 тыс. крымских татар, 94 тыс. турок-месхетинцев, курдов.

К этому следует добавить принудительно переселенных с присоединенных перед войной территорий (Прибалтика, Западная Украина, Молдова). Только с территории Украины было переселено около полумиллиона «неблагонадежных» лиц. На «освободившиеся» места проживания и на некоторые освобожденные/присоединенные территории (например, территории упраздненных республик Северного Кавказа и Кали-

нинградской области) также по принудительной разнарядке переселялось население из центральных районов России, главным образом русское. Огромная страна представляла собой гигантский мигрирующий котел при ужасном состоянии путей сообщения и условий переезда. Не следует забывать, что после окончания войны с Германией значительная часть войск была переброшена на Дальний Восток для войны с Японией, а часть освобожденных военнопленных содержалась в фильтрационных пунктах и освобождалась или отправлялась в заключение после проверок спецорганами.

Тяготы послевоенного времени носили всеобщий характер. Они касались не только жителей территорий, бывших под оккупацией или на линии боев, но и населения территорий, не затронутых военными действиями, не говоря уже о тех, кто был на спецпоселении, в трудармии, а тем более в лагерях. Все это не ослабило, а только усиливало среди жителей страны ожидание улучшений жизни, послабления репрессий, включая возможное возвращение из ссылок. Как пишут Н.Ф. Бугай и Е.Ю. Зубкова, «это ожидание было буквально разлито в обществе: победа породила иллюзии, что жизнь в стране будет меняться к лучшему, и эти надежды часто связывали с возможностью либерализации»¹. В ответ последовала некая новая идеология, рождение которой наметилось еще во время войны. Речь идет о концепте *советского народа*, который был своего рода заменой некоему общему слову-символу, чтобы обозначать население государства.

Как установлено российскими историографами, это стремление утвердить объединяющий разнородное население СССР «имя — символ» относится еще к 1920–1930-м годам². Имен-

¹ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 289.

² Константинов Н.Н. Советский Союз 1944–1991 годов в историографии. Репрезентация политического сообщества. Екатеринбург: Гриф, 2012. С. 110.

но тогда идею «советской нации» формулировали некоторые обществоведы, считая ее аналогом концепта «евразийской нации» Н.С. Трубецкого, кстати, также использовавшего термин «советская нация»¹. При этом до войны такого объединяющего термина не было создано, хотя выражение «советский народ» уже существовало. В годы войны потребность общегражданской (внеклассовой и внеэтнической) мобилизации стала намного актуальней, и на совещании историков в ЦК КПСС летом 1944 г., когда обсуждалась изданная под редакцией академика А.М. Панкратовой «История Казахской ССР», прозвучало мнение, что не всякое национально-освободительное движение на периферии Российской империи было прогрессивным и что присоединение к хотя и слаборазвитой России было меньшим злом, чем подчинение другим капиталистическим и феодальным государствам. Участниками обсуждения было сформулировано любопытное, хотя стилистически неуклюжее, обобщение: «Октябрь в самом деле не был выражением воли одного лишь рабочего класса, который был лишь его авангардом, а воли общенациональных интересов обновляющейся России — СССР... На костре классовой борьбы приносятся жертвы-гекатомбы наших общенациональных народных интересов советского народа»².

В этих не всеми принятых словах на самом деле прозвучала идея «общенациональных интересов советского народа», то есть советский народ понимался как аналог другим нациям мира. Известный историк М.В. Нечкина в своем выступлении подняла вопрос об интеграционных процессах в советском народе в еще более «инновационном» плане, предложив считать советский народ некой общностью более высокого уровня, чем нация. В стенограмме совещания историков есть следующее высказывание Нечкиной: «Мы совсем не занимаемся одной очень важной темой, еще не поставлен-

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. С. 493–505.

² Цит. по: Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. С. 292–293.

ной в науке проблемой — проблемой формирования советского народа. Я думаю, что это вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно встать в порядок дня. Формирование советского народа прошло значимые этапы в Отечественной войне. Советский народ — это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков»¹.

Это высказывание чрезвычайно интересно, ибо мы имеем дело с первым известным рассуждением о советском народе как некой целостности нового типа. Через пару десятилетий высказывание облачится в теоретическую формулу «нового типа исторической общности людей». Но впервые оно прозвучало в годы войны на совещании историков в ЦК КПСС и в выступлении известного историка. Более чем вероятно, что после этого совещания (известно, что Сталин и Жданов консультировались с участниками совещания) через несколько месяцев в свой доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1944 г. Сталин включил раздел «Великий подвиг советского народа в Отечественной войне». Именно в этой речи он изложил содержание советского патриотизма, который имеет в своей основе преданность и верность народа своей Родине, братское содружество всех наций нашей страны и т.д. Как заключает Н.Н. Константинов, «идея советского патриотизма оказалась компромиссной между различными позициями в вопросах описания советской общности в той мере, в какой она выступала аналогичной обществам других государств»².

¹ Цит. по: *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. С. 292–293.

² Цит. по: *Константинов Н.Н.* Указ. соч. С. 114.

Компромисс выражался в том, что эта идея могла выступать в качестве символа, с которым мог отождествлять себя любой житель страны, а само выражение было привычным продолжением советской риторики любви к отечеству. Наконец, советский патриотизм не отменял формулу «дружбы народов» и включал признание этнического многообразия СССР, то есть «социалистических наций». Одновременно с новым концептом привносились в общественный дискурс неоимперские ценности, идеи великодержавия. Вместе с погонами и суворовскими, нахимовскими училищами (по подобию кадетских корпусов) наука и культура стали прославлять имена полководцев и правителей страны, включая «строгих, но справедливых» Ивана Грозного и Петра I. При этом идеология советского патриотизма, несмотря на попытку Сталина разыграть «русскую карту» своим тостом на приеме в Кремле, имела не этнический, а государственно-патерналистский характер. Она имела целью не столько борьбу против национализма внутри страны, сколько противодействие западному влиянию.

Не случайно в стране вскоре началась кампания против «пресмыкательства перед заграницей», против низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и западной буржуазной культурой. Но скоро логика ужесточения политического режима распространилась и на «буржуазных космополитов» и «местных националистов». Партийные чистки и репрессии особо затронули такие республики, как Грузия и Эстония. Националисты стали чем-то наподобие троцкистов — главными врагами партии и народа. Не ограничиваясь отдельными регионами, Сталин и его окружение затеяли грандиозное дело против советского еврейства, которое тянулось с 1948 по 1952 г. и закончилось расстрелами и тюремными заключениями 110 человек, включая убийство в 1948 г. председателя Еврейского антифашистского комитета С.М. Михоэлса. Осуществлению следующей провокации против советских евреев в форме «дела врачей» помешала смерть Сталина.

В условиях массовой истерии и антисемитизма в стране развернулась идеологическая кампания по утверждению среди

граждан советского патриотизма. Партийные идеологи, а также часть ученых-обществоведов стали активно разрабатывать тему патриотизма. В это дело включились ведущие историки страны. Академик Е.В. Тарле написал биографию Наполеона, в которой показал величие Бородинской битвы и русского оружия, кстати, не отступив от высоких научных стандартов. Неспроста книга Тарле была переведена на десятки языков. А.М. Панкратова опубликовала историческую работу на тему патриотизма¹, и за ней последовали многие другие.

В тогдашней идеологии патриотизма были заложены компоненты национальной идентичности советских людей, которые служили делу гражданской солидарности почти полвека вплоть до распада СССР, а некоторые сохранились до сих пор в форме общероссийского патриотизма. Это прежде всего идентификация граждан СССР как советских людей, то есть членов единой общности: «К какой бы национальности ни принадлежал гражданин СССР, он прежде всего — советский человек, сын социалистического отечества, творец новой, социалистической жизни». Это — возвеличивание победы в Великой Отечественной войне как подтверждение верного курса партии во главе с вождем. Только со временем, уже в конце 1960-х гг., героический миф о Великой Победе станет олицетворять подвиг народа и его способность защищать Родину от внешних врагов. Это — восприятие пространства страны как великой ценности и гордости: СССР представлялся советским людям как «одна шестая мира» «от Балтики до Курильских островов, от северных льдов до песков Средней Азии»².

Как отметил Н.Н. Константинов, «в общем идея советского патриотизма была прагматичной... В ней содержался символ для обозначения тождественности гражданина СССР со своей страной, но окончательного шага на пути к формули-

¹ Панкратова А.М. Великое прошлое советского народа. М.: Воениздат, 1949.

² О советском патриотизме. Под ред. Н.П. Васильева, Ф.Д. Хрустова. М.: Госполитиздат, 1950. С. 308–309.

рованию идеи “советской нации” сделано не было. В тех случаях, когда было необходимо рассматривать население СССР как политическое целое, использовалось выражение “советский народ”. В то же время по своей структуре идея советского патриотизма соответствовала критериям национальной лояльности»¹. Более того, именно в этот глухой период с точки зрения развития общественной мысли и состояния массового сознания мы обнаруживаем, что идея советского патриотизма дополняется идеей «советской национальной гордости», которая не подменяла «национальную гордость» каждого из советских народов, а была общей для всех жителей СССР.

ИДЕЯ НОВОГО ТИПА ОБЩНОСТИ

«Конструирование смыслов» о войне является предметом философско-антропологического анализа. И с этого ракурса следует признать радикальное воздействие войны на идеологию, воззрения и практики советского режима и его граждан. Это включает даже само название столь грандиозного и травматического события, как «Великая» и «Отечественная». Война изменила общество и государство, его физические очертания, состав населения и многое другое, включая ментальности. С одной стороны, она как бы оправдывала сам по себе эксперимент большевистской революции 1917 г., но с другой стороны, она собою почти полностью затмила этот период и нейтрализовала миф революции, связанные с ним идеи всемирного единения пролетариата без этнических и других границ. Как пишет американский историк Эмир Вайнер, «...миф о войне, отчасти возникший “естественным” путем, отчасти созданный советской пропагандой, оттеснил на второй план мифологию революции, Гражданской войны, коллективизации. В то же время победа в Великой Оте-

¹ Константинов Н.Н. Указ. соч. С. 114-115.

чественной войне как бы легитимизировала большевистскую революцию, оправдывала принесенные ранее жертвы»¹.

По-новому была изложена сама идея советской общности как «братской семьи народов» на основе «морально-политического единства». Война вынудила людей по-новому ощутить себя в обществе, взять на себя новые роли «фронтовиков», «ветеранов», «тружеников тыла», «пособников» и т.п. «Прошедшие войну» полководцы, офицеры и просто солдаты выстраивали собственные солидарные связи. Отсылка к боевому опыту, к солдатской дружбе стала означать не меньше, чем социально-профессиональная или местническо-клановая близость. Отсылка тыловых работников и колхозников к тяжелым испытаниям войны помогала им заявлять о своих нынешних проблемах и интересах. Бывшие партизаны создавали собственные товарищества, в том числе с целью утверждать свою собственную «правду войны». В республиках трогательно подсчитывали лиц определенной национальности среди награжденных боевыми орденами, высшими званиями и наградами. Эти данные отслеживали и государственные органы. Среди Героев Советского Союза было более 8 тысяч русских, более 2 тысяч украинцев, 311 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 91 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, а также граждане других национальностей². Этим как бы отстаивались славные версии участия «своей нации» в победе над Германией, утверждался вклад этнической общности в Великую Победу.

Эмир Вайнер прав, когда пишет, что «война навсегда разделила советскую историю и жизнь людей на две отличительные эпохи. Неудивительно, что событие такого масштаба вызывает и разные интерпретации среди даже самих советских граждан... Но все они согласны в том, что война обозначила высшую точку в развитии идеи самой социалистической

¹ *Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2001. P. 7.*

² Военная энциклопедия 1994, 399.

революции, а именно получили одобрение среди постоянно меняющихся методов достижения конечной цели построения гомогенного и гармоничного общества». Такими целями стали своего рода очищение от всяких «нежелательных элементов» и идеологических колебаний в пользу «единства партии и народа» и их всяческого прославления. Это была, по словам А. Вайнера, линия на «конструирование послевоенной советской нации»¹.

Приведем примечательную цитату из установочной книги о советском патриотизме, в которой речь идет о «советском как национальном»: «Источник *советской национальной гордости* (курсив мой — В.Т.) — в глубоком понимании советскими людьми превосходства социалистического общественного строя над буржуазным строем, нашей плановой экономики — над капиталистической экономикой, советской культуры — над буржуазной культурой, морали социалистического общества — над звериной моралью капитализма, превосходство советского человека — над любым, даже самым высокопоставленным чинушей в капиталистических странах. Это не обычная национальная гордость, которая свойственна всем народам и которая была присуща и нашему народу до Октябрьской социалистической революции. Советская национальная гордость — это гордость высшего порядка»².

Таким образом, после войны в центре оказалась борьба советской власти за «чистоту» и единство советского общества. Конечной целью должно было стать свободное от противоречий «гармоничное» общество. Групповые и личные интересы должны были быть подчинены общим, а «нездоровые» элементы удалены из общества. Сохраняющаяся социалистическая утопия продолжала руководствоваться некими общими принципами вне сугубо экономических или социальных расчетов. Советский социализм

¹ Weiner A. Op.cit. P. 7, 237.

² О советском патриотизме / отв. ред. Н.П. Васильев, Ф.Д. Хрустов. М.: Госполитиздат, 1950. С. 416.

продолжал заключать в себе определенную эстетику, стремление к гармонии, к тому, что и стало определяться как «морально-политическое единство». Все то, что мешало «морально-политическому единству», должно было устраняться или переделываться. Включая не только отдельных индивидуумов, но и социальные или этнические группы. В своей рецензии на книгу Э. Вайнера российский историк О. Будницкий справедливо отметил, что «миф о войне занимает уникальное место в истории Советского государства. Он способствовал его единению, впервые предложив нечто, способное интегрировать в советское общество прежде исключенные из него группы. Миф о войне способствовал созданию новых “контуров” государства. В то же время он пережил само его существование, будучи “приватизирован” политическими элитами новых государств»¹.

Быстрое восстановление разрушенной войной страны и заметное улучшение жизни советских людей, включая и население союзных республик, конец тоталитаризма в его наиболее открытой форме создали в СССР ситуацию, которая требовала сплочения народа уже не «вокруг вождя», а вокруг нового интеграционного концепта для разнородного населения. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была изложена идея формирования «советского народа», которая через несколько лет обрела более «изящное», но научно несостоятельное добавление «как нового типа исторической общности людей». Нужно сказать, что расшифровать тогдашние интеллектуальные поиски советских политиков-теоретиков не очень просто, но ясно, что сталинское определение нации довлело над мышлением при самоописании «кто есть мы». Пропаганда и даже статистика небезосновательно утверждали, что в СССР произошла социальная интеграция пространства и сложилась единая хозяйственно-экономическая система, но сохранялись различия в языке и в культурных традициях разных групп на-

¹ Будницкий О. Сотворяя смысл войны 2007// booknik.ru/yesterday/all/sotvoryayasmysl-voyiny/

селения. Отсюда сохраняли свою живучесть и фундаментальные клише «многонациональности» и «дружбы народов».

Из рассуждений тогдашних кремлевских вождей и идеологов мы видим, что для советского понимания нации в его сугубо этническом смысле было трудно воспринять идею сложного и соподчиненного существования данного феномена, а точнее — обозначения двух разных сообществ (как форм самосознания/идентичности) одним словом и вытекающим из этого «комбинированным национализмом» (выражение Н.С. Трубецкого). Эта ситуация методологического тупика в использовании категории национального сохранялась на протяжении позднесоветского времени, а нынешние дебаты политиков и экспертов о содержании концепта российского народа иногда напоминают трудно рассуждающих обитателей кремлевских кабинетов полувековой давности. Продолжающийся кризис понимания заключается в том, что исторический российский (до 1917 г.) / советский (до 1991 г.) / российский народ (после 1991 г.) как солидарная общность прошел через многие драмы и геополитические катаклизмы, сохраняет свое многообразное единство, отстоял свой суверенитет в жестокой войне с германским фашизмом и трогательно чтит память об этой Великой Победе. Вот только в ансамбле великих наций мира российские просвещенные эксперты никак не могут самокатегоризоваться именно в национальном формате, оставляя этот формат за внутренними этническими группами, а саму Россию предпочитают квалифицировать в размытых геополитических и публицистических терминах.

ГЛАВА 12

РАСПАД СССР И НОВАЯ РОССИЯ

Новейший период развития нашей страны — один из самых драматичных в истории Российского государства и его народа. Речь идет о времени с начала горбачевских реформ во второй половине 1980-х гг., распаде СССР и постсоветском развитии Российской Федерации. Вместе это составляет три десятилетия — солидный отрезок исторического времени, когда значительную часть современного населения страны составляют граждане, родившиеся после распада СССР и об этом недавнем прошлом личной памятью не обладающие. Носителями советской исторической памяти остается ныне уже пожилая часть взрослого поколения, а «эпоху перестройки» и «лихие девяностые» помнят также и россияне средних возрастов.

Для профессиональных историков это время пока еще рассматривается как недостаточно отдаленное, чтобы подвергать его академическому анализу, хотя все школьные учебники по истории России доводят повествование почти до сегодняшнего дня. В сегодняшнем дискурсе о недавнем прошлом живо присутствуют мемуарные свидетельства очевидцев и активных участников переломных событий нашей истории. Те, кто занимал ключевые позиции и кто явно влиял на ход событий, как правило, предпочитают апологетические или полу-

оправдательные трактовки хода истории. Почти никто из них не берет на себя ответственность за сделанные просчеты или за недостаточное понимание сути принимаемых решений и их возможных последствий.

В суждениях и оценках не менее активно участвуют и те современники событий, которые в силу разных причин не были их активными участниками, а тем более — не пребывали у власти. «Нас, академиков, тогда в правительство Ельцин не позвал: предпочли пригласить завлабов управлять страной», — сказал мне ныне покойный академик Л.И. Абалкин. Критическое направление общественной мысли и политических оценок густо замешано на логике собственного утверждения за счет отрицания сделанного предшественниками. Так поступает обычно каждая новая правящая команда, цель которой утвердиться у власти и обосновать успехи собственного правления в выгодном свете на фоне якобы провальной работы ушедших или отстраненных от власти. В политике такую логику действий можно понять, как и можно понять (без оправдания) старания пропагандистов в пользу действующих правителей и их курса. А вот что касается экспертного сообщества, то здесь желательна и даже необходима более объективная оценка свершений и перемен, а также соблюдение преемственности и связи поколений в историческом процессе. Здесь не сработает принцип подсечно-огневой системы, когда для получения нового урожая необходимо выжечь старое, забросить сделанное и начать все с чистого листа.

Оглядываясь на прожитые годы в позднем СССР и в новой России и оценивая нынешние доминирующие дебаты и оценки, невозможно отрицать, что именно эта логика разрыва и подход *tabula rasa* (с чистой доски) преобладают в российском политическом менеджменте и в медийной сфере. Не отличаются особой проницательностью в трактовке прошлого и деятели культуры, для которых главными критериями художественного творчества выступают ответ на низовые фобии и ублажение нынешних интересов и вкусов, а не стремление к «правдивому отражению». Часть художников-властителей

дум намеренно выбирают сегодняшнюю политическую повестку, будь это апологетика сталинизма, предательство элит или «бандитский капитализм» 1990-х годов.

Разлом по поводу взглядов и оценок «истории, которую мы помним», отношение к советскому периоду и последующим событиям оказываются наиболее сложной исследовательской задачей. Здесь оценки обременены политическими эмоциями, личным жизненным опытом, влиянием произведений культуры и пропаганды, от которых часто не свободны и сами исследователи. Одним кажется, что это были «лучшие годы нашей жизни», другие с содроганием вспоминают преступления сталинизма и жестокую несвободу при тотальном дефиците товаров и услуг периода правления Брежнева и других генсеков.

Ментальные разломы среди россиян дополняются линией на отторжение каждой новой правящей командой того, что сделали их предшественники, даже если сами новые управленцы были активными деятелями предыдущих правительств. Так, например, родился ныне почти фольклорный образ «хаоса 90-х годов», «кровавых девяностых». Цель этого образа — возвысить бесспорно позитивные перемены в жизни страны после 2000 г. Но плохо, что общество, включая политический класс, не обладает культурой преемственного мышления, не способно увидеть полезность прошлых «заделов» и пестует в себе нетерпимость и даже ненависть к тем, кто был до этого у власти. А это, в свою очередь, порождает ненависть и к действующей власти среди тех, кто желает прийти ей на смену или уже покинул властные позиции. *В этой политико-идеологической сумятице и отсутствии культуры преемственности особая ответственность выпадает на тех, кто является профессиональными производителями знания о прошлом, т.е. на историков.* Именно историки обладают необходимой подготовкой по части видения исторических горизонтов, обучены методам обращения с первоисточниками, обладают навыками проверочных процедур и профессиональными критериями достоверного толкования прошлого. При всем разнообразии

мнений и даже ожесточенных дискуссий в профессиональном сообществе должен быть необходимый консенсус по поводу того, что есть достоверное в прошлом и что есть вымысел или заблуждение.

Однако с изучением современного периода истории есть дополнительные трудности, которые делают это занятие не менее сложным, чем изучение античных времен или истории Древней Руси. Во-первых, историописание еще не оторвалось от живой исторической памяти, и эта память, включая личный опыт самого исследователя, противоречиво влияет на воссоздание наиболее достоверного и полного исторического полотна. С одной стороны, свидетель или даже прямой участник событий помнит, что происходило, но с другой стороны, он помнит только то, что происходило именно с ним. Его память связана с эмоциями и пристрастиями, которых не лишен каждый человек. Во-вторых, современная история в большой степени связана с текущим политическим процессом, и всегда есть искушение со стороны власти «подправить историю» в выгодном русле, а у части историков — готовность подстроиться под властные ожидания. Эта проблема называется *презентизмом*, с которым борется академическая наука.

Наконец, по сюжетам новейшей истории, т.е. недавно прожитого, в каждом обществе продолжаются дебаты вокруг результатов перемен и реформ, сути происходящих процессов, роли политиков, партий и институтов. Недавнее прошлое — это то, что общество еще само помнит без услуг историков, помнит и использует в политике или как средство консолидации, или как средство раздора и обличения, а чаще всего используется элитой в прагматичных целях победы на выборах, прихода к власти или ее консолидации. В изучении новейшей истории есть еще одно затруднительное обстоятельство — это налагаемые государством и частными акторами ограничения на обнародование архивных документальных источников, а также сугубо личностная мотивация в трактовке событий авторами разных воспоминаний и рассказчиками, которые не являются профессиональными историками. То, как

современное общество воспринимает и использует прошлое, я называю *новой исторической культурой*. «Новая», потому что есть некоторые явления, которых никогда не было в предыдущие эпохи, особенно по части мобилизации и трансляции прошлого в политических целях. Поэтому центральным моментом новой исторической культуры является так называемая *историческая политика*, т.е. политически обусловленное конструирование прошлого¹.

В книге не ставится цель описать весь спектр проблем переходного постсоветского периода. Речь идет о том, что в нашей науке и практике привычно называется «национальным вопросом» и «национальной политикой». Суть этих проблем составляют вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны (многонационального народа), системы государственной организации и управления в условиях многонациональности, учет и отправление прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, связанных с сохранением их культуры, традиций, языка в условиях единой страны, разного типа расселения и условий проживания. Сюда же входят проблемы межэтнических отношений, включая конфликты, а также усилия государства и общества по их предотвращению или разрешению. К этому перечню добавляются вопросы этнического сепаратизма, религиозного фундаментализма и терроризма, которые почти всегда задействуют в свои программы и лозунги этнический и религиозный факторы.

Этнический и расовый аспекты включают в себе и такие явления российской жизни, как ксенофобия и экстремизм, направленные главным образом против иностранцев, но также и против собственных граждан или наших недавних соотечественников — выходцев из регионов Южного Кавказа и Средней Азии. В понятие национальной политики

¹ См.: Историческая политика в XXI веке. Сб. статей. Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: НЛО, 2012; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

в ее современном понимании входят также разработка и реализация конституционно-правовых норм, деятельность специализированных институтов государственного управления, государственные программы и проекты в области развития, сохранения культуры и языка, просвещение и информация, общественные движения и организации этнокультурного направления, мониторинг и прикладные научные исследования. Важно отметить, что *пришла пора включить в арсенал понимаемого под национальной политикой не только политику в отношении российских национальностей (nationalities policy), но и политику российского нациестроительства, в центре которой формирование и утверждение российской идентичности и общероссийского патриотизма.* Именно в таком расширенном варианте, а не как политика в отношении меньшинств, и заключается обновленный смысл современной российской национальной политики.

В данной главе мы уделяем первичное внимание этническому фактору в жизни Российского государства с момента образования Российской Федерации и последующего развития. Помимо доктринальной и государственно-правовой сфер общественной жизни рассмотрим политику в отношении коренных малочисленных народов, языковую ситуацию и языковую политику, а также вопросы межэтнической напряженности и конфликтов.

КРИЗИС СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

СССР был одним из самых крупных многоэтнических государств мира, в котором фактически все нерусские этнические общности (они назывались по-разному: «народы», «нации», «народности», «национальности») имели автономные образования разного уровня, т.н. «национально-государственные образования», а все административное устройство страны называлось «национально-государственное устройство СССР». Известная «советская матрешка» (союзные и автономные республики, ав-

тономные области и округа и даже национальные сельские советы в 1920-е гг.) возникла еще в первые десятилетия существования СССР и с некоторыми изменениями просуществовала до его распада. Эта система основывалась на территориальной и государственно-политической нагрузке этнического фактора. Чего только стоило правовое понятие «территория своей национальной государственности», применявшееся по отношению граждан той или иной национальности, проживавших на «своей» или «не своей» территории (внутри одного государства!).

Советская национальная политика была не столько политикой государственного строительства на основе гражданской общности, сколько политикой развития и сближения социалистических наций на основе формул интернационализма и дружбы народов. У этой пропагандистской и умозрительной политики, помимо позитивных результатов, были свои серьезные риски по части спонсирования не только «национальных по форме и социалистических по содержанию» культур и институтов, но и по части подпитки этнического национализма, включая потенциальные изоляционизм и сепаратизм.

В СССР до начала либерализации положение спасали жесткий идеологический диктат и репрессивный партийно-политический режим, а также идеология советского патриотизма и концепция единого советского народа. Как мы показали в предыдущей главе, последний был более чем реальностью, несмотря на претенциозную квалификацию как «новый тип исторической общности людей». *Советский народ представлял собой историческое продолжение российского (русского в широком смысле этого слова) народа, который существовал несколько веков, несмотря на утрату части территорий государства в 1917 г. и приобретение новых территорий в 1940 году.*

После упразднения в 1923 г. Народного комиссариата по делам национальностей весь комплекс проблем в данной области государственной и общественной жизни находился в компетенции партийных органов, Совета национальностей Верховного Совета СССР, министерств культуры и образования и комитетов (теле- и радиовещания), а также правительств республик, авто-

номных областей и округов. Только при М.С. Горбачеве в 1987 г. в аппарате ЦК КПСС был создан Отдел межнациональных отношений, который стал решать вопросы все более обострившихся отношений по линии «центр — периферия» и пытался урегулировать конфликтные ситуации в этнической сфере (события в Алма-Ате, Ташкенте, Тбилиси, Баку, Сумгаите, Вильнюсе и другие). С эпохи либерализации политической системы начинается новейшая история национального вопроса в нашей стране. Отметим, что грандиозный геополитический катаклизм, произошедший в период правления М.С. Горбачева, а именно — распад СССР, — был только частично связан с «национальным вопросом», а тем более — с его нерешенностью¹.

Советское наследие в данной области имело противоречивые результаты. Наряду с жестокими массовыми репрессиями, в том числе насильственными депортациями народов с мест их проживания, а также централизаторско-ассимиляторскими тенденциями в пользу доминирующей русскоязычной культурной традиции, в советской национальной политике были позитивные моменты поддержки и развития малых культур и языков, продвижения в разные сферы жизни, включая органы управления, представителей разных национальностей. В отличие от царской России, которую иногда называли «тюрьмой народов», Советский Союз стал своего рода колыбелью многих наций².

¹ См. подр.: Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. Под ред. Г.Н.Севостьянова. М.: Соц.-полит. мысль. 2005.

² По этому вопросу см., напр.: Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008; Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010; Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Под ред. Р. Суни и Т. Мартина. М.: РОССПЭН; 2011; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011; Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М.: НЛО, 2010.

В ходе так называемого национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг. эти «социалистические нации» консолидировались (точнее — оформилась и утвердилась коллективная идентичность, или представление о существовании нации) на разнородной кланово-племенной основе вокруг «собственной государственности». В послевоенные десятилетия они обрели необходимые институты для «национального самоопределения вплоть до отделения» (территория, экономика, конституции, представительные органы власти, профессиональная культура и наука, полная система образования и т.д.).

Ослабление политико-идеологического диктата центра, растущая хозяйственная самостоятельность, открытие советского общества для внешнего мира и внешние воздействия не столько в пользу демократизации СССР, сколько в пользу его раздела по этнонациональным границам были однозначно прочитаны частью националистически настроенной интеллигенцией и республиканскими бюрократиями как возможность осуществления самоопределения через сецессию. Общим лозунгом для всех этих программ была демократизация и децентрализация — цели, которые внешне вполне совпадали с целями горбачевской реформы. Однако националистическая политика со стороны периферии носила не всегда открытый характер: сначала хозяйственный расчет, потом суверенизация, затем договорные отношения и, наконец, независимость. Эта поэтапность реализовалась из-за грубых ошибок центральной власти и конфликта властной элиты в самом центре. Сыграли свою роль и внешние факторы поддержки дезинтеграционных сил внутри самого СССР. Слишком многие на «западе» и на «востоке» желали распада СССР, хотя среди ученых преобладает мнение, что большие державы не хотели распада ядерной сверхдержавы из-за угрозы глобальной дестабилизации.

Еще до своей дезинтеграции центральная власть столкнулась с острыми кризисами в некоторых союзных республиках, вызванных радикально-националистическими силами, а также с рядом открытых этнических конфликтов, которые Кремль пытался решить разными средствами. Не получили адекватной реакции первые проявления этнических погромов и других форм насилия

в Сумгаите, Фергане, Оше и в других местах. Ни Верховный Совет, ни сам Горбачев не смогли принудить к согласию враждующие стороны в Карабахском конфликте. Использование армии против массовых выступлений в Литве, Грузии и Азербайджане дало противоположные результаты, а именно — дискредитацию власти Кремля, мобилизацию радикально-националистических сил и сторонников выхода союзных республик из состава СССР.

Перестроечный период обозначил проблемы, с которыми встретился СССР в ситуации кризиса элит, их борьбы за власть и взрывного роста этнонационализма, включая его крайнюю форму сепаратизма. Прежние формулы интернационализма, дружбы народов и единого советского народа дали сбой. Они не удовлетворяли потребности быстро меняющейся страны с ее старыми идеологическими составляющими. А.И. Солженицын в своих «поисковых соображениях» так образно описал ситуацию, а точнее — выразил свое достаточно спорное видение «национальных проблем» (он это обозвал «национальным изводом») в СССР: «Сегодня видится так, что мирней и открытей для будущего: кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойтись. И именно при этом всеобщем национальном изводе, заслоняющем нам остальную жизнь, хоть пропади она при этой страсти, от которой сегодня мало кто в нашей стране свободен. Увы, мы знаем, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот — так сейчас у нас накалено и с нациями. Да уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови — да и не надо удерживать такой ценой! Как у нас все теперь покатилось — так все равно «Советский Социалистический» развалится, все равно! — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только поворачиваться проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошел без лишних страданий людских, и только тот, который уже действительно неизбежен». И дальше писатель рисует свой сценарий распада: одиннадцать республик (три прибалтийские, три закавказские, четыре среднеазиатские и Молдавия) «непременно и бесповоротно будут отделены». Казахстан может отделиться только «южной дугой областей», где казахи составляют боль-

шинство населения. «И вот за вычетом этих двенадцати — только и останется то, что можно назвать Р у с ь, как называли издавна (слово “русский” веками обнимало малороссов, великороссов и белорусов), или — Россия (название с XVIII века) или, по верному смыслу теперь: Российский Союз». «Нет у нас сил на окраины», «нет у нас сил на Империю!»¹ — заявил один из властителей дум российского общества.

Эту позицию явно не разделяла как центральная власть, так и большинство населения страны (опросы и референдум 1991 г. подтверждают это), хотя большинство населения ряда союзных республик (Прибалтика, Грузия, Азербайджан) было настроено на выход из СССР. Горбачевское руководство пыталось разрулить ситуацию съездовскими решениями и использованием против собственных граждан необученной для этих целей армии. Осторожный поворот от ранее проводимой политики в области национальных и федеративных отношений был сделан на Всесоюзной XIX партийной конференции 1988 года. Конференция повторила прежние установки. В докладе Горбачева говорилось, что «Союз выдержал проверку временем» и что ведущей тенденцией в формуле «расцвет и сближение наций» является сближение социалистических наций, цементирующее новую историческую общность «советский народ». В то же время было отмечено, что «сближение наций» не означает их слияния. В специальную резолюцию «О межнациональных отношениях» было включено положение о необходимости расширения прав союзных и автономных республик, законодательного разграничения компетенции СССР и союзных республик, ограничения вопросов в ведении СССР, а также об «образовании специального государственного органа по делам национальностей и национальных отношений»².

¹ *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л.: Советский писатель. 1990.

² XIX Всесоюзная конференции Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. В 2 т. М.: Политиздат, 1988. Т.1. С. 66–67; Т.2. С. 157–158.

К попыткам найти «национальный ответ» можно также отнести проведение специального Пленума ЦК КПСС в 1989 г., посвященного вопросам межнациональных отношений. Обсуждались эти вопросы и на XXVIII съезде КПСС в 1990 году. На пленуме был принят документ — платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». В нем опять речь шла о «последовательном отстаивании принципа национального самоопределения», правда, уже через «обновленную федерацию» и «удовлетворение многообразных потребностей всех советских наций». Один из принципов «полнокровной советской федерации» был сформулирован довольно издевательски: «экономическое содержание самоопределения и суверенитета в современных условиях находит выражение в переходе республик на хозрасчет и самофинансирование»¹.

На съезде партии проблема межнациональных отношений обсуждалась на одной из секций и затем на пленарном заседании. В резолюции съезда по проблемам межнациональных отношений вместо обычной фразы об укреплении дружбы народов и воспитании трудящихся в духе интернационализма и советского патриотизма целью национальной политики определялось «всяческое содействие и создание условий для свободного развития и обеспечения прав граждан, принадлежащих к национально-культурным общностям»². Эта переформулировка цели была сделана автором книги, который был в составе рабочей группы по выработке резолюции. Важно также, что в резолюции термин «нация» не использовался в его этническом смысле, что открывало перспективу для наполнения его обновленным гражданско-политическим смыслом. Но в выступлениях делегатов съезда и внутри самой партии верх все больше брали этнонационалистические взгляды на ситуацию в стране и на ее будущее. Коммунистам республиканских организаций, не говоря уже о мощных обществен-

¹ Правда. 1989. 24 сентября.

² Резолюции XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1990. С. 18–22.

ных движениях, все больше хотелось «полнокровного национального самоопределения» (выражение Б.Н. Ельцина)¹.

В переломные 1989-1990 гг. власть от КПСС фактически перешла к выбранному на альтернативной основе законодательному органу власти в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, за которым владеть центром в очередь встало руководство РСФСР. Союзный парламент принял ряд законов о государственном устройстве. Но среди них не было ни одного по национальному вопросу, хотя депутатский корпус достаточно адекватно отражал этнический состав населения страны, а сам ход дискуссий напоминал не парламент единого государства, а некую «ассамблею наций»², лоббировавших исключительно свои этнические или региональные проблемы. Один из принятых союзных законов особо отразил уровень компетенций тогдашних депутатов и правовиков-разработчиков. Это был Закон СССР от 26 апреля 1990 г. «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР». Его замысел состоял в том, чтобы защитить так называемое «некоренное» население, проживающее в союзных и автономных республиках СССР, а также некоторые группы меньшинств в других регионах. Уже тогда дискриминации, насилию и даже изгнанию (т.н. этнической чистке) подвергся ряд этнических меньшинств: месхетинские турки в Узбекистане, азербайджанцы в Армении, армяне в Азербайджане, юго-осетины и абхазы в Грузии, гагаузы в Молдавии, карпаторусины на Украине, русские в республиках Прибалтики, Средней Азии и Закавказья.

¹ См.: *Тишков В.А.* Этничность и власть в СССР: (этнополитический анализ республиканских органов власти) // Советская этнография. 1991. № 6; Он же. Национальность – коммунист? (этнополитический анализ КПСС) // Полис. 1991. № 2.

² См.: *Тишков В.А.* Ассамблея наций или союзный парламент? (этнополитический анализ состава Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР) // Советская этнография. 1990. № 3.

казья. Тем не менее *сам по себе факт признания названием и идеологией закона наличия этнической государственности и неравного гражданского состояния советских людей в зависимости от территории их проживания в собственной стране оказал разрушительное воздействие*. Советские специалисты по праву даже не заметили этот правовой анахронизм, как его не замечают многие и поныне.

Союзный центр в национальном вопросе старался проводить политику уговаривания и резонов в пользу сохранения общей страны. М.С. Горбачев и его окружение было деморализовано неудачным и даже трагическим исходом силовых разгонов массовых антиправительственных выступлений в Тбилиси, Баку, Вильнюсе. Опубликованные позднее командой Горбачева документы «Союз можно было сохранить»¹, а также одна из первых подборок документов по истории распада Российского государства² подтверждают эти искренние, но мало результативные усилия.

Верховный Совет РСФСР, возглавляемый Б.Н. Ельциным, действовал более напористо. В условиях мощного сепаратистского давления республик Прибалтики, Закавказья, Украины вопрос о судьбе государства в огромной степени зависел от позиции России. Вокруг Ельцина сложилась группа советников по данному вопросу (Г.В. Старовойтова, С.Н. Станкевич, Ю.Н. Афанасьев, Р.Г. Абдулатипов), которые исходили из концепта безоговорочного признания права наций на самоопределение вплоть до отделения, понимая под нациями не гражданские, территориальные, а этнические сообщества. В идеале им представлялось переустройство СССР в форме «союза государств» как неизбежного и даже исторически закономерного процесса упразднения «советской империи». Отражением этой

¹ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е перераб. и доп. изд. М.: АСТ, 2007.

² Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / Сост. А.П. Ненароков и др. М.: Терра, 1992.

Советское наследие пароходов

концепции стал разработанный под руководством А.Д. Сахарова и Г.В. Старовойтовой проект конституции «Соединенных государств Европы и Азии», который предусматривал создание на месте СССР более 50 суверенных этнотерриториальных образований («национальных государств» в их советском понимании). За основу деления страны было взято так называемое «национально-государственное» устройство СССР, представлявшее из себя матрешку союзных и автономных республик, автономных областей и округов.

В этой драматической ситуации Россия во главе с Ельциным стала фактическим вершителем бурно развивающихся процессов. Верховный Совет РСФСР, начиная с принятия Декларации о государственном суверенитете, стал жестко ставить перед союзным Центром свои условия и требования, объявив о приоритете законов РСФСР над законами СССР. Выступая в мае 1990 г. на I Съезде народных депутатов РСФСР, Б.Н. Ель-

цин потребовал «полнокровного суверенитета»: «Многолетняя имперская политика центра привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей и ответственности». Больше всего от старой системы страдает Россия, и она должна принять собственную Конституцию как суверенное демократическое правовое государство и построить свои отношения с другими республиками на договорной основе. Этот принцип суверенности должен был быть распространен и на субъекты Российской Федерации, которыми должны стать как национально-автономные, так и территориально-экономические образования¹.

На этом же заседании М.С. Горбачев выступил против «суверенитета, доведенного до абсурда», и сказал, что «без России Союз вообще немыслим»: «Если какая-то республика выйдет, используя конституционное право, Союз испытает ущемление, мы все это болезненно переживем. Много будет проблем, в этом нет сомнения. А если Россия реализует — как в шутку было сказано товарищем Распутиным на первом съезде народных депутатов СССР — свое право выхода из Советского Союза? Тогда — все: Советского Союза нет. Вот она, особенность России». Горбачев призывал попробовать пожить в настоящей федерации, ибо до сих пор в истории был реализован принцип «унитарного государства в многонациональной стране, в том числе и в Российской Федерации. Будем, россияне, самокритичны»,² — зывал первый и последний президент СССР.

Следует признать, что в тот критический момент истории борьба шла даже не столько вокруг проблем экономики или демократии, а вокруг выбора новой парадигмы федеративной и этнонациональной политики. Становилось очевидным, что в СССР рука об руку с экономическим, политическим, идеологическим кризисом идет кризис национально-государственной и гражданской идентичности. Во взаимосвязи с кризисом гражданской

¹ Известия. 1990. 25 мая.

² Советская Россия. 1990. 25 мая.

идентичности начался бурный процесс мобилизации этничности. Этнический национализм, нередко в его самых радикальных формах, стал определять характер движения бывших советских республик к новой государственности, включая РСФСР. Усугубляло ситуацию в России и то, что в ней этническая мобилизация была многовекторной: в одних случаях в автономных образованиях шло движение за выход из состава федерации, в других — за изменение своего политического статуса. Началась также этническая мобилизация русских, но под лозунгом: «Один государствообразующий народ — одно государство».

Сложности, с которыми столкнулись союзные республики СССР, имевшие в своем составе автономные образования (РСФСР, Грузия, Азербайджан, Украина, Таджикистан), мощные сепаратистские движения в Югославии и Чехословакии, все это вместе взятое не могло не поставить под сомнение вопрос об устойчивости федераций, построенных на этнической основе. Кризис национально-исторической идентичности дополнился кризисом существующей формы государственного устройства России как этнической федерации. Перед новыми политическими силами России встала задача дать ответы на эти вопросы, найти правовые механизмы разрешения конфликтов. Первой в этом ряду стояла задача реформирования старой модели федерализма, унаследованной Россией от СССР. Отсюда было понятно заявление Б.Н. Ельцина в сентябре 1990 г. на сессии Верховного Совета РСФСР: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Это было вызвано борьбой с Союзным центром за автономию РСФСР, а также личной борьбой Ельцина с Горбачевым за власть в Кремле. Это заявление о неограниченном суверенитете стало вдохновляющим моментом в эскалации этносепаратизма внутри самой России.

В отличие от СССР в РСФСР была сформирована уже в 1990 г. достаточно действенная структура управления этнонациональными процессами. В составе Верховного Совета РСФСР была образована новая палата Совет Национальностей. В марте того же года в структуре российского правительства был создан Государственный комитет РСФСР по вопросам националь-

ностей (переименован в декабре 1991 г. в Государственный комитет Российской Федерации по национальной политике) — Госкомнац РФ. В органах исполнительной и законодательной власти регионов РСФСР также формировались структуры, занимавшиеся вопросами этнонационального развития. Молодая российская политика спешила доказать, как надо действовать в условиях демократии и гражданского равноправия. В этом на первых порах достаточно преуспел Верховный Совет РСФСР, в том числе Совет Национальностей, в состав которого вошло большое число амбициозных политиков, а также ряд активистов радикальных националистических движений.

Именно тогда, в апреле 1992 г., принят Закон «О реабилитации репрессированных народов», который исходил из демократических порывов и насущных нужд незавершенной реабилитации, но который по своей идеологии был конфликтным. Его субъектом были не граждане, пострадавшие от репрессий, а коллективные общности под названием «репрессированные народы», в отношении которых должна была быть восстановлена «историческая справедливость». Закон ставил нереализуемую цель «примирить прошлое» за счет новых несправедливостей и территориальных манипуляций, не учитывающих социальный статус современных граждан, который во многих случаях среди представителей репрессированных народов был не ниже, а в ряде аспектов (жилье, материальный доход, образование) даже выше, чем в целом по стране или у других групп местного населения. Закон не учитывал изменившуюся за послевоенные десятилетия демографическую, экономическую и политическую ситуацию на местах, не говоря о реальных возможностях государства осуществить материальные компенсации.

30 мая 1991 г. Верховным Советом РСФСР были внесены изменения и дополнения в Конституцию РСФСР. В соответствии с ними понятия «автономные республики» были упразднены и заменены на «республики в составе РСФСР». По старой советской инерции этническим активистам и политикам не нравилось само слово «автономия» и больше грело душу слово «сувере-

нитет». Напомню, что автономные республики, области и округа были по статусу ниже союзных республик и даже не считались «национально-государственными образованиями». Делегаты заняли более активную позицию в решении национальных проблем на территории Союза. Было сделано заявление Съезда народных депутатов об обстановке в Азербайджане и Армении. Съезд народных депутатов РСФСР предложил Президенту СССР М.С. Горбачеву принять меры, исключающие использование вооруженных сил и внутренних войск МВД в урегулировании конфликтов. В июне 1991 г. была сформирована рабочая группа Верховного Совета РСФСР по подготовке нормативных актов о политической реабилитации насильственно депортированных народов. Аналогичная группа была создана по реабилитации казачества. С 25 декабря 1991 г. РСФСР стала именоваться Российской Федерацией (Россией). Смысл нового названия означал отказ от двух идеологем: «советский» и «социалистический», но сохранял форму государственного устройства — федерацию.

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ КОНСТИТУЦИЯ

Как мы уже писали, смысловым содержанием советского федерализма, его главным назначением было решение т.н. национального вопроса. Федерализация Советской России шла не по территориальному, а по этническому принципу. Создавались образования разной формы (автономные республики, автономные области, национальные округа, районы, поселки) для нерусских народов. Федерализм, по сути, относился к сфере национально-государственного устройства (во всех конституциях СССР и РСФСР неизменно присутствовал такой раздел). Что же касается других регионов, в основном населенных русскими, они оставались вне сферы федеративных отношений. А если учесть, что автономные образования были тоже полиэтничными и за их пределами проживало не менее половины представителей нерусских народов, то решение национального вопроса способом, предложенным еще

первой Конституцией РСФСР 1918 г., вело в тупик. *Требовались трансформация квазифедеративной РСФСР в реальную федерацию, а в арсенал национальной политики добавить экстерриториальный компонент управления. Для этого был нужен новый прорыв в теории нации и федерализма.*

В 1990 г. автором книги была опубликована в газете «Правда» статья, в которой подвергался сомнению сам принцип внутреннего устройства государства на этнической основе. Высказывалась мысль, что в условиях развития демократии и стремления к суверенитету советские республики не могут категоризироваться как «национальные государства», как это было определено Конституцией СССР 1977 года и поддерживалось московскими теоретиками, а также интеллектуальной и политической элитой «коренных наций»¹. Это была первая попытка провести в главном партийном органе печати мысль, что права гражданина выше прав нации, а этничность и государственность — разные вещи. Еще ранее в выступлении на XXVIII съезде КПСС нами было сказано о вмонтированном в общественное сознание и в государственно-правовую практику страны этническом национализме, который «проявился в объявлении одних народов нациями, других — народностями и национальными группами, в создании иерархии национальных государственных образований с центром, через который насаждался русскоязычный официоз, в дележе народов на коренные и некоренные со своей и не своей государственностью, в государственной фиксации национальной принадлежности граждан только по одному из родителей»².

На Съезде народных депутатов РСФСР было предложено подготовить Федеративный договор на принципах демократии и равноправия субъектов Федерации. Федеративный договор был подписан в Кремле 31 марта 1992 года полномоч-

¹ Тишков В.А. Тупики национальной государственности // Правда. 1990. 4 сентября

² XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Заседание секции «Национальная политика КПСС». Бюллетень для делегатов съезда. М.: б.и., 1990. С. 30.

ными делегациями всех субъектов Федерации (кроме Татарстана и Чечено-Ингушетии), а Башкирия подписала его особым протоколом — приложением. Принятый документ означал шаг вперед в упорядочении государственного устройства России уже одним тем, что впервые обозначил составные части Федерации — ее субъекты, хотя и нес в себе мины замедленного действия, в частности неравноправие субъектов Федерации. Сразу бросалась в глаза «суверенность» республик, а также отсутствие констатации для других субъектов, что они находятся в составе Российской Федерации. Тем не менее подписание Федеративного договора сняло нарастающее напряжение внутри государства.

Вариант договора с республиками имел отношение к обновлению основ национальной политики. Он как бы вводил в правовое русло то низовое творчество, которое отразилось в текстах принятых в республиках деклараций о суверенитете, где наряду с полезными новациями были записаны формулировки, противоречащие действовавшей Конституции. Федеративный договор вводил важный принцип делегирования властных полномочий, а также их совместного пользования, тем самым признавал важнейшую основу любой, а тем более федеративной государственности, что власть рождается снизу в результате общественного договора. В равной мере немаловажен был факт подтверждения более высокого статуса республик по сравнению с другими субъектами Федерации: республики — это национально-государственные образования в отличие от других двух типов субъектов Федерации — административно-территориальных (краев и областей) и национально-территориальных (округов). Это была вынужденная уступка этническому национализму, который прочно держался идеи «этнической государственности». При всей противоречивости Федеративный договор заложил основу для будущей Конституции России.

Особую печать на этнополитические процессы накладывала острая борьба между новым руководством страны и оппозицией, а также политическими группировками во властных структурах. В этой борьбе национальный вопрос зачастую был

предметом спекуляций и манипуляций. Центром антиельцинской оппозиции в 1993 г. стал Верховный Совет Российской Федерации. Верховный Совет занялся в основном подготовкой законодательных актов, ограничивающих права и prerogatives Президента. В июле 1993 г. было сделано заявление Совета Национальностей в связи с ситуацией в Чеченской Республике, где захвативший власть генерал Д. Дудаев применил силу в отношении оппозиции, были приняты постановления «О ходе урегулирования ингушско-осетинского конфликта» и «О социально-экономическом положении Ингушской Республики». Однако с осени 1993г. началось открытое противостояние с Президентом, в результате которого Верховный Совет был разогнан силой оружия и прекратил свое существование.

В условиях жесткого противоборства двух ветвей власти шла выработка национальной политики и новой Конституции России. Новая Конституция Российской Федерации, принятая все-народным референдумом 12 декабря 1993 года, стала подлинно демократической, несмотря на некоторые непоследовательные формулы относительно ограничителей и принципов сменяемости высших органов власти и должностных лиц. Вместе с тем на референдуме оппозиция новой Конституции проявилась значительно сильнее в республиках, чем в других субъектах Федерации. Из проголосовавших избирателей, проживавших в республиках, лишь 47,9% высказались за Конституцию, в то время как в областях за нее проголосовали не менее 60%. В Татарстане, где правительство и лидеры общественных движений обеих этнических общин призвали не участвовать в голосовании, в референдуме участвовало менее 15% имеющих право голоса и, таким образом, согласно закону, он не состоялся. Менее 50% избирателей пришло к урнам в Удмуртии, Хакасии и Коми. В Чечне, по решению местных властей, референдум не проводился вообще. В целом в 16 республиках в референдуме участвовало свыше 51% населения, при этом в 7 из них большинство проголосовавших высказалось против Конституции (Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Мордовия, Тыва, Чувашия). Такие итоги референдума стали симптомом ослабления легитим-

ности центрального правительства среди граждан в российских республиках, а в некоторых из них — и откровенного недоверия.

Однако федеральный центр и правительства тех республик, которые были не согласны с переориентацией федеральной политики, не пошли на открытую конфронтацию. Ни центр, ни республики не хотели открыто обострять взаимные противоречия в условиях ограничений стабильности после октябрьского 1993 года кризиса. Вместе с тем в этот период продолжался переговорный процесс центра с республиками, что реализовалось в заключении двустороннего договора о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан в феврале 1994 года.

В отличие от конституций советского периода в новой Конституции Российской Федерации не было раздела «Национально-государственное устройство», как и не было градации субъектов Федерации на национально-государственные, административно-территориальные и национально-территориальные. При этом важным стало признание равноправия всех субъектов Федерации. Конституция не предусматривает за субъектами Федерации ни права, ни процедуры их выхода из состава Федерации. Таким образом, однозначно трактуется право народа на самоопределение как самоопределение в составе Российской Федерации. Конституция позволяет расширить законодательство по правовому регулированию этнонациональных процессов в России, этнической и гражданской идентификации на личностном, региональном и общегосударственном уровнях. Свободным стало толкование национальной принадлежности, граждане обрели право самостоятельно определять и указывать свою национальность, в то же время никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.

Основной закон значительно обогатился терминами, относящимися к понятиям народ, нация, национальность, что расширяет возможность правового регулирования процессов этнокультурного и этнонационального развития. Например, преамбула Конституции («Мы, многонациональный народ Рос-

сийской Федерации...») позволяет трактовать понятие «многонациональный народ» как тождественное понятиям «российская нация», «россияне», в смысле политической нации и согражданства. В сочетании преамбулы с текстом присяги Президента Российской Федерации «Клянусь... верно служить народу» это особенно усиливает смысловую часть преамбулы «Мы многонациональный народ». Заметим, что в тексте президентской присяги, которую принял Съезд народных депутатов СССР в 1990 г., будущий Президент должен был присягать не «народу», а «народам» страны. Получалось, что страна не имела определения своей гражданской общности.

Рассмотрение и анализ приведенных контекстов употребления термина народ позволяет утверждать, что за ним скрываются два разных понятия: народ как *согражданство*, *население*, и народ как *этническая общность*. При анализе словосочетания «многонациональный народ» в совокупности с термином *национальность* можно сделать вывод о его двойственности. Во-первых, понятие «многонациональный народ» раскрывает себя как политическую сущность — согражданство, во-вторых, как сущность этническую (национальную). Выявление глубинного смысла понятия «многонациональный народ Российской Федерации» расширило методологическую и правовую базу восприятия множественности идентичностей в их единстве и взаимодополняемости. Однако тогдашняя юридическая недосказанность в этом вопросе привела к тому, что в конституциях некоторых республик в качестве субъекта самоопределения признался не народ республики в целом, а только «титульная нация». Трактовка принципа самоопределения так и осталась запутанным сюжетом конституционного права субъектов Федерации.

Согласно новой Конституции в России была закреплена модель кооперативного федерализма. Выбор этой модели был продиктован политическими реалиями начала 90-х годов — расстановкой политических сил, степенью напряженности взаимоотношений центра и регионов. Субъекты должны были реально «видеть» себя в Федерации, чтобы родились необходимые правовые условия и стимулы для сотрудничества

и кооперации. Неудовлетворенность в республиках уравниванием конституционных прав республик с правами других субъектов Федерации, не включение в новую Конституцию определения статуса республик как «суверенных», — все это вместе взятое повысило градус напряженности. Центр во избежание худшего развития событий пошел на уступки, согласившись в части разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и органами власти субъектов Федерации на заключение договоров.

Всего с 15 февраля 1994 г. было подписано 49 договоров, которые касались субъектов Федерации. Хотя этот шаг в определенной мере снял противостояние с Татарстаном, Башкортостаном, Якутией и другими республиками, он способствовал затягиванию новых узлов противоречий. В ряде случаев разграничение предметов ведения и полномочий коснулось отдельных вопросов, отнесенных Конституцией к исключительному ведению Российской Федерации. Это было нарушением Основного закона, поскольку конституционно закрепленные предметы ведения Федерации делились путем подписания этих договоров с выборочными субъектами Федерации. Правительством Российской Федерации в одностороннем порядке предоставлялись привилегии и льготы республикам по отношению с другими субъектами Федерации, что подтолкнуло движение в некоторых регионах за преобразование краев и областей в республики и создание отдельной Русской республики¹.

Сумма факторов обострила этнополитическую ситуацию в России. С одной стороны, на развитие этнополитических процессов влияние оказывало наследие прошлого, связанное с массовыми депортациями отдельных народов, разрушением многих национальных культурных ценностей, политической унификацией, насильственной атеизацией населения, разрушением десятков тысяч малых городов и так называемых

¹ В пользу русской республики высказывались федеральные политики и эксперты: См.: Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. В 3 кн. М.: Республика, 1992.

неперспективных деревень, особенно в центральных районах России. Это наносило ущерб историко-культурному наследию и духовно-нравственным ценностям народа. С другой стороны, демократизация, перестройка, гласность, начавшиеся в середине 1980-х гг., породили ожидания перемен, но которые во многом оказались обманчивы. В условиях обнищания населения, обвала в экономике, социальной сфере, борьбы за собственность, идеологической и политической раздвоенности кризис затронул и межэтнические отношения.

Наиболее остро он проявился в районах, соседствующих с зонами открытых конфликтов, местах сосредоточения беженцев и вынужденных переселенцев, в регионах с проблемами «разделенных народов», на территориях со сложной социально-экономической, экологической и криминогенной обстановкой. Усугубляли обстановку территориальные споры, неурегулированность земельных отношений. Подпитывали межэтническую напряженность субъективное толкование истории, отдельных ее событий, личностей, нетерпимое отношение к той или иной религии, обычаям, традициям. Катализатором всплеска сепаратизма и радикального этнического национализма была неурегулированность федеративных отношений. Концентрация устремлений вокруг этнонациональных идей мобилизовала прежде всего «титульные» национальности. Уровень их консолидации был выше, чем у русских, что увеличивало межэтническую нестабильность¹.

Деятельность и требования многочисленных этнонациональных групп и организаций стали определять нередко криминальные и коррумпированные структуры. Все это делалось от имени «национальных движений» и под лозунгами представления свободы и независимости народам. Обороты набирали две тенденции: одна — это *национал-сепаратизм*, вторая — это *русский национализм*, облакаемые в две проти-

¹ См.: Дробжишева Л.М., Аклаев Р.А., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.

востоящие формы государственного устройства России. Первая — это конфедерация, а значит, распад страны; вторая — роспуск республик и губернизация, а значит, всеобщая война.

Борьба за власть, жесткое идеологическое противостояние длительное время не позволили предложить российскому народу внятную политику, которая привела бы общество к согласию и упрочению Российского государства. Только в июне 1996 г. была утверждена Указом Президента страны Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, разработанная Миннацем России совместно с научным сообществом и моим личным участием. Концепция стала своего рода «договором согласия», поскольку ее одобрили все субъекты Федерации, соответствующие комитеты Государственной Думы, многие общественные организации. В то же время Концепция во многом стала прорывным правовым документом в области этнонационального развития страны.

ЧАСТЬ III

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

В СОВРЕМЕННОЙ

РОССИИ

ГЛАВА 13

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК РОССИЯН

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И «СПИСОК НАРОДОВ»

Среди российских народов, помимо этнических русских, есть 40 этнических групп численностью более 100 тысяч человек, представители которых живут веками на территории нашей страны. Это коренные, автохтонные этнические общности, как правило, компактно проживающие на территориях своего исторического расселения и имеющие этнотерриториальные автономии в форме республик, автономных областей и округов. Перечислим их по убывающей численности: татары, башкиры, чуваша, чеченцы, аварцы, мордва, даргинцы, удмурты, марийцы, осетины, кабардинцы, кумыки, якуты, лезгины, буряты, ингуши, тувинцы, коми, карачаевцы, калмыки, лакцы, евреи, табасаранцы, адыгейцы, балкарцы, ногойцы. К этой же категории автохтонов с внутренними автономиями, но численностью несколько меньше 100 тысяч человек относятся коми-пермяки, алтайцы, черкесы, хакасы.

К группе крупных российских народов относятся и те, у кого формально за пределами России существует давняя или срав-

нительно недавно оформившаяся государственность, но которые проживают в нашей стране издавна и постоянно, имеют гражданство и в большинстве своем интегрированы в российский социум. Представители этих народов расселены дисперсно по территории страны и не имеют территориальных автономий, самоорганизуясь на основе национально-культурной автономии (по убывающей численности: украинцы, армяне, азербайджанцы, казахи, белорусы, немцы, узбеки, таджики, грузины, молдаване, корейцы, турки, киргизы). К этой же группе российских автохтонов относится группа народов с условной «дальне-зарубежной государственностью» и численностью менее 100 тысяч (греки, поляки, туркмены, литовцы, болгары, курды, финны, латыши, эстонцы, вьетнамцы, гагаузы, абхазы, ассирийцы, арабы, сербы, румыны, монголы, венгры, чехи). История проживания этих групп на территории нашей страны исчисляется зачастую столетиями, а если и есть недавние иммигранты, то они обычно вливаются в среду старожильского населения. Уровень коллективного самосознания и самоорганизации у последних групп не такой высокий, но зато некоторые проживают компактно целыми селами, что обеспечивает сохранение культурной традиции и самосознания.

Перечисленные выше примерно 50 крупных российских народов (если считать численность от 50 тыс. человек) вместе с русскими составляют 98% населения России. На остальные 143 зафиксированных переписью 2010 года этнических наименования приходится всего около 2% населения. Именно с этим списком есть некоторые вопросы, требующие возможной коррекции некоторых административных процедур. Прежде всего следует выделить так называемые коренные малочисленные народы, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации (за исключением Дагестана, где этот список определяет местное правительство). Федеральный закон 1999 года «О коренных малочисленных народах Российской Федерации» определяет условия для обретения данного статуса, который предполагает некоторые преференции на индивидуальном и коллективном уровнях. Два из этих условий

Коренные малочисленные народы (фото А. Вахрушева)

являются ключевыми: это численность менее 50 тысяч человек и ведение традиционного хозяйства в сложных природно-климатических условиях. Разумеется, речь идет прежде всего об аборигенном населении Сибири, Севера и Дальнего Востока, где исторически проживают этнические группы, значительная часть которых до сегодняшнего дня в условиях тайги и тундры занимается ведением традиционного хозяйства (оленоводство, охота, морской промысел, рыболовство).

Безусловно, все это коренные народы с единственной Родиной как местом своего происхождения и векового (точнее — тысячелетнего) проживания — территорией Российской Федерации. Сейчас в этом списке 47 названий, и за последние 20 лет он вырос почти в два раза главным образом в результате лоббирования местных активистов или администраций. Все, кто в этом списке, имеют основания относиться к коренным народам Российской Федерации, но не все, на мой взгляд, были включены в этот список как отвечающие условиям федерального закона. Некоторые группы попали в список под административным нажимом или по причине геополити-

ческих соображений, но их хозяйственная деятельность ничем не отличается от остального населения данной местности или региона, а сами они зачастую проживают в городских поселениях. Для примера можно привести из нынешнего списка абазин Карачаево-Черкесии, шапсугов Краснодарского края, бессермян Удмуртии, нагайбаков Челябинской области.

Если выходить за географические пределы Севера, Сибири и Дальнего Востока, тогда наиболее вероятными кандидатами на попадание в категорию КМН можно считать малочисленные этнические группы, проживающие в высокогорных селах Дагестана и занимающиеся овцеводством или традиционными художественными ремеслами. Но в Дагестане официально обозначенная номенклатура из 14 народов не оставляет места для миноритарных групп, которых зачисляют в качестве подгрупп аварцев, даргинцев и лезгин. Отказ от соблюдения требований закона в угоду политическим соображениям или под административным давлением больше делает важный закон как не имеющий смысла. Или он должен быть ограничен только регионами Севера, Сибири и Дальнего Востока, или преференции со стороны государства должны распространяться на автохтонные малочисленные группы с традиционными системами жизнеобеспечения в сложных природных условиях, включая, например, жителей северокавказского высокогорья.

Упомянув принцип автохтонности, мы подходим к наиболее интригующему вопросу: «Сколько народов живет в России?» На наш взгляд, в нынешнем списке несколько десятков «народов» присутствуют без должного на то основания. Если мы имеем в виду именно «общности», «группы», или, по крайней мере, признаем, что эти группы сконструированы на основе совокупности одинаковых ответов и по культурной схожести, тогда это принцип должен соблюдаться более последовательно. Проблема здесь в том, что проживающий или оказавшийся в России в момент переписи населения гражданин Великобритании ответит, что он «британец» (хотя по этнической принадлежности он может быть шотландцем, ирландцем, поляком, русским или англичанином), а гражданин Испании

ответит, что он «испанец», будучи, возможно, баском, каталонцем или галисийцем. Житель России из Нигерии отвечает, что он «нигериец», хотя в Нигерии несколько сот этнических групп, т.е. больше «народов», чем в России. Таким образом, по этой категории жителей, у которых во время переписи спрашивают их национальность, выходцы из зарубежья чаще всего называют себя названием «народа по стране», как если бы все жители России ответили на этот вопрос «я — россиянин». В результате несоответствия в понимании термина и задаваемого вопроса (для одних — это этничность, для других — гражданство) конструируется группа «народов России», которые таковыми не являются. Не являются по той причине, что эти жители страны (совсем необязательно даже ее граждане!) не осознают себя как этнокультурная общность в российском социуме, ибо составляют несколько сот или даже несколько десятков человек, проживающих по случаю (бизнес, женитьба, учеба или работа) в разных местах страны. Так, мы имеем среди 193 народов: 1572 американца, 1370 итальянцев, 1475 французов, 1162 испанца, 950 британцев, 888 японцев, 676 кубинцев, 507 пакистанцев, 392 бангладешца и еще около десятка представителей «дальних» стран еще меньшей численности.

Правда, следует заметить, что в России из данной категории жителей можно выделить некоторые условные сообщества, которые относятся к старожильческому, коренному населению страны. Это могут быть потомки поселившихся в нашей стране еще со времен Петра Великого немцев и французов, а также прижившихся иммигрантов советской эпохи (кубинцы, японцы, вьетнамцы). Но реально, кроме российских немцев, никто из них не представляет собой подобие общности, которую можно назвать «народом России». Всего в этой категории придуманных статистикой и этнографами еще в советское время (в этом отражалось стремление показать притягательность СССР!) находится примерно два десятка наименований. Численность каждой категории невелика, и все эти ответы можно перенести в итоговой таблице этнического состава в графу «другие национальности».

Есть еще одна проблема с упорядочиванием списка «народов России». Речь идет о феномене сложных, чаще всего иерархических идентичностей. Во-первых, таковая распространена повсеместно среди этнических общностей, в рамках которых существуют своего рода внутренние подразделения на две или три культурно (включая часто язык или диалект) отличительные части. Последние можно считать отдельными народами, как на этом настаивают часть радикально настроенных активистов и этнографов. Но более правильно считать это множественной и не взаимоисключающей формой этнического самосознания (идентичности). Исходя из последнего, в переписях 2002 и 2010 гг. был использован принцип «группа — подгруппа» и этническая принадлежность фиксировалась в более сложном варианте с указанием этой двойственности при публикации итоговых результатов переписи населения. Таким образом, есть, например, хорошо известные народы «мордва», «марийцы», «осетины», но есть в их среде и те немногие, кто при ответе на вопрос о национальности предпочли определить себя по «субэтническому» принципу: «мордва-мокша» и «мордва-эрзя», «луговые марийцы» и «горные марийцы», «осетины-дигорцы» и «осетины-иронцы». Таких случаев в российской этнической номенклатуре довольно много. Совсем мелкие или языковые варианты самоназваний указаны в скобках после основного названия и без присвоения им отдельного кода переписной кодификации. Наиболее известные, актуализированные, имеющие отличия по языку или религии самоназвания в последних переписях фиксировались отдельно и публиковались в итоговом списке этнических наименований как «самостоятельные этносы», т.е. «народы России».

Произошло это по ряду причин. Прежде всего по более свободному волеизъявлению этнического самосознания под влиянием общей постсоветской либерализации, под воздействием т.н. этнического предпринимательства со стороны этноактивистов и лидеров разных «национальных движений», а также в результате коррекции и смены переписных про-

цедур, инициированных учеными-этнологами и организаторами переписи. Воздействие оказала запись в Конституции 1993 года, что никто не может быть принужден к указанию, смене или отказу от своей национальности, что это вопрос глубоко индивидуального волеизъявления. В ряде моментов сказались политико-идеологические установки, направленные на утверждение авторитета страны, учет мнения «международной общественности» или таких сил, как Русская Православная Церковь и русское национальное движение (случаи с крещеными среди татар и казаками среди русских).

Именно процедура учета субэтнических идентичностей и представление их как отдельных групп (даже в составе более крупных общностей) привели к заметному увеличению числа «народов России»: с 123 в 1989 году, до 156 в 2002 году и 193 в 2010 году. Так, помимо мордвы (744 тыс. человек) появились отдельные народы мокша (4767 чел.) и эрзя (57 тыс. чел.) с численностью, которая никак не складывалась с общей численностью мордвы и никак не отражала реальную численность самих подгрупп. Точно такая же картина случилась с осетинами: из полумиллиона осетин оказалось 223 дигорца и 48 иронцев, показанных в качестве отдельных народов в итоговом списке. Среди полумиллиона марийцев только 23 тысячи показали себя как *горные марийцы* и 218 человек как *луговые марийцы*. Ясно, что эти цифры являются случайными ответами, отражают не столько реальное деление народа на две субэтнические общности, сколько уровень этноактивизма и степень мобилизации среди населения. Поэтому *нет никакой необходимости делать отдельными народами очень малое число тех, кто отнес себя к подгруппе той или иной этнической общности*. Точно так же нет оснований выделять из числа проживающих в России грузин, указавших как свою национальность принадлежность к этно-регионально-конфессиональным сообществам внутри грузинского народа: это 211 аджарцев, 45 сванов и 600 мингрелов. Возможно, что в Грузии аджарцы ставят вопрос о своей отличительности и есть сторонники самоопределения этой ча-

сти населения, но в России все они составляют народ, который называется «грузины» с численностью 158 тысяч.

Нет особой целесообразности в выделении четырех отдельных еврейских народа: собственно евреи, горские евреи (762 человека), грузинские евреи (78 человек), среднеазиатские евреи (32 человека). Последние три категории могут быть показаны в итоговом списке переписи, но как подгруппы среди евреев, а не как отдельные народы. Точно так же нет оснований отделять от «основного этноса» и выделять в отдельные «народы» 786 мишарей, 76 чеченцев-аккинцев, 49 среднеазиатских цыган, 42 курманч, 7 астраханских татар, 6 черкесогаев, 4 керекоев, 4 меннонитов и еще несколько подобных случаев. Иначе дело дошло до курьезов: в списке 193 народов значатся два народа численностью в один человек (один *грек-урум* и один *юг*)!

Однако есть сложные случаи, когда явно та или иная коллективная идентичность числится в составе более крупной общности, но в итоговом перечне указана под отдельным номером как «народ России». Как правило, это группы (точнее — форма идентичности) с длительной историей своего существования или же сильно политизированные и саморганизованные в пользу своего официального признания. Я имею в виду прежде всего *казаков* и *поморов* среди русских, *крышен* и *сибирских татар* среди татар.

Если выполнить данное «упорядочивание» списка народов, то их общее число может сократиться на несколько десятков. Никаких силовых предписаний или лишения статуса в данном варианте нет. Имеет место коррекция процедуры учета получаемых в переписи этнических наименований. *Принцип автохтонности и выраженного коллективного самосознания позволяет указать в итоговом перечне российских национальностей именно исторически существующие и осознающие свою групповую общность, а не случайно оказавшиеся и никак между собою не связанные переписные людские группировки.*

В результате коррекции список «народов России» может вернуться к числу 158, которое было в переписи 2002 года.

Следует помнить, что зафиксированное в переписи населения 2010 г. число 193 и уже вошедшее в пропаганду российской уникальности — это сгруппированный из нескольких сот вариантов ответов российских граждан на вопрос о национальности, когда в этот перечень попадают не только люди, не различающие этническую и гражданскую принадлежности, но и люди, выражающие свою идентификацию как память о предках или же как мобилизацию с целью «возродить» этнос, народ, нацию.

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ НАЦИИ

Несмотря на предложенное упорядочивание, сохраняются все основания относить Россию к первому десятку самых полиэтничных стран мира даже не столько по факту числа этнических самоназваний, а по тому смыслу, который придается этой форме идентичности. Важно также, как эта сторона жизни воспринимается в обществе, какая на этой основе строится политика, которая в России называется «национальной политикой». Кстати, в нашей книге мы соблюдаем традицию словоупотребления и принимаем существующую практику называть этническую политику «национальной политикой», имея в виду под последней политику в отношении российских национальностей (*nationalities policy*)¹.

Ныне стало общепризнанным, что опыт нашей страны, особенно советский период, были отмечены беспрецедентным спонсированием этнического разнообразия и одновременно жестким верхушечным контролем над т.н. «национально-государственным строительством». Сама идея нации, обеспечивающая легитимность государства и лояльность его населения, была спущена на уровень этнических групп и передана им в исключительную собственность, оставив в каче-

¹ См. учебное пособие: Государственная национальная политика Российской Федерации / под ред. В.А. Тишкова. М.: «Просвещение», 2020.

стве общегосударственных скреп идеологию дружбы народов и интернационализма, но прежде всего партийную машину и репрессивные институты. *Советский патриотизм и общесоветская идентичность уживались с контролируемым национализмом этнической периферии, выход которой из-под контроля центральной власти стал одним из основных факторов распада СССР.*

Новая Россия многое переустроила из советского наследия: экономику, политическую систему, правовые нормы, духовные ценности, но сфера нациестроительства оказалась одной из наиболее трудных для переосмысления. Ситуация осложняется еще и тем, что институализация этничности обусловлена наличием в рамках федеративного устройства страны этнотерриториальных автономий в форме республик и автономных округов и длительным существованием примордиального видения этничности как на бытовом, так и на экспертном уровне. В России действуют разнонаправленные факторы централизации и регионально-этнической дезинтеграции. С одной стороны, — общенациональные институты (Конституция и федеральная власть, политические партии, система образования, армия, повсеместное распространение русского языка и русскоязычных СМИ, высокая профессиональная культура и другие) способствуют формированию единой гражданской идентичности. С другой стороны — наличие этнонациональных институтов в республиках, сохранение и развитие этнических культур (литература, народное искусство и ремесло, этнотуризм и другие) поддерживают этническую идентичность среди нерусского населения, придавая ей в ряде ситуаций первичную значимость. Эта первичность способна выливаться в межэтнические противоречия и даже в отторжение общего государства.

В определенных условиях своего рода зеркальная ситуация существует и в оценке состояния культуры и политических проявлений от имени доминирующего большинства населения — этнических русских, идентичность которых исторически выражена мощно и многогранно, начиная от языка, религии и заканчивая названием страны. *Невозможно отри-*

чать, что российское существует потому, что есть русское, и это, конечно, отправная точка государственности и силы страны. Однако при определенных условиях политизация русского фактора также может заключать в себе не меньшие риски, чем риски периферийного национализма или сепаратизма. Казалось бы, русским не от кого отделяться и они есть первые хранители государственности, но не стоит забывать 1991 год, когда «русская Россия» в лице РСФСР стала инициатором распада Советского Союза.

В Российской Федерации новым фактором формирования групповых идентичностей стала религия, роль которой также многозначна: в некоторых случаях она размывает этнические границы, в других, напротив, укрепляет этническую идентичность, но в целом религия призвана быть фактором стабильности и умиротворения, если в ее среде или вокруг нее не возникают радикальные, фундаменталистские программы и силы.

Как этничность, так и религия формируют определенные культурные особенности мировосприятия и поведения, что принято описывать в терминах «национальных характеров» или «этнических стереотипов». Вместе с тем гражданская интеграция в результате целенаправленных усилий элиты и власти ведет к утверждению общенациональной культуры с ее собственными понятными всем ценностями и символами. Этот процесс опирается на длительный опыт взаимодействия и всестороннего взаимовлияния представителей разных культур и верований в рамках исторического Российского государства: Российской империи, СССР и Российской Федерации. Но этот же процесс включает в себе необходимость социально-культурных инноваций и перемен как условия развития. По этой причине попытка части экспертного сообщества положить в основу понимания России представления об особом «цивилизационном коде» с набором коллективистских характеристик мифологического свойства заключают в себе риск изоляционизма и исключительности, отторжение культурно-сложной природы общества и государства.

В ходе этнологического мониторинга последних лет объектом изучения были вопросы о соотношении и взаимодействии общенациональной культуры с этническими и религиозными традициями, ценностями и нормами: как они сочетаются, способны ли они к интеграции и бесконфликтному сосуществованию или же обречены на конфликт, как настаивают сторонники тезисов о «несовместимости культур» и «столкновении цивилизаций», а также противники нациестроительства на многоэтнической гражданской основе. Составляющие культуру идеалы, ценности, самосознание (идентичность), чувства сопричастности со страной и народом — все это важнейший ресурс развития и эффективного управления. Вместе с тем культура неоднородна и изменчива, у нее нет строго фиксированных границ, и культура поддается интерпретации, а самосознание современного человека и гражданина — это не только прирожденные и воспитанные семейно-образовательной средой представления и установки, но и поле соперничества различных воздействий и субъективных предписаний, включая внешние разрушительные воздействия. Таким образом, *проблема индоктринации через системы воздействия становится ключевой в обеспечении гражданского и межэтнического мира и согласия.*

Культуры находятся в постоянном взаимодействии и оказывают друг на друга влияние, что ведет к появлению гибридных культур и сложных, не исключających друг друга форм коллективных идентичностей: «и русский — я, и россиянин». Все это становится очевидным в условиях глобализации и сказывается как на этнических и национальных, так и на религиозных культурах, хотя религиозные границы жестче этнических. И главное — *человек не является слепым орудием культуры; напротив, он способен к эффективной культурной адаптации и существованию в нескольких культурах или «между культурами», что наблюдается в современном мире, включая и российское общество.* Поэтому мы не разделяем жесткие позиции, отстаиваемые правоконсервативными и ультранационалистическими экспертами и политиками, считающими, что

между русскими и представителями других российских национальностей преобладают не общность культур и ценностей, а цивилизационные несовместимости, что иноэтничные мигранты не способны к интеграции. Многое зависит и от самого человека, от его внутренних ресурсов, установок и помыслов. Однако эти установки сами зависят от социальных, культурных и психологических факторов. *Определяющими в обеспечении межэтнического согласия и стабильности полиэтничных сообществ является политика государства и влияние сильных институтов гражданского общества.* Поэтому важно, как именно в современной России формируется идентичность — общенациональная, этническая, религиозная, какие факторы на это влияют, как эти факторы взаимодействуют между собой. Какой смысл вкладывается людьми в понятие национальной, этнической и религиозной идентичности и как эти идентичности влияют на их жизнь.

Важно заниматься вопросом, как формируется образ страны, большой и малой Родины, из чего эти образы складываются и что они означают для самих граждан. Фундаментальный вопрос — может ли общенациональная идентичность в поликультурном государстве иметь какую-либо единую культурно-историческую основу? Если да, то какой именно должна быть эта основа, требует ли она выработки цельного исторического мифа и как общее может сочетаться с партикулярным? Среди объектов нациестроительства являются общенациональная символика и их интерпретации, значение языкового фактора (включая двуязычие и многоязычие), социальная память и образы прошлого, роль народной и профессиональной культуры в формировании идентичности, образы страны и представлений о мире, понимание смысла истории, влияние идентичности на поведение людей, на их отношение к «своим» и «чужим». Все это зависит от социальной и культурной компетенции людей, а также от ситуации, в которой находится индивид.

Важное место в практической политике национального строительства — это гражданское просвещение и воспитание, в том числе и прежде всего молодого поколения россиян.

Здесь важен изначальный тезис, что совместное проживание носителей многих культур и языков в пределах одной страны и в составе одного российского народа было характерно для нашего государства на протяжении всей его истории. *Многообразие населения стало источником постоянного и взаимообогащающего общения, условием развития страны.* Трудно вообразить, что представляло бы собой Российское государство, если бы развивалось столетиями только на территориальной, демографической и культурной основе одного или нескольких восточнославянских племен.

Славянская культура, русский язык и религиозная христианско-византийская традиция в форме русского православия веками составляли основу и своего рода референтную (доминирующую) культуру россиян. Они остаются таковыми и поныне. Однако российский народ немыслим без представителей других национальностей — носителей иных культурно-исторических традиций, как немыслима религиозная жизнь страны без тех, кто исповедует ислам, иудаизм, буддизм. Хотя этноконфессиональные различия могут стать факторами конфликтности, причинами нетерпимости и насилия, мы предпочитаем исходить из того, что не только в прошлом, но и *сейчас этническое и религиозное разнообразие, а также многонациональность российского народа составляют его богатство и силу.* Более того, они — условие стабильности и развития страны. Такая постановка имеет новаторский характер, ибо в общественных дебатах зачастую преобладают мотивы рисков и несовместимостей.

Российский народ, несмотря на демографические проблемы, остается крупнейшей европейской нацией. Инерция прошлого, консерватизм экспертного сообщества и этнический национализм части элиты мешали многие годы утверждению представления о России как о состоявшемся государстве-нации и о российском народе как о гражданской нации. Старые научные подходы и поверхностные политические установки исходят из того, что теперь якобы поставлена задача «делать россиян» из русских, татар, чувашей и пр. Это ущерб-

**Памятник Тысячелетию
России в Великом
Новгороде**

ная трактовка сути вещей. Российский народ-нация — не результат унификации, а солидарное этническое многообразие. Население новой России имеет высокую степень социально-политического и историко-культурного единства. Подавляющее большинство населения гордится своей гражданской идентичностью («я — россиянин»). Многочисленные исследования этнологов и социологов подтверждают это¹.

В современной России на фоне глубоких социальных и политических перемен идет изменение воззрений отдельных граждан, социальных групп и институтов, смена идей, целей и ценностей. Этот процесс вызывает споры и даже недовольство, но в целом он носит позитивный характер. В 1990-е годы внимание исследователей было приковано к этноконфликтам статусного характера (суверенитет, самоопределение, автоно-

¹ Дробизева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020, № 8. С. 37–50.

мия и т.д.), к проблемам, связанным с возрождением религиозной жизни страны. А сегодня конфликтность переходит в сферу социальной обустроенности и распределения ресурсов, сферу ценностных и политико-идеологических ориентаций, в столкновение жизненных укладов, которые определяют религия или материальные ресурсы. В этой ситуации *большие конфликты и отчуждение между людскими сообществами (народами) могут возникнуть на основе малых культурных различий, как это происходит, например, между российским и украинским народами.*

В последние годы наблюдаются новая степень консолидации российского общества, позитивные устремления граждан, активность общественных объединений, способствующих этноконфессиональному диалогу. Это позитивное развитие общества проявляется в разных формах и может быть вызвано как внутренними факторами политики утверждения российской идентичности и патриотизма, так и внешними факторами в виде угроз и санкций. Здесь важно поддерживать не столько «осадную ментальность», сколько раскрывать потенциал институтов гражданского общества и самоорганизации граждан в обеспечении общенационального согласия и межнационального мира.

У государства есть определенная «зона ответственности» в регулировании этнокультурных отношений. Речь прежде всего идет об обеспечении компетентного управления на всех уровнях. Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. предусматривает поддержку и развитие фундаментальных исследований в области межнациональных отношений, а также прикладных, мониторинговых разработок. Вместе с тем этнокультурная и религиозная жизнь — это далеко не только «территория ответственности» государства. Это выбор и усилия самого гражданина, создающего в кооперации с другими гражданами организации и союзы, институты управления, среди которых национальное государство остается на историческую перспективу самым важным «регулятором» социальной жизни культурно-сложных сообществ. *Сфера эт-*

нокультуры и веры — это также право человека оставаться самим собой, принадлежать к определенной культурной традиции и вероисповеданию, но также иметь право на изменение этой принадлежности.

Усложнение динамики этнокультурных и общественно-политических конфигураций современного российского общества в связи с социальным расслоением, урбанизацией, массовыми миграциями в сочетании с нарастающим социальным неравенством регионов и местностей создает почву для недовольства людей, массовых фобий и предрассудков, беспокойства по поводу будущего. Россия стала страной современных коммуникаций и глобальных связей и взаимодействий. После 1991 года мы приняли более десятка миллионов иммигрантов, к нам продолжают ехать люди, которые говорят на разных языках, со своими традициями и менталитетом. *Россия может сохранять межэтнический мир и общественную стабильность только на основе обновленных обществоведческих и управленческих технологий, без изоляции от внешнего мира и радикальных разрывов в своем устройстве и развитии.*

ГЛАВА 14

РЕЛИГИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РОССИЯН

Религиозные верования присущи человеческому обществу на протяжении всей его истории и охватывают к настоящему времени подавляющую часть населения земного шара. Всеобщность религии — один из самых впечатляющих феноменов всемирной истории. Религия — это мощный фактор мотивации в поведении как отдельного человека, так и целых коллективов, она обладает огромной креативной силой. Творческий потенциал религии проявляется во многих сферах духовной жизни, в интеллектуальном труде, художественном творчестве, социально-экономических и политических преобразованиях реальности. Однако религия может обладать и деструктивным потенциалом, если религиозная активность направлена против основ общественной жизни, принятого порядка и норм, а также против физического и психического здоровья человека. Таким образом, религия — это одновременно социальный институт, область духовной жизни и часть культуры.

Существует понятие *религиозность*, которое означает степень влияния религии на отдельного человека и группы, а также процессы и тенденции, которые происходят в религиозных

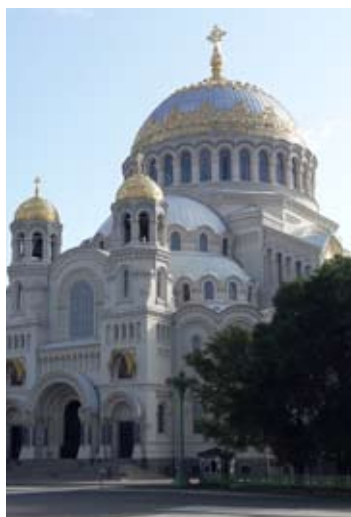
представлениях и в деятельности. В России исторически религиозность населения была высокой. Только в Москве до революции 1917 г. было «сорок сороков» православных церквей, т.е. 40 раз по 40. На протяжении всей истории религия играла важную роль в жизни российского народа. Даже семь десятилетий насаждения атеизма и подавления религиозного мировоззрения не привели к исчезновению религии. Это стало очевидно на рубеже 1980–1990-х гг., когда религиозная ситуация изменилась и у людей появилась возможность свободно исповедовать свою веру и совершать религиозные обряды. Религия начала восстанавливать утраченные в советское время позиции в обществе¹.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ КОНФЕССИЙ

Обратимся к ранним этапам отечественной истории. Согласно существующему преданию, еще в I в. н. э. на землях, на которых позже возникло Древнерусское государство, проповедовал один из двенадцати апостолов — святой Андрей Первозванный. Повсеместное распространение христианства на Руси началось с 988 г., когда в Херсонесе великий князь Владимир Святославич сам принял новую веру и приказал крестить в Днепре жителей Киева. С этого момента христианство становится официальной религией Древнерусского государства и начинает распространяться по территории страны. По мере расширения границ государства в христианство обращались жители новых территорий.

С 988 по 1447 г. Русская Церковь находилась под юрисдикцией Вселенского (Константинопольского) патриархата, с 990 г. составляя отдельную митрополию. В 1448 г. Архиерей-

¹ Об этом см.: Мchedлов М.П. Религиоведческие очерки: Религия в духовной и общественно-политической жизни России. М., 2005; Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России / отв. ред. С. Б. Филатов. СПб., 2002.

Восстановленные храмы России

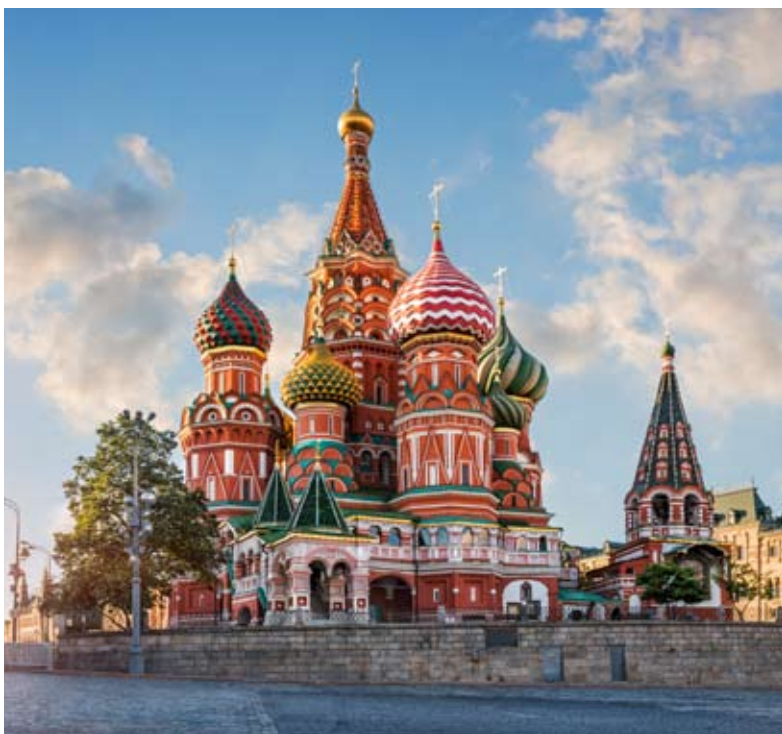
ский собор Русской церкви самостоятельно избрал митрополитом епископа Рязанского Иону, который получил титул митрополита Московского и всея Руси, что означало независимость Русской церкви. Официально Русская Православная Церковь получила автокефалию в 1589 г., когда Вселенский патриарх дал митрополиту Московскому Иову сан патриарха и произвел возвышение и увеличение чинов иерархии Русской церкви.

Заметный след в истории оставил патриарх Никон, с деятельностью которого связан церковный раскол. В соответствии с концепцией «Москва — третий Рим» патриарх Никон стремился сделать Русскую Церковь центром Вселенского православия. Действуя в этом направлении, Никон считал необходимым унифицировать богослужение по образцу греческой церкви. С этой целью во второй половине XVII в. под его руководством были проведены реформы, касавшиеся некоторых изменений в обрядности и исправлений в богослужебных книгах для приведения их в полное соответствие с греческими. Реформы вызвали неприятие у части духовенства и верующих. Некоторые из противников Никона считали, что исправления

надо проводить не по греческим, а по древнерусским образцам. Некоторые представители Русской церкви опасались, что напечатанные в итальянских городах книги испорчены сторонниками унии с Римом. В результате произошел раскол, и возникло *старообрядчество* — особая ветвь в православии.

Пока сторонники и противники реформ боролись между собой, в стране окрепли светские силы. Благодаря этому в начале XVIII в. стали возможны церковные преобразования Петра I, который ввел в церковно-государственные отношения в России элементы немецкой лютеранской модели. Для Русской церкви это означало отмену патриаршества в 1721 г. и введение синодальной системы. Церковное управление стало осуществляться от имени государя особой Духовной коллегией, вскоре переименованной в Святейший Правительствующий Синод. Надзор за деятельностью этого учреждения возлагался на государственного чиновника — обер-прокурора Святейшего Синода. Таким образом, Церковь фактически стала одним из государственных институтов, а Синод получил статус высшего государственного учреждения. Церковь стала крупнейшей и самой влиятельной деноминацией страны. Она также была самой многочисленной православной поместной церковью, самой многочисленной национальной церковью и второй по численности христианской деноминацией после Римско-католической церкви. Как государственная церковь она пользовалась многими привилегиями, которых не имели другие религиозные организации, хотя и находилась под сильным контролем со стороны государства.

В начале XX в. Православная Церковь занимала верхнюю ступень в иерархии религиозных организаций в Российской империи. Вслед за ней шли так называемые признанные религии. В наилучшем положении среди них находились Лютеранская Церковь, реформатская, армяно-григорианская и Римско-католическая, а из нехристианских конфессий — караимы, мусульмане (сунниты и шииты) и иудаисты. Замыкали список признанных религий буддисты-ламаисты. Следующую иерархическую ступень занимали так называемые

Собор Василия Блаженного в Москве

терпимые конфессии. К этой группе относились, в частности, старообрядцы, меннониты, баптисты, сибирские шаманисты и ненцы-язычники. Наконец, непризнанными и нетерпимыми были общины молокан, духоборцев, субботников, хлыстов, скопцов и пр.

В начале XX в. принадлежность к православию оберегалась государством. Возможность смены религии имела четкую направленность. Обращение в православие не просто было открыто для всех российских подданных, но и поощрялось. Переход же из православия в другое христианское, а тем более нехристианское исповедание был запрещен законом. Нелегальным считалось и обращение из любой другой христианской конфессии в нехристианскую. Религиозная ситуация

существенным образом изменилась после издания в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости». Он сделал менее жесткой существовавшую иерархию религиозных организаций. Указ позволил переход из православной церкви в другие христианские организации и улучшил положение инославных конфессий. Вместе с тем в новой ситуации православная церковь оказалась самой контролируемой со стороны государства и имела меньше самостоятельности, чем другие деноминации.

Многие инославные христианские конфессии имеют давнюю историю в России. Так, католики появились на территории России достаточно рано, хотя и были весьма малочисленны. Небольшие их группы жили на Руси еще в XI–XII вв. В тот период особого антагонизма между западной и восточной христианскими церквями не было. Отношения между ними начали портиться после падения Константинополя под натиском крестоносцев в 1204 г. и последующих вторжений немецких, шведских и датских рыцарей в русские земли. События Смутного времени XVII в. и особенно захват Москвы поляками, которых активно поддерживали иезуиты, вызвали еще большее отторжение католицизма, тем более что борьба с завоевателями велась под лозунгами защиты православного царства от католиков. Отношения с католической церковью стали улучшаться при Петре I. Одновременно выросло число живших в стране католиков. Петр I ввел принцип терпимости по отношению к католикам со стороны властей взамен на их лояльность к Российскому государству. Фактически этот принцип действовал до установления советской власти. Большое число католиков-немцев мигрировали в страну по приглашению Екатерины II. Кроме того, в ее правление после разделов Речи Посполитой Российская империя получила польские земли, населенные в основном приверженцами Римско-католической церкви. Эти изменения привели к постепенному восприятию католицизма как религии определенных расселенных в России этнических групп, прежде всего поляков.

Первая лютеранская община была образована в Москве в 1559 г. Пятьюдесятью годами позже лютеранская общи-

на появилась в Нижнем Новгороде. На земли Ингрии (южное побережье Финского залива и часть Карельского перешейка) лютеранство было принесено в XVII в., когда эта территория отошла к Швеции, и сохранилось там после возвращения Петром I этих земель России. При Петре I число лютеран в России заметно выросло и за счет приглашенных им немецких специалистов. Новый приток произошел при Екатерине II, когда в Россию переселилось значительное число немецких крестьян-лютеран. Во второй половине XVIII в. в России по приглашению Екатерины II поселились и меннониты, получив здесь значительные льготы, включая освобождение от военной службы. После же принятия в 1874 г. в Российской империи закона о всеобщей воинской повинности большое число меннонитов эмигрировали в США. Баптисты появились в России в середине XIX в. Первоначально баптизм распространился среди части немцев, однако вскоре баптисты появились и среди представителей других народов. Адвентизм стал распространяться в России с 1883 г. Подавляющее большинство адвентистов в России составляют адвентисты седьмого дня.

Мусульмане появились на землях, которые позже стали частью России, в VII в. в результате арабского завоевания Дагестана. И хотя арабам не удалось надолго закрепиться на этой территории, началась исламизация региона, растянувшаяся на несколько столетий. Распространение ислама в Дагестане возобновилось в X–XIII вв., когда в эту религию перешли многие этнические группы Южного Дагестана, а вслед за ними — в XIV в. — аварцы, крупнейший дагестанский народ. В XV и XVI вв. ислам проник на территорию Чечни, а к XVII в. — в западные районы Северного Кавказа. Характерным для Северного Кавказа было переплетение ислама с местными доисламскими верованиями. Более стремительным было укоренение ислама в Поволжье. В 922 г. ислам стал государственной религией Волжской Булгарии. И даже после разгрома Волжской Булгарии монголами ее города оставались мусульманскими религиозными и культурными центрами в этом регионе.

Сами правители Золотой Орды придерживались шаманизма, но терпимо относились к различным религиям, и поэтому ислам постепенно распространялся во владениях ордынских ханов. Уже при хане Узбеке, в XIV в., ислам стал государственной религией Золотой Орды. После ее распада в XV в. местным центром ислама стало Казанское ханство, просуществовавшее как самостоятельное государство до 1552 г., когда оно было покорено войсками Ивана Грозного. В 1556 г. в состав Российского государства было инкорпорировано и Астраханское ханство, где также преобладал ислам. После присоединения Поволжья к России там были предприняты попытки христианизации мусульманского населения с целью его политической и культурной интеграции в Российское государство. Мусульманам было запрещено возводить новые мечети, а старые могли быть сохранены лишь там, где не было христианского населения. Бывшие мусульмане, перешедшие в православие, наоборот, получали различные привилегии и легче продвигались по государственной службе. Вместе с тем по отношению к мусульманам проявлялась большая терпимость.

Положение российских мусульман улучшилось при Екатерине II. Одним из элементов ее религиозной политики стало введение веротерпимости, что было направлено на достижение большего социального спокойствия в стране. В рамках этой политики в 1773 г. Екатерина II издала Указ «О терпимости всех вероисповеданий...», в соответствии с которым ислам стал религией, официально признанной в Российской империи. В 1783 г., после присоединения к России еще одного мусульманского региона — Крымского ханства, Екатерина II специальным манифестом подтвердила право российских мусульман исповедовать свою веру. Мусульманские священнослужители были выделены в особое духовное сословие. А в 1784 г. татарская и башкирская знать получила права российского дворянства. В 1788 г. было создано Магометанское духовное собрание с местопребыванием в Уфе. Ему подчинились мусульманские общины страны, за исключением расположенных в Крыму. Введенные Екатериной II принципы определяли положение мусульман до 1917 г.

Мечеть Куль Шариф в Казани

Весьма давнюю историю в России имеет и буддизм. В стране имеется три традиционно буддийских региона: Бурятия, Калмыкия и Тува. Здесь исповедуют буддизм направления ваджраяна (которое называют также ламаизмом), школы гелуг. Формирование буддийской сангхи (общины буддийских монахов) и распространение буддизма в Забайкалье и Калмыкии исторически было тесно связано с политикой Российского государства. Буддизм в России считался официально признанной религией. Одновременно государство старалось воспрепятствовать слишком тесным связям буддистов Буря-

тии и Калмыкии с Тибетом и Монголией и поэтому способствовало созданию бурятской и калмыцкой сангх.

Включение в состав Российской империи заселенной бурятами территории Забайкалья и массовое обращение бурят из шаманизма в буддизм происходили в XVII в. А в 1741 г. императрица Елизавета подписала указ, регулировавший религиозную жизнь бурятских буддистов. По этому указу буддийские ламы получили статус особого сословия. Таким образом, буддизм становился признанной религией Российской империи. Обращение в православие при этом всячески поощрялось. Принявшие православие, например, на несколько лет освобождались от уплаты налогов. Тем не менее число лам в Забайкалье быстро росло, и буддизм распространялся на соседние территории.

Буддийская сангха Калмыкии формировалась в XVII в., и связано это было с миграцией предков калмыков на территорию России из северо-западной Монголии и Джунгарии (северо-запад Китая). В 1660–1670-е гг. было образовано Калмыцкое ханство — государственное образование внутри России. Как само ханство, так и калмыцкая буддийская сангха пользовались значительной автономией. Калмыцкие ханы назначались далай-ламой. В XVIII в. российское правительство стремилось ограничить автономию ханства и обратить калмыков в православие. Новообращенные получали различные привилегии. По указу 1744 г. калмыки были превращены в крепостных крестьян. Это привело к массовому исходу калмыков. Большинство из них в 1771 г. покинули волжские степи и намеревались вернуться в Джунгарию (добраться до исторической родины удалось лишь меньшей части калмыков, остальные погибли в пути). В том же 1771 г. ханство потеряло свою автономию и было приравнено к российским губерниям. Однако, несмотря на все изменения, буддизм в Калмыкии остался религией, признанной Российским государством. Буддисты Бурятии и Калмыкии, как и другие религиозные меньшинства, получили большую религиозную свободу после принятия в 1905 г. указа «Об укреплении основ веротерпимости». Проникновение буддизма на территорию

Туву началось в XIII в., и местные буддисты входили в монгольскую буддийскую сангху.

Последователи иудаизма жили на территории, впоследствии вошедшей в состав России, еще в I в. н. э. Они были частью населения греческих колоний на побережье Черного моря. В VIII–X вв. иудаизм имел статус официальной религии в Хазарском каганате. Иудейские общины существовали и в Киеве в период Древнерусского государства. Увеличение численности последователей иудаизма в Российском государстве произошло в конце XVIII в., когда Россия после разделов Речи Посполитой получила земли, на которых жило много последователей иудаизма.

В Российской империи права иудаистов были ограничены законом. Изначально после присоединения восточных польских земель евреи были записаны в купеческое сословие, что позволяло им (в отличие от крестьян) свободно передвигаться по стране. Вскоре они расселились во многих городах и стали заниматься торговлей. Недовольные неожиданно возникшей конкуренцией, русские купцы обратились с жалобой к властям. В результате в 1791 г. появилась известная «черта оседлости», определившая территории расселения иудаистов. В соответствии с этой чертой приверженцам иудаизма запрещалось жить во внутренних областях России. Кроме того, иудаисты должны были платить больше налогов, чем последователи других религий. На евреев, перешедших из иудаизма в православие, эти нормы и ограничения не распространялись.

Положение иудаистов в Российской империи несколько улучшилось в начале XIX в., в правление Александра I. В 1804 г. российское правительство официально признало иудаизм как одну из религий страны. Была также расширена «черта оседлости», иудаисты получили возможность совершать краткосрочные поездки по стране. Детям из иудейских семей было разрешено учиться в частных школах и университетах, находившихся в пределах «черты оседлости». Однако уже при Николае I положение иудаистов вновь ухудшилось. Целью государственной политики по от-

ношению к иудаистам в этот период было стремление обратить их в христианство и интегрировать в русскую культуру. В рамках этой политики в 1835 г. было запрещено строительство синагог поблизости от православных храмов. В середине XIX в. происходят новые изменения правил, касавшихся «черты оседлости». Так, купцам первой гильдии, промышленникам, лицам с высшим образованием и некоторым другим категориям было разрешено жить за пределами «черты». В результате иудейские общины стали постепенно образовываться во внутренних областях Европейской части России и в Сибири. Во многих крупных российских городах были построены синагоги. Указ «Об укреплении основ веротерпимости» 1905 г. улучшил положение иудаистов (как и последователей других конфессий). Однако в стране сохранялись антисемитские настроения и происходили еврейские погромы. Многие иудаисты эмигрировали из России.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Религиозная ситуация в России коренным образом изменилась после свержения монархии в 1917 г. Изменение церковного управления оказалось уже насущной необходимостью, поскольку по коронационному манифесту главой церкви считался император. В этих условиях в августе 1917 г. в Москве собрался Поместный собор Православной российской церкви. Главным его итогом стало восстановление патриаршества. В ноябре 1917 г. патриархом был избран митрополит Московский Тихон (Белавин). К этому времени государственная власть уже находилась в руках большевиков. Собор все же продолжал свою работу до сентября 1918 года. После Февраля 1917 г. были отменены все юридические ограничения, касавшиеся последователей иудаизма. Вообще Временное правительство стремилось проводить политику, направленную на создание внеконфессионального государства. В русле этой политики в ию-

ле 1917 г. было издано постановление «О свободе совести» и упразднен пост обер-прокурора. Вместо Синода было создано Министерство вероисповеданий, ведавшее отношениями государства с православной церковью и с другими религиозными организациями.

Вскоре после прихода к власти большевиков появился документ, обозначивший политику Советского государства в области религии. 20 января (2 февраля) 1918 г. Совет народных комиссаров принял Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», провозглашавший отделение церкви от государства и школы от церкви. Этот декрет лишал религиозные организации права юридического лица и запрещал им владеть собственностью. Имущество религиозных организаций объявлялось народным достоянием. В 1920-е гг. против Русской православной церкви был начат настоящий террор (на другие религиозные организации репрессии обрушились несколько позже). Миллионы православных людей, как из числа духовенства, так и мирян, были расстреляны, посажены в тюрьмы или высланы. Тысячи священнослужителей и монахов подверглись жестоким издевательствам. Многие храмы были уничтожены или закрыты, большое количество икон и церковных книг сожжено. В 1925 г. после кончины патриарха Тихона власти не позволили церкви созвать Собор для избрания нового патриарха.

В мае 1927 г. на совещании епископов был образован Временный патриарший священный синод, который в том же году был официально зарегистрирован в НКВД. В 1927 г. нижегородский митрополит Сергей выступил с «Посланием к пастырям и пастве», получившим впоследствии название «Декларация 1927 года». В этом документе, в частности, говорилось, что церковные деятели поддерживают советское правительство и народ. В документе заявлялось о желании православных верующих сознать Советский Союз своей гражданской родиной и делить с ней радости, успехи и неудачи. Послание соответствовало общей политической линии, проводимой митрополитом Сергием, направленной на

сохранение легально действовавшей церкви. Однако часть духовенства и мирян отвергли положения «Послания...», сочтя невозможным для себя лояльное отношение к безбожной власти. По этой причине произошел разрыв между Русской православной церковью и Русской православной церковью за границей (образованной из духовенства и мирян в эмиграции), появилась катакомбная церковь, действовавшая подпольно.

В конце 1920-х гг. репрессии распространились на все религиозные организации. Деятельность религиозных организаций фактически ограничивалась лишь богослужебной практикой. В 1920–1930-е гг. были закрыты почти все католические приходы. К 1940 г. в РСФСР продолжали действовать только два католических храма (в Москве и Ленинграде). В 1930-е гг. Лютеранская Церковь прекратила свое официальное существование в РСФСР.

Большинство российских мусульман установление советской власти встретили с энтузиазмом, надеясь на улучшение своего положения при новом режиме. И в самом деле, в начале 1920-х гг. положение мусульман было весьма прочным. Продолжали работать мусульманские начальные школы, в ряде мест по-прежнему действовали шариатские суды, мечети были вправе владеть собственностью. Представители мусульманского духовенства могли даже состоять в большевистской партии. Это продолжалось до середины 1920-х гг., когда Советское государство изменило свое отношение к исламу и мусульманская религиозная жизнь стала подавляться. В 1920–1930-е гг. были закрыты многие мечети.

Первые годы советской власти были относительно благоприятными и для религиозной жизни буддистов, хотя многие представители калмыцкого духовенства все же покинули Россию в годы Гражданской войны. В 1927 г. в Москве прошел Всесоюзный съезд буддистов, который избрал Представительство буддийского духовенства в СССР (переименованное затем во Всесоюзное духовное управление буддистов). Оно расположилось в буддийском храме в Ленинграде, по-

строенном в 1915 г. (это был первый буддийский храм за пределами традиционно буддийских регионов). Положение буддистов в СССР ухудшилось в 1929 г., когда ламы были объявлены «капиталистическим элементом» и были лишены гражданских прав. Религиозные буддийские школы были закрыты. Тува в 1921 г. провозгласила независимость. Однако с приходом к власти в 1929 г. коммунистов, которых вскоре возглавил Салчак Тока, получивший образование в Москве, Тува оказалась под сильным влиянием Советского Союза. А в 1944 г. Тува официально вошла в состав СССР. Салчак Тока проводил жесткую политику по отношению к буддийской религиозной жизни, целенаправленно закрывая буддийские храмы и монастыри.

Ограничения иудаизма в советский период начались в 1919 г., когда было запрещено преподавать иврит. Серьезные репрессии против иудаистов начались с конца 1920-х гг., когда многие синагоги были закрыты, раввины подверглись арестам, а религиозные школы прекратили свое существование. В годы Великой Отечественной войны несколько изменилось отношение государства к Русской православной церкви. С первого же дня войны она заняла активную патриотическую позицию. Сотни священнослужителей, в том числе и отбывшие до войны сроки в лагерях и тюрьмах, ушли на фронт и сражались в армии, защищая Родину.

Советское правительство, видя патриотические устремления церкви, имея сведения о возросшей религиозности населения и стремясь использовать ее для поднятия морального духа народа, пошло ей навстречу. В сентябре 1943 г. состоялась встреча И.В. Сталина с митрополитами РПЦ, в результате которой было разрешено открытие храмов, монастырей, духовных учебных заведений, мастерских по производству церковной утвари и т.д. Были освобождены некоторые из находившихся в заключении священников и архиереев. Церковь получила разрешение на избрание патриарха, и в сентябре 1943 г. прошел Архиерейский собор, избравший патриаршего местоблюстителя Сергия Патриархом Московским и всея Руси.

Был также избран Священный синод Русской православной церкви. Таким образом, РПЦ обрела свое нынешнее название и была официально признана Советским государством.

В годы Великой Отечественной войны произошло некоторое улучшение положения российских мусульман. В частности, им было разрешено вновь открыть некоторые мечети, закрытые в конце 1920-х — 1930-е гг. В военный период почувствовали некоторое улучшение своего положения и буддисты Бурятии. А уже после войны, в 1946 г., им позволили восстановить два монастыря. Была также возобновлена деятельность Центрального духовного управления буддистов СССР, которое теперь размещалось в Бурятии. Калмыцкая же сангха после депортации калмыков в 1943 г. прекратила свое существование. К концу 1940-х гг. в Туве также не осталось ни одного буддийского храма или монастыря.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ» И ПЕРЕСТРОЙКИ

С приходом к власти Н.С. Хрущева государственная политика по отношению к религиозным организациям вновь ужесточилась, и определенное потепление в государственно-церковных отношениях сменилось новым наступлением на религию. Оно включало усиленную атеистическую пропаганду, дискредитацию духовенства и другие антирелигиозные действия. В этот период произошло массовое закрытие церквей, монастырей и семинарий Русской православной церкви. До ближайшего храма верующим нередко надо было ехать несколько часов, а то и несколько дней, во многих районах не осталось ни одной действующей церкви. Церквей, естественно, не было и в новых, построенных уже при советской власти, городах.

В брежневский период массовых закрытий церквей не производилось, но урон предыдущих лет восполнен не был, более того, к нему добавились новые потери. В частности, процедура

открытия нового храма стала бюрократически более сложной. Во время антирелигиозной кампании 1960-х гг. были также опять закрыты многие из открытых в годы войны мечетей и синагог. В начале 1970-х гг. среди верующих евреев Советского Союза развернулось движение, требовавшее от советских властей разрешения для евреев на выезд в Израиль. Первоначальным ответом на это требование было усиление репрессий по отношению к иудаистам. Однако под нажимом международных организаций и правительств западных государств евреям стали позволять эмигрировать из Советского Союза.

Положение начало улучшаться лишь во второй половине 1980-х гг., в ходе реформ М.С. Горбачева. В конце апреля 1988 г. состоялась его встреча с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и постоянными членами Священного Синода, на которой обсуждались вопросы, связанные с обеспечением нормальной деятельности Русской православной церкви. В июне 1988 г. на государственном уровне было отпраздновано тысячелетие крещения Руси. По существу, это было изменение советской политики по отношению к религии. Церкви стали повсеместно возвращать отнятые у нее ранее и разоренные храмы. Ее деятельность стала постепенно выходить за богослужебные рамки: делались первые шаги на ниве благотворительности, создавались первые воскресные школы.

В 1991 г. государство объявило Рождество Христово выходным днем, т.е. праздник стал официально признанным. При М.С. Горбачеве, особенно после его встречи на Мальте в 1989 г. с папой римским Иоанном Павлом II, началось восстановление католических приходов. Были установлены дипломатические отношения между СССР и Ватиканом. С конца 1980-х гг. стали строить новые мечети и открывать медресе, верующие получили возможность совершать хадж. В 1989 г. в Татарстане и Башкортостане торжественно отпраздновали 1100-ю годовщину принятия ислама в Волжской Булгарии и 200-ю годовщину основания Мусульманского духовного собрания. В конце 1980-х гг. происходила также активизация буддийской религиозной жизни в Бурятии и ее официальное возрож-

дение в Калмыкии и Туве. В период перестройки еще более усилилась еврейская эмиграция. Однако особенностью этого периода стала возвратная миграция, что позволило иудаистам Советского Союза совершать поездки в Израиль, посещать религиозные центры и поклоняться религиозным святыням. Все это способствовало усилению религиозности традиционно иудаистского населения. В 1990 г. был также создан Всесоюзный совет иудейских религиозных общин.

Подводя итог всего советского периода, следует отметить, что положение религии коренным образом изменилось. Религию стремились вытеснить не только из общественной сферы, но и из частной жизни. В принципе ей не отводилось места в социалистическом обществе, она рассматривалась как чуждая идеология и вредный пережиток. Но коль скоро этот «пережиток» все-таки сохранялся, государство стремилось поставить религию под свой контроль, убрать из жизни религиозную практику и обрядность, с тем чтобы стерлась религиозная идентичность, особенно в ее привязке к общенациональной и этнической идентичности. Религиозные отличия разных групп населения игнорировались. Однако политика полного искоренения религии провалилась, поскольку религиозная практика была частью культурной традиции. Тем не менее хотя религиозность в советский период сохранялась, но в результате антирелигиозной политики изменился ее характер.

К концу советского периода у большинства людей был опыт антирелигиозной социализации, а религиозного образования не было никакого. Религиозность часто была латентной. Она не опиралась на знание религиозной догматики и обрядности, а брала свои истоки из традиционной культуры и исторической памяти. Эта скрытая религиозность, тем не менее способствовала религиозному возрождению конца 1980-х — начала 1990-х гг. Одновременно недостаточность религиозных знаний и опыта делала религиозную структуру подвижной: новообращенные переходили из одной деноминации в другую, не представляя себе различия между ними (религиозная структура стабилизировалась позднее).

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

В 1990-х гг. религия постепенно восстанавливала свои позиции в обществе. Религиозная мысль, практика и институты приобретали социальную значимость. Люди в массе своей радовались восстановлению церквей и монастырей, возрождению религиозных праздников и традиций. Значительная часть населения одобряла передачу религиозным организациям исторически им принадлежавшей собственности. Типичное для тех лет разочарование, вызванное неспособностью государственного руководства разрешить многочисленные острые социальные проблемы, порождало надежду на негосударственные институты. Наибольшее доверие из них вызывали религиозные организации, как исторически существовавшие, так и недавно появившиеся. Самой большой популярностью у населения пользовалась Русская Православная Церковь, уступая первое место по уровню доверия населению Президенту и армии.

Среди особенностей конфессиональной ситуации после 1991 г. было увеличение активности всех деноминаций. По имеющимся оценкам, 67% населения страны считает себя верующими и 33% — неверующими. В стране возросла численность последователей всех уже существовавших религиозных организаций, возобновилась деятельность некоторых конфессий. Появилось также много новых, прежде не распространенных в России деноминаций. Среди них были так называемые харизматические церкви, корейские протестантские церкви, некоторые деноминации маргинального протестантизма: мормоны, а также метабуддийские и неоиндуистские секты, прежде всего «Общество сознания Кришны», мусульманская секта ваххабитов и др.

Правовой фон 1990-х гг. также способствовал религиозному плюрализму. Перед государством тогда встала задача принятия нового религиозного законодательства. Общество хотело полной религиозной свободы, ассоциировавшейся с демократическими завоеваниями и преодолением насле-

для советских времен. Принятый в РСФСР в 1990 г. очень либеральный закон «О свободе вероисповеданий» предоставил весьма широкие возможности для деятельности религиозных организаций. Церковно-государственные отношения были приведены в соответствие с основными принципами светской концепции прав и свобод человека. Были отменены ограничения, касавшиеся деятельности религиозных организаций, гарантированы равные права всем деноминациям, разрешено обучение религии в негосударственных школах, запрещено вмешательство властей в дела религиозных организаций.

В этот период Русская Православная Церковь оказалась не единственным субъектом в деле рехристианизации исторически православного населения. На канонической территории РПЦ конкурировали многие христианские деноминации. Ситуация осложнялась еще и тем, что РПЦ и конкурировавшие с ней деноминации по-разному видели границы допустимой миссионерской деятельности. Так возникла проблема прозелитизма. Уже вскоре после своего возникновения она перестала быть только религиозной. К середине 1990-х гг. религиозная сфера сильно политизировалась. Население при этом было против политизации религиозных организаций. Еще одной вехой в формировании нового религиозного законодательства стало принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации, содержащей целый ряд положений, касающихся религиозной сферы. Конституция определяет Российскую Федерацию как светское государство. В современном российском контексте понятие «светское государство» близко к понятию «нейтральное по отношению к религии государство, не вмешивающееся в дела религиозных организаций».

Основной закон подчеркивает, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. По Конституции РФ религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и граждани-

на независимо от отношения к религии. Согласно Конституции РФ, каждому гарантируется свобода совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Конституция РФ запрещает агитацию, возбуждающую религиозную ненависть и вражду, и пропаганду религиозного превосходства. Она также провозгласила право граждан на замену по религиозным убеждениям военной службы альтернативной гражданской.

С середины 1990-х гг. православие и другие традиционные конфессии все больше становились источником культурных ценностей даже для невоцерковленной части населения. С конца 1990-х гг. изменились настроения населения в сторону повышения интереса к традиционному и привычному, в том числе и в религиозной сфере. В 1997 г. был принят новый Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». По сравнению с предыдущим законом он содержал несколько иную концепцию отношений между религией, обществом и государством и отражал другие настроения, распространенные в обществе. Закон 1997 г., подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, увязывал религиозную жизнь с историческим и культурным контекстом. Не случайно поэтому большинство так называемых традиционных конфессий (Русская Православная Церковь, наиболее многочисленные мусульманские организации, буддисты, иудаисты, евангелическо-лютеранская церковь России) приветствовали принятие данного закона, в то время как деноминации, развернувшие миссионерскую деятельность в 1990-е гг., отнеслись к нему критически. Базовые принципы религиозной свободы в законе 1997 г. были сохранены. Закон 1997 г. вводил критерии, на основе которых объединение признавалось религиозным.

Закон 1997 г. никогда не применялся в полной мере. Вскоре после его вступления в силу были приняты поправки,

смягчившие статьи, вызвавшие критику. Так, признавая принцип, что закон не имеет обратной силы, Конституционный Суд в 1999 г. принял решение, по которому положение о пятнадцатилетнем стаже для обретения полноценного статуса может применяться лишь к тем религиозным объединениям, которые были созданы после вступления закона в силу, и не относится к тем религиозным организациям, которые уже существовали на момент принятия закона. Закон 1997 г. способствовал формированию модели государственно-конфессиональных отношений, которая предполагает партнерство государства с традиционными для России конфессиями при соблюдении принципов свободы совести и вероисповедания для религиозных объединений¹.

Во второй половине 1990–2000-х гг. Русская Православная Церковь и другие традиционные конфессии упрочили свои позиции. Этому способствовало новое законодательство, поставившее РПЦ в более благоприятные условия в конкуренции с инославными деноминациями, и изменившееся настроение в обществе. Во второй половине 1990-х гг. принципиальной позицией Русской православной церкви в межконфессиональных отношениях становится поддержание отношений и сотрудничество в первую очередь с традиционными конфессиями страны (так в это время стали называть ислам, буддизм и иудаизм, т.е. религии, исторически исповедовавшиеся в России).

В декабре 1998 г. по инициативе Русской православной церкви главы и представители четырех конфессий — православия, ислама, буддизма и иудаизма — создали Межрелигиозный совет России для работы в области межрелигиозного сотрудничества. Представители традиционных российских религий совместно проводили различные общественные мероприятия, например, по борьбе с распространением наркотиков среди молодежи. Для современной религиозной ситуа-

¹ См.: *Логинов А. В.* Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005.

ции характерно, что, причисляя себя к Русской православной церкви и другим традиционным для России конфессиям, люди выражают не только свою мировоззренческую позицию, но и этнонациональное самосознание. На протяжении постсоветского периода число приверженцев традиционных для России конфессий оказывалось больше, чем число верующих. Человек может не считать себя верующим, но относить себя к той или иной конфессии в силу историко-культурной традиции. Поэтому *традиционные конфессии воспринимаются не только как собственно религиозные (мировоззренческие) системы, но и как культурная среда и образ жизни.*

В постсоветский период увеличилось число и тех, кто принимает религиозную веру на уровне мировоззренческого выбора, и тех, кто приобщен к религии прежде всего через обрядовую сторону, и тех, кто ассоциирует себя с определенной конфессией в силу этнокультурных причин. Религиозный фактор важен для этнической самоидентификации многих россиян. Поэтому на вопрос «Какой религии вы придерживаетесь?» довольно распространены ответы «Я русский, значит, православный», «Я татарин, значит, мусульманин».

Традиционные конфессии воспринимаются как историческая вера соответствующих этнических групп, как часть их культуры, традиций и исторической памяти. Религия воспринимается не только как мировоззрение, но и как часть культурного наследия. Культурная составляющая религии наиболее понятна людям, выросшим в сильно секуляризованном обществе. Особенностью религиозной ситуации постсоветского периода было то, что практическая религиозность населения оставалась относительно невысокой, но религия становилась все более существенным фактором российской жизни. Ее роль оказалась важнее, чем можно было бы судить лишь на основе данных социологических опросов о посещаемости богослужений или выполнении религиозных предписаний.

Практическая религиозность россиян также растет. Особенно многочисленными становятся праздничные богослужения, крестные ходы, а крещение, венчание и отпевание ста-

ло всеобщей практикой. Все же разрыв между числом тех, кто считает себя принадлежащим к той или иной конфессии, и тех, кого можно считать практикующими верующими (т.е. посещающими богослужения и молитвенные собрания, соблюдающими религиозные предписания и т.п.), по-прежнему сохраняется. В активную религиозную жизнь вовлечено относительно небольшое число верующих. Это типично не только для России, но и для многих других, особенно урбанизированных, стран.

СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЯН

В 2008 г., по данным Фонда общественного мнения, 59% населения страны считали себя православными¹ (по данным Аналитического центра Юрия Левады на тот же год, православными себя идентифицировал 71% населения)², 2% населения, по данным Фонда общественного мнения, заявляли о своей принадлежности к другим христианским конфессиям (по данным Аналитического центра Юрия Левады, 1% населения составляли католики и 1% — протестанты), 6%, по данным Фонда общественного мнения, и 5%, по данным Аналитического центра Юрия Левады, относили себя к исламу, 2%, по данным Фонда общественного мнения, — к иным религиям (по данным Аналитического центра Юрия Левады, 1% — к иудаизму и 1% — к буддизму). Что касается людей, не связавших себя ни с одной конфессией, то Фонд общественного мнения выделил 5% затруднившихся определить свою конфессиональную принадлежность и 26% неверующих. Аналитический центр Юрия Левады отметил 5% атеистов среди населения России.

¹ См.: Религиозная идентичность и воцерковленность. Опрос населения 24.04.2008/URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0816/d081623> (дата обращения — 28.03.2019).

² См.: Шмырев А. Истина где-то рядом. Социологи узнали, что думают россияне о религии // НГ-Религия. 2008. 19 марта. С. 3

Абсолютное большинство россиян по-прежнему связывают себя с православием, прежде всего с Русской православной церковью. Православия в России придерживается большинство русских, карел, вепсов, води, ижорцев, саамов, коми, коми-пермяков, мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, кряшен, нагайбаков, осетин. Православие исповедуют и многие живущие в России украинцы, белорусы, а также молдаване, грузины, гагаузы, греки, цыгане; ряд христианизированных в достаточно сильной степени народов Сибири: якуты, хакасы, телеуты, шорцы, кумандинцы, тубалары, челканцы, чулымцы, тофалары, манси, ханты, селькупы, кеты, эвенки, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, ороки, орочи, алеуты, ительмены, камчадалы, юкагиры, чуванцы. Все они зачастую сочетают православие со своими традиционными верованиями. И хотя в прошлом многие из сибирских и дальневосточных народов были почти поголовно крещены, практически для всех них характерно своеобразное двоеверие, когда выполнение православных ритуалов сочетается с совершением традиционных обрядов. Наличие приверженцев языческих верований характерно и для народов Поволжья, прежде всего марийцев, а также удмуртов, чувашей и кряшен. Православие в России исповедует и часть евреев, западных бурят, алтайцев, небольшая группа калмыков и кабардинцев.

Российские католики живут как в европейской, так и в азиатской частях страны. Католицизм в России ассоциируется прежде всего с поляками, хотя среди российских католиков немало представителей других этнических групп. Это часть живущих в России немцев и белорусов, литовцы и другие. В последние десятилетия среди российских католиков появились русские.

Протестантизм в современной России представлен различными течениями, включая лютеранство, баптизм, пятидесятничество, меннонитство, адвентизм и др. В 1990-е гг. в структуре российского протестантизма произошли существенные изменения. Если до 1990-х гг. крупнейшей протестантской конфессией в России был баптизм, то теперь пятидесятники (вместе с харизматами) хотя и немного, но превзошли бапти-

Президент В.В. Путин и члены Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям

стов по численности. Лютеранства в России придерживаются финны, часть немцев и некоторые другие небольшие группы. Часть немцев исповедуют реформатство и меннонитство. Если для лютеранства, реформатства и меннонитства характерна определенная «этническая избирательность», то среди других протестантских групп встречаются представители самых разных народов. Много среди них русских. Наиболее успешными протестантские миссионеры оказались в Сибири и на Дальнем Востоке. Инфраструктура Русской православной церкви в этом регионе была слабее, чем в Европейской части России, и по числу религиозных организаций (не по численности последователей) протестанты даже превзошли РПЦ.

Ислам по-прежнему остается второй по численности последователей религией России. Подавляющее большинство российских мусульман — сунниты, преимущественно ханафитского и шафиитского мазхабов, хотя в последние десятилетия в России появились и приверженцы ваххабитской секты ханбалитского мазхаба, традиционно нетипичного для российских мусульман. Есть среди российских мусуль-

ман и шииты, например, большинство живущих в стране азербайджанцев. Ислама в России придерживаются татары, башкиры, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, чеченцы, ингуши, аварцы, андоцезские народы (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, ахвахцы, багулалы, чамалалы, тиндалы, цезы, гинухцы, хваршины, бежтинцы, гунзибцы), арчинцы, лакцы, даргинцы, близкие к ним кайтагцы и кубачинцы, лезгины, табасараны, агулы, рутульцы, цахуры, кабардинцы (за исключением исповедующих православие моздокских кабардинцев), черкесы, адыгейцы, шапсуги, абазины, хемшилы, а также живущие в Российской Федерации казахи, каракалпаки, крымские татары, киргизы, узбеки, уйгуры, туркмены, азербайджанцы, турки, таджики, таты, талыши, курды и некоторые другие.

В 1990–2000-е гг. наблюдался рост роли ислама в мусульманских российских регионах. Для постсоветского периода были также характерны «этнизация» и раздробление исламского сообщества России — создание самостоятельных мусульманских религиозных структур по этническому или территориальному признаку.

Буддизм в России по-прежнему преимущественно распространен среди бурят, тувинцев и калмыков, которые придерживаются направления ваджраяны (или ламаизма). Однако в последние десятилетия во многих крупных российских городах (Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Екатеринбурге, Новосибирске) появились общины так называемых неэтнических буддистов (среди них русские и др.) разных буддийских направлений.

Численность последователей иудаизма в России в постсоветский период заметно сократилась в результате эмиграции. Вместе с тем появление в стране религиозной свободы и увеличение роли религии привели к тому, что часть в прошлом неверующих евреев вернулась в иудаизм. В 1993 г. был создан Конгресс еврейских общин России (с 1996 г. — Российский еврейский конгресс). В него вошли ортодоксальные и реформированные общины, позже присоединились и кон-

сервативные общины. В 1999 г. хасидские общины образовали Федерацию еврейских общин России.

Среди нетипичных для России действующих в стране религиозных организаций следует назвать кришнаитов, бахаистов, свидетелей Иеговы, мунитов, мормонов. В последние годы население страны стало более негативно относиться к нетрадиционным для России религиозным направлениям. В России живут и представители других религий. Так, часть алтайцев придерживается бурханизма — возникшей в 1904 г. синкретической религии, сочетающей элементы шаманизма и буддизма.

В стране также существуют традиционные культы. Особенно они распространены у народов Севера и Сибири, не затронутых или слабо затронутых христианизацией. Это чукчи, коряки, керекы, нивхи, удэгейцы, нганасаны, теленгиты (заметные группы православных имеются только среди коряков и нивхов). В последние годы произошло оживление языческих верований и у христианизированных народов Сибири и Поволжья.

Получив возможность свободной деятельности, многие религиозные организации России стремятся позитивно влиять на процессы, происходящие в российском обществе. Это нашло отражение в разработке специальных документов. Так, в 2000 г. были приняты «Основы социальной концепции Русской православной церкви», отразившие ее взгляды на различные социально значимые проблемы. В 2001 г. были приняты «Основные положения социальной программы российских мусульман». Документы, содержащие социальные доктрины, были разработаны и другими российскими конфессиями. Многие российские конфессии существенное значение придают социальному служению, благотворительности, укреплению института семьи и повышению нравственности населения.

В последние годы религиозные организации стали играть активную роль в сфере миротворчества. Так, в 2000 г. в Москве по инициативе Русской православной церкви прошел Первый межрелигиозный миротворческий форум, в котором участвовали представители многих распространенных в России религий. В июле 2006 г. Московский патриархат стал органи-

затором Всемирного саммита религиозных лидеров, на который съехались более ста глав и представителей религиозных общин из различных стран. Участники этого форума призывали всех верующих планеты «уважать и принимать друг друга, невзирая на религиозные, национальные и иные различия».

Расширяется сотрудничество Русской православной церкви и других религиозных организаций с государством в области благотворительности, развития социальных программ, сохранения мирового культурного наследия, творческой деятельности, противодействия распространению псевдорелигиозных структур и охраны окружающей среды. Огромный резонанс в обществе вызывают факты возвращения или демонстрации святынь русского православия. Появились новые или возродились старые места поклонения, которые посещает большое число верующих¹.

В духовной жизни человека и общества религиозная идентичность может играть разную роль в зависимости от характера самой религии, исторической и политической ситуации. Сильная религиозная идентичность характерна для жителей ряда мусульманских стран, где она может доходить до фанатизма. Религиозный фанатизм был распространен в прошлом (вплоть до религиозных войн), но религиозные фанатики имеются и в современных религиях. В России проявлениями фанатичного религиозного сознания были коллективный уход в подземелье сектантов в Пензенской области и совершение актов террора со стороны исламских фундаменталистов ваххабитского направления в исламе.

Таким образом, *религиозные верования и повседневная деятельность современных россиян разных поколений (кре-*

¹ См. Соколова А.Д. Спонтанная мемориализация в городском ландшафте // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). 67–106; Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Похоронно-поминальный обряд вне традиционной культуры: тенденции и динамика трансформаций в современной России. // Этнографическое обозрение. 2014. №2. С. 3–6.

щение младенцев и ношение детьми нательных крестиков, религиозные праздники для всех поколений) стали всеобщим явлением среди русских и представителей других народов. Ислам стал частью повседневной жизни, что отражается в пищевых запросах, гендерных отношениях, в стиле одежды части населения, включая школьников. Все это есть компоненты, которые входят в самосознание разных групп русского народа: они одновременно укрепляют ту или иную этническую идентичность (например, русскую или чеченскую), но в то же самое время они есть неотъемлемая часть российскости, включая не только православное христианство, но и тот вариант ислама, которому традиционно следуют верующие россияне-мусульмане.

ГЛАВА 15

ЯЗЫК НАЦИИ

В странах со сложным этническим и языковым составом населения проблемы и кризисы возникают там и тогда, где и когда государство и институты гражданского общества не могут предложить адекватную формулу национальной идентичности, выстроить саму государственность под сложный состав населения, а не переделывать «народ под государство», выработать позитивную программу и механизмы обеспечения этнокультурного развития, не умеют предотвращать и разрешать противоречия и конфликты. Поэтому в качестве желаемой цели применительно к России говорить следует не только о «дружбе народов», а о «дружном народе», когда групповые и регионально-местные различия составляют единое целое, когда разные традиции, языки и верования обогащают друг друга, составляют сложное сообщество на основе общегосударственной идентичности, общих историко-культурных ценностей, совместно пережитых драм и достижений.

Сходные условия касаются всего мира. Российский опыт и научные разработки могут использоваться во многих странах, но и для России полезно самоосмысление без изоляционизма, особенно если учесть дебаты вокруг миграций и политики мультикультурализма, а также проблему совместимости

последователей христианства и ислама в рамках одного государства. Несмотря на множество научных трудов и практик, без должного ответа остается ряд важных вопросов: в какой мере этнокультурное, расовое, языковое и религиозное разнообразие государства способствует или мешает его стабильному существованию и развитию? В какой мере государство должно выступать спонсором или противником подобного разнообразия? Что обещается миру — всеобщее культурное перемешивание, сопровождаемое конфликтом жизненных устоев и ценностей, или национальные государства, в которых политические (гражданские) нации сохраняют фундаментальную значимость, но будут переосмысливаться в пользу собственной культурной сложности?

16 мая 2013 г. американская газета «Вашингтон пост» опубликовала материал под названием «Карта самых многоэтничных и самых моноэтничных стран мира». Речь шла о научном проекте, выполненном группой обществоведов Гарвардского института экономических исследований на основе национальных переписей населения, энциклопедий, базы данных ЦРУ, изданного Институтом этнографии АН СССР в 1964 г. «Атласа народов мира», а также исследования 1998 г. «Этнические группы мира»¹. Авторы «обсчитали» 650 этнических групп в 190 странах. Степень «этнической фрагментации» измерялась степенью разницы в ответах на вопрос об этнической принадлежности. В итоге были составлены таблицы корреляций, и на их основе американские коллеги сделали, на мой взгляд, как тривиальные, так и спорные выводы. Авторы считают, что наиболее гомогенные в этническом плане — страны Европы и Северо-Восточной Азии, среди которых самые моноэтничные — Япония и Корея. Здесь этничность и национальность почти совпадают. Посередине располагаются страны Америки. Они достаточно полиэтничны, кроме Чили и Аргентины. Самые полиэтничные — африканские страны.

¹ *Moseley Ch. Atlas of the World's Languages in Danger. 3 rd. ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010.*

Наиболее высокий индекс «этнической фрагментации» — в Уганде, за ней идет Либерия. Ближний Восток — разный, но в целом полиэтнический. Россия со своей, как это представляется некоторым, «уникальной многонациональностью» находится где-то в третьем десятке.

Конфликты, по мнению авторов проекта, имеют место чаще в многоэтнических странах, но их причиной может быть и бедность, ибо этническое разнообразие коррелирует с низким уровнем развития. Богатые страны более моноэтничны, сильная демократия тоже больше коррелирует с моноэтничностью. Наличие многих этнических сообществ в фрагментированных обществах накладывает ограничения на политическую свободу из-за стремления одних групп устанавливать контроль над другими. Существование культурно различающихся групп требует собственных лидеров, манипулирования, лоббирования, а политики часто используют фрагментацию для мобилизации «своих» или для исключения «других». В моноэтнических обществах управлять демократическим путем легче в связи с меньшим числом конфликтов. Главный вывод состоял в том, что этническая и языковая фрагментация коррелирует: чем выше индекс фрагментации, тем хуже показатели с экономическим развитием, социальными условиями и качеством институтов управления. Однако, по признанию авторов, убедительных закономерностей выявить не удалось¹.

Частично с этими выводами можно согласиться, но в главном мы расходимся: *этническое разнообразие — это в большей степени ресурс, а не источник риска, стабильность и развитие не имеют прямой корреляции со степенью этноязыковой фрагментации населения*. Точно так же обстоит дело и с уровнем демократии. Моноэтничность ряда стран сложি-

¹ Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities // Quarterly Journal of Economics, 2000. V. 115. № 3. August. P. 847–904; Alesina A.F., Easterly W. et al. Fractionalization // Harvard Institute Research Working Paper. 2002. № 1959. P. 17–18; Arctic Languages. An Awakening / Ed. By D.R.F. Collins. UNESCO, 1990.

лась в результате дискриминации и даже насилия с целью обеспечения этнической «чистоты» некоторых наций. А, скажем, судьбы 15 государств бывшего СССР, от моноэтничных Армении и Туркменистана до самой полиэтничной Российской Федерации, никак не совпадают ни с показателями их экономического развития (душевой доход от ВВП) и демократичностью устройства, ни с наличием или отсутствием конфликтов. Стабильность и согласие разных обществ определяют другие факторы и обстоятельства, без жесткой корреляции с числом и обликом входящих в то или иное общество культурно отличительных групп. Само этническое и языковое разнообразие во многих случаях есть историческая данность для многих государств, которая имеет собственную динамику, в чем-то подвижную, а в чем-то не меняющуюся десятилетиями.

МИФ О ВЫМИРАНИИ ЯЗЫКОВ

В 1996 г., а затем двумя новыми изданиями в 2001 и 2010 гг. ЮНЕСКО опубликовала «Атлас языков мира, находящихся в опасности», в котором из существующих на планете 6 тыс. языков исчезающими были объявлены 2,5 тыс. В последнем издании утверждалось, что после 1950 г. исчезли 230 языков. Находящимися под разной степени «угрозой исчезновения» были названы и 116 языков на территории Российской Федерации. В атласе указывалось, какие языки умирают бесповоротно, каким угрожает исчезновение и какие находятся в опасном положении. Среди исчезающих языков значились все языки малочисленных народов Севера и Сибири, удмуртский, калмыцкий, языки народов Северного Кавказа; среди находящихся в опасности — 20 языков, в том числе чеченский, тувинский, белорусский.

Публикация атласа была итогом многолетнего проекта, с которого началась международная кампания за сохранение языкового разнообразия в мире. ЮНЕСКО приняла несколько нормативных документов: Всеобщую декларацию культурно-

го разнообразия, Конвенцию по сохранению нематериального культурного наследия, а также Рекомендации по распространению и использованию многоязычия, принятые на Генассамблее ЮНЕСКО в 2003 г. По проблемам сохранения языков, языковой политики и языковых прав состоялись многочисленные публичные акции и научные обсуждения. Выводы инициаторов и участников кампании оказались неутешительными: к концу нынешнего века в мире останется несколько сот языков, остальные исчезнут. Рекомендации были разными, но главное — изучение и документирование умирающих языков, поддержка их преподавания и использования, противодействие дискриминации носителей малого языка, особенно тех, для кого он является основным или единственным языком знания и общения. В целом эта кампания сильно повлияла на научное сообщество, и во многих трудах, обобщающих мировые процессы, авторы приводят в качестве неоспоримых такие постулаты: «В XXI веке, как ожидается, исчезнет до 70% существующих языков. А через пару столетий выживут 500–600 языков. Каждые две недели один язык становится мертвым. То есть в год умирает 24 языка, и так будет продолжаться дальше... Для того чтобы язык сохранялся, количество его носителей должно превышать 100 тыс. человек. Сегодня исчезающими считаются 400 языков»¹.

Стремление сохранить языки малочисленных народов как часть мирового культурного наследия, конечно, похвально. Тем не менее в этом вопросе ЮНЕСКО и авторы проекта оказались в плену кабинетно-романтических и политизированных представлений о языке, его роли в жизни современных людей, обществ и государств. Здесь проявилась недостаточная осведомленность составителей мировых атласов языков о реальной языковой ситуации в разных странах и регионах. Плохую услугу оказал своего рода языковой этнонационализм, когда вопросы статуса и использования языков становятся ча-

¹ Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 27.

стью борьбы за самоопределение, за власть и другие ресурсы, а также средством подавления одних культурно отличительных групп и доминирования других.

Что касается российской ситуации, то ее анализ и рекомендации со стороны ЮНЕСКО выглядят поверхностными. Отметим, что материал по России готовился с участием отечественных социолингвистов. В середине 1990-х годов они подготовили «Красную книгу» языков Российской Федерации, в которую занесли по примеру исчезающих видов животных и растений более половины бытующих в нашей стране языков. О неизбежном вымирании языков сибирских народов и народов Кавказа писали разные путешественники и некоторые ученые еще в конце XIX — начале XX в.¹, но, по крайней мере, в XX в. языки в России не исчезали, за исключением двух-трех диалектных вариантов миноритарных языков. Российский этнолог Е.А. Пивнева пришла к выводу, что дискурс о «вымирании» северных аборигенов на всех исторических этапах носил в большей мере эмоционально-политический характер, хотя сокращение их численности, эпидемии и бедственное положение со здоровьем и медобслуживанием действительно имели место².

Рост численности некоторых групп в последние десятилетия связан не только с улучшением условий жизни, но и с «обратной ассимиляцией», то есть переходом в эту категорию лиц, некогда утративших свою идентичность или имеющих смешанное происхождение. Это происходит благодаря законодательным и другим преференциям, которые получили корен-

¹ Козьмин Н.Н. К вопросу о «вымирании» инородцев // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 99–108; Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911; Рычков К. К вопросу о вымирании северных народностей Сибири // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 182–192.

² Пивнева Е.А. Проблема вымирания коренных народов Севера: мифы и реальность // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 3. Ч. 3. М., Сыктывкар, 2006. С. 31–40.

ные малочисленные народы Российской Федерации. Тем не менее языковая мозаика мира не остается неизменной. В свое время на смену огромному числу разных вариантов языков (диалектов) приходили стандартизированные литературные языки, что, безусловно, было позитивным явлением и необходимым моментом становления централизованных государств современного типа, а также развития индустриальной экономики и урбанизации. Так, диалект региона Иль-де-Франс стал основой для французского литературного, а московский вариант русского (тогда он назывался российским) — основой стандартного варианта русского языка.

Конечно, в ходе колонизации территорий Сибири и других регионов империи могли исчезнуть варианты аборигенных языков, но едва ли можно согласиться, что 100 лет тому назад в этом регионе бытовало значительно большее число языков. Отечественные переписи населения, начиная с 1897 г. и вплоть до последних, дают сходный перечень языков, хотя их названия менялись вместе с изменением номенклатуры этнических групп и их консолидацией в так называемые «социалистические нации и народности». Что действительно изменилось в России, так это сузилась сфера бытования малых языков, сократилась численность знающих и говорящих на языке, произошел переход значительной части, если не большинства, представителей малочисленных народов на русский язык. Применительно к народам Севера Н.Б. Вахтин назвал это «языковым сдвигом»¹. Я предпочитаю более определенное название — *языковая ассимиляция в пользу русского языка*. Возможно, в какие-то моменты и в каких-то местах использовались методы принуждения, но в целом это был добровольный выбор в пользу более мощного и более важного для жизни языка коммуникации в нашей стране. В одних регионах (Дагестане и Поволжье) этот процесс был вызван необходимостью преодолевать чрезмерное языковое разнообразие че-

¹ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

рез утверждение единого языка общения, в других языковая ассимиляция происходила под воздействием экономики, образования, роста городов, миграции населения.

Неадекватное отношение к языковым проблемам проявилось и в период позднесоветской и постсоветской либерализации. Как отмечает В.М. Алпатов, «в годы перестройки и в первые постсоветские годы по всей территории современной России распространились представления, согласно которым функционированию малых языков мешала лишь “тоталитарная система”, а смена строя может привести к их “возрождению”, как тогда говорили. При этом под “возрождением” часто имелось в виду приобретение языком функций, которых он ранее не имел или имел как раз в начале советского периода. В пылу борьбы не учитывался реальный опыт стран, общественный строй которых принимался за образец»¹. Но в этот период на территории бывшего СССР, включая Россию, в языковой сфере шел другой важный процесс, а именно «национализация» языков бывших советских меньшинств, которые обрели полную государственную независимость или же через «парад суверенитетов» получили более высокий статус в рамках федеративного устройства.

«Язык нации» (национальный язык) — понятие условное, оно употребляется как язык (или языки) доминирующего большинства или значимых этнических групп, которые становятся официальным языком институтов государства — нации, от армии и правосудия до технических регламентов и массовой культуры. Это чаще всего и есть государственный язык, если таковой объявлен в государстве. *Язык нации в его единственном варианте применительно к человеческой общности политико-гражданского и даже этнокультурного типа — чаще всего националистическая утопия. Она не соотносится*

¹ Алпатов В.М. Что делать с малыми языками? Пленарный доклад на «круглом столе» «Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения». 27–28 октября, 2005 г., Москва. http://ling.sib.iea.ras.ru/ru/round_table/plenary_session.shtml

с языковой ситуацией в реальной жизни, которая почти всегда многоязычна и которую многим хочется упростить, подогнать под свой собственный язык. Что же касается государства и его институтов, то здесь *действует и оправдала себя мировая практика конституирования одного или двух государственных языков, на которых общается не только бюрократия, но и большинство населения*. В России таким языком является русский, в Китае — китайский (ханьский с его шестью диалектами), в Японии — японский, в США — английский, и т.д.

Но так происходит далеко не везде. Единственный государственный язык лучше всего принимается населением, когда явное большинство граждан относится к одной языковой общности или когда такого большинства нет вообще. В последнем случае на роль государственного языка претендует язык элиты, доставшийся, как правило, от колониальной системы (например, английский язык в Индии), который используется в таком статусе. Кстати, в Индии к государственному английскому добавлен второй государственный — язык хинди с диалектами как язык наиболее многочисленной и доминирующей языковой общности (на нем говорят более 400 млн человек, или 41% населения).

Если в стране есть демографически и культурно вторая значимая языковая общность, претендующая на равенство в статусе наряду с первой, то здесь бесконфликтный вариант заключается в официальном двуязычии (Канада, Бельгия, Финляндия и др.) или трехязычии (Сингапур). Случаи официального четырехязычия на уровне страны крайне редки (Швейцария). В регионах некоторых стран их может быть и больше (14 официальных языков в Дагестане, 11 официальных языков в канадской провинции Северо-Западные Территории).

Ясно, что для гражданской нации важно иметь языковое единство, но это условие не является обязательным. Для двухобщинных государств лучший вариант — установление двух государственных (официальных) языков. Борьба за официальное двуязычие бывает долгой и упорной (как в Канаде

и Бельгии), иногда выливается в открытые конфликты (как в Шри-Ланке и Украине), но, судя по мировому опыту, итогом всегда становится признание официальным не только одного языка. На пути признания официального двуязычия сейчас находятся несколько стран, среди которых США (английский и испанский), Казахстан (казахский и русский). К сожалению, не Украина и не Латвия.

Государственный язык — особая забота власти и общества, ведь это не только язык большинства, но часто та или иная страна является единственным на Земле местом, где данный язык имеет такой статус и где его существование гарантировано в конкурентном мировом порядке. Именно поэтому *односторонняя увлеченность сохранением многоязычия, и прежде всего малых языков, вступает в противоречие с интересом ныне существующих гражданских наций обеспечить свое языковое единство и защищать статус «больших» (доминирующих) языков.* Подобная увлеченность может идти вразрез с частными предпочтениями семьи и личности, интересы которых больше заключаются не в сохранении «языка предков», а в конкурентном владении доминирующим в стране языком. Современный мир и наука пребывают в поиске баланса: как сочетать языковую централизацию и обеспечить на ее основе общегражданскую идентичность с потребностью части граждан той же страны сохранять языки своих этнических сообществ.

Баланс между языком большинства и языком меньшинств не найден до сих пор во многих странах. Есть проблемы и в России. Прежде всего следует уточнить такие фундаментальные категории с эмоционально-символической нагрузкой, как «родной язык» или «национальный язык» в смысле «язык своей национальности». В науке нет удовлетворительного определения этих понятий и не существует общепринятого мнения, что у человека должен быть родной язык и что это может быть только один язык. В России на этот счет сохраняются упрощенные взгляды. Например, «родной язык» — это язык той этнокультурной общности, с которой ассоцииру-

ет себя индивид, то есть, строго говоря, «материнский язык»¹. Такой же позиции придерживаются отечественная наука и общественная практика². Особо ее защищает титульная общественность в российских республиках³.

Наиболее близкая для автора книги позиция заключается в том, что «материнский язык — не обязательно родной, родной язык — не обязательно первый»⁴. Однако этой констатации недостаточно. До сих пор многие считают, что родным следует считать язык матери⁵, что не может быть двух родных языков, как не может быть двух матерей. Например, по словам В.Г. Костомарова, «выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха»⁶. На самом деле в жизни дело чаще всего обстоит далеко не так: родным становится язык основного знания и общения, а первый выученный или слышанный от матери язык никаких особых предрасположений не имеет. Язык — не только один из столпов культуры, этнической идентичности, групповой солидарности. Не менее важно, что это инструмент гражданского нациестроительства.

¹ Хабенская Е. «Родной язык» как этнический символ // Казанский федералист. 2004. № 1(9). <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/7/>

² Ибрагимов Г.Х., Зачесов К.Я. О понятии «родной язык» // Русский язык в национальной школе. 1990. № 8. С. 8–12; Козлов В.И. Язык: Этнические и этносоциальные категории. Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.И. Козлов. Вып. 6. М.: Наука, 1995. С. 157, 15.

³ Исламшина Т.Г. Этнические ценности полиэтничного общества. Социологический очерк. Казань: Казанский государственный технический университет, 1996.

⁴ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 46.

⁵ Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М., 1999.

⁶ Костомаров В.Г. Еще раз о понятии «родной язык» // Русский язык в СССР. 1991. № 1. С. 11.

Язык и языковая политика могут быть причиной межэтнической, социальной и иной напряженности и даже открытых конфликтов, а адекватная языковая политика — одно из условий обеспечения национальной безопасности государств со сложным (в том числе многоязычным) составом населения.

Язык в прошлом и еще в большей степени сегодня является средством идеологического и политического воздействия, межгруппового и межгосударственного доминирования и соперничества, сферой особой государственной ответственности вплоть до законодательного регулирования. В то же время язык, его формы и варианты, выбор и владение им, сферы употребления, языковое общение — одно из фундаментальных прав человека, одна из гражданских свобод, которая гарантируется конституцией, законами страны и ее отдельных образований, системой международных деклараций и хартий. Здесь также проявились новые тенденции, например, о праве на добровольную языковую ассимиляцию как столь же фундаментальном праве, как и право на сохранение и использование языка.

Наконец, можно и нужно говорить о равноправии языков, но не о равенстве. Существует особая иерархия, высшее место в которой занимают так называемые мировые языки (*top world languages*), куда входит и русский. При этом имеют значение не только число носителей языка, но и созданный на нем культурный капитал, а также общественно-политическая роль, которую этот язык играет прежде всего благодаря влиянию государств, где он признан государственным, а вместе с тем и одним из официальных языков международного общения. Между мировыми языками происходит глобальное соперничество. Сегодня имеет место мировая экспансия английского языка как языка политического и делового мира, науки и массовой культуры, информации и коммуникации. В такой ситуации роль русского языка в нашей стране обретает новый аспект: он становится защитным барьером для малых языков, носители которых овладевают русским, а не английским языком в качестве второго языка, оставаясь в родной(!) языковой среде.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Одно из фундаментальных проявлений культурной сложности современных наций — языковое разнообразие населения государств мира. Разнообразие возникло не сегодня: оно существовало с момента появления ранних государственных образований и формирования централизованных и современных государств. Например, население Древнерусского государства, Московского царства, Российской империи и СССР говорило на разных языках¹. Попытки нацистроителей современных государств с момента Вестфальской системы и Французской революции уничтожить «диалекты» и сделать только один язык языком нации редко где завершались успехом. Во Франции, помимо большого числа диалектов французского, на протяжении всей ее истории сохранялись бретонский и корсиканский языки, в Великобритании возрождаются гэлльский и уэльский языки, не говоря уже о шотландском и ирландском диалектах английского. В США, несмотря на ассимиляционную доктрину «плавильного котла», всегда сохранялись языки стран эмиграции, индейские языки, а после аннексии в середине XIX в. мексиканских территорий к югу от Рио-Гранде в стране оказались миллионы испаноговорящих граждан.

В последние 30 лет шли процессы не только языковой ассимиляции и исчезновения языков малочисленных групп, но и *ревитализации* языков, укрепления правового статуса региональных языков и языков национальных меньшинств. В странах Европы и Америки, в азиатских государствах, странах бывшего СССР, включая Россию, осуществлялись научные и общественные инициативы по сохранению языкового разнообразия и внедрению преподавания малых (миноритар-

¹ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Под ред. Ю.А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М.: Новый хронограф, 2012.

ных) языков¹. Мир переживал скорее языковой ренессанс, чем массовое вымирание языков, которое предполагали некоторые эксперты и общественные активисты. В постсоветских государствах произошло масштабное «возвращение» языков больших и некоторых малых народов во все сферы жизни, а также обретение языками новых «титulyных» этнонаций более высокого статуса через систему конституционных положений и законодательства о языках.

Далеко не везде это означало усложнение языкового состава населения новых государств. Языковой национализм новых титульных наций укреплял позиции новых государственных языков за счет сокращения сфер употребления русского языка и уменьшения численности русскоязычного населения. Для этого процесса были некоторые оправдательные аргументы, ибо языковая русификация в бывших союзных республиках (чаще всего по инициативе местных руководителей) существенно потеснила позиции языков крупных советских наций (в Баку, Киеве, Ташкенте, Алма-Ате и в других республиканских столицах звучал в основном русский язык). При этом в союзных республиках наблюдался также расцвет языкового творчества через профессиональную культуру и науку. Так называемое национально-русское двуязычие становилось почти всеобщей нормой советских людей нерусской национальности².

В годы перестройки и после распада СССР укрепились позиции новых государственных языков, а в ряде случаев, вопреки официальной политике, и языков отдельных меньшинств (польского, русинского, венгерского на Украине, каракалпакского в Узбекистане, узбекского в Киргизии, гагаузского и цыганского в Молдове и т.д.). Некоторые этнополитические конфликты сепаратистского характера имели сильную языковую

¹ Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2002.

² Арутюнян Ю.В. Постсоветские нации. М.: Флинта, 1999; Губогло М.Н. Национально-русское двуязычие. М.: Наука, 1979; Современные этнические процессы в СССР / Под ред. Ю.В. Бромлея. М.: Наука, 1975.

составляющую, что в итоге привело, например, к укреплению позиций абхазского и осетинского языков в частично признанных государствах Абхазия и Южная Осетия. В Грузии оживилось движение за укрепление позиций сванского и мингрельского языков. В России языки крупных нерусских народов обрели официальный статус на региональном уровне.

Именно в эти 30 лет происходил масштабный миграционный обмен населением, особенно по линии *юг — север*, когда в Европу и Северную Америку переселились и там укоренились, в том числе и с языковыми правами, новые этнические группы иммигрантов. К категории принимающих стран и стран с усложняющимся этноязыковым составом населения относятся все государства Западной Европы и Северной Америки, Австралия и некоторые государства Азии (Малайзия, Сингапур). К странам с усложнившимся этноязыковым составом населения относится и Российская Федерация, ставшая после 1991 г. второй в мире принимающей мигрантов страной после США¹. Таким образом, точка зрения о мировой языковой ситуации может быть скорректирована в сторону увеличения числа многоязычных и уменьшения числа моноязычных государств. Фактически, *все современные нации мира многоязычны*.

Этот вывод влечет за собой коррекцию такого распространенного в отечественном общественном сознании понятия, как «национальный язык», или «язык нации»². До сих пор данная категория использовалась преимущественно в отношении этнических групп, которые часто оформляются как сообщества по языковому сходству. Но, во-первых, есть этнические общности, которые оформляются не по принципу языкового различия (например, в арабском или испаноязычном мире), а есть, которые имеют более одного языка, но воспринимают себя (или воспринимаются внешним окружением) как од-

¹ Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / Под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. М.: Наука, 2009.

² Степанов Г.В. Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 325, 326.

на группа. Во-вторых, для большинства нерусского населения России основным языком знания и общения, то есть первым языком (аналог понятия «родной язык»), является русский язык, а не язык, совпадающий с этнической идентичностью индивида. Аналогичная ситуация сложилась и среди коренных народов Нового Света, говорящих в подавляющем большинстве на английском, французском, португальском или испанском языках, за исключением некоторых арктических групп Канады, индейских общин Амазонии и аборигенных народов Центральной Америки (индейцы Гватемалы и мексиканского штата Чиapas).

Поскольку в мировой науке и в общественной практике отсутствует категория «национальный язык» и поскольку политические и этнические нации многоязычны, данное понятие целесообразно заменить более адекватным: в отношении гражданских (политических) наций операциональными являются понятия «государственный язык» и «официальный язык», а в отношении этнических групп существуют понятия «этнический язык» или «язык национальности». Последнее — как компромиссный вариант, учитывающий отечественную практику использования термина «национальность».

О СТАТУСЕ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

Принцип федеративного устройства государств, а тем более федерализма с этнической асимметрией, когда некоторые федеративные составляющие (регионы, штаты, провинции) имеют статус этнотерриториальных автономий, многими критикуется. Особой критике подвергается «этнический федерализм» в России¹. При этом звучат заявления, особенно со стороны шовинистически настроенных политиков, что республики как субъекты Федерации с некоторыми особыми правами и стату-

¹ *Тощенко Ж.Т.* Этнократия. История и современность (Социологическое очерки). М.: РОССПЭН, 2003.

сом являются неудачным наследием советского режима и что это положение должно быть исправлено через упразднение республик или же их радикальную реорганизацию с учетом демографии и ареала проживания представителей той или иной национальности. На этот счет есть возражения.

Этнический федерализм (крайне условный термин) не является сугубо советским изобретением. Все крупные страны с культурно сложным населением являются федерациями, а их внутренние административные границы учитывают этнический или языковой фактор (кроме США и Германии). В некоторых странах давно существуют внутренние этнотерриториальные автономии в виде районов или округов (в Китае), кантонов (в Швейцарии), федеративных округов (в Бельгии), провинций (в Испании и Канаде) и т.д. Почти все эти образования имеют особый статус, по крайней мере, особый языковой статус (например, закон о французском языке в Квебеке или статус каталанского языка в статуте испанской провинции Каталония и баскского языка в конституции провинции Страна Басков)¹. Кроме того, в царской России также был накоплен опыт внутренних автономий и языкового регулирования, а советский опыт национально-государственного строительства был признан мировым сообществом одним из успешных вариантов этнокультурного и языкового развития многоэтнического населения крупного государства².

С образованием новой России старый федерализм с республиками и автономными областями и округами обрел новое содержание, но его суть осталась: это форма внутреннего самоопределения для большинства нерусских народов, со-

¹ Тишков В.А. Политика двуязычия в Канаде // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 1977. С. 207–224.

² Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011; Hirsch Fr. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell U. Press. 2005.

хранивших более или менее компактные ареалы проживания и отдельные традиции государственности или самоуправления. Довольно существенные новации были внесены и в постсоветскую языковую политику по части правового статуса нерусских языков после придания русскому языку статуса общегосударственного. По региональному (республиканскому) законодательству 35 языков обрели статус официальных языков в республиках даже тогда, когда говорящие на них этнические группы не составляли большинства населения, а в ряде случаев были своего рода «двойными меньшинствами» (меньшинством среди преобладающих групп региона, как, например, в Адыгее, Башкирии, Карелии, автономных округах). Это сыграло важную роль в сохранении языкового разнообразия и обеспечении межэтнического мира.

Большинство носителей нерусских языков в современной России имеют возможность изучать свой язык и обучаться на нем, а также получать государственные услуги и информацию на территории российских республик, автономных округов и в крупных городах страны. Это важный аргумент в пользу сохранения нынешнего российского федерализма, включая существование республик и автономных округов. Языковая ситуация в нашей стране имеет некоторую специфику прежде всего по части ее экспертного и политического оформления. Многие россияне родились и выросли в этнически смешанных семьях и часто владеют в равной мере языком матери и отца; многие, вырастая в одной языковой среде, затем, во время учебы, воинской службы, работы и т.д., оказываются в другой среде. Поэтому два или три языка используют миллионы соотечественников.

По данным переписи населения 2010 г., жители России владеют 230 языками, из которых 170 — языки российских национальностей или их отдельных групп. У марийцев и у мордвы по два отдельных языка, у андо-цезских народов, входящих в аварскую нацию, около дюжины сохранившихся языков. Есть так называемые одноаульные языки, когда одно-два горных селения в несколько сот человек веками сохраняют свой «сельский» язык и при этом владеют языками более

многочисленных групп, а также русским языком. Среди малочисленных северных народов есть языки, на которых говорят сегодня всего десятки человек. Однако в переписном списке языков, которыми владеют жители страны, включены языки временных жителей, а также языки, которые изучают те или иные профессионалы и любители. Так, в списке присутствуют африканские и прочие экзотические для российского населения языки. Но даже уменьшенная цифра требует критического анализа. Рост численности этнических категорий населения России был вызван не только более свободным волеизъявлением по части этнокультурного самоопределения, но и этническим лоббированием, увеличением числа иммигрантов и коррективами в проведении переписи¹. В итоге в списке российских народов присутствуют те, которые не обладают отдельным языком, если только его не изобретают активисты и эксперты-романтики (например, ассирийцы, бессермяне, казаки, камчадалы, кряшены, поморы, сойоты).

Кроме того, имеет место утрата знания языка, особенно ассимилированными потомками давних переселенцев или автохтонных жителей Российского государства (например, присутствующими в списке российских народов голландцами, датчанами, российскими немцами, шведами, французами, японцами). Их далекие предки перешли на русский язык, а старые языки были забыты. В целом, в Российской Федерации бытует около полутора сотен языков, но и это, конечно, много.

По моему мнению, среди языков под угрозой исчезновения нет большинства тех российских языков, которые названы в Атласе ЮНЕСКО. Чеченский, якутский, тувинский, бурятский и другие — это мощные языки со своей письменностью, литературой, фольклором и даже с местной бюрократией по обеспечению «национального языка» и «национального образования» в соответствующих республиках. На основе данных переписи 2010 г. можно выделить категорию мажоритарных

¹ Этнография переписи — 2002 / Под ред. Е.И. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: ОАО «Авиаиздат», 2005.

этнических и языков (30 групп с численностью более 50 тыс. человек) — это народы, которые имеют этнотерриториальные автономии и языки которых получили официальный статус наряду с русским государственным. Данные переписи населения 2010 г. свидетельствуют, что степень владения языком среди нерусских народов, имеющих этнотерриториальные автономии в виде республик, высокая: от 37% у карел до 99% у чеченцев от численности проживающих в республиках титульных групп. Число носителей этих языков достаточно большое: от 17 тыс. у карел и 38 тыс. у хакасов до 1,2 млн. у чеченцев.

Степень сохранности и использования языка определяет не только демографией (чем больше группа, тем выше среди нее процент знающих этнический язык), но и характером расселения. Чем менее дисперсна группа и чем выше ее доля в населении «своей» республики, тем лучше владение, шире использование и благополучнее положение нерусского языка. Решающее воздействие на языковую ситуацию оказывают сам факт существования автономии и конституционное признание официального статуса языка (или нескольких языков) наравне с русским.

Далеко не последнюю роль играет и исторический фактор, а именно: насколько давно произошла интеграция территории основного проживания этнической общности в состав Российского государства и насколько масштабно было присутствие русских на территории республики. Например, дисперсно расселенная и 400 лет тому назад интегрированная (в том числе обращенная в православие) в состав России мордва отличается от чеченцев и аварцев, которые вошли в состав Российской империи гораздо позднее, расселены более компактно, поголовно исповедуют ислам, среди них гораздо выше рождаемость.

В прошлом десятилетии аварцы и чеченцы оказались в первой десятке самых многочисленных национальностей страны, сохранив компактное проживание на территории своих республик. Степень владения этническим языком среди этих двух и других народов Северного Кавказа высокая (от 70% у адыгейцев до 99% у чеченцев, проживающих в соответствующих республиках). Даже 14 лет коллективного изгнания и ликвида-

ция автономий не изменили языковые установки представителей чеченцев и других подвергшихся сталинским депортациям этнических групп. В то же время депортации и проживание за пределами исторической родины способствовали овладению русским языком народами Северного Кавказа. В этом отношении они не уступают более интегрированным с исторической точки зрения нерусским народам Поволжья и Сибири.

Иначе говоря, среди российских национальностей существуют общности, которые почти целиком являются двуязычными. На первом месте здесь аварцы и чеченцы. В эту же группу входят даргинцы, лезгины, карачаевцы, балкарцы, осетины, черкесы, кабардинцы и другие. Примечательно, что двуязычие у большинства северокавказцев не в пользу этнического языка: число владеющих русским выше, а если считать тех, кто живет за пределами «своих» республик, то его знание и использование выше, чем языка своей национальности. Например, среди дагестанских чеченцев (аккинцев) владеют чеченским 64,6% и русским — почти 100%.

Ниже уровень владения этническим языком среди народов Поволжья и Сибири (кроме тувинцев, татар и якутов: 96,7%, 92,4% и 86% соответственно). Самые обрусевшие в языковом отношении после карел — калмыки, удмурты, мордва, марийцы. Но и среди этой части россиян носителей этнического языка десятки тысяч, и об угрозе исчезновения языков речи быть не может. Это не случится в среднесрочной исторической перспективе.

МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ

В таблице 2 представлены 60 миноритарных групп (мее 50 тыс. человек) и зафиксированное переписью 2010 г. число носителей этнического языка. Эти данные требуют коррективов относительно некоторых малочисленных народов Дагестана. Аварское и даргинское доминирование в Дагестане проявляется и в том, что группы аваро-андо-цезских и лезгино-язычных народов включаются в качестве этногра-

фических групп в состав аварцев или даргинцев. На протяжении нескольких советских переписей представители этих малых народов переписывались местными организаторами переписей или же люди сами называли себя аварцами или даргинцами, как бы отказываясь от своей малой группы.

Судя по последним переписям, такая практика сохраняется в арсенале местной политики. Возьмем, к примеру, арчинцев, язык которых принадлежит к лезгинской языковой группе. В первой советской переписи 1926 г. было зафиксировано 863 представителя этой национальности, затем арчинцы исчезли. В 2002 г. арчинцами назвали себя 89 человек, в 2010 г. — 12 человек (причем проживающих за пределами Дагестана). Между тем, по данным дагестанских этнографов, численность арчинцев составляет около 5 тыс. человек. Становится понятным, почему почти 1 тыс. дагестанцев в 2010 г. показала знание арчинского языка. Конечно, необходимы меры по сохранению этого языка, в частности преподавание его в начальных классах школ в селах проживания арчинцев. Но следует также учитывать, что в условиях длительного совместного проживания и доминирующего в республике аварского языка арчинцы подверглись языковой аваризации. Многие из них владеют аварским или даже перешли на аварский либо на русский язык. Иными словами, знающие этнический язык арчинцы являются трехязычными, а утратившие его — двуязычными. Сложным является и их самосознание: в этническом плане арчинское и аварское, в региональном — они считают себя дагестанцами, в общегражданском — россиянами.

Еще один малый дагестанский народ андийской группы — багвалинцы (или багулалы). По переписи 1926 г. их было 3054 человека, переписи 2002 г. — 40 и переписи 2010 г. — 5 человек (и опять за пределами Дагестана). Но последняя перепись показала, что знают этот этнический язык почти 1.5 тыс. дагестанцев. Ясно, что это автохтонные носители, а не выучившие язык ради любопытства некие чужаки. Следовательно, жив и язык, и соответствующая этническая общность.

Багулалы сильно аваризированы в языковом отношении и, возможно, почти все предпочли назваться в переписи аварцами, если только над ними не было совершено некое административное насилие или идеологическое воздействие. Багулалы не являются «статусным» народом в республике, и в местных условиях всякое продвижение по жизни по этой причине может столкнуться с трудностями. В статистике нет данных о носителях кайтагского языка, а относительно числа самих кайтагцев приводится цифра 7 человек, хотя, по этнографическим и лингвистическим источникам, их число достигает 25 тысяч¹. Кайтагцы и их язык не могли просто так исчезнуть с мировой карты. Совершенно необъяснимы данные, касающиеся чамалалов, компактно проживающих в Цумадинском районе Дагестана и в других районах республики, а также в Чечне. Специалисты считают, что численность этого народа составляет около 10 тыс., в том числе 7 тыс. проживают в Дагестане и 2 тыс. в Чечне. В переписи 2010 г. 19,5 тыс. человек указали, что владеют чамалинским языком. Почему же только 24 человека называли себя чамалинцами? Это вопрос явно не для научного анализа, а для анализа процедуры переписи. Аналогичная картина с хваршинами, народом цезской группы, численность которого, по оценкам этнографов, около 2,5 тыс. человек, а в переписи указаны 527 человек и 1737 человек, владеющих хваршинским языком. Если представителей этой группы в реальности насчитывается хотя бы 2–3 тыс. и половина их знает свой этнический язык, то считать этот народ и его язык вымирающими опрометчиво. В переписи не указано число знающих тиндинский язык, хотя, по оценкам специалистов, число тиндалов (тиндинцев) — 8,5–10 тысяч². Налицо явное занижение численности тиндалов (635 человек), проживающих в основном в Цумадинском районе Дагестана.

Таким образом, уникальная этническая и языковая мозаика Дагестана отягощена политическими установками и стрем-

¹ Алимova Б.М. Кайтаги // Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. С. 321–334.

² Там же, с. 214, 222, 273.

лением свести население к официально установленным 14 местным нациям, между которыми делятся властные позиции, престижные места и некоторые другие ресурсы. Происходит аваризация и даргинизация почти 20 народов, которым фактически отказано в признании в качестве самостоятельных общностей. Этот процесс зашел далеко, но в языковой сфере предпочтительней остается трехязычие: местный этнический язык (его еще называют «сельским»), аварский или даргинский (последний для кайтагцев и кубачинцев) и русский язык. Если вести речь о языках Дагестана, действительно находящихся под угрозой исчезновения, то это ахвахский, ботлихский, годоберинский, гинухский, кайтагский, каратинский, кубачинский, тиндальский. Носители остальных малых языков исчисляются сотнями и даже тысячами и к категории исчезающих их языки отнесены быть не могут. Что касается 14 крупных народов Дагестана, которые пребывают вместе со своими языками в официальном статусе, можно говорить о поддержке и развитии их языков, об обучении и пользования ими наряду с русским языком.

Особая история с малочисленными народами Севера и Сибири, которые в отличие от малых народов Дагестана имеют особый правовой статус, закрепленный Федеральным законом «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Российской Федерации». Следует признать, что около 20 языков этой группы находятся в критической ситуации из-за крайней малочисленности носителей языка и их преклонного возраста. К таким языкам только условно можно отнести алеутский (45 носителей), ибо этот язык знают еще около 450 алеутов США, где после принятия в начале 1970-х годов законов о правах аляскинских аборигенов введено двуязычное школьное обучение¹, водский (68 человек, знающих язык), ижорский (123), камчадальский/ительменский (82), керекский (10 знающих при наличии 4 кереков), кет-

¹ Русский язык в России и странах СНГ / Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. М.: Наука, 2007. С. 181.

ский (213), нганасанский (125), орокский (47), ороцкий (8), тофаларский (93), тубаларский (229), удэгейский (103), ульчский (154), чулымский (44), энский (43), юкагирский (370). Таким образом, 15 языков малочисленных народов Севера и Сибири пребывают в опасном состоянии возможного исчезновения, но зачислять языки этой группы народов в категорию исчезающих было бы ошибкой.

ЯЗЫК ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

Каждая национальная (страновая) ситуация различается степенью распространения и использования языков, а также государственной политикой, которая проводится по отношению к языкам. В Российской Федерации с ее многообразием языков накоплен уникальный опыт «языкового строительства» в советский период и налицо постсоветские правовые и другие инициативы по признанию и поддержке больших и малых языков. И все-таки — когда можно говорить о языке нации не только как о государственном языке, но и как о языке всеобщего знания и общения? Такая постановка вопроса в отношении русского языка в России вполне правомерна, чего, кстати, нельзя сказать о многих других странах с культурно сложным составом населения.

Согласно переписи 2010 г., в России 99,4% постоянного населения владеют русским языком. Это свидетельствует о высокой степени ассимиляции в пользу русского языка и (или) о распространении двуязычия среди нерусских. Некоторые политики и специалисты считают это явление негативным, своего рода предательством по отношению к языку своей национальности. Их аргумент: «умер язык — умер народ». Но есть право человека и право родителей на выбор языка для себя и для своего ребенка, который делается не просто из идеологических соображений или под влиянием эмоций, представлений, но и из практических, рациональных расчетов.

Обычно выбирается язык, на котором говорит большинство жителей страны и который обладает официальным статусом, и потому, зная его, легче добиться жизненного успеха. Как пишет Е.И. Филиппова, «конкурировать с языком-кормильцем, языком “ремесла и хлеба”, открывающим доступ к социальному росту и к лучшей, более обеспеченной жизни, сложно, если не невозможно»¹. Известно, что эмигранты из России если не первого, то второго поколения переходят на язык принимающей страны. Ревнителями сохранения «родного языка» это редко когда осуждается и в отличие от аналогичной ситуации смены языка внутри своей страны рассматривается как норма языкового поведения.

В России доминирующим всегда был и остается русский язык. Многоэтничный российский народ способен общаться на одном языке, и это можно назвать языковым единством российской нации, а русский язык — языком нации или национальным языком. Во многих случаях это не просто владение русским языком, а полный или частичный переход на русский язык как второй родной или как единственный родной. Это важно знать и признавать как норму, а не как аномалию. Благодаря преимущественно добровольному выбору в современной России нерусские народы используют русский язык в большей степени, чем язык соответствующей этнической принадлежности гражданина. Самый низкий уровень владения этническими языками — среди белорусов (24%), украинцев (35%), бурят (45%). Утратили знание этнических языков многие представители народов, которые давно пребывают в составе Российского государства и среди которых распространено православие. Это поволжские народы (мордва, марийцы, удмурты), из северокавказских групп самая большая языковая ассимиляция в пользу русского — у православных

¹ Филиппова Е.И. Предисловие. Судьба языков в глобализующемся мире // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / Отв. ред. и пер. с франц. Е.И. Филиппова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2013. С. 7.

осетин, кабардинцев и адыгейцев. На русский язык в качестве первого языка перешли малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также представители тех национальностей, которые живут в городах (евреи, цыгане, российские немцы и другие).

Самое важное в проблеме смены языка в пользу русского — это добровольность и преимущества, которые получает гражданин, свободно владеющий им с самого детства. Здесь важно не только признать право на смену языка и на указание двух родных языков, но и поощрять русско-этнонациональное двуязычие. Признание права на родное двуязычие снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками. Для России это особенно важно, ибо большинство нерусского населения владеет в равной степени русским и своим этническим языком или даже в большей степени русским. К сожалению, реальное распространение русского языка как родного не находит отражения в переписях и в исследованиях.

Язык имеет огромное значение для государства и для того народа, который объединен под его суверенной властью. Государство — это прежде всего институты, бюрократия, армия, тексты законов, технические инструкции и т.д. Конечно, лучше, дешевле и даже безопаснее, если в государстве говорят на одном языке — языке большинства населения. Ясно, что армейские приказы и технические регламенты электростанций и реакторов должны быть изложены на одном языке. Язык демографического большинства, а в редких случаях язык политически господствующего меньшинства устанавливается в качестве государственного (официального) языка. В нашей стране по Конституции и по принятому в 2005 г. Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» им является русский язык, который находится под защитой в разных сферах его использования, в частности, в средствах массовой информации, коммуникации, рекламе, оформлении вывесок, документов.

Отечественная система языков представляет собой оригинальный вариант отечественной языковой хартии в отличие от европейской языковой хартии. В целом в России сочетаются две выдающиеся языковые ипостаси. С одной стороны, наша страна обладает уникальным, сохраняющимся и поддерживаемым государством языковым разнообразием, с другой стороны, несет перед миром и самой собой ответственность за свой национальный язык — русский, без которого невозможно представить мировую культуру.

ОФОРМЛЕНИЕ ЗАКОНОМ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

В постсоветский период на федеральном и региональном уровнях развивалось законодательство в сфере защиты языков. Одним из последних правовых актов, принятым Верховным Советом РСФСР в преддверии распада СССР, был Закон «О языках народов РСФСР», а также Декларация о языках народов России. Российская Федерация подписала и ратифицировала международные конвенции, которые связаны с вопросами защиты национальных меньшинств, в том числе их языков. Это Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств, Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.). В силу этих обстоятельств Россия в своей политике следует международно-признанным подходам и рекомендациям. Однако в постсоветской России сложилась во многом исключительная языковая ситуация. Конституция определяет, что государственным языком на всей территории страны является русский язык. Русский язык в России выступает как основное средство коммуникации в персональном и общественном планах. Владение русским языком обеспечивает гражданину вне зависимости от его этнической принадлежности на всей территории России социальную адаптированность и профессиональную конкурентоспособность, предоставляет возможности получения высшего

образования и приобщения к общероссийским и мировым культурным ценностям. Одновременно Конституция признает за российскими республиками право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации. Статусом государственных языков наделены 23 языка в 19 республиках. Их статус закреплён конституциями республик и региональными законами о языках. Конституция гарантирует также право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Кроме того, указаны право на пользование родным языком, право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Как видно, вопросы, касающиеся правового статуса государственных языков республик, затрагивают конституционные права как граждан — носителей соответствующего государственного языка республики, в том числе проживающих за пределами данной республики, так и граждан, проживающих в ней и не владеющих этим языком. Для снятия возможных противоречий Конституция определяет предметы ведения Российской Федерации и совместного ведения, за пределами которого субъекты Российской Федерации осуществляют собственное правовое регулирование. К ведению Российской Федерации Конституция относит регулирование прав и свобод человека и гражданина, а значит, прав в языковой и образовательной сферах, и установление основ федеральной политики в области культурного и этнонационального развития. Таким образом, федеральный законодатель вправе устанавливать основы правового регулирования языков народов Российской Федерации, включая вопросы языковой политики.

В региональных законах в большинстве республик русский язык определялся не как язык государства — Российской Федерации, а как «государственный язык» региона, занимая при этом вторую по значимости позицию. Так, в Законе Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татар-

стан и других языках в Республике Татарстан» правовое положение языков определялось так: «государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки». Аналогичные формулировки содержались в законах республик Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия и др. Русский язык в региональных законах не рассматривался в своем самостоятельном федеральном статусе и в таком толковании имел фактически статус регионального государственного языка, имеющего вспомогательные функции.

Данные переписи 2002 г. дали представление о развитии языков в 1990-е годы. Русским языком в России владело 98,2% населения. Еще на 38 языках говорило 23% населения, а 114 языков были распространены лишь среди 1% населения. Перепись 2010 г. показала фактически всеобщее знание русского языка (99,4%). Более всего в стране людей, говорящих по-татарски (5,3 млн) и по-башкирски (1,4 млн). Заметно распространено в России знания украинского языка, о владении которым заявило 1,8 млн. чел. Далее по количеству носителей следуют языки чеченский, чувашский, армянский, аварский и т.д. Вместе с тем численность знающих украинский язык заметно ниже тех, кто назвался в ходе переписи украинцем. Это проявляется и в отношении других языков: меньше примерно на четверть тех, кто владеет удмуртским языком, нежели удмуртов, меньше владеющих мордовскими языками по сравнению с теми, кто причисляет себя к мордве. Аналогичным образом (примерно на 20%) меньше людей заявило, что знает языки чувашский, башкирский, армянский. В то же время невелики расхождения при самооценке населением владения языками даргинским, чеченским, аварским, татарским.

За постсоветские десятилетия языковая ситуация в республиках заметно изменилась. Это вызвано введением обязательного изучения в общеобразовательных учреждениях республиканских государственных языков и оттоком русскоязычного населения из некоторых республик, в частности из республик Северного Кавказа, Тывы, Якутии. В общеобразовательных учреждениях по блоку гуманитарных дисциплин язы-

ками обучения являются 28 языков народов России. Из них 16 являются языками обучения на ступени начального общего образования, два языка — на ступени основного общего образования и 10 языков — на ступени среднего (полного) общего образования. Таким образом, наиболее распространенные языки в регионах обеспечивают образование на всех этапах школьного образования. В старших классах школы языками обучения являются: алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, якутский, юкагирский. Кроме того, на 7 языках национальных меньшинств (армянском, азербайджанском, грузинском, казахском, эстонском, польском, немецком) в некоторых школах осуществляется изучение предметов гуманитарного цикла. В качестве учебного предмета в школах России изучается еще 43 языка.

В некоторых республиках действовали законы, на основании которых в образовательные программы введено обязательное изучение республиканского государственного языка как учебного предмета. Исходя из этого, разрабатывались учебные планы для общеобразовательных учреждений. По отдельным положениям они нередко входили в противоречие с федеральными базисными учебными планами. Как следствие, возникли жалобы граждан в государственные органы власти и судебные инстанции. Выражалось недовольство тем, что в общеобразовательных учреждениях сокращено количество часов на изучение русского языка и увеличено количество часов на изучение государственного языка соответствующей республики. Наибольшее количество обращений поступало от населения Башкортостана и Татарстана.

В последние годы этот перекося в системе образования начал исправляться. Принятые в 2018 г. поправки к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» содержали следующие положения: «Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального общего и основного общего образования обеспечивают возможность получения образования на родных языках из числа языков

народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка». Как следует читать эти основополагающие тексты? Однозначно только как у каждого народа и тех, кто его составляет, есть свой родной язык, в том числе и у русского народа есть свой родной русский язык. Моя позиция заключается в том, что в случае использования категории «родной язык» под ней следует понимать материнский (точнее — родительский) язык или же основной язык знания и общения (первый язык)¹. Данный вопрос имеет не только академическое значение, ибо практика фиксации распространенности того или иного языка только по числу их носителей определенной национальности ведет к серьезным искажениям реальной языковой ситуации в том или ином сообществе, а отсюда — к неадекватной, зачастую — репрессивной, политике в отношении того или иного языка и его носителей.

Напомним аргументы этнического национализма в языковом вопросе об обязательной норме соответствия «этнос и язык»: у каждого этноса есть свой язык, и этот язык и есть родной язык т.н. *этнофора* (представителя этнической общности)². Именно подобные установки и неадекватная статистика позволили сделать русский язык «наказанным языком», сведя его к статусу языка меньшинств, хотя в реальности и в рамках других подходов это был язык большинства, по крайней мере, в доброй половине республик бывшего СССР к моменту их образования в качестве независимых государств. Все это в прошлом, но вопрос об официальном двуязычии остается в повестке дня ряда стран бывшего СССР.

¹ См.: Тишков В.А. Языки нации / Вестник Российской академии наук, 2016, том 86, № 4, с. 291–303; Он же. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик/ Полис. 2019. № 3, с. 127–144.

² См.: Словарь этнолингвистических терминов. Отв. ред. М.Ю. Михальченко. М., 2006; Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник». 2016.

В нашей книге мы обращаемся к вопросу о реальном функционировании русского языка на территории Российской Федерации. Нас интересует прежде всего знание и использование русского языка населением страны. А вот здесь и кроется существенная проблема в расхождении используемого и трактуемого наукой и практикой категориального аппарата и реальной языковой ситуацией. Кстати, нынешние исследователи призывают различать понятия «этнический язык» и «родной язык» и предлагают считать последним не только язык этноса, но и родительский (первый выученный) язык или же «язык, постоянно употребляемый индивидом в повседневном общении, или язык, имеющий для индивида наибольшую коммуникативную значимость»¹.

Если исходить из многозначного понимания родного языка, то возникает еще одна проблема: может ли человек иметь больше одного родного языка и следует ли это признавать на уровне закона и процедуры? Современная наука выступает за возможность «родного многоязычия». Приведем пример русско-украинско-молдавского многоязычия в Приднестровье, когда респонденты, владеющие тремя языками и меняющие язык при повседневном общении, при ответе на вопрос о родном языке в ряде случаев называют родными все три языка повседневной коммуникации. Что касается российской ситуации, то здесь полное двуязычие и трудность в определении единственного языка в качестве родного существует во многих регионах, а также среди выходцев из российских республик, проживающих за их пределами. Таким образом, мы делаем вывод, что отказ от связки «родной язык — язык этноса», а также признание возможности определять в качестве родного более одного языка существенно меняют картину языковой ситуации в России прежде всего в пользу большей распространенности русского языка в качестве основного (первого) языка, а также в пользу ряда т.н. титульных языков в тех регионах, где эти языки обладают высокой степенью жизне-

¹ Язык и общество, с. 601.

способности (например, татарский язык в Татарстане). В этой коррекции нет политико-идеологической подоплеки, и даже наоборот — она направлена на ослабление идеологической ангажированности, которая имеет место в языковой политике нашей страны.

Ситуация запутанности наблюдается и в случае использования категории «национальный язык», ибо здесь далеко не все однозначно с точки зрения науки и общественно-политического дискурса. Отечественные словари и социолингвистические трактаты придерживаются дефиниции, что это язык нации в его литературной и устной форме со всеми возможными региональными вариантами (диалектами и говорами). Бытовое понимание национального языка подразумевает язык народа, язык этнической общности. В Российской Федерации общераспространенным является понимание русского языка как национального языка русского народа, как государственного языка Российской Федерации и как языка межнационального общения. Еще чаще термин «национальные языки» используется в отношении языков нерусских народов. Однако если обратиться к новейшему изданию «Большой российской энциклопедии», то обнаруживаем более адекватное описание этой категории: национальный язык — это язык гражданской нации, существует в устной и письменной формах и формируется на базе языка одной из этнических общностей, участвующих в формировании нации, одновременно со становлением самой нации.

Как правило, нация имеет общий язык, но составляющее ее население может говорить на многих языках. Однако возможно существование двух и более национальных языков у одной нации, например, в Люксембурге таковыми являются люксембургский, французский и немецкий. Три национальных языка имеют швейцарцы. У канадской нации два национальных языка: английский и французский. Не менее часты ситуации, когда две или более нации имеют один национальный язык, например, в США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии — английский язык, большинство латиноамерикан-

ских наций используют испанский язык. Могут быть случаи, когда при языковом множестве и отсутствии языка доминирующей общности, в государстве трудно определить национальный язык. Однако в этом случае языком государственного общества может быть избран язык бывшей метрополии, как, например, это было в Индии, пока к английскому языку не был добавлен язык хинди как язык наиболее многочисленной этнической общности этой страны. *Национальный язык сообщества по государству, как правило, является его государственным или официальным языком.* В этом контексте рассмотрим положение русского языка в России, т.е. не только как языка русского народа, но и как национального языка российской гражданской нации.

Благодаря преимущественно добровольному выбору в современной России население использует русский язык в большей степени, чем язык соответствующей этнической принадлежности гражданина. Самый низкий уровень владения этническими языками — среди российских белорусов (24%), украинцев (35%), бурят (45%). Утратили знание «единственных» родных языков языки многих представителей народов Российского государства, например, карелы, мордва, удмурты, калмыки, из северокавказских групп — осетины, кабардинцы, адыгейцы. На русский язык в качестве первого языка перешли большинство представителей КМНС, а также более урбанизированных национальностей (украинцы, белорусы, евреи, цыгане, российские немцы и другие).

Самое важное в проблеме смены языка в пользу русского — это добровольность и преимущества, которые получает гражданин, свободно владеющий им с самого детства. Здесь важно не только признать право на смену языка и на указание двух родных языков, но и поощрять русско-этнонациональное двуязычие. Признание права на родное двуязычие снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками. Для России это важно, ибо

большинство нерусского населения владеет русским и своим этническим языком и даже в большей степени русским.

К сожалению, реальное распространение русского языка в качестве родного языка не находит должного отражения в переписях и в исследованиях. Язык имеет огромное значение для государства и для народа, который объединён под его суверенной властью. Государство — это прежде всего институты, бюрократия, армия, тексты законов, технические инструкции и т.д. Конечно, лучше, дешевле и даже безопаснее, если в государстве говорят на одном языке — языке большинства населения. Ясно, что армейские приказы и технические регламенты электростанций и реакторов должны быть изложены на одном языке. Язык демографического большинства, а в редких случаях язык политически господствующего меньшинства устанавливается в качестве государственного (официального) языка.

Во время Всероссийской переписи населения 2010 г. из 142,9 млн. жителей страны сведения о знании языков дали не все, но большинство — 138,3 млн чел. Из них о незнании русского языка заявили 0,8 млн, т.е. 0,6%. А о том, что владеют русским языком, сказали 137,5 млн, или 99,4%. Та же распространенность владения русским языком подтверждена микропереписью 2015 г., аналогичной была и по итогам переписи 2002 г. — 99,2%. Таким образом, 99% населения России владеет русским языком. При этом русские составляют 80,9%, русский язык полагают своим родным 86%, а 19,6 млн чел., или 14% населения, при переписном опросе заявили, что у них другие родные языки. Это свидетельствует о высокой степени лояльности к русскому языку, распространении двуязычия или полном переходе на этот язык, а также, что особенно важно, свидетельствует о множественной языковой ситуации, при которой русский язык наряду с этническими языками является родным для разных групп населения.

За всеобщими для страны цифрами доминирования русского языка стоят региональные различия его фактического использования. Микроперепись населения 2015 г. установила, что если в большинстве российских регионов повседневно

но используют русский язык 98–99% населения, то в Коми, Карачаево-Черкесии и Мордовии русский язык используют 95–97% жителей, в Северной Осетии, Республике Алтай, Марий Эл — 91–93%, Кабардино-Балкарии, Татарстане, Башкортостане — 88–90%, Чувашии — 82%, Ингушетии, Дагестане, Якутии — 70–73%. Самый низкий уровень использования русского языка населением в Чечне — 66% и Туве — 58%.

При географической неравномерности распространения всеобщность русского языка проявляется в тенденции перехода к бытовому одноязычию. Хотя в России значителен уровень формального двуязычия, поскольку 18% населения, т.е. миллионы людей, владеют двумя и более языками. Однако из них только половина использует эти языки для общения. Приведенные цифры показывают, что при многоязычии населения реальное функционирование языков в России характеризуется заметно меньшим разнообразием. Таким образом, *многоэтничный российский народ общается на одном языке, и это следует назвать языковым единством российской нации, а русский язык — языком нации или национальным языком.* Это важно знать и признавать как норму.

ГЛАВА 16

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП: КОНЦЕПЦИЯ 1996 ГОДА

В Концепции государственной национальной политики 1996 г. была дана оценка ситуации в области межнациональных отношений и сказано, что на государственном уровне нужны новые концептуальные подходы к выработке и проведению национальной и федеративной политики. Обновленная политика позволит преодолеть кризис, вызванный распадом СССР и негативным наследием прошлого, достичь межэтнического мира и согласия, сохранить целостность страны. В Концепции были определены принципы государственной национальной политики. На основе этих принципов выстраивалась деятельность органов исполнительной и законодательной власти, создавалась правовая база на федеральном и на региональном уровнях. Правительству Российской Федерации и органам государственной власти субъектов федерации рекомендовалось разрабатывать и финансировать федеральные и региональные программы развития и сотрудничества народов, содействовать освещению этнонациональных проблем

в СМИ и распространению знаний об истории и культуре народов России, вести подготовку кадров государственных служащих в области национальной политики.

В Концепции 1996 г. использовались понятия *народы, национальности, этнические (национальные) общности* как синонимы, а не как жесткая иерархия, существовавшая в прошлом доктринальном языке. Понятие *нация* употреблялось в двух значениях: как политическая (гражданская) нация и как культурная, или этнонация. Концепция на тот момент не вводила категорию гражданской российской нации, но она ограничивала этническое понимание нации своим предпочтением использовать такие достойные понятия, как народы или национальности. Более того, концепция делала уступку в пользу этнического понимания термина *народ*, хотя его наиболее распространенное значение — это общегражданская общность, население страны. В Концепции *под понятием народ имелось в виду общность людей, члены которой разделяют общие название и элементы культуры, имеют общие происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности. Среди этих признаков определяющую роль играет самосознание.*

Концепция более глубоко трактовала понятие *самоопределения как формы обеспечения права гражданских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей национального и культурного развития, форм политического управления.* Самоопределение в рамках многоэтнических государств осуществляется в двух основных формах: внутренних территориальных образований и экстерриториальной национально-культурной автономии. Поэтому существование республик в составе Российской Федерации признается формой внутреннего самоопределения. Дальнейшее развитие федерализма и взаимоотношений с федеральным Центром формулируется как одна из задач государственной национальной политики федерального и республиканского уровней.

Второй формой самоопределения Концепция определяла экстерриториальную национально-культурную автономию. Ее

субъектом могут быть любые этнокультурные общины независимо от территории расселения и статуса. Это прежде всего право на отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнокультурной принадлежности и самосознания. Предусматривалась возможность, помимо образовательно-культурной деятельности любого уровня, культурно ориентированной предпринимательской деятельности, права коллективной собственности и самое важное — право на особые формы политического представительства и законодательную инициативу. В Концепции проводился принцип гражданского равноправия и равных прав всех народов, но отмечалась историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России, независимо от национальной принадлежности, способны реализовывать свои возможности и права в общероссийском пространстве. Концепция тем самым не ориентировала на изоляционизм, поддерживала этническое многообразие страны через развитие не только отдельных культур, но и многокультурности, двуязычия и многоязычия. Концепция ставила определенные ограничители для местных этнократий и нарушений прав человека на основе этнической дискриминации. Республики вправе определять свои хозяйственные, политические и культурно-языковые параметры жизни, но их государственность не есть исключительная собственность какого-то одного народа, и она существует от имени и для всех граждан территориальных сообществ.

В поле зрения исполнительной и законодательной власти были и проблемы русского народа¹. В Концепции государственной национальной политики было обозначено место русского вопроса в истории страны. В ней было сказано, что благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность

¹ Об этом см.: Зорин В.Ю., Вдовин А.И., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. М.: Русский мир, 1998.

и союз различных народов. Отмечено, что межнациональные отношения в стране во многом будут определяться самочувствием русского народа — опоры российской государственности. В этой связи потребности и интересы русского народа должны находить отражение в федеральных и региональных программах этнокультурного развития, учитываться в политической, экономической и культурной жизни республик.

К проблеме русского народа примыкала проблема казачества. В 1920–1930-е гг. это сословие было упразднено советской властью, подверглось репрессиям. Закон РСФСР 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов» касался в том числе и реабилитации казачества. В 1995 г. вышел Указ Президента Российской Федерации «О государственном реестре казачьих обществ», побудивший казачьи организации вырабатывать уставы для того, чтобы попасть в этот реестр. Во второй половине 1990-х гг. стали приниматься новые постановления и указы, касающиеся целевых земельных фондов, казачьей формы, чинов и финансирования казачьих организаций. Политика в отношении казачества вызывала дискуссии главным образом на Северном Кавказе. Но были найдены неконфликтные формы работы, в первую очередь на уровне местного самоуправления. Они позволили улучшить этнополитическую ситуацию в Ставропольском и Краснодарском краях, Ростовской, Астраханской и Волгоградской областях.

Выборы парламента — Федерального Собрания Российской Федерации в декабре 1993 г. открыли новую страницу в истории многонациональной России. На законодательном уровне в обеих палатах — Государственной Думе и Совете Федерации, в соответствующих комитетах и комиссиях стали подниматься проблемы межэтнических отношений, проводиться парламентские слушания по национальной проблематике¹.

¹ Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных думах России: Опыт законотворчества. М.: Русский мир, 1999. С. 314-316.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ

Вопрос о возврате в обновленной форме к институту национально-культурной автономии был поднят впервые еще в начале 1990-х годов. Это было сделано мною в ряде научных публикаций, а также в первом варианте Концепции государственной национальной политики, которая была разработана в мою бытность председателем Государственного Комитета по делам национальностей в 1992 г. Летом 1992 г. она обсуждалась на заседании Правительства РФ под председательством Б.Н. Ельцина. В ней, в частности, говорилось, что национально-культурная автономия должна стать одной из форм внутреннего самоопределения российских народов наряду с формой этнотерриториальных образований в рамках федеративного устройства. Инерция советского отторжения национально-культурной автономии как якобы отрицающей национально-государственные формы самоопределения, сказалась на позиции ряда тогдашних политиков, включая такие ключевые фигуры, как Г.В. Старовойтова и Р.Г. Абдулатипов. Тогда концепция не была одобрена.

Спустя четыре года, в 1996 г., все же был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Долгие годы третировавшаяся в СССР как идеологически вредная национально-культурная автономия (НКА), как показал мировой опыт, позволяет создавать эффективную систему удовлетворения этнокультурных и иных запросов национальных меньшинств и других компактно проживающих этнических сообществ. НКА — это модель правового регулирования национальных отношений без жесткой привязки каждой этнической общности к определенной территории. Она хорошо вписывалась в новую стратегию развития российского многонационального государства. *Национально-культурная автономия в законе рассматривается как форма национально-культурного самоопределения в виде общественного объединения граждан, относящихся к определенным этническим общностям, их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного*

решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Закон обеспечивает равноправие лиц, принадлежащих к различным этническим общностям, реализацию прав и свобод человека, связанных с его национальной принадлежностью, определяет ответственность государства в сохранении самобытности в рамках национально-культурного самоуправления. К тому же закон позитивно повлиял на переговорный процесс со странами ближнего зарубежья в решении проблем этнических россиян, проживающих в этих государствах.

После принятия закона встал вопрос о механизме его реализации. Это было связано с деятельностью 1500 национально-культурных объединений, у которых до тех пор отсутствовала поддержка со стороны государственных органов, не было координации и взаимодействия в пределах одного субъекта Федерации нескольких общественных объединений одной и той же национальности. Правовая основа закона давала механизм регулирования процессов самоорганизации граждан не только по части удовлетворения их этнокультурных потребностей, но и по части более справедливого представительства в органах власти и местного управления.

В рамках закона об НКА в субъектах Федерации принимались свои нормативные правовые акты по регламентации прав этнических групп на национально-культурное развитие. До принятия Конституции 1993 г. только республики обладали правом регламентации национально-культурного развития народов, чего нельзя было сказать о других субъектах Федерации. Это объяснялось тем, что в краях и областях преобладает русское население. По данным 1996 г., русские в среднем составляли: в областях — до 97%, в краях — до 87%. Федеральный закон об НКА подтолкнул многие субъекты Российской Федерации к принятию законов о языках, об образовании, о культуре, о национально-культурных объединениях. Среди них можно назвать все республики, а также Воронежскую, Московскую, Тюменскую, Челябинскую, Свердловскую, Оренбургскую области.

Таким образом, благодаря Закону об НКА была укреплена правовая основа в области межнациональных отношений, что позволило снять многие прежние запреты и установки, утвердить новые принципы функционирования этнокультурных объединений. За период до 2000 г. в стране действовало свыше 900 этнокультурных объединений, в том числе 14 федеральных, более 300 региональных. Региональные национально-культурные автономии были представлены в консультативных и иных межнациональных совещательных органах при администрациях и правительствах субъектов Федерации. На 2020 г. на территории Российской Федерации уже были зарегистрирована 1591 община коренных малочисленных народов Российской Федерации, а также 1228 национально-культурных автономий, из которых: федеральных — 21, региональных — 288, местных НКА — 919.

После принятия Закона об НКА поддержка национально-культурного развития российских меньшинств приобрела новые качества. Доля поддерживаемых государством газет и журналов на языках народов России к 2000 г. в целом по стране составила 34% от общего количества профинансированных изданий. Издавалось 400 газет и журналов на 59 языках национальных меньшинств, а также велось телевидение на 69 и радиотрансляция на 56 языках. Опираясь на Закон об НКА, развернули масштабную работу национально-культурные автономии российских немцев, евреев, азербайджанцев, украинцев, белорусов. Наиболее многочисленные диаспоральные сообщества Москвы — азербайджанская и армянская (в этом случае термин *диаспора* допустим, ибо существует своего рода первая родина в виде суверенного государства — страны исхода) одними из первых создали систему культурных мероприятий. Показателем того, что закавказская культура востребована в Москве, стали продюсерские центры «Азербайджан» и «Армения», многочисленные концерты, встречи с известными деятелями науки и культуры, политиками. Безусловно, Закон «О национально-культурной автономии» привел к большому разнообразию общественной жизни

ни за счет признания этнонациональных экстерриториальных объединений как формы демократизации общества, включил в поле активной жизни дисперсные этнические группы. *Так проявилась эффективность внетерриториальных форм самоопределения, расширения пространства формирования институтов гражданского общества.*

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА

В мире действует несколько конкурирующих моделей *индигенности*, т.е. представлений о том, что такое коренной народ, поэтому выработать единое определение этого понятия достаточно трудно. Как правило, под коренными народами подразумевают этнические группы, исторически проживавшие на какой-либо территории до прибытия народов с иной культурой, языком, этнической принадлежностью. Коренные народы отличают следующие признаки: самоидентификация в соответствующем качестве на индивидуальном и на коллективном уровне; историческая связь с сообществами, населявшими определенные территории до прихода колонизаторов или иного пришлого населения; тесная связь с землей расселения и ее природными ресурсами; самобытные социальная, экономическая и политическая системы; свои культурные практики, язык, система верований; отсутствие доминирующих позиций в обществе; стремление сохранить традиционную среду обитания и образ жизни.

В настоящее время развитие коренных народов, проживающих в разных регионах планеты, превратилось в глобальную проблему современности. Ее суть состоит в том, что давление на коренные народы в условиях постиндустриального общества оставляет все меньше возможностей для сохранения их традиционного образа жизни, материальных основ их этнической культуры и, как следствие, для продолжения существования самих этих народов как своеобразных этнических общностей. В российской правовой системе существует

особый термин — *коренные малочисленные народы*. Среди таких народов выделяют коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (КМНСС и ДВ РФ), более краткое их наименование — *коренные малочисленные народы Севера* (КМНС). Российский исторический опыт выделения народов Севера в отдельную группу основан на их особых занятиях (оленоводство, охота, рыболовство и собирательство), обусловленном этими занятиями образе жизни, а также на их духовном осмыслении своей связи с землей и окружающей природой.

Политика царской России отличалась невмешательством в уклад жизни северных аборигенов. Юридическое положение народов Севера во многом определялось «Уставом об управлении инородцев» (1822 г.). Специфика их статуса заключалась в том, что они признавались подданными государства, но при этом не подчинялись общему законодательству и сохраняли особое управление. В соответствии с экономическим уровнем народы Севера и Сибири делились на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Приписка к разрядам предопределяла права и обязанности «инородцев». Изменение образа жизни создавало предпосылки к обретению иного правового статуса. В качестве положительных моментов правовой политики царского периода можно отметить ограниченное вмешательство общества и государственных институтов в систему традиционных социальных связей, культуру и экономику коренных народов.

В основу политики Советского государства по отношению к народам Севера (их именовали *туземцами*, *туземным населением*, *народностями*, *племенами северных окраин*, *малыми народностями Севера*) была положена концепция некапиталистического пути развития, которая демонстрировала преимущества социализма над капитализмом в решении проблем коренного населения. В 1926 г. «Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» был сформирован список из 26 малых народов Севера, который закрепился в общественной практике на дол-

гие годы. В особую категорию эти народы были выделены по нескольким признакам: проживание в северных широтах, малая численность, наличие традиционных занятий как основы жизнедеятельности, традиционный быт (кочевание, полуседлый образ жизни), а также низкий уровень социально-экономического развития. Целью политики было принятие мер для достижения равенства народов Севера с другими народами страны.

В 1928–1930 гг. были образованы Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Таймырский, Эвенкийский, Чукотский, Корякский национальные округа. В контексте советской национальной политики они были призваны гарантировать аборигенам Севера определенную самостоятельность и защиту, способствовать их консолидации и росту самосознания, выравниванию их положения по сравнению с другими народами России. Создание национальных округов (позже — автономных) сыграло определенную роль в формировании этнического самосознания народов Севера, способствовало их этнической консолидации. Вместе с тем этнический принцип, который превалировал в политике административного деления северных народов, не решал проблему. Характерная для советского периода политика государственной опеки при всех ее положительных моментах и достижениях оказывала разрушающее влияние на культуру северных народов.

В советский период в категорию «малые народности Севера» были записаны не все малочисленные этнические группы, проживающие на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке¹. К моменту распада СССР в стране числилось 26 малых народов Севера, в отношении которых проводилась особая государственная политика и даже существовал отдельный союзный орган исполнительной власти — Государственный комитет по делам Севера. В 1999 г. был принят Федеральный

¹ Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5.

закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», согласно которому малочисленным является народ менее 50 тысяч человек, представители которого ведут традиционный образ жизни (занимаются охотой, рыболовством, морским промыслом). Этот статус предоставлял аборигенам-северянам ряд государственных гарантий, и среди них такие немаловажные, как защита коллективных прав на природные ресурсы, традиционный образ жизни, культуру и среду обитания. Статус КМНС распространялся на группы, которые решением Правительства РФ включались в список таких народов. В отношении Дагестана право определять эту категорию народов получили власти республики, что в дальнейшем привело к абсурдной ситуации: все 14 «официально признанных» народов Дагестана, включая входящие в десятку крупнейших народов России (русские, аварцы, чеченцы и даргинцы), оказались в этом списке. Более двух десятков малочисленных народов в список не были включены.

Результаты советской политики в отношении северных народов носили противоречивый характер, но в целом это была позитивная политика поддержки и сохранения народов Севера, их традиционного хозяйства, языков и культур. Тем не менее в период горбачевской перестройки среди аборигенов Севера возникли организации и лидеры, которые обрели известность яркими выступлениями в защиту среды обитания народов Севера, в поддержку демократии, за международную открытость и сотрудничество арктических государств и народов. Достаточно назвать имена народных депутатов Е.А. Гаер и В.М. Санги, писателя Юрия Рытхеу и других лидеров. В 1990 г. в Кремле в присутствии Президента М.С. Горбачева прошел первый съезд народов Севера.

В 1990-е гг. в России шел процесс этнической мобилизации среди различных групп так называемого аборигенного населения, которое проживало в районах Севера. Активисты и общественные организации ряда этнических общностей оказались способны восстановить (в ряде случаев — сконструировать заново) свои групповые идентичности и исторические самоназва-

ния и обрести более самостоятельный статус. *Лопари* интегрировались в родственные им саамские организации и движения Скандинавских стран и даже отказались от прежнего этнонима. В результате лоббирования появились некогда существовавшие *сойоты*, которых до этого записывали в буряты. Добились включения в официальный список ряд групп, проживающих в южной Сибири и считавшихся алтайцами (*кумандинцы, тофалары, челканцы*). В переписи населения 2002 г. в стране уже насчитывалось более 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Перепись показала рост численности, и в 2002 г. общее число КМНС составило 252,2 тыс. человек. Демографическая ситуация среди коренных малочисленных народов представляется сложной, но в целом ее можно назвать умеренно оптимистичной¹.

В 1993 г. права коренных малочисленных народов России были закреплены на конституционном уровне, государство гарантировало их в соответствии с принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Одним из принципов международного права в отношении таких народов является признание роли обычаев и обычного права. В международных документах, в частности в Конвенции № 169 Международной организации труда (МОТ) «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах», в качестве отличительной черты коренных народов указывается, что их «положение регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством». Хотя данная Конвенция не ратифицирована Российской Федерацией, российские законодатели гарантировали это право коренным малочисленным народам Севера. Обычай и традиции вошли в правовую систему страны, что создало новые возможности для защиты прав этих народов и для

¹ См.: Современное положение и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад. Под ред. В.А.Тишкова. М., 2004.

развития теории и практики правового плюрализма в России. В политико-правовой сфере можно выделить три основных направления: признание родовых общин в качестве субъектов права; учет мнения коренных народов через их представительные органы (ассоциации) при принятии решений на государственном и региональном уровнях; воссоздание национально-территориальных образований местного уровня¹.

Действующими законами и правительственными постановлениями узаконен статус *родовых общин*, занимающихся традиционными отраслями хозяйствования. Им предоставлены льготы в сфере налогообложения. Общины получили возможность бесплатно приобретать в пожизненное владение или аренду оленьи пастбища, охотничьи, рыболовные угодья, а также преимущественное право на заключение договоров и получение лицензий на использование возобновляемых природных ресурсов. В нормативных документах ведомств появились нормы, обязывающие согласование тех или иных решений, затрагивающих интересы аборигенных народов, с их общественными представителями. Инструментом защиты интересов аборигенов стала Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и ее региональные организации. Ассоциация осуществляет международное сотрудничество и представлена наряду с Правительством Российской Федерации в авторитетной международной организации Арктический Совет.

В 2000 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», в 2001 г. — Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». В 2000 г. Правительством Российской Федерации был утвержден Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В него в соответствии с вы-

¹ См.: Ковлер А.И. Антропология права. М.: Норма, 2002; Новикова Н.И. Обычай и право. М., 2005.

шеперечисленными критериями было включено 47 народов. Из них 40 проживают на Севере или в районах, приравненных к Северу в связи с суровыми климатическими условиями. Этот список был официально утвержден в 2006 г. В него вошли: алеуты, алыторцы, вепсы, долганы, ительмены, камчадалы, керекы, кеты, коряки, кумандинцы, манси, нанайцы, нганасаны, негидальцы, ненцы, нивхи, ороки (ульта), орочи, саамы, селькупы, сойоты, тазы, теленгиты, телеуты, тофалары (тофа), тубалары, тувинцы-тоджинцы, удэгейцы, ульчи, ханты, челканцы, чуванцы, чукчи, чулымцы, шорцы, эвенки, эвены (ламуты), энцы, эскимосы и юкагиры. Их общая численность на территориях преимущественного проживания по переписи 2010 г. составила около 250 тыс. человек. Самые многочисленные — ненцы (44 640 человек), самые малочисленные — керекы (4 человека).

К наиболее значимым видам государственной поддержки северных аборигенов относятся создание условий для сохранения и развития традиционных видов хозяйственной деятельности, обеспечение жильем, поддержка в сфере образования и культуры. Законы и программы поддержки КМНС действуют во многих регионах России. Обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов, включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту среды обитания и образа жизни, значителен в числе основных принципов государственной политики в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Соответствующие принципы закреплены также в Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. При этом отметим, что уровень жизни граждан, относящихся к малочисленным народам Севера, проживающих в сельской местности или ведущих кочевой образ жизни, остается ниже среднероссийского, а безработица в 1,5–2 раза превышает средний по Российской Федерации. Негативные процессы обострились на фоне активного промышленного развития, ухудшающего природную среду и ресурсы традиционного природопользования.

6 февраля 2020 г. Президент РФ В. В. Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” в части установления порядка учета лиц, относящихся к коренным малочисленным народам». Закон прописал механизм учета граждан РФ, относящихся к коренным малочисленным народам. Государственную услугу по учету будет оказывать Федеральное агентство по делам национальностей на основании заявлений граждан, а также сведений органов власти и общин коренных малочисленных народов.

Существует несколько концептуальных подходов к проблеме определения дальнейших перспектив развития коренных малочисленных народов Севера. Первая концепция — *традиционализм*, ориентированность на прошлое, которое как совокупность ценностей-традиций противопоставляется настоящему. Однако этот подход представляется несбыточным, поскольку идеализирует так называемый традиционный образ жизни и не учитывает изменения в жизни коренных малочисленных народов Севера и социальную дифференциацию в среде этих народов. Вторая концепция — *модернизм*, выбор европейской модели образа жизни. Ее сторонники считают развитие оленеводства, охоты, рыболовства бесперспективным, так как эти занятия не обеспечивают жизнедеятельность народов Севера. Они предлагают быстрее вовлекать эти народы в современные сферы деятельности. Эта концепция питалась в основном идеями советского интернационализма, а сейчас ее подкрепляют представления о неизбежности модернизационного развития общества.

В 1990-х гг. была инициирована концепция *неотрадиционализма*, предполагающая обновление северных аборигенных культур в синтезе традиционализма и модернизма. Народам Севера предлагалось пересмотреть отношение к политике патернализма и сделать упор на собственные силы, традиции и опыт. Эта концепция нашла поддержку среди этнологов. Но как заметила этнограф З. П. Соколова, в ней «много неясного, особенно в связи с решением конкретных проблем, напри-

мер соотношение традиционного и нового в хозяйстве и культуре, степень и методы модернизации традиционных отраслей хозяйства, сочетание натурального хозяйства и рыночных отношений, самостоятельность развития и помощь государства, развитие русскоязычия и родных языков и другое»¹.

Актуальной на сегодняшний день является *стратегия культурно-ориентированной модернизации и многовариантного саморазвития*². В каких-то аспектах она близка «Уставу об управлении инородцев» 1822 г., поскольку предполагает использование разных подходов в отношении различных социальных групп аборигенного населения. Кроме того, она учитывает, что в современном мире невозможно обеспечить приемлемые условия социального существования только на базе традиционной модели, поэтому аборигенному населению необходимо овладеть модернизационными жизненными стратегиями. *Многовариантный подход предполагает создание «точек роста» на основе конкретных проектов, при этом отдается предпочтение индивидуальным стратегиям людей, их стремлению обеспечить лучшие условия социального существования.*

¹ Соколова З.П. Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера // Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 32–33.

² Об этом см.: Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова. Новосибирск, 2004.

ГЛАВА 17

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ И ЦЕННОСТИ

О ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ НАЦИИ

Основу российской идентичности составляет ряд ключевых компонентов, среди которых важнейшее место наряду с исторической памятью, языком, культурой и религией принадлежит *национальным символам и ценностям*. Собственно говоря, историческая память, русский язык и культура, символика и календарь, общие и местные традиции включают в себя основные ценности россиян. Именно они являются своего рода скрепой между страной и гражданином, между гражданином и государством, а самое главное — между самими гражданами. Где бы ни были россияне — за рубежом или на трибунах международных спортивных соревнований, в социальных сетях или в мире глобальной культуры, они легко узнают друг друга по языку общения, по надписям и символам на одежде, по песенно-фольклорному репертуару, поведенческим манерам и вкусовым предпочтениям.

Внутри самой России, при всем значении местно-локальной и этнокультурной составляющей социальной среды, общерос-

сийский контекст нашей жизни, конечно, превалирует: мы учим детей по одним учебникам, смотрим федеральные телеканалы и российские фильмы, пользуемся общим репертуаром высокой (профессиональной) культуры, имеем схожие предпочтения в отношении к семье, друзьям, проведению досуга и т.д. Если вести речь о ценностях, которые лежат в основе духовно-нравственного развития россиян, то их природа имеет сложное происхождение. Что-то складывалось веками и передавалось через письменную и устную традиции, что-то передавалось через поколения или формировалось в рамках одного поколения, особенно если речь идет о социальных, культурных, семейных традициях многонационального народа России. Многие из этих традиций обеспечивают устойчивое развитие как местных, этнических, конфессиональных сообществ, так и страны в целом.

Национальные ценности определяются также и верхушечными установками, через продукты творчества интеллектуальной элиты, творцов культурных стандартов. Тем самым они отражают богатство этнокультурной и духовной жизни России. Очень важная роль отводится политико-идеологическим предписаниям, исходящим от государства в лице его идеологов, пропагандистов и специальных институтов образования и информации. Национальные ценности можно проследить на всех этапах истории нашего народа: какие-то были временными, преходящими, а какие-то можно отнести к разряду извечных. Ценностями являются и укоренившиеся народные воззрения, отражаемые в былинных сказаниях, фольклоре, исторической мифологии. О служении и защите Отечества и о «Боже, Царя храни» именно как ценностях мы уже писали выше. Напомним слова М.В. Ломоносова: «Всяческое беззаветное служение на благо и на силу Отечества должно быть мерилom жизненного смысла»¹.

Конечно, в условиях крепостничества и монархического режима национальный идеал носил элитарный, сословный смысл и провозглашался государством для всего населения страны, как правило, с целью подчинения подданных власти и их моби-

¹ Ломоносов М. В. Для пользы общества. М., 1990. С. 42.

лизации для отражения внешних угроз. Огромное значение придавалось атрибутам, символам и церемониям, которые сопровождали верховную власть, корону и царский двор. Как показал историк Р. Уортман, церемониальная сторона существования монархического правления в России была основой легитимации власти. Одновременно она во многом объединяла элиту и народ вокруг «помазанника Божьего» — верховного правителя¹. Но были и народные воззрения, в которых отражались православная вера, отношение к труду, богатству, нравственным устоям семьи, а также элементы государственного сознания народа².

Многое из этих прошлых символов и ценностей кануло в лету, но приведенное выше высказывание М.В. Ломоносова безусловно является актуальным и для современной России, как и сама традиция формировать и обеспечивать идентичность Российского государства языком знаков и символов — традиция, которая дошла до наших дней³.

В советское время, помимо уже описанного патриотизма, внедрялись и существовали реальные коллективистские и интернационалистские установки. Чего только стоил лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который был главным на всех официальных церемониях и демонстрациях, размещался на документах, печатных изданиях, наградах и грамотах и даже на обложках школьных тетрадей. Советские люди действительно испытывали чувства солидарности с «людьми труда», поддерживали «угнетенные народы», осуждали «буржуев» и «империалистов». Эта традиция и ценностная установка были заложены еще «Окнами РОСТА», поэзией В.В. Маяковского, творчеством художников «Кукрыниксов», но они

¹ См.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 тт. М., 2002–2004.

² См.: Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2007.

³ См. исследование по этой теме: Соболева Н. А. Идентичность российского государства языком знаков и символов: эмблематика, геральдика, сфрагистика, вексиллология. М., 2018.

сохранялись все советское время. *Эгалитаризм как стремление к равенству и осуждение несправедливого богатства присутствует в российском народе до сегодняшнего дня.*

В позднесоветское время, когда главная формула власти в стране поменялась с «диктатуры пролетариата» на «общенародное государство», идеологи и политики пожелали сформулировать национальные ценности в претенциозном документе — «Моральном кодексе строителя коммунизма». Этот кодекс повсеместно пропагандировался и многими разделялся, ибо на самом деле его содержание отражало многое из арсенала так называемых вечных или общечеловеческих ценностей, в том числе заимствованных из библейских наставлений. По утверждению политолога Ф.М. Бурлацкого, этот документ был написан по требованию Н.С. Хрущева за полчаса¹.

В советский период, когда государство обрело всю полноту власти над гражданином и его частной жизнью, спектр жизненных смыслов был во многом сжат до веры в коммунизм и служения делу коммунистической партии. Но зачастую это была поверхностная вера. Как мы уже писали, советская эпоха дала примеры массового патриотизма, героического служения, вплоть до самопожертвования, во имя будущего своей страны и своего народа, пренебрежения материальным во имя идеального.

Каждая эпоха и каждое новое поколение россиян обогащают свой символический капитал. В случае глубоких политических и социальных перемен меняются и символы, а также календарь и даже название страны, городов и улиц. Распад СССР и образование Российской Федерации (России) в 1991 г., как и Великая российская революция 1917 г., относятся к такому разряду геополитических потрясений. Нужно также учесть, что в условиях стремительной трансформации общества и мира в целом проблема ценностей приобрета-

¹ См.: Бурлацкий Ф.М. Судьба дала мне шанс // Общественно-правовой журнал «Российский адвокат». № 5. 2007.

Памятник В.В. Маяковскому в Москве

ет особое значение. В такие моменты именно ценности выступают важным компонентом поддержания стабильности и консолидации общества, основой взаимопонимания и взаимодействия его членов. Собственно говоря, ценностное содержание несут преамбула и многие статьи Основного закона нашей страны — Конституции Российской Федерации: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗЫ И ЦЕННОСТИ

Национальные ценности, общественные идеалы и нравственные принципы — это фундаментальные и общеразделяемые представления россиян, выстраданные и выверенные за века отечественной истории, без которых нельзя представить себе российский народ. Как идеал и как цель они формулировались неоднократно высшими государственными и духовными лицами, ведущими учеными и общественными лидерами страны. С некоторой долей условности их можно представить в следующем перечне:

- *жизнь человека*, ценность и неповторимость личности, личные права и безопасность, межнациональный мир, единство разнообразных культур;
- *свобода* — личная, индивидуальная, свобода слова, вероисповедания, выбора места жительства, профессии и занятий;
- *справедливость* — обеспечение достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений;
- *гражданственность* — служение Отечеству, правовое государство, гражданское общество, закон и правопорядок, волонтерство;
- *семья и семейные традиции*, любовь и верность, забота о младших и старших;
- *солидарность*, доверие к людям, институтам государства и гражданского общества, милосердие, честь, достоинство;
- *патриотизм* — любовь и вера в Россию, привязанность к родному краю, к своему народу, служение Отечеству;
- *образование и наука* — ценность знания, стремление к истине, научное мировоззрение;
- *традиционные российские религии* — представления о вере, духовности, ценности религиозного мировоззрения и межконфессионального мира;
- *культура и искусство* — красота, гармония, духовный мир человека, нравственный выбор, эстетическое и этическое развитие.

При определении современного национального духовно-нравственного идеала учитывается его преемственность по отношению к национальным ценностям прошлых эпох, духовно-нравственные ценности, определенные современным законом и обществом, а также вызовы со стороны мирового сообщества и необходимости технологического прорыва. Это влияет на формирование общественного сознания, самоидентификацию личности. Сегодня *важной национальной задачей является сохранение и приумножение многонационального народа Российской Федерации, улучшение условий его жизни, труда и творчества, укрепление духовности и нравственности, гражданской солидарности и государственности, развитие науки и культуры*. Президент В.В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному Собранию в 2016 г. сказал следующие слова: «Смысл всей нашей политики — это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей, развитие образования и культуры»¹.

Известно, что в нашей стране среди россиян много разных языков, обычаев, традиций и верований, но общего больше, чем различий. Это общее и делает нас одним народом. Что же нас объединяет? Рассмотрим этот вопрос, исходя из вышеперечисленного перечня общенациональных ценностей. *Всех россиян объединяет общее гражданство*. Те, кто родился в России и живет постоянно, являются российскими гражданами. Взрослые россияне с 14 лет получают паспорта, в которых указано гражданство — Российская Федерация. Этим документом оформляются правовые отношения государства и гражданина. В паспорте указаны основные данные, в том числе время и место рождения, а также имеются особые отметки о семейном статусе, военной обязанности и некоторые другие. Гражданство — это очень важный, если не основной

¹ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 28.03.2019).

Главные символы России — Кремль и Красная площадь

признак национальной принадлежности. Не каждое государство позволяет своим гражданам иметь гражданство других стран, и каждое государство стремится избежать проблемы безгражданства среди его постоянных жителей. В то же самое время Россия регулирует наделение статусом российского гражданства тех, кто не родился в России и приехал в нее в разное время и с разными целями.

Действующий Федеральный закон 2000 г. «О гражданстве Российской Федерации» устанавливает ряд условий для получения российского гражданства, т.е. для членства в российской нации. Это, конечно, срок постоянного проживания, знание государственного (русского) языка, истории и законов Российской Федерации и другие. Именно граждане России имеют полные основания считать себя россиянами, хотя в стране есть много постоянных жителей, которые интегрированы в российскую социальную и культурную жизнь, исполняют гражданские обязанности, вплоть до армейской службы, но по разным причинам не могут получить гражданство после переезда в Россию из других стран.

Конечно, сам по себе факт, что *Россия — самая большая по территории страна в мире*, есть одна из базовых ценностей. Она запечатлена в тексте государственного гимна: «От южных морей до полярного края раскинулись наши леса и поля...» Географический образ и природа (ландшафт, климат) страны присутствуют в национальной идентичности многих государств, но для России в образе страны есть особые характеристики: огромное пространство двух континентов — Европы и Азии, северная природа и климат, уникальные красоты, природные богатства, которые принадлежат всем россиянам.

Длительное время именно Сибирь была своего рода географо-природным брендом нашей страны, который присутствовал во внутренних и внешних страновых образах. «Сибирь» — это как «американский Запад» в идентичности американцев: образ-метафоры покорения, свободы и одновременно каторги и страданий. Бесконечные отсылки в литературе, песенном и фольклорном наследии, в повседневных высказываниях вплоть до пожелания здоровья сложились еще в до-революционной России. Самым известным в образе Сибири для россиянина были понятия каторги и ссылки, запечатленные в творчестве великих русских писателей. После Омской каторги Ф.М. Достоевский пишет свои «Записки из мертвого дома», где центральная тема — это страдания людей, заживо похороненных в «мертвом доме». Эту же тему раскрывали

многие другие художники, включая С.В. Максимова¹ и А.П. Чехова. Это был в целом отрицательный образ края страны, у которого нет особого будущего. Пожалуй, только М.В. Ломоносов своим высказыванием о прирастании Сибири богатства России заложил противоположную версию края как края неисчерпаемых ресурсов и отважных «покорителей природы».

Интересно отметить, что в самые последние годы на смену сибирскости актуализируется концепт «северности России». Толчком к этой ментальной ревизии послужил распад СССР, в результате которого новая Россия оказалась без южных территорий, представленных республиками Южного Кавказа, Центральной Азии и огромной территории Казахстана. Страна как бы сдвинулась на Север, что уже в начале 1990-х гг. вызвало к жизни проекты «движения на Север». Но самым мощным стимулом конструирования арктической северности стал фактор ресурсного порядка, когда на смену золоту и энергетическим ресурсам сибирских рек пришла разработка нефтегазовых месторождений, а нефть и газ стали главными источниками бюджетных поступлений и мощным фактором геополитического влияния. К этому следует добавить военно-стратегический компонент «освоения» Арктики, новое открытие Северного морского пути как всесезонной транспортной магистрали. Наконец, проснулся интерес к уникальным арктическим культурам коренных малочисленных народов, их опыт освоения и проживания в Арктике. В итоге появляются масштабные программы развития арктической зоны Российской Федерации с участием государства и частного бизнеса.

В 1990-е гг. в Госдуме был внесен законопроект «Об арктической зоне Российской Федерации», но тогда проект не был принят. В 2008 г. Президент России утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Под арктической зоной Российской Федерации понимается часть Арктики, охватывавшая европейскую и азиатскую части северных территорий

¹ Максимов С.В. Сибирь и каторга : в 3-х ч. – СПб., 1871.

примерно в одну пятую часть всей территории страны. В мае 2014 года Президент Путин подписал указ «О сухопутных территориях арктической зоны Российской Федерации», который определил сухопутные территории арктической зоны России. В 2018 г. Закон «Об арктической зоне Российской Федерации» был принят, а в 2020 г. был принят Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в арктической зоне Российской Федерации».

Тема российской северности, *отечественного нордизма* привлекает все больше ученых и публицистов¹, не говоря уже о бизнесе и военных структурах, которые энергично осваивают экстремальные регионы. По линии РГО и РАН проведены масштабные экспедиции с установлением границ шельфа, что лежит в основе определения прав России на водные провинции Северного Ледовитого океана. Тема северности России прозвучала в недавнем выступлении директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) А.В. Головнева в стенах Совета Федерации Федерального Собрания РФ на заседании «Час эксперта». Как считает это известный специалист по Арктике, северная идентичность сыграла позитивную роль в самоопределении нордических стран и весьма перспективна для России, которая после распада СССР обозначилась на карте как крупнейшее северное государство с географическим центром на Полярном круге в низовьях Енисея. «Северность России обусловлена исторически (начиная с ключевой роли ладожско-новгородского Севера в древности), геоэкономически (с учетом ресурсной мощи современного Российского Севера) и геополитически (ввиду пространственного господства России в высоких широтах Евразии и “арктическом средиземноморье”». В последние годы обозначилась глобальная геополитическая ось Север — Юг, на которой Россия предстает не буфером, как в тупиковой антитезе Запад — Восток, а основной страной Севера. “Северное

¹ О северности и нордизме см: Головнев А.В. Антропология движения. 2009. С. 29–34; Он же. Феномен колонизации. 2015. М.: С. 169–230.

измерение” (не версия ЕС или Канады, а в российском понимании) позволит России опереться на собственные приоритеты. Если Россия не активирует своего северного потенциала, ей на оси Север — Юг достанется место громоздкой периферии с хроническими техно-экологическими и этнокультурными кризисами. Обратная перспектива предполагает развитие ресурсов северных культур и становление северной идеологии с опорой на впечатляющие сюжеты истории Севера новгородцами, поморами, коми-зырянами, ненцами, эвенками, якутами и другими сообществами Евразии»¹.

Вообще территория имеет большое символическое значение для россиян как самое важное наследие прошлых поколений россиян, освоивших пространства евразийского континента и дошедших до берегов Аляски. Не случайно, в народной мифологии присутствует версия, что Россия продала Аляску в 1867 г. всего лишь на 99 лет и США должны вернуть эти земли. Неслучайно также социологический опрос, проведенный ВЦИОМ в январе 2019 г., показал, что 77% опрошенных россиян выступают против передачи южных Курильских островов Японии и только 14% высказались за². При этом никто из них никогда не был на Курильских островах. Поистине историческим моментом в национальном сознании россиян стал факт воссоединения Крыма с Россией в 2014 году. Политики и эксперты назвали этот момент «крымским консенсусом», имея в виду общеразделяемое мнение народа о справедливости и необходимости пребывания Крыма в составе России.

Еще одна важнейшая духовная скрепа для российского народа — это *наша общая история, которую творили наши предки*, которую мы учим в школе и которую мы помним. «История Рос-

¹ Головнев А.В. Северность России: Фрагменты исторического опыта // Север: Арктический вектор социально-экологических исследований. Сыктывкар: Коми НЦ, 2008. С. 17.

² Опрос «ВЦИОМ-Спутник» проводился 26 ноября 2018 г. методом телефонного интервью. В нем приняли участие 1,6 тыс. человек. Статистическая погрешность с вероятностью 95% не превышает 2,2%.

сии» — обязательный предмет как в основной школе, так и во всех высших учебных заведениях страны. Это, можно сказать, общенациональное увлечение россиян, или, как шутливо сказал Ф. Искандер, «их любимое занятие — думать о России». В общенациональном историческом нарративе выделяются несколько сквозных мотивов: глубокая древность и непрерывность истории российской государственности, героическая сторона событий, связанная с внешними нашествиями и завоеваниями, мировыми войнами, победами и воинскими подвигами, особый характер российской колонизации и отношений между народами в Российской империи. Российская история запечатлена в национальной памяти через пантеон героев, исторические памятники и места памяти, в официальных календаре и символике. Ряд ключевых событий национальной истории отмечен календарными датами, как, например, День народного единства (4 ноября), День Победы (9 мая), День России (12 июня) и другие.

В России существует развитая сеть исторических музеев и архивов, исследовательских центров исторического профиля, а также влиятельные общественные организации, как Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество. В последние годы стали популярными в народе движения исторических реконструкторов. Литература на историческую тематику занимает ведущее место, особенно книги о российских древностях, о жизни замечательных людей российской истории, о военной истории, истории российской культуры. В 1988 г. был отмечен 1000-летний юбилей принятия христианства на Руси, в 2012 г. было широко отмечено 1150-летие зарождения российской государственности. Весь 2012 г. был объявлен Годом истории.

В последние три десятилетия бум на национальную историю в России был определен демократизацией общественной жизни, открытием многих архивов, снятием запретов на описание «темных пятен» истории. Это касалось прежде всего советского периода, времени тоталитарного сталинского режима, истории репрессий и депортаций народов. Болезненным вызовом для национального исторического нарратива стали

Музей-усадьба П.И. Чайковского в Воткинске

политизированные ревизии и фальсификации прошлого нашей страны. Они имели место в зарубежных странах, в том числе и в получивших независимость бывших республиках СССР. В самой России в условиях интеллектуальной свободы и рыночного подхода к книгоиздательству вызов объективному историческому знанию случился со стороны разных радикальных «ниспровергателей прошлого», поклонников мифологических версий происхождения славян и других народов. Российская академия наук начала подготовку 20-томной академической истории России с древнейших времен и до наших дней, начата публикация официальных актов российской государственности. Все это будет укреплять и обогащать исторический компонент нашего национального самосознания.

Кроме версии общенациональной истории для идентичности россиян важны также *история и культура своего края и места*, в котором они живут, называя его малой родиной, а также этническая история своего народа. Более того. Все имеет свою историю. У каждой семьи есть своя история. Каждый город и село имеют свою историю. Самые древние города в России — это

Дербент на Кавказе, Новгород и Москва в центре России, Казань на Волге. Но есть и новые города, которые также имеют свою историю. Поскольку без малой родины трудно себе представить и все Отечество, поэтому история республик и краев, городов и сел и даже отдельной семьи — это нужное и полезное дело в утверждении российского самосознания и патриотизма.

Одним из главных достоинств и достижений россиян, ставших частью их идентичности, является *образ великой русской культуры и литературы мирового значения*, созданной на русском языке. Всех россиян объединяет знание русского языка. Его знают 99,4% россиян. Это государственный язык, на котором издаются все законы, действуют инструкции и военные уставы. Русский язык обязательно изучают все обучающиеся в школе, а также иммигранты, желающие проживать и работать в России. Но в России существует еще более ста языков. Выученный в детстве первый язык, язык родителей также называют родным языком. Многие россияне знают и говорят на двух или нескольких языках. Это помимо выбранного иностранного языка, который изучают в российской школе.

Нигде в мире не будут считать образованным и культурным человека, который не знает имен А.И. Чайковского, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. А еще в сокровищницу мировой культуры можно добавить десятки имен наших соотечественников: А.С. Пушкин, А.П. Чехов, Д.Д. Шостакович, М.А. Шолохов, В.В. Кандинский и многие другие. Есть деятели культуры, которые прославили отдельный народ или край нашей Родины. Эти имена важны для самосознания представителей определенной национальности и для своего рода местного патриотизма. В этом списке писатель и просветитель Коста Хетагуров у осетин, поэт Мустай Карим у башкир, скульптор Эрзя у мордвы, писатель Юрий Рытхей у чукчей, и так у каждой национальности нашей страны. Есть знаменитые выходцы из российских городов и сел, которых сделали почетными гражданами или им поставили памятники, их именами называли улицы.

В каждом поселении есть список местных деятелей культуры и героев прошлой истории. Он нужен для самоосознания

«кто есть мы». Через него граждане обретают чувство гордости и привязанности к месту своего рождения и проживания, а также выстраивают связь со всей страной. Например, в Самаре есть замечательный памятник знаменитого историка и писателя Н.М. Карамзина, а в подмосковном городе Звенигороде установлен бюст великой советской артистке Л.П. Орловой и рядом — здание Культурного центра Любви Орловой. Памятники и — более широко — *места памяти* связывают всех россиян как с прошлым, так и с общими нашими героями и событиями. Места памяти могут посвящаться людям, событиям, предметам, зданиям, книгам, песням или географическим точкам, окруженных символической аурой. Их главная роль — символическая. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории.

Важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения и что это значение может меняться. Вот как описывает значение исторической памяти (отделяя ее от просто истории) для самосознания нации французский ученый П. Нора: «Память, история — ...понятия, далекие от того, чтобы быть синонимами. Память — это жизнь, носителями которой выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, ...подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны... История как интеллектуальная и светская операция вызывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, ...память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому,

что делает универсальность ее призванием. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память — это абсолют, а история знает только относительное»¹.

Российскую культуру, как и историю, создавали люди по всей стране и разной национальности. Наша литература создана на русском языке, и она действительно известна во всем мире. Некоторые отечественные писатели и поэты писали свои сочинения на других языках, но многие из них, самые лучшие всегда переводились на русский язык. Важно также, что русские писатели часто описывали жизнь разных народов и были известны по всей стране. Как писал А.С. Пушкин, «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой и назовет меня всяк сущий в ней язык: и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей — калмык». А еще Пушкин написал знаменитую поэму «Цыгане» — об одном из народов, которые живут в России и в других странах мира. Поэт М.Ю. Лермонтов, как и Пушкин, много писал о Кавказе и о тех народах, которые там живут. Это прежде всего его поэмы «Кавказский пленник», «Мцыри», которые в культурном багаже каждого россиянина.

Великий русский писатель Л.Н. Толстой писал о русском народе, о великом подвиге, который он совершил вместе с представителями других народов во время Отечественной войны 1812 г. Этот же подвиг воспел и М.Ю. Лермонтов в поэме «Бородино». Но оба они писали также о кавказских героях и традициях. Повесть Толстого «Хаджи Мурат» — сочинение, где главный герой — это горец, скорее всего чеченец. Н.В. Гоголь писал на русском и на украинском языке, и его можно считать как русским, так и украинским писателем. Когда он создавал свою повесть «Тарас Бульба» о борьбе россиян против поляков, русские и украинцы были одним народом. Поэтому Тарас Бульба и говорил: «Бывали и в других

¹ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 20.

Памятник Петру I
в Санкт-Петербурге

землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей», или «Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество».

Самые выдающиеся достижения нашей культуры, а также другие важные свидетельства и достижения прошлого представлены в музеях нашей страны. Есть художественные музеи, где собираются, хранятся и выставлены картины и скульптуры, а также инсталляции. Есть исторические музеи, где представлены история страны, история края, или отдельные важные события (например, Бородинская панорама, Музей Победы на Поклонной горе в Москве, памятник «Родина-мать зовет!» и музей, посвященный Сталинградской битве в Волгограде). Но есть также музеи краеведческие и музеи народного творчества, а также музеи под открытым небом и этнографические музеи или «этнодеревни». В них много всего о традициях и обычаях, о культуре, о пище и одежде разных народов нашей страны. Самые большие музеи — это Российский этнографический

музей и Кунсткамера в Санкт-Петербурге, Музей декоративно-прикладного искусства и Музей культур народов Востока в Москве. Но музеи есть во всех городах. Есть даже сельские музеи. Все они хранят историю и культуру разных народов как наше общее достояние. В художественных музеях и галереях есть картины о природе края, о людях и занятиях, об исторических событиях, а также портреты известных людей. Через эти институты и каналы сохраняются и вырабатываются наши духовные и моральные ценности как граждан России.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ: ГИМН, ФЛАГ, ГЕРБ

У России как государства и у российского народа есть свои отличительные символы, среди официальных самые важные — это *гимн, флаг, герб*. В них отражено многое: образ страны, ее история и достижения, чувства россиян к своей Родине. Если разобрать слова гимна, тогда многое будет яснее, что есть Россия. В каждом регионе и даже городе есть свои символы: гимны и гербы республик, краев и областей, гербы городов. Историю создания государственных символов Российской империи и Советского Союза исследовала историк Н.А. Соболева. В своей книге на эту тему она пишет: «В современной России наблюдается исключительный интерес к знакам, символам, эмблемам. В центре общественного внимания находятся прежде всего государственная символика. Герб, гимн, флаг новой России, несмотря на то что в декабре 2000 г. они утверждены законодательным путем, вызывают к себе неоднозначное отношение в нашем обществе, являясь предметом дискуссий, а иногда и более серьезных противостояний»¹.

Если говорить о прошлых эпохах, то и тогда на крутых переломах или же в дни благоденствия власть и народ занимались воспроизводством символической части своего бытия. Очень многое

¹ Соболева Н.А. Идентичность российского государства языком знаков и символов. М.: Языки славянских культур, 2018. С. 5.

было заложено и исходило от религиозной веры. В церковном храмостроительстве, иконописании, богослужении содержались многие отсылки к национальным святыням, событиям и героям, которые прославляли церковь, возводя в ранг святых особо выдающиеся личности, как, например, князь Александр Невский, флотоводец адмирал Ф.Ф. Ушаков, врач В.Ф. Войно-Ясенецкий. Во славу военных побед и в память о великих событиях сооружались храмы, как, например, храм Христа Спасителя в ознаменование победы над Наполеоном Бонапартом в Отечественной войне 1812 г. В иконописании фактически все святые Русской православной церкви получили свои воплощения и тем самым также служили хранителями исторической памяти.

В ходе Великой российской революции 1917 г. и после нее власть большевиков и поддерживающая ее интеллигенция включились в дело разрушения старых символов — государственных и церковных, в создание новых символов и ритуалов. «Революция как бы нарядилась в одежды романтики и красоты. Богини Свободы и Победы присутствуют в уличном оформлении Петрограда, Москвы и других городов в праздничные революционные дни»¹, — пишет Н.А. Соболева. С помощью заимствований из арсенала античного триумфального символизма передавался пафос победы пролетарской революции. Эта классическая символика соединялась с главными символами новой власти: красное знамя, красная пятиконечная звезда, эмблема «Серп и молот».

Уже весной 1918 г. был принят известный ленинский план «монументальной пропаганды». Он предполагал сооружение памятников историческим личностям типа Спартака и Брута, сооружение памятных барельефов и досок, мероприятия в области «нового пролетарского искусства», включая агитационный фарфор, книжную графику, плакат, декоративно-прикладные изделия. Самые серьезные усилия были направлены на создание главных символов государственного суверенитета, которые-

¹ Соболева Н.А. Идентичность российского государства языком знаков и символов. М.: Языки славянских культур, 2018. С. 540.

ми с XIX в. стали гимн, герб и флаг. Отречение царя Николая II сделало невозможным исполнение гимна «Боже, Царя храни!» на слова В.А. Жуковского и музыку А.Ф. Львова. Он впервые был исполнен в 1833 г. и считался одним из самых замечательных государственных гимнов того времени. После отречения Николая II при Временном правительстве началась работа по созданию нового гимна. Известный поэт В.Я. Брюсов написал по этому поводу статью «О новом русском гимне»: «Национальный гимн есть патриотическая песнь, выражающая дух народа, его заветные убеждения, его основные устремления... Нужна краткая песнь, которая силою звуков, магией искусства сразу объединила бы собравшихся в одном порыве, сразу настроила бы всех на один высокий лад... Музыка гимна должна быть мощной, как любовь к Отчизне. Неразрывны с музыкой должны быть слова. Написание их для гимна Отечества — дело особой сложности». «Дух народа» легко воплотить в словах, когда речь идет о «единообразном населении». Россия же страна многонациональная, поэтому ее гимн вряд ли может быть лишь «великорусским», а напротив — объединять все народы. Брюсов полагал, что среди идей и образов должны быть необозримые просторы Отечества, героические подвиги предков, военная слава державы и братство народов России, их содружество и труд на общее благо¹. Собственно говоря, это была замечательная «шпаргалка» для будущих авторов нового гимна постсамодержавной России.

Однако Временное правительство не смогло (точнее не успело) утвердить новую символику. Функции государственного гимна выполнял гимн Франции «Марсельеза»! В.И. Ленин был инициатором внедрения в качестве гимна «Интернационала» — французской песни на слова члена Парижской коммуны Э. Потье и музыку П. Дежейтера. К ней был написан поэтом А.Я. Коцем (бывшим горняком из Донбасса, эмигрировавшим во Францию) русский текст, и «Интернационал» стал вскоре главным музыкальным символом пролетарской революции. В 1920–1930-е гг. все государственные мероприятия

¹ Цит. по: *Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 543.

и церемонии сопровождалось исполнением «Интернационала». Он был гимном советской страны и в годы Великой Отечественной войны вплоть до 1943 г.

В декабре 1943 г. было принято постановление советского Правительства о том, что гимн «Интернационал» не отражает произошедшие в СССР перемены и не выражает социалистической сущности государства. Поэтому гимн должен быть заменен новым текстом, а музыка избрана композитора А.В. Александрова. В результате большого конкурса для гимна были избраны слова, написанные С.В. Михалковым и Г.А. Эль-Регистаном. Этот гимн СССР был действительно великолепным музыкальным произведением композитора, который был последним регентом церковного хора храма Христа Спасителя и большим знатоком православных богослужебных песнопений. В 1977 г. С.В. Михалковым были изменены слова гимна: из текста убрали имя Сталина и прославлялась КПСС, которая «нас к коммунизму ведет». А в 2000 г. Михалков еще раз обратился к гимну — уже как гимну Российской Федерации. В тексте главными были слова о славном Отечестве, великих просторах, сплочении народов, а также совсем новые фразы: «Россия — священная держава» и «Хранимая Богом родная земля».

Одним из самых важных символов нации является *государственный флаг*, а также различные знамена и штандарты, которыми обладают государственные институты, такие как армия и флот, госучреждения, национальные службы и другие. Этот арсенал дополняют территориальные символы — флаги и гербы субъектов Российской Федерации, городов, районов и даже городских округов. В России даже существует особая государственная геральдическая служба, которая согласовывает и фиксирует в регистре все гербы и флаги общегосударственного значения, регионов, городов и муниципальных образований.

История отечественных флагов (знамен) уходит корнями в глубокую древность. Само слово «стяг» как военное знамя имеет древнерусское происхождение, и оно постепен-

но стало обозначать не только воинство в его боевых порядках, но и использоваться как символ власти. На древнерусских воинских стягах имелись изображения святых. Как записано было в «Сказании о Мамаевом побоище», князь Дмитрий Иванович Донской, «увидев свои полки достойно устроенными, сошел с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка черным знаменем, на котором вышит образ владыки **господа** нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно...»¹ В XIV в. стяги и хоругви получили название «знамение», на которых изображались лики Иисуса Христа, Богородицы, святых заступников. Знаменам воздавались большие почести. Они освящались патриархом по чину святых икон. Знамена, под которыми свершались известные сражения, как, например, 3-метровый стяг Ивана Грозного при взятии Казани, сохранялся очень долгое время и передавался разным полководцам. В Оружейной палате Кремля хранится богатое собрание знамен русских князей и царей.

Россия до первой половины XVII в. не имела единого государственного знамени с изображением государственного символа, хотя этот символ в виде двуглавого орла уже существовал с конца XV века². Увлечение флагами, особенно флотским, начинается с Петра Великого, который многое стремился заимствовать у европейцев, где в это время знаменная культура была в полном расцвете. Именно тогда специалистами зафиксирован морской флаг с тремя горизонтальными полосами: белой, синей, красной, которым пользовался молодой Петр во время своего плаванья в Архангельск в 1693 году. Но тогда же впервые упоминается и «стандарт во образе креста святого Андрея» «потребны для морского хода», хотя оба флага еще не претендовали на роль общегосударственного и национального символа. «Однако было бы неправильно считать, что

¹ *Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики. От тамги до государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 290.

² Там же. С. 308.

Петр в своих «иноземных» заимствованиях, касается ли это знамен или других новшеств, ориентировался только на подражание Западу. Характер этого выдающегося государственного деятеля был не только исключительно творческим, но и прагматичным. Он использовал то, что считал полезным для любимого Отечества».

При Петре в России были введены памятные и наградные медали, которые, как и знамена, служили проводниками правительственной политики и прославляли памятные события во внутренней и внешней жизни страны. Вместе с прославлявшими символами в виде знамен и медалей появляются и эмблемы городов, которые стали городскими гербами и сохраняются до наших дней. В 1699 г. царь Петр учредил первый русский орден — орден Святого апостола Андрея Первозванного, а его первым кавалером стал ближайший соратник Петра Федор Головин — глава Приказа Воинских морских дел. При коронации царем Петр использовал для своего штандарта фигуру двуглавого орла, хотя сам этот символ появился раньше и им подчеркивалось равенство русского правителя с императором Священной Римской империи. С тех пор изображение черным цветом двуглавого орла в золотом поле стал использоваться как государственный герб Российской империи.

Упорядочение имперской геральдики в целях упрочения монархической власти произошло в середине XIX в. при Александре II. При нем же и появился российский государственный гимн «Боже, Царя храни». А уже при императоре Александре III окончательно была упорядочена национальная «цветовая гамма» и подписаны законы в большом, среднем и малом государственных гербах. В 1883 г. в законодательном распоряжении императора говорилось: «Полиция наблюдает, чтобы в торжественных случаях, когда признается возможным дозволить украшение зданий флагами, был употреблен исключительно русский флаг, состоящий из трех цветов: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цветов; употребление же иностранных флагов допускается лишь по отношению к зданиям, занимаемым посольствами и консульствами ино-

странных держав»¹. Однако только при Николае II в 1896 г. бело-сине-красный флаг был утвержден как единый для всей Империи. Эти цвета трактовались как происходящие от народной жизни, но также у правительства был замысел противопоставить этот символ объединения царя и народа набиравшему популярность красному флагу как символу революции.

После Февральской революции и падения монархии Временное правительство не меняло государственную символику, оставив этот вопрос Учредительному собранию, которое так и не состоялось. И только в июле 1918 г. была принята Конституция РСФСР, в которой был раздел «О гербе и флаге» с описанием символов Советского государства. История советской политической символики заслуживает отдельного рассмотрения.

Бело-сине-красный флаг вернулся в Россию только в 1989 г., когда Верховный совет РСФСР постановил считать его национальным флагом Российской Федерации. Это произошло еще при существовании СССР и фактически подрывало легитимность Советского государства. И только 25 декабря 2020 г. Президентом В.В. Путиным был подписан Федеральный закон «О Государственном флаге Российской Федерации», определивший его как «прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цвета». Как заключает Н.А. Соболева, «какие бы страсти ни бушевали вокруг бело-сине-красного полотнища российского флага и в XIX, и в XX столетиях (не утихают они и в XXI в.), все-таки вряд ли стоит относиться к нему негативно. Ведь эти цвета стояли у истоков славного российского флота, способствовали признанию величия России многими странами».

Каждая нация-государство среди символов своей государственности имеет изобразительный опознавательный знак, который называется *герб* или *эмблема*. Гербы известны очень

¹ Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. От тамги до государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 336.

давно, ибо ими обозначают для отличия самые разные вещи: от личности и рода до населенных пунктов, городов и государств. Гербам могут обзаводиться учреждения и корпорации, общественные и профессиональные объединения. Отличие герба состоит в том, что он составляется по особым правилам и имеет утвержденный статус. Государственными гербами занимается наука *геральдика*, и в России имеется специальный Геральдический совет при Президенте Российской Федерации, который отвечает за эту сторону жизни государства.

Когда в жизни той или иной страны случаются драматические трансформации (радикальная смена власти или правящей династии, меняется основополагающая идеология или география страны, рождается новый образ страны-государства), тогда появляется особый интерес к государственной символике. Через изменение, обновление или возрождение знаков государственного суверенитета власть и граждане обретают визуальные смыслы-объяснения сути происходящих перемен, а также связь с историей. В России дважды в течение одного XX века случились революционные перевороты, и в ходе их происходили важные изменения в государственной символике. Работа над государственными символами, как правило, опирается на исторические данные, в которых больше всего заключено смыслов преемственности и узнаваемости. Но в символах государственной власти отражается и современная идеология, направленная на пробуждение в гражданах патриотических чувств. Государственными символами страна заявляет внешнему миру о своей отличительности от мира других государств. Среди таких главных символов нашей страны — Герб Российского государства с его примечательной историей.

Первые эмблемы высшей власти появились в России в Средние века. Еще на печати Ивана III в конце XV в. были изображены на одной стороне — всадник, поражающий копьём дракона, на другой — двуглавый орел. Эти два изображения позднее войдут в государственный герб Российского государства на протяжении всей его истории, кроме советского периода. С XVII в. двуглавый орел становится главным эле-

ментом государственного герба. Вот каким было его первое официальное описание в царском указе «О титуле царском и о государственной печати» 1667 г.: «Орел двуглавый есть герб державный великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, его царского величества Российского царствия, на котором три коруны изображены, знаменующие три великие, Казанское, Астраханское, Сибирское славные царства, покоряющиеся Богом хранимому и высочайшей его царского величества милостивейшего государя державе и повелению...»¹.

О происхождении эмблемы двуглавого орла велись долгие дискуссии, но ясно, что этот знак в западноевропейских странах издавна обозначал господствующую власть, а в XV в. двуглавый орел утвердился в качестве герба правителей Священной Римской империи. Вполне вероятно, что выбором этой эмблемы великий князь Иван III ставил себя в один ряд с западными императорами. Однако, как пишет Н.А. Соболева, «акцент надо делать не на факте знакомства русских с западноевропейским делопроизводством, а на зависимости иконографии печати, общегосударственного знака власти, от официальной доктрины, существовавшей в Русском государстве уже в то время»². А именно, на Руси, возможно в форме какого-то трактата, существовала версия происхождения русских государей от римского императора Августа и тем самым обосновывалось их равенство по рождению с западноевропейскими правителями. И двуглавый орел выражал знатность этого происхождения.

Вторая по важности государственная эмблема — всадник, поражающий копьем дракона. Обычно она трактуется как изображение русского воина, защищающего родную землю от ее врагов, хотя в ранние времена под всадником имелся в виду великий князь или царь. Со временем это образ слился в образ святого Георгия Победоносца. Образ святого воина был

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1, № 421.

² Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. С. 189.

широко известен на Руси. Особо его почитали московские князья, для которых это было олицетворение покровительства и преемственности власти московских князей от киевских и владимирских. Таким образом, оба символа отражали знатность русского государя и древность происхождения власти.

В XVII в. в герб добавились новые элементы: третья корона над (между) двумя головами орла, а в когтях орла — скипетр и держава как регалии, общепринятые в государствах с царской властью. Герб изменялся и при Петре I, отражая императорский титул правителя. Тогда же было дано и первое «цветовое» описание российского герба: «Поле золотое, или желтое, на котором изображен императорский орел песочный, т.е. черный, двоголавый... На Орловых грудях изображен герб великого княжества Московского, который окружен гривною или чепью Ордина Святого Андрея. И есть сей герб таков, как следует. Поле красное, на котором изображен Святой Георгий с золотою короною, обращен он налево, он же одет, вооружен и сидит на коне, который убран своею збруею с седловою приправою с покрышкой и подтянут подпругами, а все то колера серебряного, или белого; оной святой Георгий держит копье в пасти, или во рту змия черного». При Александре II герб подвергся новому изменению специальной Гербовой комиссией Сената, когда и были утверждены большой, средний и малый Государственный герб с их описаниями и рисунками. По мере присоединения новых территорий содержание герба менялось за счет добавления и нового расположения титульных гербов.

В 1917 г. вместе с падением царской власти были уничтожены и ее символы. В марте 1917 г. для обсуждения вопроса о государственном гербе заседала комиссия по делам искусств во главе с А.М. Горьким с участием выдающихся художников А.Н. Бенуа, Н.К. Рериха, И.Я. Билибина. Комиссия не решилась предложить новый герб до созыва Учредительного собрания, но знаток древнерусского искусства и иллюстратор Билибин нарисовал герб для Временного правительства с двуглавым орлом и изображением Таврического дворца, где размещалась Государственная Дума. С самого начала суще-

ствования Советского государства началось создание новых символов с радикально новой идеологией. В марте 1918 г. появилась композиция «серп и молот», а в июле Пятый Всероссийский съезд советов принял закон «О гербе и флаге». С этого момента эмблема перекрещенных золотого серпа и молота стала основной фигурой в гербе СССР.

Большие споры ведутся в оценке советской символики, в которой, конечно, было очень много политики, но далеко не только политики. Лучшие художники из направления т.н. «Мир искусства», дизайнеры, архитекторы и скульпторы в первые революционные годы были вовлечены и с энтузиазмом работали над созданием пролетарской, социалистической символики, которая, конечно, затронула и государственные символы. При этом далеко не все было отвергнуто, а на последнем этапе существования СССР — многое было восстановлено. Как пишет Н.А. Соболева, «явное незнание истории возникновения государственных знаков Российской империи, их роли в становлении русской государственности вызвали негативную реакцию на возвращение двуглавого орла и трехцветного полосного флага, когда-то закрепленного в качестве российских символов великими государями нашего Отечества Иваном III Васильевичем и Петром I Алексеевичем. С другой стороны, столь же неадекватными выглядят безоговорочные охаивания советских символов и эмблем, получивших применение во многих государствах нашей планеты, прежде всего за счет привлекательности выражаемых ими идей»¹. Советские символы рождались не по конспирологическим сценариям заезжих революционеров. Они были результатом творческих осмыслений, в которых присутствовали и отсылки к отечественной и мировой истории. Достаточно сказать, что красный флаг появился в качестве революционного знака, но его корни уходят в глубокую древность. Еще древнерусские князья, начиная со Святослава в X в., использовали красные стяги на полях сражений и в разных церемониях. Военные красные стяги имелись и в других странах. В революционной Франции

¹ Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. С. 205.

красный цвет стал символом борьбы и крови. В России красные флаги с лозунгами против самодержавия и за свободу широко использовались в революции 1907-1907 гг. вместе с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». С февраля 1917 г. красные стяги, красные банты и ленты заполняли улицы и площади Петрограда и Москвы. Отныне красный цвет стал символом не только мировой революции, но и нового государства и новой жизни. Красное и прекрасное (красивое) слились воедино, а кроме государственного красного флага появилось обозначение этого цвета в определениях и названиях: от Красной Армии и кондитерской фабрики «Красный Октябрь» до названий газет и парфюмерии. Только в начале 1990-х гг. этот цвет потерял значение государственного и политического символа и сохранил свой статус в военном значении.

В символике советской России многое заимствовалось не только из наследия Французской революции, но и из античной культуры, в которой большевики стремились найти «старые», «вечные» символы для выражения ценностей общечеловеческого значения. К подобным символам можно отнести и пятилучевую звезду, которая сначала была символом рабоче-крестьянской Красной армии, а затем вошла в атрибутику Советского государства. Ее красный цвет обозначал кровь и жизнь, борьбу не на жизнь, а на смерть. Он соотносился с богом войны Марсом, и потому сначала красная звезда называлась «марсова звезда». Кстати, пятиконечная звезда применялась и в русской армии, а также была использована Временным правительством. С 1923 г. красная звезда обрела статус государственного знака, когда появился герб СССР.

Сам же государственный герб новой страны первоначально был установлен в 1918 г. со следующим описанием в статье 89 Конституции РСФСР: «Герб Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью: а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и б) Про-

летарии всех стран, соединяйтесь!». Более строгую с точки зрения геральдических канонов форму герб РСФСР получил в 1920 году. Окончательно новый герб был узаконен Конституцией РСФСР, принятой XII Всероссийским съездом Советов в 1925 году. Этот герб РСФСР просуществовал до 1993 года.

Исключительное разнообразие получила ранняя советская эмблематика, связанная с изображением серпа и молота. Рисунок герба и военного флага с этой эмблемой был сделан известным художником С.В. Чехониным, затем дорабатывался художником Н.А. Андреевым. Кстати, Чехонин был художественным руководителем Государственного фарфорового завода, а сделанная по его эскизам чайная посуда до сих пор продается в современных российских магазинах. Художник Андреев был автором знаменитого профильного портрета В.И. Ленина, который сопровождал советскую эмблематику на протяжении всего СССР и сохраняется до сих пор российскими коммунистами. Таким образом, при оценке ранней советской символики можно привести заключение Н.А. Соболевой, что «большевики не изобретали каких-то особых специфических эмблем, не использовали шокирующие или непонятные для масс знаки. Рационально подойдя к выбору знаков государственного суверенитета, они не сразу установили их “правильную” и окончательную форму». Наряду с идеологической наполненностью государственная символика апеллировала к архетипам и ожиданиям масс¹.

После распада СССР в 1991 г. и последовавших радикальных реформ и смены идеологических основ общественного строя использование старого герба с коммунистическими символами в стране с частной собственностью и рыночной экономикой несло в себе явное противоречие. В этой связи были разработаны новые государственные символы, а точнее — возрождены старые в новом исполнении. В 1993 г. Управлением геральдики Российского государственного архива был подготовлен новый рисунок герба. В качестве Государственного герба РФ предлагалось утвердить золотого двуглавого орла на красном поле, над голо-

¹ Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. С. 242.

Государственные флаг и Герб Российской Федерации

вами орла предлагалось дополнительно разместить три короны, а на груди орла — красный щит с изображением всадника, поражающего копьем дракона. После событий осенью 1993 г. работа над символами России продолжилась, и проект герба был предложен художником Е.И. Ухналевым. В декабре 1993 года вступило в действие Положение о Государственном гербе Российской Федерации, утвержденное Указом президента России «в целях восстановления исторической символики Российского государства и с учетом того, что Государственный герб РСФСР утратил свое символическое значение».

После многолетних обсуждений и споров, главным образом между коммунистами и демократически настроенными политиками, 25 декабря 2000 г. при Президенте В.В. Путине был принят Федеральный конституционный закон «О Государственном гербе Российской Федерации», подтвердивший герб образца 1993 года в качестве государственного и утвердивший

правила его использования. Описание в законе было установлено следующим образом: «Государственный герб Российской Федерации является официальным государственным символом Российской Федерации. Государственный герб Российской Федерации представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и — над ними — одной большой короной, соединенными лентой. В правой лапе орла — скипетр, в левой — держава. На груди орла, в красном щите, — серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьем черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона. Воспроизведение Государственного герба Российской Федерации допускается без геральдического щита (в виде главной фигуры — двуглавого орла с атрибутами, перечисленными в статье 1), а также в одноцветном варианте».

Три короны олицетворяют суверенитет как всей Российской Федерации, так и ее частей, субъектов Федерации. Скипетр с державой, которые двуглавый орел держит в лапах, символизируют государственную власть и единое государство. В щите на груди двуглавого орла изображен всадник, поражающий копьем дракона. Это изображение нередко ошибочно называют изображением Святого Великомученика и Победоносца Георгия и идентифицируют с гербом г. Москвы. Данное положение неверно. Всадник Государственного герба не является изображением Св. Георгия и отличается от герба г. Москвы: конь всадника Государственного герба стоит на трех ногах, имея одну переднюю ногу поднятой (в то время как конь московского всадника скачет — то есть опирается только на две задних ноги); — дракон Государственного герба опрокинут на спину и попран конем (в московском гербе дракон стоит на четырех лапах и оборачивается назад).

ГЛАВА 18

СТРАТЕГИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ О НАЦИИ

Существенные перемены в области национального строительства и этнонациональной политики начались с приходом к власти Президента В.В. Путина — сначала как главы Правительства с осени 1999 г., а затем как исполняющего обязанности (с 1 января 2000 г.) и избранного (с мая 2000 г.) Президента Российской Федерации. Новый курс обозначил поворот в сторону укрепления государственности, целостности и суверенитета страны, подавления очага вооруженного сепаратизма на Северном Кавказе и противодействия религиозному и другим формам экстремизма. В своем первом президентском послании Федеральному собранию В.В. Путин обозначил также проблему «Русского мира», т.е. поддержки и объединения российских зарубежных соотечественников и других людей и организаций, связанных с Россией, ее культурой и русским языком. Новые моменты были высказаны в отношении миграционной политики по части ее более строгого государственно-правового регулирования и интеграции мигрантов в принимающее их общество.

Одной из первых инициатив Президента была работа по приведению в соответствие с федеральной Конституцией конституционно-правовых актов субъектов Российской Федерации и прежде всего республиканских базовых правовых норм, которые еще сохраняли в себе положения эпохи «неограниченного суверенитета» и недостаточные гарантии прав граждан т.н. нетитульной национальности. Для решения этой задачи в 2000 г. была введена система семи федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента России и сетью федеральных инспекторов непосредственно в субъектах Федерации.

На протяжении ряда лет эта работа была выполнена через внесение поправок в республиканские конституции и законы, а также через другие механизмы. Федеральные округа сохраняются в системе государственно-административного устройства страны по сей день. В январе 2010 г. из Южного федерального округа был выделен Северокавказский федеральный округ с центром в г. Пятигорске, руководство которого сосредоточилось на осуществлении модернизационных проектов и подавлении вооруженной террористической деятельности в регионе. Важное место заняла работа по поддержке деятельности этнокультурных организаций и объединений, включая те, которые созданы диаспоральными сообществами и русским населением (казачеством)¹.

Еще одним шагом в сфере этнотерриториального устройства страны стал процесс укрупнения субъектов Федерации за счет слияния автономных национальных округов с более крупными областями и краями, куда они и входили в советское время. Этот шаг диктовался прежде всего экономическими факторами, а именно — необходимостью объединения ресурсов территорий для более успешного развития и улучшения социальных условий жизни населения. Объединение имело це-

¹ Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северокавказский регион). Ростов-на-Дону, 2008.

лью также уменьшить число субъектов Федерации, а следовательно, повысить эффективность управления. Меньше всего укрупнение субъектов преследовало цель лишить проживающие в автономных округах малочисленные народы атрибутов самоопределения, поддержки их традиционного хозяйства и культурно-языкового развития. Однако в ряде округов общественные активисты, в частности бурятские, этот процесс восприняли негативно. Всего было упразднено шесть автономных округов, и общее число субъектов Российской Федерации составило 83, из них 21 республика, одна автономная область и 4 автономных округа. В 2014 г. в число субъектов Федерации добавились Республика Крым и город Севастополь.

Для оптимизации государственно-административной структуры и повышения эффективности управления, а также в результате критики со стороны оппозиции была изменена система выборов глав субъектов Федерации, включая и президентов (глав) российских республик, которые до этого избирались на прямых выборах, а с 2004 г. стали утверждаться Президентом страны по представлению региональных законодательных органов. Следует отметить, что отмена прямых выборов не решила одну из важных задач — это устранение клановости и коррупции региональных властей. С июля 2012 г. страна вернулась к прежней системе выборности региональных лидеров. Однако для российских республик вопрос эффективного управления на демократических принципах остался одним из наиболее трудно решаемых.

В области этнонациональной политики также были сформулированы предложения по корректировке действовавшей Концепции государственной национальной политики. До этого национально-государственное строительство (нациестроительство) традиционно воспринималось только как поддержка этнических общностей (народов-наций), а не как утверждение надэтнической формы общероссийского самосознания, которое не исключает другие формы коллективной идентичности и солидарности. Однако и без обновления Концепции в ряде ежегодных посланий Президента Федеральному Собранию

и в официальных выступлениях Президента В.В. Путина было заявлено о понимании российского народа как многоэтничной гражданской нации и о необходимости достижения национального единства при сохранении этнического и религиозного разнообразия населения.

В 2004 г. на встрече в г. Казани по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений В.В. Путин заявил: «Сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас объединяет... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство»¹. В 2008 г. тогдашний Президент страны Д.А. Медведев сказал похожие слова, подтвердив линию высшего руководства страны на формирование общероссийской национальной идентичности: «Само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды... Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости»².

Это фундаментальное положение о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» отвечало не только обеспечению гражданского согласия в государстве, но является также единственно реализуемой формулой устройства многоэтничной страны. Новая идеология гражданского нациестроительства не означала отрицание или растворение российских национальностей (наций в эт-

¹ http://www.kremlin.ru/appears/2004/02/05/2116_types63374types63378_60337.shtml

² Выступление Д.А. Медведева 28 июня 2008 г. при открытии V Всемирного конгресса финно-угорских народов в г. Ханты _Мансийске (Источник: официальный сайт Президента Российской Федерации, HYPERLINK "<http://www.president.kremlin.ru/>" www.president.kremlin.ru)

ническом смысле слова) в якобы монокультурной общности под названием *российская нация*. Последняя понимается как *форма надэтнической гражданской идентичности россиян, которые представляют собой по историческому и культурному наследию и по современным лояльностям и патриотизму один российский народ*.

Для выученных советским обществознанием экспертов такой переход к более сложному пониманию «нации» показался попыткой вернуться к концепту *советского народа*, или, наоборот, забежать вперед без учета российской уникальности и традиционности. В связи с этим кризисом понимания, что есть Россия и ее народ, а также в связи с отторжением концепта гражданской нации и российскости как общенациональной идентичности, академические ученые, прежде всего социологи и этнологи, развернули исследования проблемы нации и российской идентичности. Несмотря на разные интерпретации и порою противоречивые данные, тем не менее выводы и разъяснения о процессе утверждения российской идентичности как доминирующей в сравнении с этнической или другими коллективными лояльностями, эти выводы были поддержаны многими влиятельными учеными и научными центрами. Авторитетные исследования и социологические опросы показали, что за два десятилетия XXI века среди коллективных идентичностей граждан страны на первое место вышла идентичность «Мы — россияне»¹. В стране прошли многочисленные конференции и форумы по проблеме российской нации. В 2007 г. был создан Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация», который стал издавать научный и общественно-политический журнал «Вестник российской нации».

¹ См.: Российская идентичность в условиях трансформаций. Под ред. М.К.Горшкова и Н.Е.Тихоновой. М.: Наука, 2005; Российская идентичность в Москве и регионах. Под ред. Л.М.Дробижевой. М.: Макс Пресс, 2009; Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. Под ред. В.А.Тишкова. М.: Наука, 2010; Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

КРИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА И ОТВЕТ ПРЕЗИДЕНТА

Однако консервативно-националистический тренд последних лет создал как бы дополнительные возможности противникам гражданской нации в России. В рамках этого тренда можно рассматривать выступления в наиболее популярных печатных изданиях и на телеканалах известных политологов-комментаторов с концептами «государствообразующей нации» и России как империи. Некоторые публицисты объявили о «полном провале проекта гражданской нации в России»¹. Как пишет М. Ремизов, «Россия действительно складывалась как союз народов. Но именно для того, чтобы этот союз был возможен, необходимо признание его основного субъекта — русских как государствообразующей нации. Противостоять этому признанию от имени прав меньшинств нет никаких оснований. Ведь их права уже максимально реализованы — в виде собственных государств, влиятельных лобби, культурных автономий. Осталось лишь дополнить всю эту “цветущую сложность” национальным самоопределением большинства. Рано или поздно это произойдет. Вопрос лишь в том, станет ли пространством самоопределения Российская Федерация или какая-то другая, пока неведомая страна нашего будущего»². Насчет того, какая будет страна у самоопределившегося русского большинства, высказался еще сто лет тому назад русский философ Г.П. Федотов: «Россия — не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. Если русские будут игнорировать их голоса, то останемся в одной Велikorоссии, т.е. России существовать не будет»³.

¹ См.: Ремизов М. Пять причин быть русскими // Эксперт. 2011. 12 сентября. № 36; Он же. Русский фарш // Аргументы и факты. 2011. 19 октября. № 42; Он же. «Почему русские никак не могут стать россиянами» // Комсомольская правда. 2011. 13 декабря.

² М. Ремизов. Пять причин быть русскими // Эксперт. 2011. 12 сентября. № 36.

³ Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб.: София, 1991. Т.2. С. 181.

В статье в «КП» была изложена выдуманная версия, что якобы до 2003 г. само слово «русский» находилось под запретом, а потом «у соотечественников как будто что-то лопнуло в сознании. Стало ясно, что наднациональный проект “Россияне” проваливается в бездну»¹. По мнению Ремизова, предложенная основа для нации в качестве общероссийского патриотизма не подходит, ибо она как идея имеет «наднациональный характер». Автором предлагалось строить нацию не в пределах государственных границ, поскольку «идея единой территориальной нации в существующих границах отсекает этих людей (имеются в виду русские за рубежом — В.Т.) от нашей общности, сужает наше пространство». Вместо лозунга «народов много — страна одна» Ремизов предложил лозунг «стран много — народ один», имея в виду необходимость объединения всех русских в странах бывшего СССР. Еще одна причина невозможности гражданской нации в России, это то, что «для существенной части нашего общества законы гор или законы шариата выше гражданских законов». По мнению Ремизова, наиболее приемлемый выбор для страны — это не идея территориальной целостности и конституционного порядка, а выбор в том, что «в центр государства ставим тысячелетний цивилизационный русский проект».

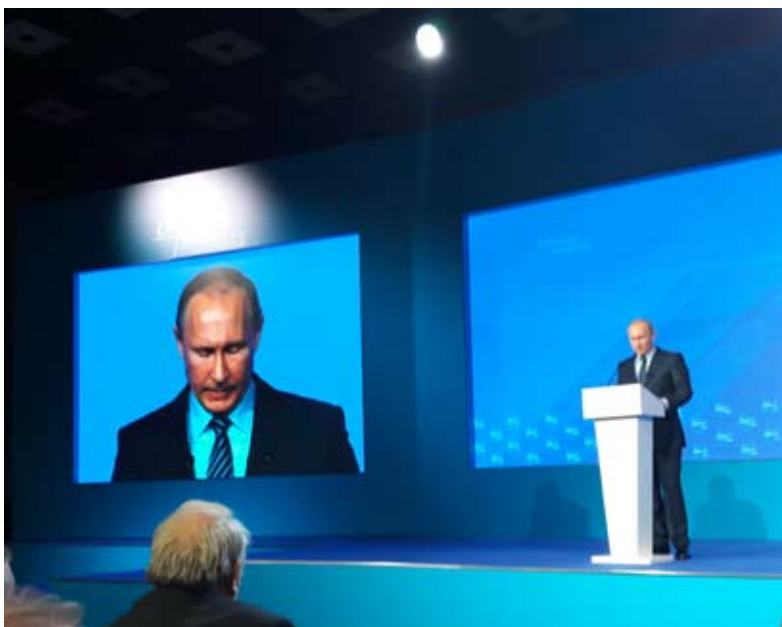
Еще более вызывающими и провокационными были многочисленные высказывания появившихся в большом числе на телеэкранах «экспертов» — националистов, которых до этого не особенно допускали на публичную арену. А здесь действительно как будто открылись шлюзы для таких публицистов, как Холмогоров, Крылов, Дугин, Речкалов и другие. Произносился все тот же набор ограниченных постулатов о «геноциде русских» и их «врагах», но этот набор оказывал свое воздействие на взгляды рядовых граждан. Эта атмосфера острой идеологической борьбы перекочевала и в президентскую кампанию. В кампании по выборам ставки были выше и искушение

¹ «Почему русские никак не могут стать россиянами» // Комсомольская правда. 13.12.2011.

прибегнуть к националистической аргументации значительно сильнее. Естественно, что основная борьба шла за этническое большинство, т.е. за голоса этнических русских и особенно тех из них, для кого защитные аргументы казались жизненно необходимыми. Таковых среди русского населения страны оказалось к концу 2011 г. много (по данным социологических служб, в начале 2012 г. более трети населения страны поддерживали лозунг «Россия для русских»).

Основной кандидат в президенты страны В.В. Путин одним из первых изложил свое видение вопроса в специальной статье в «Независимой газете», ибо, по его мнению, «для России — с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур — национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»¹. Путин дал оценку мировой и российской ситуации в области культурного и религиозного разнообразия и миграционных проблем. Он сформулировал несколько программных положений. Элементы противоречивости некоторых тезисов (например, о миграции, о наборе книг для чтения и другие) в статье присутствовали, и они были вызваны необходимостью включиться в избирательную борьбу за голоса русского большинства, а также быть в унисон с преобладающими массовыми настроениями. Этим и было вызвано его высказывание, что «русский народ является государствообразующим — по факту существования России». Но здесь же автор написал жесткие слова в адрес националистов: «Стержень, скрепляющий ткань этой уникальной цивилизации, — русский народ, русская культура. Вот как раз этот стержень разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России — под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение, о необходимости “завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа”. Чтобы в конечном счете заставить людей сво-

¹ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

Выступление Президента В.В. Путина на Примаковских чтениях в Москве, 2015 г.

ими руками уничтожить собственную Родину». Одним из самых важных положений статьи Путина была оценка праздника 4 ноября — Дня народного единства. Этот день есть праздник победы «над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народности осознали себя единой общностью. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации»¹. Окончательно свою позицию Путин обозначил за неделю до выборов, когда он собрал в московском Манеже своих доверенных лиц и руководителей выборных штабов, на котором обсуждался в том числе и «национальный вопрос». Тогда Путин сказал важные слова: «Нам вместе нужно найти нечто такое, что станет объединительным фактором для всей много-

¹ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

национальной, но единой российской нации. И я не вижу ничего другого, кроме патриотизма».

В заключение этого раздела повторим единственно приемлемую формулу для нашей страны: *Россия — это нация наций, и суть современной национальной политики становится двуединой. С одной стороны, это обеспечение национальных интересов российского народа внутри страны и на международной арене. С другой стороны, это сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных национальностей и религий.* Одно совсем не исключает другое, а, наоборот, возможно только в сложном единстве и при эффективном, демократическом управлении. Национальный вопрос и национальная политика в нашей стране прошли за последнюю четверть века непростой и полный драматических поворотов путь своего развития. Однако развитие шло в позитивном направлении, страна сохраняла свое многообразное единство, что говорит в целом об успешности этой политики. Несмотря на трагические конфликты и сохраняющиеся проблемы.

СТРАТЕГИЯ В ОБНОВЛЕННОМ ВАРИАНТЕ

Согласно правилу обязательного обновления документов государственного стратегического планирования (каждые 5 лет), 7 декабря 2018 г. был опубликован Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года». Чем же примечательна новая редакция Стратегии, если к ней подходить как к цельной презентации государственной доктрины? Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранения этнокультурной самобытности ее народов. Она основывается на принципах демократического федеративного государства. При этом в Стратегии учитывается многовековой опыт становления и развития

российской государственности, основанный на взаимодействии и сотрудничестве населяющих Российскую Федерацию народов. При наличии в стране противников концепции российской нации, а также отрицателей российского национально-го проекта в пользу православно-цивилизационного подхода, важно, что новая редакция Стратегии закрепила концепт российской нации, развивая содержание этого понятия и других базовых понятий, которые используются в документе.

Впервые в доктринальном документе о государственной национальной политике формулируются основные дефиниции, подготовленные по поручению Президента РФ Научным советом РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. В новой редакции Стратегии используются следующие основные понятия:

а) *государственная национальная политика Российской Федерации* — это система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, поддержку этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве;

б) *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* — сообщество свободных, равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием;

в) *гражданское единство* — основа российской нации, признание гражданами Российской Федерации суверенитета государства, его государственной целостности, единства правового пространства, этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, общегосударственного исторического и культурного наследия народов Российской

Федерации, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества;

г) *общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)* — осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества;

д) *межнациональные (межэтнические) отношения* — взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (разной этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации, оказывающих влияние на этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации и гражданское единство;

е) *национально-культурные потребности (этнокультурные потребности)* — потребности людей (групп людей) в самоидентификации, сохранении и развитии своих культуры и языка;

ж) *народы, национальности, этнические общности в Российской Федерации* — национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности людей, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность людей;

з) *этнокультурное и языковое многообразие* — совокупность всех этнических культур и языков народов Российской Федерации.

Включение в текст Стратегии раздела с основными понятиями было продиктовано тем, что обновленный язык государственной национальной политики, который в большей степени отражает российскую реальность и современное научное знание, далеко не всегда адекватно понимается «потребителями» Стратегии из числа госслужащих, медийных работников, общественных деятелей. Как показал опыт предыдущей редакции документа, где не было основных дефиниций, скры-

тые и явные противники и критики концептуального содержания Стратегии намеренно искажали ее основные положения. Больше всего споров было вокруг понятия «российская нация»: одни считали, что в России не может быть гражданской нации, поскольку еще нет настоящего гражданского общества, другие видели во введении этого понятия угрозу отмены всех других наций, их переделку в одну нацию наподобие советского народа.

Стратегия определила цели государственной национальной политики:

а) укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов;

б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации);

в) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии и других обстоятельств;

г) сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

д) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;

е) социальная и культурная адаптация иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество.

Раздел Стратегии, посвященный оценке состояния межнациональных отношений, изменился незначительно, но вокруг одного из его положений было больше всего эмоционального накала в ходе подготовки документа. Речь идет об оценке роли русского народа и русской культуры в истории российской государственности и их месте в современной России. Среди сторонников русского национализма поддерживается позиция о необходимости конституировать доминирую-

щий статус представителей этнического большинства, самого крупного народа Российской Федерации, и определить его место как государствообразующего народа. С этой позицией сталкивались также разработчики Концепции 1996 г. и первой редакции Стратегии 2012 г., но при этом они ограничились формулировкой о ведущей роли русского народа и русской культуры. В настоящем тексте Стратегии приведена следующая позиция по этому вопросу: «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь, коллективизм».

Важно, что в новую редакцию включено положение о содержании российской гражданской идентичности: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру».

За последнюю запись особенно ратовали сторонники цивилизационного подхода, которые видят Россию не как государство-нацию, а как государство-цивилизацию. Как мы уже писали в первых главах книги, понятие цивилизация широко используется в политике и в публицистике и страны с бога-

тым историко-культурным наследием, высоким современным статусом могут называть себя не только нациями, но и цивилизациями. Естественно, *имеется достаточно оснований говорить и о российской (или русской) цивилизации в ее культурном значении без противопоставления этого обозначения феномену полиэтничной российской нации*. В Стратегии найден баланс этих двух концептов при оценке российской государственно-сти, русского народа и русской культуры мирового значения. В то же время текст документа не допустил поверхностной риторики насчет «приоритета духовного над материальным», значимости «соборного коллективизма» и т. п.

Важным событием в эволюции национальной политики и в жизни Российского государства в целом стало принятие в 2020 г. в результате всенародного голосования поправок к действующей Конституции Российской Федерации. Прямое отношение к реализации государственной национальной политики имеют поправки в статье 68 Основного закона. Эта статья устанавливает, что «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Данная поправка имеет важное значение для выделения того определяющего влияния, которыми обладают русский язык и культура. В статье 68 также указано, что республики вправе устанавливать государственные языки наряду с русским и что народам России гарантируется право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития.

В новой редакции была изложена и статья 69 Конституции. В ней закреплена гарантия соблюдения прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации. Также в этой статье указано, что «государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия».

Таковы основные этапы формирования национальной политики в Российской Федерации. И если говорить о главном итоге последних десятилетий, полных научных поисков и дебатов, общественных обсуждений и политических решений, то можно сделать следующее заключение. *Общими усилиями политиков и ученых выработан единственно возможный вариант существования и развития нашей страны как полиэтничного и поликонфессионального государства на основе российско-го национального проекта и его основной формулы «единства в многообразии».* А вместе с этим понятие национальной политики, которая до этого понималась только как этническая политика, наполняется новым и более адекватным содержанием как политика национального строительства и обеспечения национальных интересов нашего народа как полиэтничной гражданской нации.

Таким образом, современное понимание национальной политики выходит за пределы этнонациональных проблем и включает в себя общенациональный проект развития России как государства-нации на основе признания и обеспечения единства полиэтничной российской нации. *Современная национальная политика — это политика обеспечения общенациональных интересов российского народа, среди которых главными являются благополучие, безопасность и развитие страны на основе равноправного и солидарного взаимодействия и сотрудничества всех россиян независимо от их этнической принадлежности и религиозных убеждений.*

Недавняя дискуссия вокруг преподавания родных языков в российских школах показала, насколько разнятся как языковые ситуации, так и политические решения в разных регионах и среди представителей разных народов России. Общей установкой для руководителей и специалистов в данной области должна быть не одержимость унификацией и понимание единства как «единственного» (учебника, подхода, правовой нормы и т.д.). Общей установкой должен быть принцип, что *признанное разнообразие и есть единство.* Очевидно, что в каждом конкретном случае нужны свои решения и особая программа

действий. Отсюда следует, что при общих принципах и целях Стратегии государственная национальная политика не может существовать в виде одновариантной политики и программы. Должен набираться набор стратегий, адаптированных к условиям регионов, этническому составу их населения, характеру межэтнических связей и т. д.

Адаптированные к местным условиям региональные стратегии не только не отрицают общие принципы и базовое содержание государственной национальной политики, но и предполагают их наличие. В противном случае государственные интересы могут быть принесены в жертву локальным интересам и стремлениям региональных политиков к получению политической выгоды за счет эксплуатации ресурса этничности. Вместе с тем государство не вправе навязывать этническим общностям ни этноцентричную модель развития, которая ведет к изоляции и обособлению этнического сообщества, ни ассимиляционную модель, которая вызывает противодействие и провоцирует конфликты. Однако идея культурной свободы должна быть акцентирована в концептуальных основах национальной политики. Очевидно, что государство не должно противодействовать добровольной ассимиляции в полиэтнических и динамично развивающихся сообществах. Гражданская интеграция, которая строится на идее общих культурных и политических ценностей, может быть успешно совмещена и с идеей культурного плюрализма, хотя активисты этнонациональных движений и некоторые исследователи воспринимают эти идеи как антагонистические. Между тем *негативный подход к интеграционной идее ведет к сегментации общества на этнические анклавы, разрушению общенационального единства и как следствие — к росту ксенофобии и расизма.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

30 марта 2021 г. прошло очередное заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, на котором основным вопросом стало обсуждение темы российской идентичности. В своей речи Президент В.В. Путин сказал, что «для успешного решения задач, которые стоят сегодня перед нашей страной, важны не только эффективная экономика и компетентное управление. Для огромной многонациональной России принципиальное, решающее, можно сказать, значение имеют солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее — то, что принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием». Президент высказался против противопоставления гражданской и этнической идентичности, считая такой подход некорректным, а для нашей страны абсолютно неприемлемым. «Человек может принадлежать к той или иной этнической группе, но страна у нас всех одна — большая Россия, — сказал он. — Это касается и национальных языков и обычаев. Наш общий, государственный русский язык, сформированные за века общие культурные, духовные ценности и традиции — все это укрепляет единство и силу России, обеспечивает наш суверенитет, независимость».

В подтверждение позитивного развития ситуации Президент привел пример, что более 80 процентов граждан Рос-

сии положительно оценивают состояние межнациональных отношений в стране. «Но эти вопросы требуют постоянной, я бы сказал каждодневной работы. И кроме того, мы понимаем, что они всегда были и остаются для людей очень личной, чрезвычайно чувствительной сферой. Поэтому хотел бы еще раз повторить: внимание к вопросам реализации национальной политики, особенно на местах, должно быть пристальным и постоянным, а действия — максимально деликатными, тактичными, корректными».

В предоставленном затем мне слове я сказал, само понятие «гражданская идентичность» сравнительно недавно появилось в отечественном научном и общественном языке. Его синонимом можно считать национальное самосознание. И это действительно прежде всего чувство сопричастности со страной и ответственности за нее, а наличие такого самосознания среди граждан обеспечивает легитимность Российского государства, народную солидарность и межэтническое согласие. Как показывают академические исследования, начиная с 2000-х гг., идет формирование российской идентичности как первостепенной среди других форм коллективной идентичности, а общероссийский патриотизм становится все более выраженным, гражданская консолидация — все крепче перед лицом попыток сдержать наше развитие.

В книге мы не приводили данные социологических исследований в качестве подтверждения нашей концепции, но в заключении основные выводы отечественных социологов есть смысл обнародовать¹. Социологи измеряли российскую гражданскую идентичность в массовом сознании россиян целым рядом всероссийских опросов. Это — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, который проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», опрос ООО «Де-

¹ Далее данные приводятся по: Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020, № 8. С. 37–50.

москоп» при участии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, выполненные в 2015–2018 гг., опрос Федерального агентства по делам национальностей России (ФАДН), проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2019 году. Всего было опрошено более 15 тыс. человек в 39 регионах Российской Федерации. Во всех случаях метод сбора данных был идентичным, а опросные листы содержали схожие вопросы. Полученные данные можно считать сопоставимыми и дополняющими друг друга.

Из них видно, что с 2005 по 2018 г. доля в той или иной степени ощущающих связь с гражданами России выросла с 65 до 79%. Из всех идентичностей российская оказалась самой динамичной в сравнении с этнической и региональной идентичностями. Согласно опросам Института социологии и ВЦИОМ, доля россиян с российской идентичностью к 2018 г. была еще выше — 84%. Наиболее заметно доля ощущающих себя гражданами России увеличилась к 2015 г. Связано это было не только с тем, что люди постепенно привыкали к новому очертанию границ страны, этническому составу населения, новым социальным отношениям. Имелась и другая причина: в российском политическом пространстве все чаще звучало «россияне», «мы — граждане России», «наше гражданское самосознание, идентичность». Российская идентичность актуализировалась к 2015 г. на волне т.н. Крымского консенсуса и осложнений межгосударственных отношений с другими странами. Не последнюю роль в стимулировании российской идентичности сыграли и международные спортивные соревнования, проводившиеся на территории России, в первую очередь Олимпиада в Сочи 2014 года и Чемпионат мира по футболу в 2018 году. Согласно опросам Института социологии и ВЦИОМ, во второй половине 2018 г. наблюдался спад общероссийской идентичности, вызванный пенсионной реформой. Тем не менее в ноябре 2019 г. исследование ФАДН-ВЦИОМ фиксирует российскую гражданскую идентичность у 91% россиян. Сказалась актуализация в информационном пространстве образа недружественных стран, способствовавшая усилению кон-

солидированных чувств россиян перед «другими». Также стали срабатывать идеологемы, распространенные в публичном пространстве: «мы — нация», «мы — единый народ». Тема единства нашего многонационального народа как объединяющей ценности не раз озвучивалась В.В. Путиным в его выступлениях 2018–2019 годы.

В итоге, судя по данным ФАДН-ВЦИОМ (2019 г.), российская идентичность не уступает по своей массовости национальной (этнической), региональной и локальной. Усиление связи с россиянами фиксировали также опросы Института социологии ФНИСЦ РАН 2017–2018 гг. Идентификация по этничности и интегрирующая страновая идентичность нередко и у нас, и за рубежом оцениваются как конкурирующие, но по российским данным они совмещаются, что подтверждает высказывание Президента по этому поводу. Данные Института социологии зафиксировали закономерность: нерусские, живущие в русской среде, стремятся во время опросов проявить больше лояльности государству и нередко идентифицируют себя россиянами более решительно. В то же время у национальностей, дающих название республикам, этническая идентичность обычно выше, чем у русских. Тем не менее российская идентичность в ряде республик — Башкортостане, Татарстане, Чувашии — в 2017–2018 гг. была не ниже показателей по России в целом. В опросе ФАДН-ВЦИОМ (2019 г.) значения всех идентичностей оказались одинаковыми среди русских и людей других национальностей, включая и связь с гражданами России, что еще раз подтвердило совместимость российской и этнической идентичностей.

Анализ контекста проводимых опросов показывает, что российская идентичность вырабатывается и утверждается главным образом через усилия интеллектуалов, политиков, общественных активистов, а также через окружающую социальную среду, включая деятельность проекты. В отличие от этнической принадлежности, которая может иметь сложный характер, общенациональная идентичность более определенная и более значимая, она подкрепляется правовыми и уставными нормами: это и присяги при получении гражданства, занятии высоких долж-

ностей, в армии, это и официальные документы, прежде всего национальные паспорта. В современном мире человеку важно ощущать свою принадлежность к народу, к стране, к государству. Люди без гражданства и без национальной идентичности считаются аномалией, и в России, слава богу, нет позорного явления апатридов, как и нет отказа от гражданства как явления.

В вопросе о российской идентичности важно понимать, что в сложной по составу населения России существуют две основные, не исключающие друг друга формы самосознания, — по стране и по своей этнической принадлежности: *я и русский, и россиянин*. Полезно подвести итог дебатам о соотношении русского и российского и ясно сказать, что *русское входит в российское, составляет его основу, однако именно российская идентичность и российский народ есть основополагающая категория нашей государственности. Без русского нет российского, но без российского нет России*.

Наконец, все крупные страны мира не снимают также с повестки своего государственного строительства идеи нации. Ситуация с пандемией показала, что гражданские нации с их суверенной государственностью не сходят с исторической арены, а обеспечивают фундаментальные запросы людей и защищают их от внутренних и внешних угроз, природных и техногенных катаклизмов. *Сегодня гражданский национализм как политика отстаивания национальных интересов в современном мире — это синоним патриотизма*. Он играл и продолжает играть важную роль в жизни государств. Именно таково подлинно научное видение мира, современных наций и России как одной из ведущих наций мира. Метафора страны как цивилизации важна, но представляется, что более строгая категория *нации-государства* важнее.

Историческая общность *российский народ* тем самым прошла через долгие и многие испытания. Созданное ею и принадлежащее ей государство под меняющимися названиями Российская империя — СССР — Российская Федерация (Россия) остается на мировой карте одним из самых сильных и влиятельных национальных государств. Можно по-разному называть наш народ и определять его как нечто особое в концерте

современных наций-государств, но одно остается неоспоримым — такая общность была и есть. В ее основе само государство с его территорией и ресурсами, общие прошлое и сохраняющаяся о нем историческая память, общие культура и язык, правовые и духовно-нравственные ценности. Это все те признаки, которыми во все времена и определяется категория *нации*.

Я начинал эту книгу полемикой с оппонентами, считающими невозможность осуществления национального проекта в России. Их аргументы сводились к положениям о несвоевременности или невозможности в России национального строительства на гражданской полиэтничной основе. В книге показано, в том числе и на примере других крупных полиэтничных государств, что это совсем не так и что вариант российского национального проекта есть единственной возможный вариант самообозначения нашей страны и ее народа. Кажется, наши оппоненты также приходят к этому выводу, ибо один из прошлых отрицателей пришел к выводу, что при наложении «российскости» и «русскости» последняя означает приглашение к ассимиляции, т.е. стать русскими. Но миллионы граждан России веками сохраняют свою идентичность и не идентифицируют себя как русских. В таком случае равенство и согласие в одном с русскими государстве всем остальным обеспечивает концепция российской нации¹. Этот вывод фактически повторяет сказанное век тому назад русским философом Г.П. Федотовым о необходимости расширения русского до российского во имя сохранения России. К этому трудно что-либо добавить.

За нами — учеными, писателями, публицистами — остается главная миссия просвещения российского народа об его истории и современной жизни, в которой сосуществуют, взаимодействуют и сохраняют свою страну люди разных национальностей, вероисповеданий, традиций и нравов, но остаются в то же самое время единым целым и суверенным сообществом среди других наций мира.

¹ Миллер А.И. *Нация, или могущество мифа*. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. С. 142.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. О ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДАХ И ИДЕОЛОГИИ	3
--	---

ЧАСТЬ I. ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И ТРИ ПРИМЕРА	21
---	----

Глава 1. Национализм и национальное государство	23
---	----

Глава 2. Нации-государства в историческом и глобальном контексте	39
---	----

Глава 3. Единство и многообразие Индии	55
--	----

Глава 4. Китайская нация или цивилизация?	69
---	----

Глава 5. Британскость и английскость в национальном проекте	84
--	----

ЧАСТЬ II. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РОССИИ	107
---	-----

Глава 6. Российская специфика: и русский, и российский	109
---	-----

Глава 7. Начала российской идентичности	117
---	-----

Глава 8. Национализм в пореформенной России	150
---	-----

Глава 9. Конец империи и национальный вопрос	164
--	-----

Глава 10. Советский проект	181
----------------------------------	-----

Глава 11. Великая победа и рождение советского народа	205
--	-----

Глава 12. Распад СССР и новая Россия	230
--	-----

ЧАСТЬ III. НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	257
---	-----

Глава 13. Этнокультурный облик россиян	259
--	-----

Глава 14. Религия в национальной жизни россиян	276
--	-----

Глава 15. Язык нации	306
----------------------------	-----

Глава 16. Национальная политика в Российской Федерации	343
---	-----

Глава 17. Национальные символы и ценности	359
---	-----

Глава 18. Стратегия гражданской нации	392
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	409
-------------------------	-----

Валерий Тишков
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ

Заведующая редакцией *М. Андрюкова*
 Ответственный редактор *М. Крымская*
 Технический редактор: *Н. Чернышева*
 Бильд-редактор: *О. Лесняк*
 Компьютерный верстальщик: *А. Грених*
 Дизайнер обложки: *А. Воробьев*
 Корректоры: *Л. Воробьева, М. Игнатова*

Фотоматериалы предоставлены Shutterstock/FOTODOM
 (Mikhail Markovskiy, Nina Alizada, NYC Russ)

Подписано в печать 17.02.2021. Формат 60х90/16 Усл.печ.л. 26.
 Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура HeliosCond.
 Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
 58.11.1 — книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2021 г.
 Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
 129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705,
 помещение I, этаж 7
 Наш электронный адрес: ask@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
 129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым, 705-бөлме,
 I-жай, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
 Интернет-магазин: www.book24.kz
 Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
 Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
 Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан:
 ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
 арыз-талаптарды қабылдаушының
 өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3а, литер Б, офис 1.
 Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
 Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей.
 Сертификация қарастырылмаған